

БОЛЬШИЕ ФФ КНИГИ

Гарри
Гаррисон

МОЛОТ И КРЕСТ
КРЕСТ И КОРОЛЬ
КОРОЛЬ
И ИМПЕРАТОР

« А З Б У Ж А »

Фантастика и фэнтези. Большие книги

Гарри Гаррисон

**Молот и крест. Крест и
король. Король и император**

«Азбука-Аттикус»

1993, 1994, 1997

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Гаррисон Г.

Молот и крест. Крест и король. Король и император
/ Г. Гаррисон — «Азбука-Аттикус», 1993, 1994,
1997 — (Фантастика и фэнтези. Большие книги)

ISBN 978-5-389-23758-2

Год 865-й. Британскими островами правят враждующие короли, а королями правит Церковь, беспощадно расправляясь со всеми, кто оспаривает ее власть. Только грозные викинги не страшатся христианских иерархов и крепко держатся за свою веру. Молодой кузнец Шеф, рожденный знатной английской пленницей от вождя разбойников-северян, волею судьбы – а может быть, волею языческих богов – становится врагом собственного народа. Таинственный наставник, являющийся в видениях, помогает ему создавать ранее невиданное оружие. Но этого мало, чтобы одерживать победу за победой; главные союзники Шефа – его отвага и изобретательность. Шеф собирает по крупицам собственное королевство и начинает тотальную войну – войну Молота и Креста.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-23758-2

© Гаррисон Г., 1993, 1994, 1997
© Азбука-Аттикус, 1993, 1994, 1997

Содержание

Молот и крест[1]	7
Книга 1	9
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	31
Глава 5	39
Глава 6	46
Глава 7	54
Глава 8	60
Глава 9	66
Глава 10	71
Глава 11	77
Книга 2	83
Глава 1	83
Глава 2	91
Глава 3	99
Глава 4	107
Глава 5	114
Глава 6	124
Глава 7	130
Глава 8	136
Глава 9	143
Глава 10	151
Глава 11	158
Книга 3	167
Глава 1	167
Глава 2	175
Глава 3	182
Глава 4	189
Глава 5	195
Конец ознакомительного фрагмента.	202

Гарри Гаррисон, Джон Холм Молот и крест. Крест и король. Король и император

Harry Harrison
THE HAMMER AND THE CROSS
Copyright © 1993 by Harry Harrison
ONE KING'S WAY
Copyright © 1994 by Harry Harrison
KING AND EMPEROR
Copyright © 1997 by Harry Harrison
All rights reserved

Published by permission of the Estate of the author via Igor Korzhenevskiy of Alexander Korzhenevski Agency (Russia).

Оформление обложки Татьяны Павловой
Иллюстрации в тексте и на обложке Виталия Еклериса

© В. Н. Гаврилов (наследник), перевод, 2023
© А. К. Смирнов, перевод, 2023
© В. В. Еклерис, иллюстрации, 2015
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

¹ Перевод А. Смирнова.

Молот и крест¹

Qui kredit in Filium, habet vitam aeternam; qui autem incredulus est Filio, non videbit vitam, sed ira Dei manet super eum.

Верующий в Сына имеет жизнь вечную; а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем.

Евангелие от Иоанна, 3: 36

Angusta est domus: utrosque tenere non poterit. Non vult rex celestis cum paganis et perditis nominatenus regibus communionem habere; quia rex ille aeternus regnat in caelis, ille paganus perditus plangit in inferno.

Дом тесен: ему не вместить обоих. Царь Небесный не хочет водиться с проклятыми и языческими так называемыми царями; ибо только один Вечный Царь правит на небесах, а остальные проклятые язычники стонут в аду.

Алкуин, дьякон из Йорка, 797 г.

Gravissima calamitas unquam supra Occidentem accidens erat religio Christiana.

Величайшее бедствие, выпавшее на долю Запада, – это христианство.

Гор Видал, 1987 г.

Книга 1

Трэлл

Глава 1

Северо-восточное побережье Англии, 865 г.

Весна. Рассвет на мысе Фламборо-Хед, где нагорье Йоркшир-Уолдс вдается в Северное море, как гигантский рыболовный крючок весом в миллионы тонн. Оно указывает на морской горизонт, напоминает о вечной угрозе, исходящей от северян. Теперь против этой напасти нехотя начали объединяться правители карликовых королевств, неверные и завистливые, хранящие память о давней вражде и кровавом следе, который протянулся за англами и саксами за те века, что миновали с их появления в здешних краях. Гордые разжигатели войны, что повергла Уэльс; благородные воины, которые – как рекут поэты – наследовали землю.

Тан Годвин ругался про себя, расхаживая вдоль частокола крепостицы, возведенной на самой оконечности Фламборо-Хеда. Весна! Быть может, в более счастливых краях прибавление дня и светлые вечера означают зелень, цветущие лютики и стада удоистых коров, тяжело бредущих в хлев. Здесь же, на высоте, они означают северо-восточные ветры и равноденственные шторма.

Позади Годвина выстроились в цепь кривые деревца, как повернувшиеся спиной к ветру люди, – каждое на несколько дюймов выше предыдущего; эти природные флюгеры указывали на истязаемое бурей море. С трех сторон как огромный и медлительный зверь шевелилась серая вода; волны закручивались и пластались под гнетом ветра, который утюжил даже могучие океанические валы. Серое море, серое небо да горизонт, изломанный волнами, и ни единой краски в мире, кроме тех, что проступают в россыпях брызг, когда буруны расшибаются о слоистые обрывы.

Годвин пробыл здесь так долго, что перестал слышать грохот ударов по скале и замечал их, только когда тучи брызг поднимались особенно высоко, так что вода пропитывала плащ с капюшоном и текла по лицу солеными каплями в отличие от пресных дождевых.

Да и какая разница, подумал он тупо. Все тот же холод. Можно вернуться в укрытие, расшвырять рабов и согреть у огня озябшие руки и ноги. В штормовые дни набегов не бывает. Викинги – лучшие моряки в мире, во всяком случае по их словам. Не нужно быть великим мореходом, чтобы понимать: в такую погоду лучше не высовываться.

Ветер дул с востока – нет, прикинул Годвин, с юго-востока. От Дании унесет будь здоров, но как удержать ладью, чтобы не повернула лагом? И как причаливать, если повезет доплыть? Нет, безнадежное дело. Он может спокойно посидеть у огня.

Тоскливо взглянув на хижину, курившуюся дымком, который мгновенно относило ветром, Годвин вернулся к своему занятию – хождению по настилу. Господин хорошо его вымуштровал. «Не рассуждай, Годвин, – сказал он. – Не думай, что нынче могут нагряться, а могут и не нагряться. Не воображай, будто утрата бдительности хоть на миг – пустяк. Пока длится день, оставайся на холме, смотри в оба глаза. Иначе однажды ты подумаешь одно, а какой-нибудь Стейн или Олаф подумает другое, и окажется на берегу, и углубится на двадцать миль до того, как мы его настигнем – если вообще настигнем. А это означает потерю сотни жизней и на сотню фунтов серебра, скота и сгоревших домов. И оброк не будут платить годами. Поэтому поглядывай, тан, иначе твои же поместья и пострадают».

Так высказался его господин Элла. А позади короля черным вороном сидел над своим пергаментом Эркенберт, и его гусиное перо скрипело, выводя загадочные черные закорючки, которых Годвин боялся больше, чем викингов. «Два месяца служения на Фламборо-Хеде тану Годвину, – возгласил он. – Нести дозор до третьего воскресенья после Ramis Palmarum»². Чуждые слова скрепили приказ.

Ему велели смотреть, и он будет смотреть. Но он не обязан стоять трезвым, как чопорная девственница. Повернувшись по ветру, Годвин крикнул рабам, чтоб живо несли горячий пряный эль, которого он потребовал еще полчаса назад. Один мгновенно выбежал с кожаной кружкой в руке. Годвин с глубоким неудовольствием следил, как раб просеменил к частоколу и начал взбираться по лестнице на дозорные мостки. Редкий болван. Годвин держал его из-за зорких глаз, но и только. Этого человека звали Мерла. Когда-то он был рыбаком. Потом случилась лютая зима, улова не было, и он задолжал своим лендлордам – черным монахам из монастыря Беверли, что в двадцати милях отсюда. Сперва он продал лодку, чтобы покрыть долги и прокормить жену и приплод. Потом, когда деньги кончились и есть стало нечего, пришлось продать семью человеку побогаче, а в итоге и самому продаться своим бывшим лендлордам. А те ссудили Мерлу Годвину. Чертов олух! Будь он человеком чести, проданся бы для начала сам и отдал деньги жениной родне, чтобы ее хоть взяли обратно. Будь он крепкого ума, продал бы первыми жену и детей, сохранив лодку. Тогда, глядишь, сумел бы выкупить их назад. Но у него ни ума, ни чести.

Годвин повернулся спиной к ветру и морю и придиричиво осмотрел полную кружку. По крайней мере, раб не прикладывался к ней. Вон как дрожит – сразу видно, что не посмел бы.

И на что же уставилась эта орясина через хозяйское плечо, разинув рот и тыча пальцем в сторону моря?

– Корабли! – возопил Мерла. – Викинги, в двух милях отсюда! Вот снова появились! Смотри, хозяин, смотри!

Годвин машинально развернулся; выругался, когда на рукав плеснуло кипятком, и вперился в тучи и дождь, куда указывал перст. Что там за точка, где облако сходится с волной? Нет, ничего. Или?.. Не рассмотреть толком. Там, вдали, волны вздымаются на двадцать футов – достаточно высоко, чтобы скрыть любой корабль, который пытается со спущенными парусами прорваться сквозь шторм.

– Я вижу их! – снова заблажил Мерла. – Два корабля, в кабельтове друг от друга!

– Лады?

– Нет, хозяин, кнорры.

Годвин швырнул кружку через плечо, свирепо впился в тощую руку раба железной хваткой и принялся бить его по лицу – ладонью, тылом кисти, промокшей кожаной перчаткой. Мерла хапал воздух и уворачивался, но не смел прикрыться.

– Говори по-английски, шлюхино отродье! И чтобы понятно было!

– Кнорр, хозяин. Это торговое судно. С глубокой осадкой, для груза. – Раб замялся, страшась и показать себя сведущим, и утаить знание. – Я отличаю по... форме носа. Это, хозяин, наверняка викинги. У нас таких судов нет.

Годвин снова уставился в море, чувствуя, как гнев отступает и сменяется ледящим комком в желудке. Сомнением. Ужасом.

– Слушай, Мерла, – прошептал он. – Мне надо знать точно. Если это викинги, я обязан созвать караулы со всего побережья, всех мужчин отсюда и до Бридлингтона. Правда, это сплошь керлы и рабы – известное дело. Если они оторвутся от своих женушек-гусынь, то невелика беда. Но я обязан сделать еще кое-что. Созвав дозорных, я отправлю гонцов в монастырь, что в Беверли, к монахам доброго Святого Иоанна – твоим господам, не забыл?

² Полностью Dominica in Ramis Palmarum – Вербное воскресенье (*лат.*).

Он выдержал паузу, отметив ужас в глазах Мерлы. Тот не забыл.

– А они вызовут конных рекрутов, танов Эллы. Не дело держать их здесь, ведь пираты могут прикинуться, что идут на Фламборо, а сами, покуда таны будут морить лошадей на болоте, обогнут Сперн-Хед и окажутся в двадцати милях отсюда. Поэтому конница остается на месте, чтобы броситься в любую сторону, откуда придет беда. Но если я ее вызову и она помчится через ветер и дождь по прихоти дурака... Особенно если какой-нибудь викинг прошмыгнет через Хамбер³, когда никто не будет смотреть... Тогда, Мерла, мне придется туго. – Годвин заговорил резче и вздернул заморыша-раба так, что у того ноги оторвались от земли. – Но ты, клянусь всемогущим Богом на небесах, будешь жалеть об этом до конца твоих дней. А он не замедлит наступить после порки, которую тебе зададут. Но если, Мерла, там все же викинги, а я по твоей милости не доложу о них... я верну тебя черным монахам и сообщу, что от тебя никакого толку. Ну, что скажешь? Викинги там или нет?

Раб снова обратился к морю перекошенное от напряжения лицо. Он подумал, что было бы мудрее молчать с самого начала. Какое ему дело до того, что викинги разграбят Фламборо, или Бридлингтон, или сам монастырь Беверли? Они не смогут закабалить Мерлу больше, чем есть. Быть может, заморские язычники окажутся лучшими господами, чем местные христиане. Но теперь поздно раздумывать об этом. Он хорошо видит кнорры, в отличие от подслеповатого хозяина, этой сухопутной крысы.

Мерла кивнул:

– Викинги, хозяин. Два судна. В двух милях от берега на юго-восток.

Годвин ушел, выкрикивая распоряжения, созывая рабов, требуя коня, рог и свой маленький строптивый отряд мобилизованных фрименов. Мерла выпрямился, медленно дошел до юго-западного угла частокола и осторожно выглянул. Буря на миг улеглась, и обзор улучшился. Он оценил набегавшие волны и лежащую в сотне ярдов от берега туманную желтую линию – длинную, очень длинную намывную отмель, тянувшуюся вдоль пустынного, напрочь лишённого гаваней английского побережья, открытого всем водам и ветрам.

Мерла снял с частокола пригоршню мха, подбросил и проследил за направлением полета. На его изможденном лице медленно проступила мрачная улыбка.

Викинги – великие мореплаватели, но им не повезло с подветренным берегом при убийственном шторме. Их дело пропащее, если только не уляжется ветер или не вмешаются языческие боги из Валгаллы. Тем, кто на кноррах, больше не видать ни Ютландии, ни Вика.

* * *

Спустя два часа пятьдесят мужчин собрались южнее Хеда на северном конце длинной-предлинной, без единой бухты, полоски суши, которая уходила к Сперн-Хеду и устью Хамбера. Они были снаряжены для боя: кожаные джеркины и шапки, копья, деревянные щиты; несколько плотницких топоров, которыми мастерили дома и лодки; там и тут виднелись саксы – короткие мечи, подарившие имя народу, населявшему юг. И только у Годвина были металлический шлем и кольчуга, а к поясу крепился меч с латунной рукоятью.

В обычном случае эти люди, входившие в береговую охрану Бридлингтона, не рискнули бы отражать атаку закаленных воинов Дании и Норвегии. Они пустились бы наутек, прихватив пожитки и жен. А после ждали бы конных рекрутов, танов Нортумбрии, которые по долгу вступят в бой, за что и раздадут им поместья и барские дома. Ждали бы в надежде поучаствовать в травле поверженного врага и разжиться трофеями. У англичан не было такой возможности со времен битвы при Окли. А та случилась четырнадцать лет назад, на юге, в чужом королевстве Уэссексе, где творились всякие чудеса.

³ Эстуарий рек Уз и Трент.

Тем не менее настроение людей, высматривавших кнорры, было спокойным и даже бодрым. В береговой охране почти все были рыбаками – знатоками Северного моря с его чудовищными приливами, непредсказуемыми течениями, туманами, штормами и вообще худшей погодой на свете. По мере того как прояснялось и корабли викингов безжалостно сносило к берегу, до каждого доходило то, что успел понять Мерла. Викинги обречены. Осталось лишь наблюдать за их тщетными попытками спастись. И не потерпят ли они крушение до того, как придут конные рекруты, вызванные Годвином несколькими часами раньше, – блистательные в своих доспехах, ярких плащах и с позолоченными мечами. После чего, как рассудили рыбаки, их шансы на достойную добычу будут ничтожны. Разве что запомнить место и после тайно пройти по нему железными крючьями?.. Те, что стояли в тылу, негромко переговаривались, время от времени звучали приглушенные смешки.

– Смотри, – объяснял деревенский рив⁴ Годвину, стоявшему в первом ряду, – ветер юго-восточный. Если поднимут парус, то смогут пойти на запад, север или юг. – Он быстро начертил на мокром песке. – Если на запад, то врежутся в нас. Если на север – в Хед. Понимаешь, коли им удастся миновать Хед, откроется путь на северо-запад, до самого Кливленда. Вот почему они пытались развернуться час назад. Уйти на несколько сот ярдов в море – и они спасены. Но они не знают о течении, а мы-то знаем. Оно дьявольски сильное, так и несет мимо Хеда. Они могут с тем же успехом грести своими... – Рив замолчал, боясь чересчур распустить язык.

– Почему они не идут на юг? – резко спросил Годвин.

– Пойдут. Они пробовали свернуть, пытались встать на якорь. Я думаю, их главный – его называют ярлом – понимает, что команда измучена. Ночка, поди, выдалась еще та. А утром ошалели, когда увидели, куда их занесло. – Рив покачал головой, испытывая некоторое профессиональное сочувствие.

– Не такие уж они хорошие моряки, – удовлетворенно заявил Годвин. – И Бог против них, проклятых язычников, осквернителей церквей.

Позади раздался возбужденный гул, помешавший риву сболтнуть лишнее. Оба оглянулись.

На тропе, тянувшейся за линией прилива, появился конный отряд в дюжину душ. «Рекруты? – подумал Годвин. – Таны из Беверли?» Нет, танам никак не поспеть. Небось, еще только седлают коней. Однако предводитель был из благородных. Здоровый, крепкий, белокурый, с ярко-синими глазами и статью человека, который никогда не возделывал землю ради пропитания. Под дорогой алой накидкой, на пряжках и на вершии меча сверкало золото. Рядом сидела в седле его уменьшенная младшая копия – несомненно, сын. А с другого боку еще один юнец – высокий, с воинской выправкой, но смуглый и бедно одетый: в рубаху и шерстяные портки. Грумы держали под уздцы коней полудюжины лучше вооруженных, опытных мужей – то была свита, личный отряд богатого тана.

Незнакомый вожак поднял пустую ладонь.

– Мы не знакомы, – сказал он. – Я Вульфгар, тан восточных англов короля Эдмунда.

Толпа зашумела – заинтересованно, но на грани враждебности.

– Вы спросите, что я тут делаю. – Он указал на берег. – Я ненавижу викингов. Знаю о них, как мало кто иной. И как мало кто иной сожалею об этом. На моей родине, в Норфолке за Ушем, я возглавляю береговую охрану по приказу короля Эдмунда. Но мне давно стало ясно, что нам не избавиться от этих подонков, покуда мы, англичане, сражаемся порознь. Я убедил в этом моего короля, и он снесся с вашим. Они условились, чтобы я поехал на север и побеседовал с мудрецами Беверли и Эофорвика насчет дальнейших действий. Сегодня ночью я заблудился, а утром встретил ваших посыльных, спешивших в Беверли. Я прибыл на помощь. – Он помолчал, затем осведомился: – Согласны ли вы?

⁴ Представитель английской королевской власти на местах; также управляющий средневековым имением.

Годвин медленно кивнул. Мало ли что наплел неотесанный рив – викинги могут добраться до берега. И если эта орда высадится, вооруженный отряд придется очень кстати.

– Добро пожаловать.

Вульфгар кивнул с подчеркнутым удовлетворением.

– Я один поспел вовремя, – заметил он.

В море же разыгрывался предпоследний акт драмы. Один кнорр обогнал другой на пятьдесят ярдов – команда либо устала, либо меньше слушалась шкипера. Теперь ей предстояло поплатиться за это. Судно развернуло, голая мачта страшно накренилась. Наблюдатели вдруг увидели, как желтая полоса подводной отмели очутилась за корпусом. Лежавший на палубе экипаж вмиг очутился на ногах и заполошно забегал, хватаясь за весла и тыча им за борт в попытке отвести судно и выгадать еще несколько минут жизни.

Слишком поздно. Поняв это, викинги издали отчаянный вопль, слабо донесшийся через воду; на берегу англичане вторили возбужденным гулом. Пошла волна, огромная, седьмой вал, который всегда выкатывается на берег дальше других. Внезапно кнорр вознесся на этом валу, накренился, и бочки, ящики вперемешку с людьми посыпались в подветренные шпигаты. Затем волна ушла, и кнорр звучно обрушился на плотный песок и гальку. Настил разлетелся, мачта запуталась в такелаже; на миг обозначился человек, отчаянно вцепившийся в узорный нос, имевший вид дракона. Потом все накрыла очередная волна, а когда схлынула, остались лишь плавающие обломки.

Рыбаки кивнули. Некоторые перекрестились. Добрый Господь рано или поздно подвергнет их той же участи, если уберезет от викингов. Они погибнут по-мужски, с холодной солью во рту, с кольцами в ушах – надо же расплатиться с милосердными незнакомцами за свое погребение. Теперь искушенному капитану осталось испробовать только одно.

Экипаж уцелевшего судна так и решил: не дожидаться гибели и прорываться на юг при ветре на траверзе, забирая по возможности на восток. За рулевым веслом вдруг возник человек. Даже за два фарлонга наблюдатели различили его рыжую бороду, ходившую ходуном, пока он яростно выкрикивал приказы, чьи отголоски далеко разлетались над водами. Люди держались за снасти, выжидая. Обрывок паруса взмыл, мгновенно поймал ветер и надулся. Судно неумолимо поволокло к берегу; последовали новые приказы, рея развернулась, и корпус накренился по ветру. Через несколько секунд кнорр прочно лег на новый курс, набирая скорость и широко рассекая воду; он мчался от Фламборо-Хеда по направлению к Сперн-Хеду.

– Уходят! – вскричал Годвин. – По коням!

Он отшвырнул груга, вскочил в седло и припустил галопом. Вульфгар, приезжий тан, отставал лишь на пару шагов, а свита обоих предводителей беспорядочно растянулась. Задержался только смуглый малый, прибывший с Вульфгаром.

– Ты не спешишь, – заметил он неподвижному риву. – Почему? Не хочешь их догонять?

Рив ослабился, нагнулся, взял щепотку песка и подбросил в воздух.

– Пусть попробуют спастись, – молвил он. – Больше-то делать нечего. Но далеко они не уйдут.

Повернувшись кругом, он велел двум десяткам мужчин остаться и осмотреть берег – нет ли среди обломков выживших. Другие двадцать снялись с места и устремились за танами. Остальные, сбившись в кучу, целеустремленно затрусили вдоль берега за уходившим судном.

Через несколько минут даже неопытным морякам стало ясно то, что рив понял сразу. Шкиперу викингов не суждено было выиграть в этой схватке. Он уже дважды пытался направить судно в море, и двое присоединились к рыжебородому у рулевого весла. Остальная команда разворачивала рею, покуда снасти не застонали на ветру. Оба же раза огромные волны беспощадно накатывали на носовую часть, крени и понуждая развернуться кнорр, и корпус дрожал от мощи враждебной стихии. И вновь шкипер пытался установить судно параллельно

береговой линии, прибавить ходу и сделать очередной рывок к спасительному морскому простору.

Но встал ли кнорр параллельно? Даже неискушенным Годвину и Вульфгару было теперь понятно, что положение изменилось: усилился ветер, окрепли волны и прибрежное течение не выпускало днище из своей хватки. Рыжебородый все правил веслом, все распоряжался о каком-то новом маневре, и «корабль кольцегрудый по равнине волн»⁵, как выразился скальд, по-прежнему продвигался вперед, но его нос поворачивался дюйм за дюймом и фут за футом, а желтая линия угрожающе приближалась, и было ясно, что вот-вот...

Удар. Только что кнорр несся стрелой, и вот он врезался носом в неподатливую гальку. Мачта миглом переломилась и рухнула вперед, задавив половину команды. Уложенные внакрой доски разошлись, впуская кипучее море. В мгновение ока судно раскрылось, как цветок. А потом исчезло; лишь обломки закачались на волнах, обозначив место, где оно только что было.

Рыбаки затрепетали от алчности: на сей раз крушение случилось довольно близко от берега! И голова видна среди мусора. Рыжая голова.

– Никак хочет выплыть? – спросил Вульфгар.

Теперь человека было хорошо видно. Он находился в пятидесяти ярдах, держался смирно и не пытался плыть, следя за огромными волнами, которые накатывали на берег, где разбивались вдребезги.

– Хочет попробовать, – ответил Годвин и дал людям знак, чтобы шли к воде. – Если сумеет, мы его схватим.

Рыжебородый решился и поплыл вперед, рассекая воду мощными взмахами рук. Он видел, что его настигает огромный вал. Вот море подняло викинга и швырнуло к берегу; он вытянулся на подъеме волны, словно надеялся воспарить и приземлиться, как невесомая белая пена, которая подобралась почти вплотную к кожаным сапогам танов. Десяток махов – и вот он здесь; наблюдатели запрокинули головы, следя, как пловец возносится на самый гребень. Затем волна, бежавшая впереди, отступила и пресекла его продвижение великим водоворотом песка и камня; гребень распался, низверг рычащего человека, покатило его, беспомощного. Отступая, вода потащила рыжего назад.

– Взять его! – заорал Годвин. – Шевелитесь, хороняки! Он вас пальцем не тронет!

Два рыбака бросились в волны, подхватили бородачу под руки и понесли. Викинг бесильно висел промеж них.

– Живой, – удивленно буркнул Вульфгар. – Я думал, волна сломала ему хребет.

Ноги рыжебородого коснулись земли. Он огляделся; увидел, что подступило восемьдесят человек, и вдруг оскалил белоснежные зубы.

– Надо же, какой прием, – хмыкнул бородачу.

Он повернулся, удерживаемый своими спасителями, уперся краем ступни одному в голень и приналег всем весом до упора. Рыбак взревел и выпустил мускулистую руку. Та моментально описала дугу, и пальцы погрузились в глазницы второго, который еще держал. Тот тоже завопил и упал на колени, между пальцами хлынула кровь. Викинг выхватил из-за пояса тесак, шагнул вперед, сграбастал ближайшего англичанина одной рукой и распорол его до горла другой. Когда товарищи рыбака с криками отшатнулись, викинг вцепился в копьё, метнул нож и выхватил из руки упавшего сакс. Сердце едва ударило десять раз с того мгновения, как ноги рыжего коснулись земли, а он уже в центре полукруга мужчин, которые пятились прочь, кроме тех двоих, что остались лежать.

Он вновь показал зубы, с диким хохотом запрокинув голову.

– Давайте! – воскликнул он гортанным голосом. – Я один, вас много. Сразитесь с Рагнаром. Кто самый смелый? Ты будешь первым? Или ты? – Он ткнул копьем в сторону Годвина

⁵ «Беовульф». Перев. В. Тихомирова.

и Вульфгара, которые теперь стояли отдельно, разинув рты, тогда как рыбаки продолжали отступать.

– Придется нам его успокоить, – пробормотал Годвин, извлекая меч. – Жаль, нет щита.

Вульфгар присоединился к нему, оттолкнув белокурого паренька, что стоял в шаге позади.

– Уйди, Альфгар. Мы обезоружим его, а деревенщина добьет.

Два англичанина шагнули с мечами наголо к викингу; осклабясь, тот поджидал по щиколотку в кровавой воде.

Затем вдруг устремился в атаку с быстротой остервеневшего вепря. Растерявшийся Вульфгар отпрянул и оступился. Викинг промахнулся левой рукой, но изготовил правую для убийственного удара.

Что-то свалило его с ног и потащило назад. Он отчаянно сопротивлялся, силился высвободить руку, кувыркаясь на мокром песке. Рыбацкая сеть. Рив и еще двое прыгнули вперед, ухватились за просмоленные веревки и затянули. Один выхватил из руки запутавшегося викинга сакс, второй что было силы топнул по пальцам, сжимавшим копье, сломал и кости, и древко. Беспомощного Рагнара спеленали быстро и ловко, как морскую собаку или сельдиевую акулу, после чего рыбаки выпрямились и стали ждать распоряжений.

Вульфгар переглянулся с Годвином и подошел хромя.

– Ну-ка, кого это мы выловили? – проворковал он. – Что-то подсказывает мне: это не простой скипер, которому изменила удача.

Он осмотрел и пощупал одеяние пленного.

– Козлиная шкура, – объявил Вульфгар. – Просмоленная козлиная шкура. Он назвался Рагнаром. Мы схватили самого Лодброка. Рагнара Мохнатые Штаны.

– Не нам с ним разбираться, – произнес Годвин среди общего молчания. – Нужно отправить его к королю Элле.

Вмешался смуглый малый – тот, что расспрашивал рива.

– К королю Элле? – переспросил он. – Я думал, Нортумбрией правит Озберт.

С утомленной учтивостью Годвин повернулся к Вульфгару.

– Не знаю, как вы воспитываете своих норфолкцев, – заметил он. – Но брякни такое мой человек, я вырвал бы ему язык. Конечно, если он не из твоей родни.

Костяшки пальцев Вульфгара побелели на рукояти меча.

* * *

В темной конюшне никто не мог видеть смуглого юношу. Он уткнулся лицом в седло и обмяк. Спина горела огнем, заскорузлая от крови шерстяная рубаха причиняла боль при каждом движении. Никогда еще его не избивали так сильно, а доставалось ему часто, очень часто – и ремнем пороли, и веревкой хлестали, перегнув через лошадиные ясли во дворе дома, который он называл своим.

Юноша знал, за что наказан: за слова о родстве. Он надеялся, что чужаки не слышали его воплей. Под конец парень лишился дара речи. Сохранилось мучительное воспоминание о том, как он выполз на божий свет. Затем долго ехал через Уолдс, пытаясь держаться прямо. Что хорошего в Эофорвике? Легендарный город, обитель давно ушедших, но по-прежнему загадочных римлян и их легионов, воспламенял его живое воображение больше, чем победные песни менестрелей. И вот он здесь, но все, чего ему хочется, – бежать.

Когда же он избавится от отцовской вины? От ненависти отчима?

Шеф взял себя в руки и потянул за тяжелые ремни, расстегивая подпругу. Он был уверен, что вскоре Вульфгар переведет его в настоящие рабы, с железным ошейником, и, презрев жалкие протесты матери, продаст на рынке в Тетфорде или Линкольне за приличные деньги.

В детстве Шефа тянуло к деревенской кузнице – там он скрывался от оскорблений и побоев. К тому же его привлекал огонь, да и нравилось помогать кузнецу – раздуть меха, держать клещи, лупить молотом по заготовке. Ковать свои собственные орудия. Собственный меч.

В рабстве обо всем этом придется забыть. Возможно, сейчас самое время податься в бега. Невольникам иногда удавалось скрыться. Чаще не удавалось.

Он снял седло и осмотрелся в незнакомой конюшне – куда бы положить? Дверь отворилась, впустила свет, за ним – свечу и знакомый холодный, пренебрежительный голос Альфгара.

– Еще не закончил? Бросай все, я пришлю грума. Отца призвали на совет с королем и важными особами. Ему нужен слуга, чтобы подливал эль. Мне это не с руки, а его свитские слишком горды. Ступай, живо. Тебя ждет королевский тан-камергер. Он скажет, что делать.

Шеф, слишком обессиленный, чтобы идти прямо, выбрался в сумерки весеннего вечера и поплелся во двор королевского дворца – величественного деревянного здания, построенного за старинным римским крепостным валом. И все же в сердце зародился жар волнения. Совет? Важные особы? Они будут решать судьбу пленника, могучего воина. Найдется что рассказать Годиве – такого в Эмнете не знает ни один умник.

– И помалкивай, – прошипели ему вслед из конюшни. – Иначе и впрямь останешься без языка. И еще запомни: сейчас король Нортумбрии – Элла. И ты не родня моему отцу.

Глава 2

– Итак, мы полагаем, что это Рагнар Лодброк? – обратился к совету король Элла. – Но не знаем наверняка.

Он свысока посмотрел на длинный стол, за которым расположилось с десятков мужей – все на низких стульях, за исключением самого короля, восседавшего на внушительном резном троне. Большинство было одето, как он или как Вульфгар, занявший место ошуюю Эллы: яркие цветастые плащи, которые защищали от сквозняков, проникавших через щели в затворенных ставнях и колебавших пламя просаленных факелов; золото и серебро на запястьях и крепких шеях; запоны, пряжки и тяжелые перевязи. Это была военная аристократия Нортумбрии, правители обширных земель на юге и востоке королевства – те самые люди, которые возвели на трон Эллу и свергли его соперника Озберта. Им было неудобно на стульях, как и любому, кто провел жизнь на ногах или в седле.

У противоположного края стола расположились еще четверо, как бы нарочно обособившись. Трое были одеты в черные сутаны с капюшонами, какие носили монахи-бенедиктинцы; четвертый был в пурпурно-белом епископском облачении. Они сидели непринужденно, навалившись на стол, готовые записать стилем на восковой табличке все, о чем пойдет речь, или же втайне поделиться друг с другом мыслями.

Ответить на королевский вопрос взялся Катред, начальник личной охраны.

– Мы не нашли никого, кто знал бы Рагнара в лицо, – сообщил он. – Все, кому выпало повстречаться с ним в бою, мертвы. Кроме примкнувшего к нам благородного тана короля Эдмунда, – учтиво добавил он. – Смерть этих людей не доказывает, что в наши руки угодил Рагнар Лодброк. Но я все же думаю, это он. Во-первых, пленник молчит. Я умею разговорить человека, и тот, кто упорно не раскрывает рта, не простой пират. Наш викинг явно считает себя важной птицей. Во-вторых, все сходится. Чем занимались эти разбойники? Они возвращались с юга; их снесло с курса; они много дней не видели ни солнца, ни звезд. Иначе такие мореходы – а бридлингтонский рив утверждает, что они знали свое дело, – не угодили бы в подобный переплет. И это были грузовые суда. А какие грузы возят на юг? Рабов. Там не нужны ни шерсть, ни меха, ни эль. Это были работорговцы, возвращавшиеся из южных краев. Наш забияка – работорговец с высоким положением, и это похоже на Рагнара. – Катред, утомленный своим ораторством, хорошенько приложился к кружке. – И есть еще одно обстоятельство,

которое вселяет в меня уверенность. Что нам известно о Рагнаре? – Он оглядел собравшихся. – Правильно: он негодяй.

– Этот негодяй осквернял церкви, – подал голос с конца стола архиепископ Вульфхер. – Насиловал монахинь. Похищал Христовых невест. Грехи, несомненно, изобличат его.

– Разумеется, – согласился Катред. – Но вот что я слышал о нем, и только о нем, а не обо всех осквернителях и насильниках, какие сыщутся в мире. Рагнар отлично умеет добывать сведения. Он похож на меня: мастер развязывать языки. А делает он это, насколько я знаю, вот как. – В голосе капитана обозначился профессиональный интерес. – Поймав кого-нибудь, Рагнар не толкует с ним, не спорит, а сразу выкальвает глаз. Затем, все так же без слов, нацеливается на второй. Если бедняге приходит на ум что-то важное для Рагнара, пока тот примеривается, то его счастье. Если нет – дело плохо. Говорят, этак Рагнар извел прорву людей, но кто считает деревенщину? Для изверга лишь бы сберечь время и силы.

– И в ходе дружеской беседы двух умельцев наш пленник признался, что разделяет этот взгляд? – Это заговорил черный монах, и голос был исполнен высокомерия.

– Нет. – Катред хлебнул еще эля. – Но я видел его ногти. Все коротко острижены. Кроме того, что на большом пальце правой руки. Этот с дюйм. Твердый, как сталь. Я прихватил его. – Капитан бросил на стол окровавленный ноготь.

– Значит, это Рагнар, – молвил король Элла в наступившей тишине. – Как мы поступим с ним?

Воины озадаченно переглянулись.

– То есть голову отрубить мало? – дерзнул спросить Катред. – Лучше повесить?

– Или хуже? – вставил другой нобль. – Обойтись, как с беглым рабом? Может быть, монахи... Что там была за история со святым... как бишь его? Которого на решетке поджарили? – Фантазия иссякла, и он умолк.

– У меня другая мысль, – сказал Элла. – Мы можем его отпустить.

Все оцепенели. Король подался вперед со своего трона, поочередно обращая ко всем живое лицо и острый взгляд.

– Подумайте. Почему я король? Я король потому, что Озберт... – Запретное имя вызвало оторопь у внимавших и ввергло в дрожь слугу с исполосованной спиной, стоявшего за Вульфгаром. – Потому что Озберт не сумел защитить королевство от набегов викингов. Он сделал то же, чем мы занимались всегда. Велел всем и каждому держать ухо востро и обороняться самостоятельно. И мы полчили десять кораблей, с которых высадились полчища, творившие в городе все, что им вздумается. Остальные города и приходы бездействовали и молили Господа об избавлении от лютой участи. А что сделал я? Вы знаете: я вернул всех дозорных, оставив только заставы; обзавелся конницей, разместил в важнейших местах верховых рекрутов. Теперь, если на нас нападут, мы в состоянии ответить, пока враг не углубится в страну, и преподать ему урок. Я думаю, что нужно действовать по-новому. Мы можем отпустить Рагнара. Предлагаю заключить с ним сделку: пускай отправляется восвояси и впредь держится подальше от Нортумбрии, а вместо себя оставит заложников. До их прибытия будем содержать его как высокого гостя, а после отошлем с богатыми подарками. Нам это обойдется недорого, сэкономим куда больше. К тому времени, когда его обменяют, он оправится от беседы с Катредом. Что скажете?

Воины переглядывались, удивленно вскидывая брови и качая головами.

– Может получиться, – буркнул Катред.

Вульфгар откашлялся с явным неудовольствием на побагровевшем лице, но заговорить не успел – вмешался черный монах:

– Милорд, так нельзя.

– Нельзя?

– Недопустимо. У вас есть и другой долг, помимо мирского. Наш преподобный отец и бывший брат архиепископ напомнил о гнусном разбое сего Рагнара. Злодейства, учиненные над нами как христианами и людьми, мы должны простить. Но за преступления, совершенные против Святой Церкви, мы обязаны отомстить со всем пылом наших сердец. Сколько храмов спалил этот Рагнар? Сколько мужчин и женщин угнал, дабы продать язычникам и хуже – последователям Магомета? Сколько драгоценных святынь уничтожил? И сколько похитил священных даров? Ты согрешишь против своей души, если простишь сии дела. Обречешь на вечные муки всех, кто сидит за этим столом. Нет, король, отдай его нам. Дай показать, какая кара уготовлена тем, кто оскорбляет Мать-Церковь. И когда вести об этом достигнут язычников, этих заморских разбойников, да узнают они, что десница Матери-Церкви настолько же тяжела, насколько бесконечна ее милость. Позволь нам посадить его в змеиную яму. Пусть разойдется молва о гадах короля Эллы.

Король совершенно растерялся. Не успел он открыть рот, как остальные монахи с архиепископом во главе выразили решительное согласие, а воины загудели, исполнившись удивления, любопытства и одобрения.

– Ни разу не видел, как человека сажают к змеям, – признался Вульфгар, сияя от счастья. – Вот чего заслуживает всякий викинг. Я так и передам моему королю и восхваляю мудрость и изобретательность короля Эллы.

Встал черный монах, державший речь, – грозный архидиакон Эркенберт.

– Змеи готовы. Доставьте к ним пленника. И пусть придут все – советники, воины, слуги, – дабы узреть гнев и отмщение короля Эллы и Матери-Церкви.

Совет поднялся, и Элла тоже встал; его лицо еще туманилось сомнением, но быстро прояснилось при виде единства подданных. Нобли потянулись к выходу, сзывая слуг, друзей, жен и подруг полюбоваться на нечто новенькое. Шеф, уже собравшийся пойти за отчимом, в последний миг оглянулся и увидел, что черные монахи остались у стола.

– Зачем ты это сказал? – негромко осведомился у архидиакона архиепископ Вульфхер. – Мы же платили викингам дань, не нанося вреда нашим бессмертным душам. Зачем ты заставил короля отправить Рагнара к змеям?

Монах полез в кошель и, повторив жест Катреда, бросил на стол какой-то предмет. Затем второй.

– Что это, милорд? – спросил он.

– Монета. Золотая. С образами нечестивых служителей Магомета!

– Ее изъяли у пленника.

– Ты хочешь сказать, в Рагнаре слишком много зла, чтобы оставить его в живых?

– Нет, милорд. Я спрашиваю про вторую монету.

– Это серебряное пенни. Видишь, на ней мое имя: Вульфхер. Монета отчеканена здесь, в Эофорвике.

Архидиакон вернул обе монеты в кошель.

– Прескверное пенни, милорд. Серебра мало, а свинца много. Но это все, что нынче может позволить себе Церковь. Наши рабы бегут, крестьяне не платят десятину. Даже нобли смеют платить нам сущие гроши. А кошельки язычников набиты золотом, похищенным у истинно верующих. Церковь в опасности, милорд. Конечно, мы выстоим, как бы ни было тяжело, и язычникам не сокрушить ее. Но плохи наши дела, если язычники и христиане поладят, ибо тогда им откроется, что мы не нужны. Нельзя допустить, чтобы они договорились.

На это кивнули все, даже архиепископ.

– Быть посему. Бросить его к гадам.

* * *

Змеиная яма представляла собой древний каменный резервуар, сохранившийся с римских времен; над ним спешно воздвигли хилую крышу, защиту от дождя. Монахи из Минстера – монастыря Святого Петра, что в Эофорвике, – пеклись о своих питомцах, блескучих гадах. По их многочисленным вотчинам в Нортумбрии все лето гулял приказ: ищите ядовитых тварей, выслеживайте в вересковых пустошах, где они греются на солнышке; несите сюда. Солидная скидка по ренте, солидная скидка по десятине за футовую змею, а за полуторафутовую – еще больше, и несоизмеримо щедрее – за старых гадов, уже обзаведшихся внуками. Недели не проходило без того, чтобы *custos viperaum* – хранитель змей – не получал корчащегося мешка, за содержимым которого любовно ухаживали, кормили лягушками и мышами, а также другими змеями, дабы росли. «Дракону не стать драконом, пока не отведаст сородича, – говаривал братьям змеевод. – То же, небось, и к нашим гадюкам относится».

Сейчас мирская братия расставляла по стенам каменного двора факелы, пламя которых разгоняло вечерние сумерки; вносила мешки с теплым песком и соломой для ямы, чтобы расшевелить и разозлить змей. И вот прибыл кастос, довольно улыбающийся и сопровождаемый артелью послушников, которые гордо – но и с опаской – несли шипящие жуткие кожаные мешки. Кастос брал их поочередно, показывал толпе, уже устроившей давку вокруг низкой стены резервуара, и медленно вываливал извивающихся обитателей в яму. Всякий раз он перемещался на пару шагов, чтобы змеи распределялись равномерно. Покончив с делом, кастос отступил на край прохода для знатных лиц, который оцепили крепкие ребята из личной охраны короля.

Наконец появились король, советники с телохранителями и в самой гуще – пленник. У воинов Севера существовало присловье: мужчина не должен хромать, пока ноги равной длины. Рагнар не хромал, и все же ему было трудно держаться прямо. Катред обошелся с ним сурово.

Дойдя до ямы, сильные мира отпрянули, и пленник увидел, что его ждет. Он оскалил сломанные зубы; запястья были стянуты за спиной, и дюжие стражи держали его за руки. Рагнар оставался в странном мохнатом одеянии из просмоленной козлиной шкуры, которому и был обязан прозвищем. К нему протолкнулся архидиакон Эркенберт.

– Это змеиная яма, – сообщил он.

– Орм-гарт, – поправил его Рагнар.

Духовное лицо перешло на простой английский, которым изъяснялось купечество:

– Имей в виду, у тебя есть выбор. Если станешь христианином, будешь жить. Рабом, конечно. Тогда никакого орм-гарта. Но ты должен принять христианство.

Викинг презрительно скривил рот. Он ответил на том же торговом языке:

– Вы жрецы. Знаю я вас. Говорите, я буду жить. Рабом, говорите. Как – не говорите, но я знаю. Ни глаз, ни языка. Жилы на ногах перерезаны, не ходить.

Он произнес нараспев:

– Я сражался тридцать зим, я всегда разил мечом. Четыреста мужей убил, тысячу женщин взял силой, много сжег монастырей, много приплода продал. Море слез пролилось из-за меня, я же сам никогда не лил слез. Вот я пришел к орм-гарту, как Гуннар, рожденный богом. Твори свое зло, пусть сверкающий гад ужалит меня в сердце. Я не попрошу милости. Я всегда разил мечом!

– Давайте живее! – рыкнул сзади Элла.

Стражи начали подталкивать пленника.

– Стойте! – вмешался Эркенберт. – Сперва свяжите ему ноги.

Рагнар не сопротивлялся; его туго связали, подтащили к краю, поставили на стену и – оглянувшись на толпу, которая напирала, но безмолвствовала, – столкнули. Он пролетел

несколько футов и грузно приземлился в самый змеиный клубок. Гады сразу зашипели, набросились.

Человек в мохнатой куртке и кожаных штанах расхохотался.

– Да им не прокусить, – раздался разочарованный голос. – Одежда слишком толстая.

– Могут укусить в лицо или руку, – возразил змеевод, обидевшись за своих питомцев.

Одна здоровенная гадюка и впрямь находилась в считанных дюймах от лица Рагнара, и они смотрели друг другу в глаза, и раздвоенный змеиный язык чуть не касался человеческого подбородка. Затянулась пауза.

Затем пленник вдруг раскрыл рот и резко двинул головой. Забились кольца, брызнула кровь; змея лишилась башки. Викинг снова зашелся смехом. И начал медленно перекачываться, помогая себе связанными руками и ногами.

– Он давит змей! – в панике заверещал кастос.

Разозлившийся Элла шагнул вперед и щелкнул пальцами.

– Ты и ты. У вас прочные сапоги. Полезайте и вытащите его. Я этого не забуду, – тихо добавил он расстроенному Эркенберту. – Ты выставил нас на посмешище. – И снова принялся отдавать распоряжения: – Развяжите ему руки и ноги, срежьте одежду и снова свяжите его. Вы двое, ступайте за горячей водой. Змеи любят тепло. Если мы согреем ему кожу, они потянутся. И вот еще что. Сейчас он замрет, чтобы помешать нам. Примотайте одну руку к туловищу и привяжите к другой веревку. Тогда мы его расшевелим.

Пленника вынули из ямы, раздели и снова связали; он между тем улыбался и молчал. На сей раз спуском руководил сам король, выбиравший место, где змеи скопились погуще. Те мигом поползли к человеческому телу, от которого на морозце шел пар, и начали свиваться в кольца поверх. Женщины и слуги восклицали, глядя с отвращением, как жирные гадюки скользят по голой коже северянина.

Затем король дернул за веревку, еще и еще. Рука задвигалась, гадюки зашипели; потревоженные напали, вкусили плоти, атаковали опять, наполняя тело лежащего ядом. Устрашенные зрители смотрели, как его лицо медленно, очень медленно меняется: распухает, синеет. Когда же глаза полезли из орбит, а язык распух, викинг снова заговорил:

– Gnythja mundu grisir ef galtar hag vissi.

– Что он сказал? – зашумели в толпе. – Что это значит?

«Я не знаю норвежского, – подумал Шеф, глядя со своего места. – Но мне понятно, что добра ждать не следует».

* * *

«Gnythja mundu grisir ef galtar hag vissi». Спустя недели и за сотни миль на восток эти слова звучали в памяти могучего человека, который стоял на носу ладьи, мягко скользившей к зеландскому берегу. Услышаны они были по чистой случайности. Говорил ли Рагнар сам с собой? Или знал, что кто-нибудь услышит, поймет и запомнит? Было крайне маловероятно, чтобы при английском дворе нашелся человек, знающий норвежский – по крайней мере, знающий достаточно, чтобы понять эту фразу. Но умирающим свойственны прозрения. Быть может, человек, стоя на пороге смерти, способен видеть будущее. Не исключено, Рагнар знал или догадывался, какое действие возымеет сказанное им.

Но если эти судьбоносные слова были из тех, что всегда найдут, кому их произнести, то они выбрали причудливый путь до ушей силача. В толпе, скопившейся вокруг орм-гарта, стояла женщина, наложница английского нобля, – лемман, как называют таких англичане. И до того, как господин приобрел ее на лондонском невольничьем рынке, она занималась тем же при дворе ирландского короля Мэла Сехнейла, где многие говорили по-норвежски. Она слышала викинга и поняла. Ей хватило ума не доложить господину, ибо глупые лемман не

доживали до лет, когда поблекла бы их красота; но она шепнула своему тайному любовнику – торговцу, отправлявшемуся на юг. Он передал эти слова команде судна. А в ней был беглый раб, в прошлом рыбак. Этот человек особо заинтересовался услышанным, так как был очевидцем пленения Рагнара на побережье. В Лондоне, сочтя себя в безопасности, раб сложил о поимке викинга историю, которую за кружку эля и ломоть ветчины рассказывал в прибрежных кабаках, где привечали всех, будь они англичанами или франками, фризами или датчанами, коль скоро их серебро было годным. И однажды притча достигла ушей северянина.

Раб был дураком, человеком без чести. Он видел в смерти Рагнара лишь необычное и забавное происшествие.

Бранд, великан из ладьи, увидел в ней гораздо больше. Поэтому он и принес новости.

Сейчас лодка скользила по длинному фьорду, направляясь к равнинной изобильной Зеландии – самому восточному из датских островов. Ветра не было; парус на рее был уложен, и тридцать гребцов вздымали весла ровно, без спешки, в манере опытных мореходов; рябь, порожденная их продвижением через морскую гладь, добежала до берега, лаская песок. В пышных лугах бродили коровы; вдалеке раскинулись густые посеы ржи.

Бранд понимал, сколь обманчивы эти идиллические картины. Он пребывал в покойном центре величайшей северной бури, и мир обеспечивался лишь сотнями миль истерзанного войной моря и пылающим побережьем. По пути сюда его трижды остановил морской патруль – тяжелые военные суда, не предназначенные для открытых морей и набитые людьми под завязку. Бранда пропускали, наблюдая с веселым интересом: занятно же посмотреть на человека, испытывающего судьбу. Даже сейчас следом шли два корабля вдвое больше его ладьи – чтобы не улизнул. И он, и его команда знали, что худшее впереди.

Позади кормчий передал кому-то рулевое весло и поспешил в носовую часть. Он постоял за спиной шкипера, едва достававшего великану до лопатки, после чего заговорил – негромко, чтобы не подслушали даже ближайшие гребцы.

– Ты знаешь, что я не из тех, кто спорит с решениями. Но раз мы здесь и засунули свое естество в самое осиное гнездо, то, может быть, скажешь зачем?

– Коль скоро ты до сих пор не спрашивал, – ответил Бранд так же тихо, – я назову три причины на выбор. Первая: мы можем покрыть себя неувядающей славой. Сочинители саг и поэты будут рассказывать об этом вплоть до Последнего Дня, когда боги сразятся с гигантами и в мир сойдет выводок Локи.

Кормчий усмехнулся:

– Ты славен и без того, первый среди мужей Холугаланда. А люди говорят, что с выводком Локи мы и так встретимся. Уж с одним из этого выводка – точно.

– Тогда вот тебе вторая причина: человек, который поведал нам эту историю, – бывший раб, сбежавший от христианских монахов. Ты видел спину этого несчастного? Его хозяева заслуживают всех скорбей мира, и я могу их насладь.

На сей раз кормчий громко, но почтительно рассмеялся:

– Ты видел хоть раз человека, уцелевшего после беседы с Рагнаром? А мы направляемся к тем, кто еще хуже. Особенно один. Пожалуй, он и монахи Христа достойны друг друга. Хорошо, что же еще?

– Стейнвульф, я назову тебе третью причину. – Бранд бережно приподнял висевший у него на шее серебряный амулет и снова уложил поверх котты: то был двуглавый молот с короткой рукоятью. – Меня попросили об этом под видом услуги.

– Кто попросил?

– Тот, кого мы оба знаем. Во имя того, кто явится с севера.

– Ах вот как. Что ж, для нас двоих это неплохо. Может быть, и для всех. Но я собираюсь кое-что предпринять, пока мы не слишком приблизились к берегу.

С этими словами кормчий демонстративно спрятал под котту собственный амулет и поднял ворот так, чтобы исчезла цепочка.

Бранд медленно сделал то же самое, повернувшись к экипажу. Устойчивый ритм работы весел мгновенно нарушился. Гребцы попрятали свои амулеты. Затем плеск возобновился.

Впереди уже виднелся мол, на котором сидели и ходили люди; они не смотрели на приближавшуюся боевую ладью и выказывали полнейшее безразличие. Дальше вздымалось огромное здание – «дракон-холл», похожий на перевернутое судно; позади и вокруг него теснились сараи, ночлежки, роульсы, лодочные доки, кузницы, лавки, канатные мастерские, загоны для скота и рабов. Здесь было сердце морской империи, обитель мужей, готовых осаждать королевства; временное пристанище воинов-бродяг.

Человек, сидевший на самой оконечности мыса, поднялся, зевнул, от души потянулся и глянул в другую сторону.

Опасность. Бранд повернулся, чтобы командовать. Двое его людей, стоявших у фалов, вознесли на мачту щит со свеженамалеванным белым символом мира. Еще двое бросились вперед, ослабили на носовых нагелях оскаленную драконью голову, осторожно отвернули ее от берега и укутали холстиной.

На берег вдруг высыпали еще люди; теперь все смотрели на ладью. Они не приветствовали гостей, но Бранд знал: если бы он пренебрег церемонией, прием оказался бы совершенно другим. При мысли о том, что могло случиться – что все еще может случиться, – у Бранда противно засосало внизу живота, как будто его мужское достоинство пыталось втянуться внутрь. Боясь выдать свою слабость, он отвернулся от берега. Едва он покинул колыбель, ему твердили: «Никогда не показывай страх. Никогда не показывай боль». Он ставил это правило превыше жизни.

Знал Бранд и то, что неуверенность сейчас крайне опасна. Он собирался раздражить грозных хозяев, вовлечь их в свою игру и не просить, а дерзко требовать.

Он намеревался действовать столь возмутительно и при таком скоплении народа, что хозяевам ничего другого не останется, как принять вызов. Сей план не допускал полумер.

Когда ладья ткнулась в мол, взлетели канаты; они были пойманы и намотаны на швартовые тумбы с прежней нарочитой беспечностью. Со своего возвышения в ладью смотрел мужчина. Будь дело в торговом порту, он бы спросил, что за груз, как зовут владельца и откуда прибыло судно. Но он лишь вопросительно поднял бровь.

– Бранд. Из Англии.

– Мало ли на свете Брандов.

Два члена экипажа, повинуясь знаку шкипера, перебросили на мол сходни. Бранд сошел, заткнув большие пальцы за пояс, и остановился перед начальником порта. Теперь уже он смотрел свысока. Весьма свысока. Он с удовольствием отметил, как дрогнул взор хозяина порта, когда тот, сам не будучи из мелких, оценил массивную фигуру Бранда и осознал, что проигрывает, по крайней мере один на один.

– Иногда меня называют Вига-Брандом. Я из норвежского Холугаланда, где народ покрупнее датчан.

– Убийца Бранд. Я о тебе слышал. Но и здесь хватает убийц. Для теплого приема одного имени мало.

– Я привез новости. Новости для братьев по крови.

– Лучше бы им оказаться важными, этим новостям, коль скоро ты беспокоишь братьев по крови, являясь без приглашения и пропуска.

– Новости важные. – Бранд посмотрел начальнику порта в глаза. – Приходи и послушай сам. И людей позови. Любой, кто не потрудится меня выслушать, будет проклинать себя за лень до конца своих дней. Но если вам всем дружно приспичило в отхожее место, то я, конечно, не помешаю вам спустить штаны.

Бранд покинул собеседника и молча пошел на столб дыма, поднимавшийся из внушительного «длинного дома», обители благородных сородичей – места, которого не видал ни один враг – а если и видал, то не мог об этом рассказать, поскольку не остался в живых. Это был сам Бретраборг. Команда сошла с ладьи и безмолвно последовала за Брандом.

Наконец губы начальника порта искривились в улыбке. Он подал знак, и его люди разошлись, прихватив припрятанные копыя и луки. На заставе, что находилась в двух милях, спустили флаг.

Многочисленные ставни были распахнуты настежь, и зал заливало светом, но Бранд, когда вошел, помедлил, чтобы приспособиться к освещению, осмотреться и уловить настрой собравшихся. Он знал, что сцена будет описана в песнях и сагах – если толково сыграть. Через несколько минут он либо прославит себя в веках, либо встретит лютую смерть.

В зале было полно людей, которые сидели, стояли, бродили, развлекались играми. Никто не взглянул ни на Бранда, ни на его свиту, молча просочившуюся следом. Но великан знал, что его присутствие замечено. Когда глаза попривыкли, он понял, что в зале не соблюдают чинов – напротив, тщательно притворяются, что все воины, все истинные дренгиры равны. Однако людские скопления неуловимо тяготели к единому центру. На другом конце зала был пятачок, куда никто не осмеливался ступить. Там расположились четыре человека, и казалось, они целиком поглощены своими делами.

Бранд направился к ним, и в наступившей тишине звучал лишь топот его мягких моряцких сапог.

– Приветствую! – сказал он четверке, повысив голос, чтобы слышали столпившиеся кругом. – Я привез новость для сыновей Рагнара.

Один оглянулся, продолжая обрабатывать ногти ножом:

– Должно быть, это серьезная новость, раз человек явился в Бретраборг без приглашения и пропуска.

– Так и есть. – Бранд набрал в грудь воздуха и выровнял дыхание. – Ибо это новость о смерти Рагнара.

Теперь тишина стала полной. Человек, обратившийся к Бранду, остался верен своему занятию. Брызнула кровь из рассеченного до кости пальца. Мужчина не шелохнулся и не издал ни звука.

Заговорил второй – могучий, широкоплечий, с сединой в волосах. Одновременно он взялся за шашку, чтобы сделать ход.

– Так расскажи нам, – молвил он, тщательно выверив голос и постаравшись не выдать постыдных для мужчины чувств. – Как умер наш престарелый отец Рагнар? Ибо он был в годах, и его смерти не приходится удивляться.

– Все началось на берегу Англии, где он потерпел крушение. Как я слышал, его схватили люди короля Эллы.

Бранд чуть изменил тон, не то подыгрывая притворной невозмутимости второго Рагнарсона, не то насмехаясь над ней.

– Не думаю, что Рагнар причинил много хлопот врагам, поскольку, как ты сказал, он уже был в годах. Возможно, он не сопротивлялся.

Седой так и держал шашку, все сильнее сжимая ее пальцами. Из-под ногтей выступила кровь и капнула на доску. Он поставил кругляш, передвинул его раз, другой, убрал побитые.

– Ем твои шашки, Ивар, – произнес он.

Заговорил его противник, с волосами почти белоснежными; они были отведены от бледного лица и перевязаны льняной лентой. Ивар посмотрел на Бранда бесцветными, как лед, немигающими глазами:

– Что они сделали с Рагнаром, когда захватили?

Бранд старательно выдержал этот взгляд. Он пожал плечами, по-прежнему изображая беспечность:

– Его доставили в Эофорвик, ко двору короля Эллы. Дело считали пустячным, потому что Рагнара приняли за простого пирата, не имевшего никакой ценности. Наверное, задали ему пару вопросов, немного позабавились с ним. А после решили, что можно и прикончить.

Бранд в мертвой тишине изучил свои ногти, понимая, что его глумление над Рагнарссонами достигло опасной черты. Он снова пожал плечами:

– В общем, его отдали служителям Христа. Наверное, сочли недостойным смерти от руки воина.

К щекам бледного мужчины прихлынула кровь. Казалось, он сейчас задохнется. Румянец загустел, и вот лицо стало алым. Ивар начал раскачиваться на стуле, в горле у него заклокотало. Глаза выпучились, алый цвет сменился лиловым, который выглядел в освещении зала чуть ли не черным. Качание постепенно прекратилось; было похоже, что он одержал победу в каком-то внутреннем поединке. Затих кашель, а на лице восстановилась жуткая бледность.

Четвертый человек, маячивший подле братьев и наблюдавший за игрой, опирался на копьё. Он до сих пор стоял неподвижно, не говоря ни слова и держа очи долу. Теперь он медленно поднял взгляд и посмотрел на Бранда. Дюжий вестник впервые содрогнулся. В этих глазах было нечто, о чем он слышал, но не верил: поразительно черные зрачки с белым, как первый снег, кольцом радужной оболочки; чернота же была кромешной, как краска на умбоне щита. Глаза блестели, точно металл в лунном свете.

– И как же убили старика король Эллы и Христовы жрецы? – спросил четвертый Рагнарссон, и его голос был тих, почти ласков. – Наверное, ты скажешь, что это не составило большого труда.

Бранд ответил со всей откровенностью, решив больше не лезть на рожон:

– Его бросили в змеиную яму, в гадов двор, орм-гарт. Насколько я понял, возникли известные трудности – сначала змеи не хотели кусать Рагнара, а потом он сам пустил в ход зубы. Но его все-таки изжалили, и он умер. Это была медленная смерть. Без единой боевой отметины, которой можно гордиться в Валгалле.

На лице человека с диковинными глазами не дрогнул ни один мускул. Наступила долгая пауза; общество напряженно ждало любого отклика – а лучше всего, если бы он выказал, как его братья, нехватку самообладания. Этого не произошло. Он наконец выпрямился и бросил копьё, на которое опирался, ближайшему зрителю, после чего засунул за пояс большие пальцы и приготовился держать речь.

Тот самый зритель крикнул от удивления, и все взоры приковались к нему. Он молча воздел прочное ясеновое копьё, на котором остались вмятины от пальцев Рагнарссона. По залу разнесся удовлетворенный гул.

Бранд воспользовался моментом и вмешался, не дав человеку с диковинными глазами заговорить. Он со значением дернул ус и заметил:

– Было еще кое-что.

– Да? Что же?

– Когда змеи искусали Рагнара, тот, умирая, заговорил. Его, конечно, не поняли, ибо он говорил на нашем языке, на *þorrcent mál*⁶, но кто-то услышал, разнес, и мне посчастливилось узнать его слова. Вы правы, у меня нет ни приглашения, ни пропуска, но я счел узнанное достаточно важным.

– Так что же он сказал, наш умирающий старик?

Бранд повысил голос так, что тот заполнил весь зал – подобно голосу герольда, оглашающему указ.

⁶ Букв.: северная речь (ст. – норв.).

– Он сказал: «Gnythja mundu grisir ef galtar hag vissi».

На этот раз переводить не пришлось. Слова Рагнара были понятны всему залу. «То-то расхрюкаются поросята, когда узнают, как умер старый вепрь».

– Вот почему я прибыл без приглашения, – объявил Бранд все так же громко и дерзко. – Хотя меня предупредили, что это опасно. Мне нравится хрюканье, и я отправился уведомить поросят. Как я понял, поросята – это вы. Ты, Хальвдан Рагнарссон, – кивнул он мужчине с ножом. – Ты, Убби Рагнарссон, – первому игроку. – Ты, Ивар Рагнарссон, известный своими снежными волосами. И ты, Сигурд Рагнарссон. Теперь мне ясно, почему тебя кличут *Orm-i-Auga* – Змеиный Глаз. Вряд ли вам понравилась моя новость. Но я надеюсь, что вы согласитесь: ее следовало принести.

Теперь все четверо были на ногах, развернулись к нему, и всякое напускное безразличие улетучилось. Они кивали, впитывая его слова. Не меняя выражения лиц, они заулыбались, впервые представ единой семьей, братьями, сыновьями одного человека. Они оскалили зубы.

В те времена монахи молились: «*Domine, libera nos a furore normannorum*» – «Избавь нас, Господи, от гнева норманнов». При виде этих лиц любой разумный монах не замедлил бы добавить: «*Sed praesere, domine, a humore eorum*» – «Но тем паче, Господи, избавь нас от их веселья».

– Да, эту новость следовало до нас донести, – сказал Змеиный Глаз, – и мы благодарны тебе. Сначала мы решили, что ты не говоришь всей правды, и потому могли показаться недовольными. Но то, что ты сообщил в конце, – о да, это речь нашего отца. Он знал: кто-нибудь услышит. Он знал: кто-нибудь передаст нам. И знал, как мы поступим. Согласны, ребята?

Был подан знак, и кто-то выкатил вперед здоровенную дубовую колоду. Совместный рывок четырех братьев – и чурка прочно утвердилась стоймя. Дети Рагнара сошлись над ней лицом к своим людям, и каждый поставил на колоду ногу. Они заговорили дружно, как требовал ритуал:

– Вот попираем колоду и хвалимся, что мы...

– ...пойдем на Англию мстить за нашего отца, – сказал Хальвдан.

– ...захватим короля Эллу и замучаем насмерть за гибель Рагнара, – пообещал Убби.

– ...поразим всех королев английских и покорим их страну, – поклялся Сигурд Змеиный Глаз.

– ...обрушим мщение на черных воронов, Христовых жрецов, которые подсказали про орм-гарт, – добавил Ивар.

Они закончили хором:

– А если мы отступимся от этих слов, то пусть нас отвергнут с презрением боги Асгарда и пусть мы никогда не примкнем к нашему отцу и предкам в их обители.

Когда они договорили, прокопченные балки «длинного дома» содрогнулись под ревом четырехсот глоток – ярлы, нобли, шкиперы и кормчие всего пиратского флота бурно выражали одобрение. Окрест простолюдины повысыпали из своих лачуг и ночлежек, пихая друг дружку в волнении и предвкушении, – они узнали, что судьбоносное решение принято.

– Ну а теперь, – грянул Змеиный Глаз, перекрывая гвалт, – выставьте столы, несите скамью! Никто не наследует отцу, пока не выпьет погребального эля! И мы будем пить, как герои саг, справляя тризну по Рагнару. А поутру призовем каждого человека, снарядим все корабли и пойдем на Англию, чтобы там нас запомнили навсегда и никто не укрылся! Но сейчас – пейте. А ты, чужеземец, садись к нам на скамью и расскажи еще о нашем отце. Тебе найдется место в Англии, когда она достанется нам.

* * *

Вдали от тех мест лежал на соломенном тюфяке смуглый юноша, пасынок Вульфгара. Сырая почва Эмнета еще дышала туманом, и Шефа защищало от сырости лишь старое тощее одеяло. В добротном же бревенчатом доме его отчим разлегся в покое и сытости, а то и любовной неге с матерью юноши, госпожой Трит. Альфгар тоже почивал в теплой постели в горнице по соседству с родительской спальней; спала и Годива, дочь наложницы от Вульфгара. По возвращении Вульфгара домой все они до отвала наелись жареного и пареного, печеного и перченого – гусей и уток с болот, миног и шук из реки.

Шеф набил живот пустой кашей и отправился в свою одинокую хижину возле кузницы, и там единственный друг перевязал ему свежие раны. Теперь парень качался на волнах сна. Если это был сон.

Он видел поле где-то на краю земли, освещенное лишь закатом. На поле лежали бесформенные груды ветоши, костей и шкур; белели черепа и ребра среди истлевших роскошных доспехов. Повсюду среди куч разбойничали птицы – огромные, черные, они яростно долбили клювами пустые глазницы и терзали суставы в поисках костного мозга или ошметков мышц. Но тела были уже много раз обглоданы, кости высохли; птицы раскаркались и набросились друг на дружку.

Затем они прекратили свару и стянулись к четырем черным птицам, стоявшим особняком. Прислушались к их карканью, еще более громкому и грозному. Затем вся стая взмыла в пурпурное небо, где выстроилась в круг, после чего медленно слилась в единое существо и устремилась прямо к нему, к Шефу. Возжак неся на юношу, и тот видел немигающие золотые глаза и клюв, нацеленный в лицо. Отпрянуть не удалось: он не мог шевельнуться, что-то крепко удерживало голову; он ощутил, как черный клюв глубоко погрузился в мякоть глазного яблока.

Он пробудился с воплем и вскочил с тюфяка. А придя в себя, завернулся в ветхое одеяло и всмотрелся в болотный рассвет через дыру в стене.

– Что случилось, Шеф? – спросил с подстилки его товарищ Хунд. – Чего ты всполошился?

Юноша ответил не сразу. Слова вырвались карканьем – он сам не понимал, о чем говорит: – Вороны! Вороны летят!

Глава 3

– Ты уверен, что высадилась сама Великая армия?

К злобе в голосе примешивалась робость. Вульфгару не хотелось верить столь худой вести, но он не решался прилюдно спорить с гонцом.

– Сомнений нет, – ответил королевский тан Эдрич, доверенный слуга Эдмунда, короля восточных англов.

– И ею командуют сыновья Рагнара?

«А вот эта новость, – подумал Шеф, сидевший в глубине помещения и ловивший каждое слово, – еще страшнее для Вульфгара».

Оповещенные посыльными, в господский дом набились все фримены Эмнета. В Англии фримен мог лишиться всего – обычного права⁷, права на землю, семейного права, – если не подчинялся законному призыву к оружию. Но зато в преддверии войны он мог участвовать в связанных с нею публичных обсуждениях.

⁷ Право, основанное на обычаях и традициях.

Другой вопрос – имел ли на это право Шеф. Но ему еще не надели рабский ошейник, а фримен, что стоял в дверях и отмечал присутствие и отсутствие, был должен юному кузнецу за починенный плужный лемех. Этот человек с сомнением хмыкнул, взглянул на меч в потертых ножнах на боку Шефа и решил не перечить.

И вот Шеф стоит в последнем ряду, среди беднейших жителей Эмнета, слушает и мотает на ус и старается не привлекать к себе внимания.

– Мои люди говорили со многими керлами, которые видели норманнов, – сказал Эдрич. – Утверждают, что армию ведут четыре великих воина, сыновья Рагнара, все равные между собой. И воины каждый день собираются у большого знамени Ворона. Это знамя дочери Рагнара вышили за одну ночь – черный ворон расправляет крылья для победы и складывает при поражении. Таково грозное семейное предание. Слава сынов Рагнара гремит по всей Северной Европе, куда бы ни направлялись их корабли – в Англию, Ирландию, Францию, Испанию и даже в страны, лежащие за Средиземным морем, откуда разбойники вернулись несколько лет назад с богатой добычей. Так почему же они обратили свой гнев на бедное и слабое королевство восточных англов?

Вульфгар теребил длинные усы, и на лице все явственнее проступала тревога.

– А где их лагерь?

– На лугах у Стора, южнее Бедриксворда.

Королевский тан Эдрич явно терял терпение. Он слышал все это уже не однажды и в разных местах. С каждым мелким лендлордом повторялась одна и та же история: он не хотел узнать подробностей и выискивал лазейку, чтобы уклониться от долга. Но от этого человека тан ожидал большего – Вульфгар сам сказал, что ненавидит викингов и что он скрещивал мечи с самим Рагнаром.

– Итак, что же от нас требуется?

– Король Эдмунд желает, чтобы все фримены Восточной Англии, способные держать оружие, прибыли в Норидж. Все мужчины старше пятнадцати зим и младше пятидесяти. Мы уравниемся с норманнами в числе.

– А сколько их? – спросил арендатор из тех, что побогаче.

– Триста кораблей.

– А людей сколько?

– На корабле обычно три дюжины гребцов, – ответил королевский тан коротко и неохотно.

Это был опасный момент. Когда мужланы смекнут, с кем придется иметь дело, их будет трудно сдвинуть с места. Но не сказать правду он не мог.

Все задумались о вставшей перед ними опасности, и воцарилась тишина. Ее нарушил Шеф.

– Триста кораблей и три дюжины гребцов. Получается девятьсот дюжин. Десять дюжин – это длинная сотня. Больше десяти тысяч человек. И все воины, – добавил он скорее благоговейно, чем испуганно.

– Нам их не победить, – решительно произнес Вульфгар, отведя гневный взгляд от пасынка. – Мы должны выплатить дань.

Терпение Эдрича было на исходе.

– Это решать королю Эдмунду. И он заплатит меньше, если Великая армия увидит, что против нее выступает равное войско. Но я приехал не лясы точить, а огласить приказы, которые должны быть выполнены. Тебе и лендлордам Апуэлла и Аутуэлла и всех деревень между Или и Уисбеком король велит собраться и завтра же выступить в Норидж. Все военнообязанные деревни Эмнет должны выехать или подвергнуться наказанию от имени короля. Вот что обязан сделать я, и вот как надлежит поступить вам. – Он круто повернулся к недовольной гудящей толпе. – Каково ваше слово, фримены Эмнета?

– Да! – выпалил Шеф.
– Он не фримен! – рявкнул Альфгар, стоявший рядом с отцом.
– Должен быть фрименом, черт побери! Иначе ему здесь не место. Неужели вы ничего не решаете? Разве не слышали королевский приказ?!

Но слова Эдрича потонули в глухом недовольном ворчании. Шестьдесят глотков выразили согласие.

* * *

В лагере викингов близ Стора дела обстояли совершенно иначе. Здесь все решали сыны Рагнара. Они отлично знали друг друга и обходились кратчайшими совещаниями.

– Заплатят в конце концов, – сказал Убби.

Они с Хальвданом были очень похожи на остальных воинов как внешностью, так и темпераментом. Хальвдан был кровь с молоком, второй уже поседел, и оба были сильными и опасными бойцами – с такими людьми шутки плохи.

– Надо решать, и сейчас, – буркнул Хальвдан.

– В таком случае кто? – спросил Сигурд.

Все четверо ненадолго задумались. Дело требовало участия человека опытного и вдобавок из тех, без кого они смогут обойтись.

– Сигвард, – наконец изрек Ивар.

Его бледное лицо не дрогнуло, бесцветные очи остались прикованными к небу, и он произнес всего одно слово. Это было не предложение – ответ. Ивара звали Бескостным, хотя исключительно за глаза, и он никогда ничего не предлагал. Братья обдумали услышанное и согласились.

– Сигвард! – позвал Сигурд Змеиный Глаз.

В нескольких ярдах от них ярл Малых Островов играл в бабки. Он выполнил бросок, проявив должную независимость, но после выпрямился и подошел к кучке вожаков.

– Ты произнес мое имя, Сигурд, – с азартом проговорил он.

– У тебя пять кораблей? Хорошо. Мы думаем, что англичане со своим корольком Эдмундом пытаются дурить нам голову. Упираются, торгуются. Опасная и глупая игра. Мы хотим, чтобы ты выступил и дал им понять, с кем они имеют дело. Прогуляйся вдоль побережья и поверни на запад. Потом высадись, пройди вглубь острова и причини как можно больше вреда, сожги несколько деревень. Покажи им, что бывает, когда нас сердят. Ты знаешь, как надо действовать.

– Считаю, что уже сделано. – Ярл помялся. – Но как насчет трофеев?

– Все, что захватишь, – твое. Но дело не в добыче. Устрой там что-нибудь особенное, чтобы им запомнилось. Возьми пример с Ивара.

Ярл снова ухмыльнулся, но неуверенно, как делали все при упоминании Ивара Рагнарсона Бескостного.

– Где высадись? – спросил Убби.

– В местечке под названием Эмнет. Я там бывал. Нашел себе цыпочку.

На этот раз улыбку ярла пресекло внезапное движение Ивара. Сигвард сморозил глупость. Его нынешняя миссия не имела ничего общего с подвигами юности. Воину не к лицу ребячество, особенно в присутствии вождей.

Прошла минута. Ивар откинулся на стуле и выбросил этот эпизод из головы. Братья знали, что Сигвард не из лучших, – одна из причин, по которым его отсылали.

– Делай дело и не думай о цыпочках, – сказал Сигурд и махнул рукой: свободен.

* * *

По крайней мере, Сигвард знал свое ремесло. Спустя два дня, на рассвете, его драккары воспользовались приливным течением и незамеченными проскользнули в устье реки Уз. Затем шли на веслах в течение часа, сколько несла вода, покуда кили не царапнули песок. Драконовы носы ткнулись в сушу, воины высадились. Специальная корабельная охрана немедленно столкнула ладьи в прибрежный ил. А уже отлив унесет «деревья моря» туда, где до них не доберется местное ополчение.

Самые юные и резвые воины из отряда Сигварда тронулись в путь. Наткнувшись на табун коней, они зарубили пастуха и уже верхом устремились на поиски новых скакунов. Захваченных лошадей отослали к основному войску.

Когда сквозь утренний туман пробилось солнце, двести двадцать человек двинулись к своей цели по извилистым и топким тропам.

Они ехали плотным, четким строем, без головного дозора и бокового охранения, рассчитывая внезапным и мощным ударом снести любой заслон. Как только тропа приводила к обитаемому месту – ферме, подворью или деревушке, – основной отряд задерживался ровно на то время, какое нужно мужчине, чтобы отлить. Всадники, что полегче и на лучших конях, окружали поселение, чтобы никто не вырвался и не поднял тревогу. Затем нападали главные силы, чьи задачи были просты – настолько, что Сигвард даже не трудился их повторять.

Викинги мгновенно убивали каждого встречного, будь то мужчина, женщина, даже дитя в колыбели, не задавая вопросов и не ища забавы. Затем рассаживались по седлам и ехали дальше. Пока без трофеев, их время еще не пришло. И без поджогов, ибо те были строгойше запрещены.

К полудню в мирной английской глубинке прорезался коридор смерти. В живых не оставили ни единой души. Далеко позади отряда люди замечали, что соседи не просыпаются; потом обнаруживали, что лошади исчезли, а по полям лежат трупы; и вот уже зазвучали церковные колокола и зажглись сигнальные костры. Но впереди никто не подозревал о смертоносном шествии викингов.

* * *

Отряд из Эмнета выступил намного позднее, чем люди Сигварда. Ополчению пришлось ждать, пока подтянется недовольное подкрепление из Апвелла, Аутвелла и лежащих дальше земель. Потом лендлорды долго приветствовали друг друга и обменивались тяжеловесными любезностями. Затем Вульфгар решил, что незачем ехать на голодный желудок, и щедро оделил предводителей выдержанным элем, а их подчиненных – слабым пивом. Солнце уж несколько часов как взошло, когда сто пятьдесят вооруженных людей, составивших ополчение от четырех приходов, отправились через болота по дороге, которая пересекала Уз и в конечном счете достигала Нориджа. Иные отстали уже на этом этапе – у кого-то подпруга лопнула, у кого-то живот схватило, третьим приспичило проститься с женами, своими или чужими. Отряд ехал, отбросив всякую осторожность и ни о чем не подозревая. Первым намеком на присутствие викингов стала плотная колонна воинов за поворотом, которая шла навстречу.

Шеф ехал сразу за жожаками – настолько близко к королевскому тану, насколько посмел подступить. Эдрич расположился к нему после выступления на совете. Никто не отослал бы парня назад у Эдрича на глазах. И все же Шеф числился, как постарался разъяснить ему Альфгар, не фрименом, призванным на военную службу, а кузнецом. Спасибо, что у него хоть остался самодельный меч.

Шеф увидел чужаков одновременно с остальными, услышал тревожные возгласы предводителей:

– Кто эти люди?

– Викинги!

– Нет, не может быть! Они же в Суффолке. Еще ведутся переговоры.

– Это викинги, болваны вы этакие! Стащите свои разжиревшие задницы с лошадей и приготовьтесь к бою! Эй, там – спешиться, спешиться! Коноводы, в тыл! Снимите щиты и держите оборону!

Королевский тан Эдрич сорвался на визг, развернув коня и загнав его в самую гущу колонны, где царило смятение. До людей начало доходить, и они посыпались с седел. Англичане горько пожалели о том, что складировали оружие для удобства езды. Они потянулись кто вперед, кто назад, в зависимости от личных предпочтений, отваги или трусости.

Шеф, беднейший из бедняков, собирался недолго. Он бросил поводья клячи, которую с ворчанием одолжил ему отчим, снял со спины деревянный щит и вынул из ножен свое единственное оружие. Доспехом ему была кожаная куртка с теми железками, что удалось собрать и нашить. Юноша занял позицию позади Эдрича и приготовился к схватке. Сердце неистово колотилось, горло перехватывало от возбуждения, но все это перекрывалось неимоверным любопытством. Как будут драться викинги? Каким окажется бой?

Что до викингов, то Сигвард оценил ситуацию, как только увидел первых всадников. Упершись в стремя ногами, он привстал, обернулся и коротко скомандовал своим людям. Строй опытных викингов мгновенно распался, за миг все спешили. Каждый пятый, назначенный заранее, схватил поводья и отвел коней назад, чтобы там привязать к вбитому в землю колу. Сделав это, двадцать коноводов остались в тылу и сформировали резерв.

Войско задержалось на двадцать ударов сердца: одни угрюмо молчали, другие спешно перешнуровывали обувь, пили воду или мочились не отходя. Затем все дружно отвязали щиты и ослабили в ножнах мечи. В бросковую руку викинг брал метательное копье, а в другую – щит вместе с приложенным к его рукояти боевым топором. Без лишних слов воины построились в две шеренги, заняв дорогу до краев, переходивших в болото. Сигвард выкрикнул одно-единственное слово, и отряд мелким шагом двинулся вперед. Фланги отставали, пока строй не уподобился широкому и короткому клину, нацеленному на английскую конницу. На острие был сам Сигвард. Позади его сын Хьёрвард возглавил десяток отборных воинов – тех, кто после прорыва чужого строя атакует противника с тыла и обеспечит их разгром.

Англичане образовали неровную фалангу глубиной в три-четыре человека, тоже растянувшись на всю ширину дороги. С конями они разобрались просто: бросили, и те либо стали, либо затрусили прочь. Кое-кто из простолюдинов, что ехали верхом, тихо потянулись в тыл. Но таких было немного. За три поколения набегов и войн у многих англичан накопились личные счёты к викингам, да и никто не хотел опозориться перед соседями. Все, кого, как им казалось, обязывал к этому ранг, выкрикивали ободряющие призывы. Но не приказы.

Шеф, оглядевшись, понял, что остался совсем один позади облаченных в доспехи ноблей.

Когда клин викингов устремился к английской фаланге, ополченцы инстинктивно подались в стороны. Только самые решительные были готовы принять на себя первый удар – чья тяжесть окажется сокрушительной, если Вульфгар и его соратники не справятся со своей задачей.

Говорили, что боевой клин изобретен богом войны, которого почитают норманны. Что же будет, когда он врежется?

Со стороны англичан полетели копья. Одни не достигли цели, другие были отбиты щитами. Викинги вдруг скопом перешли на рысцу. Шаг, другой, третий – и вот передние отвели бросковые руки, после чего на английский центр обрушился град сулиц.

Шеф видел, как стоявший впереди Эдрич ловко подставил умбон под копьё и оно улетело далеко за линию обороны; второе он сбил краем щита себе под ноги. Нобль, находившийся сбоку от Шефа, опустил щит, защищаясь от сулицы, которая грозила вонзиться в живот, но тут же захрипел и повалился на бок – другое копьё вошло ему через бороду в горло. Третий ленд-лорд изрыгнул проклятие, когда в его надетый на руку щит воткнулось сразу три сулицы. Он попытался сшибить их мечом, затем бешено затряс рукой, чтобы стряхнуть превратившийся в обузу щит. Но не управился – подоспел клин викингов.

Шеф увидел перед собой вражеского вождя, который нанес могучий удар Вульфгару. Англичанин подставил щит и сделал выпад мечом. Но викинг успел отпрянуть и со всей мочи провел восходящий диагональный удар. Вульфгар вновь отразил атаку, и его клинок громко лязгнул о клинок противника. Но англичанин потерял равновесие. Викинг вдруг рванулся вперед, ударил в лицо наверху рукояти, впечатал в ребра умбон щита и отшвырнул противника в сторону. Когда он шагнул, готовый ткнуть мечом, Шеф прыгнул на него.

Вождь викингов при всей своей дородности двигался поразительно быстро. Он отпрыгнул на шаг и рубанул, целя в непокрытую голову юноши.

Шеф наблюдал за боем всего-то три удара сердца, но успел уяснить две вещи: во-первых, надо действовать в полную силу, без той неосознанной осторожности, что бывает на тренировках. И он использовал для отбива всю мощь своих мускулов, закаленных в кузнице. Во-вторых, нельзя медлить между ударами. Когда викинг замахнулся вновь, Шеф уже был наготове. В этот раз он отбивал удар выше. Хруст слился со звоном, и обломок клинка пролетел над его головой.

«Не мой, – подумал Шеф. – Не мой!» Он торжествующе шагнул вперед и сделал выпад, метя в пах.

Что-то ударило юношу, толкнув в сторону и назад. Он пошатнулся, восстановил равновесие и обнаружил, что Эдрич снова пихает его, неразборчиво крича в ухо. Оглянувшись, Шеф понял, что, пока он обменивался ударами с главарем, острие клина викингов проломило английский строй. С полдюжины ноблей лежало на земле.

Вульфгар оставался на ногах, но, похоже, был оглушен. Он пятился к Шефу, а перед тем уже возникла дюжина викингов, проникших через брешь в линии обороны. Юноша поймал себя на том, что орет и размахивает мечом, подзывая ближайшего. Мгновение они смотрели друг другу в глаза. Затем викинг повернул влево, выполняя приказ: ударить по англичанам с тыла, смять построение, загнать фланги в трясину.

– Беги! – завопил Эдрич. – Мы разбиты. Уже ничего не исправить. Надо спастись.

– Это мой отец! – крикнул Шеф, метнувшись к Вульфгару, чтобы схватить его за пояс и утянуть назад.

– Поздно, ему конец!

Это была правда. Полубесчувственный тан получил новый сокрушительный удар по шлему и качнулся вперед, где его затопило волной врагов. Викинги еще теснили фланги, но могли в любой миг переключиться на центр и расправиться с теми немногими, кто там остался. Шефа едва не задушили: схватили за ворот и поволокли в тыл.

– Проклятые тупицы! Рекруты-недоучки! Чего от них ждать? По коням, мальй!

Через считанные секунды Шеф помчался галопом туда, откуда пришел. Его боевое крещение состоялось.

И он сбежал с поля битвы, едва нанеся первый удар.

Глава 4

Болотные камыши чуть шевелились на утреннем ветру. Вот они качнулись вновь, и выглянул Шеф, чтобы осмотреть пустынную местность. Викинги ушли.

Юноша повернул назад и кое-как выбрался из камышей на тропу, которую обнаружил минувшим вечером. На островке, что скрывался за невысокими деревьями, королевский тан Эдрич насыщался холодными остатками вчерашнего ужина. Он вытер жирные пальцы о траву и вскинул брови.

– Крутом тихо, – сказал Шеф. – И ни единого дымка.

Никто не преследовал беглецов, когда они бросили лошадей и углубились в марь, где провели ночь – на удивление приятную для Шефа. Юноша размышлял о ней со смешанным чувством удовольствия и вины. Пусть и всего на один вечер, но он получил островок покоя в море бед и тревог. Ни работы, ни других обязанностей. Все, что требовалось от него и тана, – спрятаться понадежнее и разместиться со всеми возможными удобствами.

Шеф прошлепал вглубь болота и быстро нашел сухой клочок земли, куда никто не рискнул бы сунуться без крайней надобности. Шалаш легко получился из камыша, которым жители болотистого края стелили кровлю. В стоячей воде наловили угрей, и Эдрич, немного подумав, решил, что от костра не будет беды. У викингов хватает других дел, они не полезут в болото из-за какого-то дымка.

Но дымы закурились повсюду еще до захода солнца. Тан сказал, что налетчики, видно, повернули обратно и уже не скрывают своего присутствия.

Шеф осторожно спросил, приходилось ли раньше Эдричу бежать с поля боя. Его терзало беспокойство, которое усиливалось всякий раз, когда он вспоминал, как упал его отчим под натиском вражьей орды. Собеседник ответил, что такое случалось много раз. В этот необычный для него день он проникся столь же необычным чувством товарищества.

– И ты не думай, что побывал в бою. Это была всего лишь мелкая стычка. Убегал я часто, даже слишком. И если бы так поступали все, наши потери были бы меньше. Они невелики, когда мы держим строй, но если уж викинги прорвались, то выходит суцая бойня. Сам подумай: тот, кто покидает поле боя, сохраняет себя для следующего сражения, которое будет вестись уже на равных. Беда в том, – продолжил он с мрачной улыбкой, – что чем чаще это случается, тем меньше людям хочется попробовать снова. Они теряют боевой дух. А он важен. Вчера мы проиграли потому, что никто не был готов ни телом, ни душой. Если бы наши люди потратили на подготовку десятую часть того времени, что ушло на нытье, то мы бы и вовсе не потерпели поражения. Пословица гласит: «Каковы труды, таковы и плоды». Покажи-ка клинок.

С напускным безразличием Шеф извлек из потертых кожаных ножен меч и протянул Эдричу. Тот задумчиво повертел его в руках.

– Годится для работы в саду, – заключил он. – Или резать камыш. Это не оружие. Однако я видел, как об него сломался меч викинга. Что за притча?

– Клинок хороший, – ответил Шеф. – Может быть, лучший в Эмнете. Я сделал его сам, это слоенаяковка. В основном мягкое железо – с юга к нам привозят чушки. Но есть и слои каленой стали. Однажды я выполнил заказ тана из Марча, и он дал в уплату несколько хороших наконечников копий. Я их переплавил, а потом свил полосы железа и стали и выковал клинок. От железа он гибкий, от стали – прочный. Под конец я изготовил режущую кромку из самой твердой стали, какую нашел. Вся работа обошлась мне в четыре мешка угля.

– Столько трудов – и что в итоге? Недомерок с одним острым краем, похожий на рабочий инструмент. Рукоятка из простого воловьего рога, крестовины нет. А потом ты оставил меч под дождем, и он теперь ржавый.

Шеф пожал плечами:

– Если бы я шлялся по Эмнету с оружием воина на боку, которое сверкает змеистым узором, – как бы долго оно у меня пробыло? Ржавчины ровно столько, чтобы прикрыть лезвие. Я не даю ей вьесться глубже.

– Тогда задам другой вопрос. Юный тан заявил, что ты не фримен. Ведешь себя так, будто кругом одни враги, но Вульфгара назвал в бою отцом. Тут какая-то тайна. Видит Бог, на свете полно танских бастардов. Но их никто не обращает в рабство.

Шефа часто спрашивали об этом, и он бы не ответил в иных обстоятельствах. Но среди болота, на острове, в беседе с глазу на глаз слова нашлись легко.

– Он не отец мне, хоть я его и называю отцом. Восемнадцать лет назад сюда пришли викинги. Вульфгар был в отъезде, но моя мать, госпожа Трит, осталась в Эмнете с малюткой Альфгаром – моим единоутробным братом, ее ребенком от Вульфгара. Ночью явились викинги, и слуга унес Альфгара, но мою мать схватили.

Эдрич медленно кивнул. Знакомая история. Но все же его вопрос остался без ответа. Такие случаи влекли за собой известную процедуру – по крайней мере, среди людей знатных. Спустя какое-то время до мужа непременно дошла бы весть, что на невольничьем рынке Хедебю или Каупанга торгуется такая-то госпожа за такую-то цену. Если не заплатить выкуп, то можно считаться вдовцом, жениться снова и украсить серебряными браслетами другую женщину, которая вырастит твоего сына. Бывало, правда, что такие сделки расторгались через много лет с прибытием старой карги, которая ухитрилась дожить до возраста, когда перестала быть нужной на севере, и бог ее знает за какую мзду пробралась на корабль, доставивший ее домой. Но это случалось редко. И всяко не проясняло личность юноши, сидевшего перед таном.

– Мать вернулась уже через несколько недель. Беременная мною. Она поклялась, что моим отцом был сам ярл. Когда я родился, она хотела наречь меня Халфденом, так как я наполовину датчанин. Но Вульфгар выбрал ее. Он заявил, что это геройское имя; имя короля, который положил начало роду Щитоносцев, от коих произошли короли Англии и Дании. Слишком звучное для такого, как я. И мне дали собачью кличку Шеф. – Юноша потупил взор. – Вот почему отец ненавидит меня и хочет обратить в рабство; вот почему у моего единоутробного брата Альфгара есть все, а у меня нет ничего.

Он умолчал о том, как Вульфгар третировал беременную жену и заставлял ее принимать змеиный корень, чтобы вытравить из утробы дитя насильника. Как сам он, Шеф, спасся лишь благодаря заступничеству отца Андреаса, который яростно обличил грех детоубийства, пусть даже дитя – отродье викинга. Как Вульфгар в своей иступленной ревности взял наложницу, родившую ему красавицу Годиву, так что в итоге в Эмнете стало расти трое детей: Альфгар, законнорожденный; Годива, дочь Вульфгара и рабыни-лемман; Шеф, отпрыск Трит и викинга.

Королевский тан молча вернул ему штучный клинок. Все равно непонятно, подумал он. Как удалось сбежать этой женщине? Викинги-рабовладельцы не отличались беспечностью.

– А как этого ярла звали? – спросил он. – Твоего...

– Моего отца? Мать говорит, что его имя было Сигвард. Ярл Малых Островов. Бог знает, где они находятся.

Они немного посидели в тишине, затем улеглись спать.

* * *

Поздним утром Шеф и Эдрич осторожно вышли из камышей. Сытые и невредимые, они приблизились к руинам Эмнета, которые угадывались уже издалека.

Все постройки налетчики сожгли: одни дотла, другие – до обугленных бревен. Не стало дома тана и частокола вокруг; исчезли церковь, кузница, глинобитные хижинки фрименов, навесы и землянки рабов. Там и тут бродил немногочисленный люд; уцелевшие рылись в золе или присоединялись к тем, что уже столпились у колодца.

Вступив в деревню, Шеф окликнул одну из спасшихся – служанку матери.

– Труда! Расскажи, что случилось. Жив ли кто-то еще?

Ее трясло; она таращилась на юношу с изумлением и ужасом – целого и невредимого, с мечом и щитом.

– Иди... лучше к своей матери...

– Она здесь?

Шеф испытал слабую надежду. Может быть, отыщутся и другие. Удалось ли сбежать Альфгару? А Годиве? Что стало с Годивой?

Служанка двинулась прочь, и Шеф с Эдричем последовали за ней.

– Что это она так ходит? – пробормотал Шеф, глядя на ее мучительное ковыляние.

– Изнасиловали, – коротко произнес Эдрич.

– Но... Труда не девица.

– Изнасилование – совсем другое дело, – объяснил Эдрич. – Четверо держат, а пятый трудится, и все вошли в раж. Бывает, что кости ломают или рвут сухожилия. Если женщина сопротивляется, то может выйти еще хуже.

Шеф снова подумал о Годиве, и костяшки его пальцев побелели на рукояти щита. Не только мужчины расплачивались за проигранные сражения.

Они молча шли за Трудой, которая хромала к импровизированному убежищу из досок, наваленных на полуобгоревшие бревна и прислоненных к уцелевшему фрагменту частокола. Дойдя до места, она заглянула внутрь, произнесла несколько слов и жестом пригласила мужчин войти.

Госпожа Трит лежала на груди ветоши. По мрачному, измученному лицу и неуклюжей позе было ясно, что испытание, которое выпало Труде, не обошло и ее. Шеф преклонил колени и нащупал ее руку.

После пережитого ужаса она могла говорить лишь слабым шепотом.

– Нас не предупредили, мы не успели подготовиться. Никто не знал, что делать. Мужчины поехали после боя прямо сюда. Им было никак не договориться. Эти свиньи схватили нас, а они всё спорили. Мы даже не сразу поняли, что это викинги, – глядим, а те уже повсюду...

Она умолкла, слегка поморщилась от боли и подняла на сына пустые глаза.

– Это сущее зверье. Они перебили всех, кто мог сопротивляться. Потом согнали остальных к церкви. Уже начинался дождь. Сначала увели девочек, хорошеньких девушек и кое-кого из мальчиков. Для отправки на невольничий рынок. А потом... Потом они притащили пленных и... – Ее голос задрожал, и она поднесла к глазам грязный передник. – Потом они заставили нас смотреть...

Мать захлебнулась слезами. Через несколько мгновений она вдруг, словно вспомнив что-то, схватила юношу за руку и впервые взглянула прямо ему в глаза:

– Это был он, Шеф. Тот же, что в прошлый раз.

– Ярл Сигвард? – еле выговорил сын.

– Да. Твой... твой...

– Как он выглядел? Большой, с темными волосами и белыми зубами?

– Да. И золотые браслеты до самого плеча.

Шеф мысленно вернулся к поединку, вновь ощутив, как сломался меч, и вспомнив восторг, с которым он шагнул нанести удар. Неужто Бог уберег его от страшного греха? Но если так, то чем Бог занимался потом?

– Матушка, разве ярл не мог тебя защитить?

– Нет. Он даже не попытался. – Трит взяла себя в руки и заговорила жестко. – Когда разбойники разошлись после... представления, он разрешил им грабить и веселиться, пока не запоет рог. Они не издевались над рабами, просто связали их, но остальных... Труду и тех, кого не забрали... Нас просто пустили по рукам. Он узнал меня, Шеф! И вспомнил. Но когда я взмолилась, чтобы он сохранил меня для себя, его разобрал смех. Он сказал... сказал, что теперь я цыпочка, а не цыпленок, а цыпочки должны беречься сами. Особенно те, которые

упорхнули. И они попользовались мною, как Трудой. И мне досталось больше, чем ей, потому что я госпожа, и некоторые решили, что это славная потеха.

Ее лицо исказилось от гнева и ненависти, и она позабыла на миг о боли.

– Но я сказала ему, Шеф! Сказала, что у него есть сын. И этот сын однажды найдет его и убьет!

– Я сделал все, что мог, матушка.

Шеф замялся, собираясь задать очередной вопрос, но Эдрич, стоявший сзади, опередил его:

– На что они заставили вас смотреть, госпожа?

Глаза Трит снова наполнились слезами. Не в силах говорить, она махнула в сторону выхода из укрытия.

– Идемте, – позвала Труда. – Я покажу вам милосердие викингов.

Мужчины вышли следом за ней, пересекли пепелище на месте сада и достигли второго шалаша, возведенного возле развалин танова дома. Снаружи стояла кучка людей. То один, то другой отлеплялся от остальных, заходил внутрь, смотрел и возвращался назад. Выражение лица не удавалось прочесть. Скорбь? Гнев? Пожалуй, обычный страх, подумалось Шефу.

Внутри стояли лошадиные ясли, наполовину наполненные соломой. Шеф мигом узнал светлые волосы и бороду Вульфгара. И хотя лицо было совершенно мертвецкое – белое, восковое, с заострившимся носом и выпирающими скулами, – отчим еще дышал.

Шеф не сразу осознал случившееся. Как же Вульфгар поместился в яслях? Он был слишком велик. Шесть футов ростом, а ясли – Шеф хорошо это помнил по поркам, которые ему задавали в детстве, – едва достигали пяти... Чего-то не хватало.

Вульфгар лишился ног. Ниже колен виднелись только тряпки, неуклюже намотанные на обрубки и пропитавшиеся кровью и гноем. Пахло горелым и тухлым мясом.

С растущим ужасом Шеф увидел, что нет и рук. Они были обрублены сразу под локтями, а культи, скрещенные на груди, тоже заканчивались повязками.

Сзади забормотали:

– Его вынесли к нам, уложили на колоду и давай рубить топором. Сначала ноги. Потом прижгли каленым железом, чтобы не истек кровью. Вульфгар проклинал их и вырывался, но потом стал умолять: оставьте хоть одну руку, чтобы есть самому. Они только смеялись. Громила, который у них ярл, заявил, что ему оставят самое нужное: глаза, чтобы видеть красавиц, и яйца, чтобы хотеть их. Но он уже никогда не сумеет спустить штаны.

«И ничего не сделает сам», – мысленно добавил Шеф.

Вульфгар будет во всем зависеть от окружающих – ни помочиться, ни поесть без посторонней помощи.

– Его сделали хеймнармом, – молвил Эдрич, воспользовавшись норвежским словом. – Живым трупом. Я слышал о таком, но никогда не видел. Ты не кручинься, юноша. Зараза, боль, потеря крови – долго ему не протянуть.

Невероятное дело: безжизненные глаза открылись. Они уставились на Шефа и Эдрича с незамутненной злобой. Губы разомкнулись, и вырвался змеиный шепот:

– Дезертиры... Ты бросил меня, сопляк, и скрылся. Я не забуду. И ты, королевский тан. Явился, уговорил нас, повел на сечу. Но где же ты был, когда она кончилась? Не бойся, я еще поживу и отомщу вам обоим. И твоему отцу, сопляк. Напрасно я взялся растить его помет и принял назад его шлюху.

Глаза закрылись, голос стих. Шеф и Эдрич вышли под морось, зарядившую вновь.

– Не понимаю, – сказал Шеф. – Зачем они это сделали?

– Этого я не знаю. Но скажу тебе одно: Эдмунд придет в ярость, когда узнает. Набег и убийства в условиях перемирия – это еще куда ни шло, но сделать такое с его бывшим соратником... Ему придется выбирать одно из двух. Быть может, сочтет, что лучше уберечь своих

людей от подобной участи. Но ведь месть – дело чести. Решение дастся ему нелегко. – Он повернулся к Шефу. – Тут тебе больше нечего делать. Поедешь со мной, дружок, чтобы доставить королю новости? Здесь ты не фримен, но совершенно ясно, что ты боец. Побудешь моим слугой, пока не подыщем для тебя подходящее снаряжение. Раз ты не убоился языческого ярла, король возьмет тебя на службу независимо от твоего положения в Эмнете.

К ним подошла леди Трит, тяжело опиравшаяся на палку. Шеф задал ей вопрос, терзавший его с того момента, как он увидел дым над разоренным Эмнетом:

– Годива? Что случилось с Годивой?

– Ее увез Сигвард в лагерь викингов.

Шеф повернулся к Эдричу. Он заговорил твердо и без тени вины:

– Меня называют дезертиром и рабом. Теперь я стану тем и другим. – Он отстегнул щит и бросил на землю. – Я отправляюсь к Стору, в лагерь викингов. Пусть у них станет одним рабом больше – может, возьмут. Я должен спасти Годиву.

– Ты не протянешь и недели, – с холодным гневом возразил Эдрич. – И умрешь предателем своего народа и короля Эдмунда.

Он круто развернулся и зашагал прочь.

– И самого благословенного Христа, – добавил отец Андреас, вышедший из укрытия. – Ты видел, каковы деяния язычников. Лучше быть рабом у христиан, чем королем у этих извергов.

Шеф понял, что поспешил с решением: возможно, стоило хорошенько подумать. Но дело сделано, и он связан словом. В голове роились мысли. «Я посягнул на жизнь родного отца и лишился отца приемного, который стал живым мертвецом. Мать ненавидит меня за отцовский поступок. Я потерял друга и шанс получить свободу».

Что толку от таких раздумий? Он сделал выбор ради Годивы. Теперь придется завершить начатое.

* * *

Годива очнулась. Трещала голова, в ноздри лез дым, а под нею кто-то ворочался. Она пришла в ужас и метнулась прочь. Девушка, на которой она только что лежала, захныкала.

Когда в глазах прояснилось, Годива поняла, что находится в тесном фургоне, который со скрипом катит по лужам. При свете, проникавшем через тонкий холщовый навес, было видно, что внутри полно людей: половина девушек Эмнета лежала поверх другой. Оконце в заднем торце фургона вдруг потемнело, и там возникла бородастая рожа. Всхлипы переросли в визг, и девицы прижались друг к дружке. Кто-то попытался спрятаться за подругами. Но рожа только ослабилась, сверкнув ослепительными зубами; затем голова предостерегающе качнулась и пропала.

Викинги! Годива мигом вспомнила все, что случилось: толпа мужчин, паника, она мчится к болоту, перед ней вырастает человек и хватается за подол; она в смертельном ужасе оттого, что впервые за всю свою незатейливую жизнь оказалась в руках взрослого мужчины...

Рука вдруг скользнула к бедрам. Что с нею сделали, пока она лежала без чувств? Но тело не саднило и не пульсировало, притом что все усиливалась головная боль. Годива осталась девицей. Ведь не могли же викинги изнасиловать ее так, чтобы она ничего не почувствовала?

Соседка, батрацкая дочь, подружка Альфгара по детским забавам, заметила это движение и не без злорадства произнесла:

– Не бойся. Они ничего нам не сделали, берегут для продажи. Тебя, непорченную, тоже. Вот найдут покупателя, тогда станешь как все.

Воспоминания продолжали выстраиваться. Площадь, полная жителей деревни и окруженная викингами. Отца волокут в серединку, а тот кричит и предлагает договориться... Колода.

Ужас, охвативший Годиву, когда отца распяли и подошел человек с топором. Да, точно. Она с воплем бросилась вперед, чтобы вцепиться в здоровяка. Но ее перехватил другой, которого тот назвал сыном. А что потом? Она осторожно ощупала голову. Шишка. И боль по другую сторону, от которой раскалывается череп. Но крови на пальцах не осталось. Она вспомнила, что викинг огрел ее мешочком с песком.

Так обошлись не только с ней: пираты торговали невольниками давно и привыкли иметь дело с людской скотиной. В начале набега они работали топором и мечом, копьем и щитом, истребляя способных оказать сопротивление. Другое дело – после: несподручно глушить добычу оружием. Даже если бьешь мечом плашмя или обухом топора, слишком велик риск попортить товар, раскроив ему череп или отрубив ухо. Опасен даже кулак, когда им наносит удар могучий гребец. Кто купит девку со сломанной челюстью или свернутой скулой? Может быть, скупердяи с внешних островов и соблазняются, но только не испанцы и не разборчивые короли Дублина.

Поэтому в отряде Сигварда и многих других, ему подобных, выделялись специальные люди, которые занимались рабами. Они держали на поясе или крепили к изнанке щита «усмиритель» – длинную, прочно сшитую холщовую кишку, которую набивали сухим песком, старательно собранным в дюнах Ютландии и Сконе. Аккуратный удар – и товар лежит себе смирно, не причиняя хлопот. Без всякого ущерба.

Девушки перешептывались дрожащими от страха голосами. Они рассказали Годиве о судьбе ее отца. Затем о том, что случилось с Трудой, Трит и остальными. И наконец, как их погрузили в фургон и повезли по тракту к побережью. Но что будет дальше?

* * *

На исходе следующего дня Сигвард, ярл Малых Островов, тоже ощутил холодок в груди, хотя и по менее очевидной причине. Он удобно устроился в огромном шатре армии сыновей Рагнара, за столом ярлов. Была подана отменная английская говядина, в руке ярл держал рог крепкого эля. Он внимал своему сыну Хьёрварду, который рассказывал о набеге. Тот говорил хорошо, хотя и был молодым воином. Пусть остальные ярлы, а заодно и Рагнарссоны увидят, что у Сигварда есть сильный молодой сын, с которым в будущем придется считаться.

Что же не так? Сигвард был не из тех, кто копается в себе, но он прожил долгую жизнь и научился прислушиваться к внутреннему голосу.

Набег не осложнился ничем. Сигвард возвращался не той дорогой, что пришел, и сплавил добычу не по Узу, а по реке Нин. Тем временем охрана ладей на мелководье дождалась английских войск, немного поглумилась над ними, осыпала стрелами; посмотрела, как те медленно собирают флот из гребных лодок и рыбацких парусников, а в назначенный час снялась и, подхваченная течением, ушла к месту встречи, оставив позади бесновавшихся врагов.

И переход прошел успешно. Главное, Сигвард сделал именно то, что велел Змеиный Глаз. По факелу в каждую хижину и на каждое поле. И всюду трупы. Преподан урок, и весьма суровый. Викинги приколотили кое-кого из местных к деревьям, изувеченных, но не убитых, чтобы рассказали всем, кто будет мимо проходить.

Сделай как Ивар, сказал Змеиный Глаз. Что ж, Сигвард не питал иллюзий и не претендовал на равенство с Бескостным по части жестокости, но никто не скажет, что он не старался. Этому краю не оправиться многие годы.

Нет, его беспокоило вовсе не это, сама идея была хороша. Если что-то произошло, то в ходе осуществления задуманного. Сигвард неохотно признал, что встревожен поединком. Он четверть века сражался в первых рядах, убил сотню людей, покрылся двумя десятками шрамов. Ярл ждал обычной стычки, но она оказалась особой. Как бывало много раз, он прорвался

через передовую линию англичан. Почти играючи, презрительно отшвырнул белокурого тана и достиг второго ряда – запаниковавшего, бестолкового.

И тут словно из-под земли вырос мальчишка. У него даже не было шлема и приличного меча. Простой вольноотпущенник или ничтожнейший батрацкий сын. Но он парировал два удара, и вот уже меч викинга разлетелся на куски, а сам ярл потерял равновесие и открылся. Сигвард пришел к нехитрому выводу: дерись они один на один, он был бы покойник. Его спасли теснившие друг дружку посторонние. Вряд ли кто-то заметил оплошность ярла, но если все-таки это случилось, может найтись какая-нибудь горячая голова, задира из первых рядов, то его могут вызвать на поединок уже сейчас.

Хватит ли ему сил? Достаточно ли крепок Хьёрвард, чтобы его мести боялись? Возможно, сам Сигвард чересчур стар, чтобы удерживать власть. Так оно, вероятно, и есть, коль скоро он не справился с плохо вооруженным мальчишкой, да еще англичанином.

По крайней мере, он правильно поступает сейчас. Заручается поддержкой Рагнарссонов, которая никогда не помешает.

Повесть Хьёрварда подходила к концу. Сигвард повернулся на стуле и кивнул двоим оруженосцам, ждавшим у входа. Те кивнули в ответ и поспешили прочь.

– ...И мы сожгли повозки на берегу. Принесли жертву Эгиру и Ран, швырнув туда пару местных, которых мой отец благоразумно припас. Погрузились на драккар, дошли вдоль побережья до устья реки – и вот мы здесь! Мужички Малых Островов, ведомые славным ярлом Сигвардом! И я, его законный сын Хьёрвард, готовый служить вам, сыны Рагнара, и совершить большее!

Шатер взорвался рукоплесканиями, топотом, лязгом ножей, и каждый ударил рогом о стол. Война началась хорошо, и все были в приподнятом настроении.

Змеиный Глаз поднялся со словами:

– Ну что же, Сигвард, ты слышал, что вправе оставить добычу себе, и ты ее заслужил. А потому можешь похвастать удачей, ничего не боясь. Скажи нам, сколько ты взял? Хватит, чтобы уйти на покой и купить летний домик в Зеландии?

– Маловато! – ответил Сигвард под недоверчивый ропот. – Слишком мало, чтобы податься в фермеры. Жалкие крохи – чего еще ждать от сельских танов? То ли будет, когда великая, непобедимая армия захватит Норидж. Или Йорк! Или Лондон!

Теперь раздалась одобрительные возгласы, а Змеиный Глаз улыбнулся:

– Монастыри – вот что нужно разграбить! Там полно золота, которое Христовы жрецы вытянули из южных дураков. Это не побрякушки из сельской глубинки! Но кое-что мы все-таки взяли, и я готов поделиться лучшим. Смотрите, какую мы нашли красоту!

Он повернулся и махнул своим присным. Те протиснулись к столам, ведя с собой человека, полностью закутанного в мешковину и с веревкой на поясе. Его толкнули к центральному столу, перерезали веревку и сорвали покров.

Годива заморгала на свету перед скоплением бородатых харь, разинутых пастьей, стиснутых кулаков. Она отпрянула, попыталась отвернуться и встретила взгляд самого рослого из главарей, бледного, с бесстрастным лицом и немигающими ледяными глазами. Девушка вновь развернулась и чуть ли не с облегчением увидела Сигварда – единственного, кого смогла хотя бы узнать.

В этом свирепом обществе она напоминала садовый цветок среди бурьяна. Светлые волосы, нежная кожа, пухлые губы, чуть разомкнутые от страха и тем более привлекательные. Сигвард снова кивнул, и его воин разорвал на пленнице платье, а затем стащил его полностью, не внемля девичьим протестам. Годива осталась полностью обнаженной. Сгорая от страха и стыда, она прикрыла груди и понурилась голову, ожидая дальнейшего.

– Не стану ее делить, – объявил Сигвард. – Она слишком ценна! Поэтому я уступаю ее! С благодарностью и надеждой отдаю девчонку человеку, который избрал меня для этого похода. Пусть пользуется ею долго, жестко и с огоньком! Я дарю ее мудрейшему в армии – тебе, Ивар!

Сигвард сорвался на крик и воздел рог. Он не сразу осознал, что ответных возгласов не последовало; до его слуха донесся только смятенный гул, исходивший от людей, которые сидели дальше всех – подобно ему самому, примкнувших к армии недавно и плохо знакомых с Рагнарссонами. Никто не поднял рог. Лица вдруг сделались у кого озабоченными, у кого растерянными. Мужчины смотрели в сторону.

Холодок вернулся. «Может быть, следовало сначала спросить?» – подумал Сигвард.

Наверное, он чего-то не знает. Но что тут может быть плохого? Он отдал часть добычи – долю, которой обрадуется любой мужчина, и сделал это прилюдно и с почестями. Что плохого в том, чтобы подарить прекрасную деву Ивару Рагнарссону? По прозвищу... О, помоги мне Тор – почему его так прозвали?

Ужасная мысль посетила Сигварда. Не скрывается ли в этой кличке намек?

Ивар Бескостный.

Глава 5

Пять дней спустя Шеф и его спутник укрылись в рощице. Они лежали и рассматривали через заливной луг земляные укрепления лагеря викингов, до которого была добрая миля. Пускай на миг, но они упали духом.

Они беспрепятственно выбрались из разоренного селения, хотя обычно это бывало труднейшим делом для беглых рабов. Но Эмнету хватало своих забот, и никто не мнил себя хозяином Шефа. Эдрич, возможно, считал своим долгом не подпускать никого к викингам, но он попросту умыл руки. Не встретив отпора, Шеф собрал свои скудные пожитки, прихватил из дальнего тайника скромный запас провизии и приготовился выступить в путь.

Но кое-кто все же наблюдал за ним. Стоя и размышляя, проститься ли с матерью, Шеф обнаружил, что рядом слоняется Хунд, друг детства, дитя рабов – наверное, самое ничтожное и презренное существо во всем Эмнете.

Однако юноша ценил его. Никто, даже Шеф, не знал болот лучше, чем Хунд. Тот бесшумно передвигался по топям и мог изловить куропатку прямо в гнезде. В убогой и тесной хижине, где он ютился с родителями и целым выводком детей, играли детеныши выдры. Рыба сама плыла к нему в руки, и он обходился без удочек и сетей. Что же касалось трав, то Хунд знал наперечет все названия и свойства. Он был на две зимы младше Шефа, но беднота уже потянулась к нему за снадобьями. Со временем он мог бы стать местной знаменитостью, лицом уважаемым, которого побаивались бы даже власти предрержащие. Мог и попасть под расправу. Даже добрый отец Андреас, защитник Шефа, не раз косился на Хунда с сомнением. Мать-Церковь не жаловала конкурентов.

– Я хочу с тобой, – сказал Хунд.

– Это опасно, – ответил Шеф.

Хунд промолчал, как делал всегда, когда считал, что говорить больше не о чем. Остаться в Эмнете тоже опасно. А вместе они повысят шансы на успех, каждый на свой лад.

– Тогда тебе придется снять ошейник, – взглянул Шеф на железо, которое Хунду навесили по достижении отрочества. – Сейчас самое время. До нас никому нет дела. Я принесу инструменты.

Они укрылись от чужих глаз на болоте. С ошейником пришлось повозиться. Шеф распилил его, подложив тряпки, чтобы не поранить шею, но, когда закончил, не смог подsunуть клещи и развести концы. Потеряв терпение, Шеф обмотал руки ветошью и разомкнул ошейник силой собственных мышц.

Хунд потер старые мозоли и свежие царапины и уставился на подкову, в которую превратился ошейник.

– Не каждый так сумеет, – похвалил он.

– Нужда заставит, – небрежно ответил Шеф.

Но втайне юноша был доволен. Он входит в силу; он сражался со взрослым воином; он волен идти куда вздумается. Шеф пока не знал, как можно освободить Годиву, но был уверен, что найдет способ, а после забудет о невзгодах, постигших его семью.

Без лишних слов они тронулись в путь. Но сразу начались неприятности. Шеф приготовился морочить голову немногочисленным дозорным и случайным рекрутам, едущим к месту сбора. В первый же день он обнаружил, что округа уподобилась растревоженному осиному гнезду. На всех дорогах стояли заставы. У каждой деревни караулила вооруженная стража, подозрительная к чужакам. Один такой отряд решил задержать их, не поверив байке про скот, который им якобы поручили пригнать от родственника Вульфгара, и пришлось бежать, уворачиваясь от копий.

Но нет худа без добра: стало ясно, что король изъявил свою волю и население Восточной Англии в кои-то веки подчинилось ему дружно и искренне. В воздухе витал гнев.

Последние два дня Шеф и Хунд крались полями и огородами, продвигаясь мучительно медленно, зачастую ползком в грязи. И все равно встречали дозоры, в том числе конные, под началом танов или королевских уполномоченных, тогда как другие – самые опасные – передвигались бесшумно, как они сами, пешком, обернув оружие и доспехи тканью, под водительством местных знатоков болот, и были вооружены луками и охотничьими пращами для нападения из засады. Шеф понял, что так они намеревались задержать викингов или хотя бы не допустить, чтобы те разбойничали мелкими группами. При этом местные с удовольствием изловят или убьют любого, кого заподозрят в намерении помогать викингам словом или делом.

Опасность встречи с чересчур рьяными соотечественниками исчезла только на последней паре миль пути, да и то, как вскоре поняли беглецы, лишь потому, что на этой территории хозяйничали уже вражеские патрули. Впрочем, обходить их было легче. Шеф и Хунд заметили отряд, безмолвно стоявший на опушке, – полсотни всадников, все в доспехах, с огромными топорами на плечах, ошетиленные смертоносными копьями. Уклониться от встречи – проще простого. Но чтобы побить этих воинов или изгнать, англичанам пришлось бы вступить в полноценный бой. Деревенский патруль не продержался бы и минуты.

Что ж, необходимо отдаться на милость этих людей. Так просто, как в Эмнете, не получится. Сперва у Шефа был смутный план явиться в лагерь и заявить о родстве с Сигвардом. Но риск, что его моментально узнают, был слишком велик, хотя они с ярлом виделись считанные секунды. Ему выпал уникальный шанс сойтись в бою с единственным человеком из вражеского лагеря, который мог принять его или отвергнуть. Но теперь Сигвард стал единственным человеком, которого следует всячески избегать.

Берут ли викинги рекрутов? Шефа мучило неприятное подозрение, что для этого понадобится много большее, чем желание биться в их рядах и кустарно изготовленный меч. Но уж рабы-то им наверняка нужны.

Шефа обуревали тягостные мысли. Сам-то он вполне сгодится, чтобы таскать плуг на ферме или воровать весло на драккаре. Другое дело – Хунд, он выглядит убого. Отпустят ли его викинги, как рыбешку, слишком мелкую для жарки? Или не столь добросердечно избавятся от обузы?

Вчера вечером, очутившись в виду лагеря, зоркие юноши различили отряд, который вышел из ворот и начал копать яму. Чуть позже они безошибочно опознали груз, туда бесцеремонно сваленный, – десяток тел. Пиратские становища славились повышенной текучестью рабочей силы.

Шеф вздохнул.

– Сегодня не лучше, чем вчера, – произнес он. – Но когда-то же надо.

– Постой. – Хунд схватил его за руку. – Что-нибудь слышишь?

Юноши повернули головы на звук, и тот усилился. Гул. Пение. Большой мужской хор. Они поняли, что звук доносится из-за невысокого косогора, который виднелся слева ярдах в ста, где заливной луг переходил в нераспаханное поле.

– В Или, в большом монастыре, так поют монахи, – пробормотал Шеф.

Дурацкая мысль. Вокруг на двадцать миль ни одного монаха или священника.

– Посмотрим? – шепнул Хунд.

Шеф не ответил, но медленно и осторожно пополз на звук. Там могут быть только язычники. Но, пожалуй, легче подобраться к небольшой компании, чем к целой армии. Все лучше, чем просто шагать по равнине.

Ползком они покрыли половину расстояния, и вдруг Хунд вцепился Шефу в запястье. Он молча указал на пологий склон. В двадцати ярдах под огромным кустом боярышника стоял человек. Тучный, с толстой шеей, широкий в обхвате, он не шевелился и пристально рассматривал землю, опершись на топор в две трети своего роста.

«По крайней мере, он не бегун, – подумал Шеф. – И если в карауле, то встал не туда».

Юноши переглянулись. Пусть викинги великие моряки, но скрытности им следует поучиться.

Шеф осторожно скользнул наискосок от часового вокруг зарослей орляка, через утесник; Хунд дышал в спину. Впереди перестали петь и кто-то заговорил. Нет, не заговорил. Начал проповедь. «Есть ли среди язычников тайные христиане?» – озадачился Шеф.

Через несколько ярдов он бесшумно развел сломанные стебли и заглянул в лощину, ранее не доступную глазу. Там сорок или пятьдесят мужчин расселись на земле неровным кругом. Все с мечами и топорами; копья и щиты были составлены и сложены отдельно. Участок, на котором эти люди сидели, был огорожен веревкой, соединявшей десяток вонзенных в землю копий. С веревки через равные промежутки свисали гроздь алой, по осени спелой рябины. В середине горел костер. Рядом торчало острием вверх одинокое копьё с посеребренным древком.

Оратор стоял у костра спиной к сидящим. Он говорил властно и в чем-то убеждал остальных. В отличие от них и от всех, кого повидал в жизни Шеф, этот человек был одет по-особому: штаны и рубаха не натурального цвета, какой бывает у домотканой материи, и не крашенные, серо-буро-зеленые, а ослепительно-белые, как яйцо.

В правой руке покачивался двуглавый кузнечный молот с короткой рукоятью. Зоркие глаза Шефа оглядели первый ряд сидевших. У каждого на шее была цепь. С цепи на грудь свисал амулет. Украшения были разные – он различил меч, рог, фаллос, лодку. Но добрая половина собравшихся носила знак молота.

Шеф решительно покинул свое укрытие и зашагал в лощину. Заметив его, пятьдесят мужчин мгновенно вскочили, обнажили мечи и грозно возвысили голоса. Сзади донесся недоуменный возглас, и под ногами затрещал орляк. Шеф понял, что это часового. Юноша не обернулся.

Человек в белом медленно повернулся, и они смерили друг друга взглядом поверх веревки с ягодами.

– И откуда же ты взялся? – спросил человек в белом.

Он говорил по-английски с сильным, режущим слух акцентом.

«Что мне сказать? – подумал Шеф. – Из Эмнета? Из Норфолка? Это для них пустой звук».

– Я пришел с севера, – ответил он громко.

Выражение лиц изменилось. Что это – удивление? Узнавание? Подозрение?

Человек в белом подал знак, чтобы все умолкли.

– И какое же тебе дело до нас, последователей Asgarthsvegr – Пути Асгарда?

Шеф указал на его молоты – большой в руке и маленький на шее:

– Я тоже кузнец. Мое дело – учеба.

Теперь уже кто-то переводил его слова остальным. Шеф осознал, что слева возник Хунд, а позади над ними нависла грозная тень караульщика. Он сосредоточился на человеке в белом.

– Докажи свое ремесло.

Шеф извлек из ножен меч и протянул, как протягивал Эдричу. Молотоносец повертел его, всмотрелся; слегка попробовал на излом, отметив удивительную гибкость толстого единого острого клинка, и поскреб ногтем ржавое пятнышко. Затем осторожно сбрил несколько волос с запястья.

– Твой горн был недостаточно горяч, – изрек он. – Или тебе не хватило терпения. Плетение из стальных полос неровное. Но это хороший клинок. Он не такой, каким кажется. И ты сам не такой, каким кажешься. Теперь ответь мне, юнец, чего ты хочешь, и помни, что смерть караулит тебя за плечом. Если ты просто беглый раб, как твой приятель, – он показал на шею Хунда с красноречивыми отметинами, – то мы, возможно, отпустим тебя. Если трус, который хочет примкнуть к победителям, – возможно, убьем. Но может быть, ты что-то третье. Итак, чего тебе нужно?

«Вернуть Годиву», – подумал Шеф.

Он посмотрел языческому жрецу в глаза и произнес со всей искренностью, какую в себе нашел:

– Ты мастер кузнечного дела. Мне больше нечему учиться у христиан. Я хочу к тебе в ученичество. И в услужение.

Человек в белом хмыкнул и вернул Шефу меч костяной рукоятью вперед.

– Опустит топор, Кари, – велел он человеку, стоявшему позади чужаков. – Здесь нечто большее, чем видно глазу.

И он вновь обратился к Шефу:

– Я возьму тебя в подмастерья, юнец. И твоего товарища, если он что-то умеет. Сядьте в стороне и дайте нам закончить наше дело. Меня зовут Торвин, что означает «друг Тора», бога кузнецов. Как звать тебя?

Шеф покраснел от стыда и опустил глаза.

– Моего друга зовут Хунд, – сказал он. – Это значит «пес». И у меня тоже собачье имя. Мой отец... Его уже нет. Меня назвали Шефом.

Впервые на лице Торвина появилось удивление и даже больше.

– Безотцовщина? – пробормотал он. – И Шефом звать. Но это не только собачья кличка. Ты поистине пребываешь в неведении.

* * *

Когда они шли к лагерю, Шефа не отпускал страх. Он боялся не за себя, а за Хунда. Торвин усадил их в сторонке, и странное собрание продолжилось: сперва говорил оратор, потом началось что-то вроде обсуждения на каркающем норвежском, который Шеф почти понимал, а после по рукам церемонно пустили мех с каким-то питьем. В конце все мужчины разбились на небольшие группы и молча возложили руки на тот или иной предмет – молот Торвина, лук, рог, меч и нечто, похожее на высушенный конский уд. Никто не тронул серебряного копья, пока Торвин не разъял его надвое и не закатал в холстину. Через несколько секунд ограждение было убрано, костер потушен, копья разобраны, а участники осторожно и в разные стороны разошлись по четверо и пятеро.

– Мы последователи Пути. – Решив кое-что объяснить юношам, Торвин заговорил на своем выверенном английском. – Не каждый захочет прослыть таким в лагере Рагнарссонов.

Меня они привечают. – Он прикоснулся к молоту на груди. – У меня есть умение. И у тебя есть умение, будущий кузнец. Может быть, это тебя защитит. А что твой друг? Что он может делать?

– Зубы драть, – неожиданно ответил Хунд.

Полдесятка людей, еще стоявших вокруг, удивленно загудели.

– *Tenn draga*, – произнес один. – *That er ithrott*.

– Он говорит, что это достижение – драть зубы, – перевел Торвин. – Правда, что ли?

– Правда, – ответил за друга Шеф. – Он считает, что важна не сила. Главное – знать, как растут зубы. И как правильно повернуть вывихнутое запястье. Он и лихорадку лечит.

– Рвет зубы, вправляет кости, лечит лихорадку, – перечислил Торвин. – Лекарю всегда найдется дело среди женщин и воинов. Он может сгодиться моему другу Ингульфу. Если доведем. Послушайте, оба. Когда мы доберемся до моей кузницы и палатки Ингульфа, все будет в порядке. До тех же пор... – Он покачал головой. – У нас много недоброжелателей. И совсем мало друзей. Рискнете?

Юноши молча последовали за Торвином. Но мудрое ли решение они приняли?

По мере приближения лагерь выглядел все жутче. Он был окружен высоким земляным валом, и каждая сторона достигала как минимум фарлонга в длину. «Великий труд, – подумал Шеф. – Лопатами поработали будь здоров. Означает ли это, что они обосновались надолго? Или для викингов постройка такой крепости обычное дело?»

Вал был увенчан частоколом из заостренных бревен. Фарлонг. Двести двадцать ярдов. Четыре стены. Но нет, вдруг понял Шеф, с одной стороны течет река Стор. Он даже рассмотрел ладейные носы, наставленные на мутный поток. Юноша недоумевал, пока не смекнул, что викинги вытащили корабли, свою величайшую драгоценность, на отмели, а после состыковали и превратили в стену. Насколько же велика крепость? Три стороны. Три раза по двести двадцать ярдов. Бревна, которые пошли на частокол, должны быть примерно в фут толщиной. Три фута – это ярд.

Ум, как часто бывало, занялся цифрами. Три раза по двести двадцать трижды. Наверняка разрешимо, но сейчас Шеф не мог прийти к ответу кратчайшим путем. Так или иначе, бревен много, больших в том числе; таких деревьев не найти на местных равнинах. Очевидно, викинги привезли эти толстые бревна с собой. Шеф смутно постигал незнакомое понятие «планирование». Он не мог подобрать названия. Заблаговременная подготовка? Обдумывание событий до того, как они произойдут? Для этого народа не существовало мелочей. Шеф понял вдруг, что викинги не сводили войну лишь к духу, славе, речам и унаследованным клинкам. Война – ремесло, где в ход идут лопаты и бревна, где ведется подготовка и извлекается прибыль.

Юноши плелись к валам, и на глаза попадалось все больше людей. Одни бесцельно бродили, другие жарили на костре мясо, третьи упражнялись в метании копья. При виде грубых шерстяных одежд Шеф решил, что норманны очень похожи на англичан. Но была и разница. Во всех мужских компаниях, какие раньше встречались Шефу, имелась толика негодных к военному делу: субъекты с переломанными и криво сросшимися ногами; увечные карлики; мужчины со зрением, нарушенным болотной лихорадкой, или старыми травмами головы, которые влияли на речь. Здесь ничего подобного не было. Шеф с удивлением увидел, что викинги, пусть и не сплошь богатыри, были крепкими, закаленными и готовыми к бою. Встречались отроки, но не ребятя. Попадались лысые и седые, но ни одного престарелого паралитика.

И то же самое с лошадьми. На равнине было целое море лошадей – все стреноженные, все на подножном корме. Для этой армии требовалось много коней и пропасть еды. В известном смысле это слабость. Шеф осознал, что думает как враг, выискивающий уязвимые места. Он не был ни таном, ни королем, но знал из опыта, что караулить такие табуны по ночам совершенно невозможно. Сколько ни выставь патрулей, горстка уроженцев болот подберется, разрежет пути и распугает коней. Может, и часовых перебьет. Интересно, как это понравится викингам – идти в караул, притом что дозорные взяли привычку не возвращаться?

У входа Шеф снова упал духом. Ворот не было, и это само по себе казалось зловещим. Дорога вела прямо к валу, где зиял проем в десять ярдов шириной. Викинги словно заявляли: «Наши стены защищают добро и не дают сбежать рабам. Но мы не прячемся за ними. Хотите сразиться – идите к нам. Посмотрим, как вы справитесь с часовыми. Нас берегут не бревна, а топоры, которые их обтесали».

У проема было человек сорок-пятьдесят – кто стоял, кто отдыхал лежа. Но было видно, что все они начеку. В отличие от тех, что снаружи, эти были одеты в кольчуги и кожу. Копья составлены в пирамиду, щиты под рукой. Отряд мог изготовиться к бою за считанные секунды, откуда бы ни нагрянул враг. Заметив Шефа, Хунда, Торвина и всю компанию числом в восемь душ, викинги уже не спускали с них глаз. Остановят?

Из самого же проема вышел детина. Задумчиво уставился на прибывших, давая понять, что приметил и запомнил новичков. Вскоре он кивнул и указал большим пальцем внутрь. Когда они вошли в лагерь, здоровяк обронил пару слов.

– Что он говорит? – прошептал Шеф.

– Что-то вроде «себе на погибель».

Они углубились в лагерь.

* * *

Внутри царил хаос, но при внимательном рассмотрении в нем угадывался порядок. Над всем главенствовала важная цель. Люди были повсюду – стряпали, беседовали, играли в бабки или сидели над шашечными досками. Холщовые палатки тянулись во все стороны, их оттяжки были закреплены замысловатыми узлами. Но дорога оставалась свободной и не пересекалась ни с чем. Она уходила прямо вперед, имея десять шагов в ширину, и даже выбоины были аккуратно засыпаны гравием. Следы колес едва виднелись на утрамбованной земле. Шеф снова подумал, что эти люди – великие труженики.

Скромная процессия продолжала путь. Через сто ярдов, когда она, по расчетам Шефа, должна была оказаться почти в середине лагеря, Торвин остановился и дал знак обоим подойти ближе.

– Я скажу шепотом, потому что здесь очень опасно. В лагере говорят на разных языках. Сейчас мы пересечем главную дорогу, которая идет с севера на юг. Справа, южнее, где река с кораблями, обосновались сами Рагнарссоны со свитой. Любой, кто в здравом уме, обходит их стороной. Мы перейдем через дорогу и двинемся прямо к моей кузнице, она у противоположных ворот. Пойдем прямо, даже не глядя вправо. На месте сразу зайдём внутрь. Мужайтесь, осталось немного.

При переходе через широкий тракт Шеф старательно смотрел под ноги, но его так и подмывало оглядеться. Он пришел ради Годивы – но где она? Хватит ли смелости спросить о ярле Сигварде?

Их вновь окружили толпы, и они медленно пробирались, пока не увидели почти прямо перед собой восточный часток. Там, чуть поодаль от других, стояла грубая постройка. Открытая сторона была обращена к ним, и внутреннее убранство выглядело знакомо: наковальня, глиняный горн, трубы и мехи. Все это было окружено веревками с гроздьями алой рябины.

– Пришли, – повернулся к юношам Торвин и облегченно вздохнул.

Но вдруг побелел лицом, увидев что-то позади Шефа.

Тот оглянулся, уже решив, что пропал. Перед ним стоял высокий человек. Юноша осознал, что смотрит на него снизу вверх, а заодно понял, что в последние месяцы такое случалось редко. Но в этом мужчине хватало и других странностей.

На нем были такие же, как у всех, домотканые портки, но ни рубахи, ни овертуники. Взамен он кутался во что-то вроде широкого одеяла ярко-желтого цвета. Оно было подколото на левом плече, и правая рука оставалась голой. Из-за левого же плеча торчала рукоять огромного меча – тот волочился бы по земле, если бы висел на поясе. В левой руке мужчина держал небольшой круглый щит с ручкой в центре. Из середины торчал железный шип длиной в фут.

Позади столпился десяток людей в схожем облачении.

– Кто такие? – рыкнул великан. – Как вошли?

Шеф понял, несмотря на странный акцент.

– Их пустила стража, что у ворот, – ответил Торвин. – Они безобидны.

– Эти двое – англичане. Enzkiir.

– В лагере полно англичан.

– Да. На цепи. Давай-ка их мне, я закую.

Торвин шагнул вперед, встав между Шефом и Хундом. Пятерка его товарищей рассредоточилась перед десятком людей в желтых накидках. Он схватил Шефа за плечо:

– Я взял его в кузницу подмастерьем.

На мрачном лице с длинными усами появилась презрительная усмешка.

– Ладный малый. Может, и по-другому используешь. А второй? – Здоровяк указал большим пальцем на Хунда.

– Он достанется Ингульфу.

– Еще не достался. У него был ошейник. Отдай его мне. Я выясню, не шпион ли.

Шеф поймал себя на том, что и сам медленно выступает вперед. Желудок сковало страхом. Он понимал, что сопротивляться бесполезно. Их много, и все вооружены. Любой из этих огромных мечей в мгновение ока оставит его без рук или снесет голову. Но он не мог допустить, чтобы забрали друга. Его рука скользнула к рукояти собственного короткого меча.

Рослый человек отпрянул и закинул руку. Шеф не успел моргнуть глазом, как длинный клинок уже был наготове. Вокруг сверкнули мечи, мужчины приняли боевую стойку.

– Стойте! – оглушительно крикнул кто-то.

Покуда Торвин и обладатель накидки вели беседу, их компания привлекла всеобщее внимание. Вокруг собралось человек шестьдесят, они смотрели и слушали. Из этого круга выступил великан, какого Шеф в жизни не видел: выше его на голову и полкорпуса; выше и намного шире, массивнее, чем человек в накидке.

– Торвин! – сказал он. – Мёрдох! – кивнул он тому, что диковинно вырядился. – Что за шум?

– Я забираю этого невольника.

– Нет! – Торвин вдруг схватил Хунда, втолкнул за веревочное ограждение и сомкнул его пальцы на ягодах. – Он под защитой Тора.

Мёрдох рванулся вперед с воздетым мечом.

– Стой! – На сей раз зычный голос прозвучал угрожающе. – Ты не имеешь права, Мёрдох.

– Тебе что за дело?

Медленно, нехотя великан пошарил за пазухой и выпростал серебряный амулет на цепочке. Молот.

Мёрдох выругался, убрал меч и сплюнул.

– Забирай, коли так! Но ты, малец, – он перевел взгляд на Шефа, – тронул при мне рукоять. Мы скоро встретимся, и я трону свою. Тогда ты покойник, малец. – Он кивнул на Торвина. – А Тор мне не указ. Он не лучше Христа с его матерью-потаскухой. И ты не задумай мне голову, как задумал ему, – ткнул он большим пальцем в сторону великана.

После чего повернулся и, высоко держа голову, ушел по дороге самодовольной походкой человека, не желающего признать свое поражение. Его спутники побрели следом.

Шеф понял, что все это время не дышал, и сделал осторожный, трудный вздох.

– Кто они? – спросил юноша, глядя вслед удалявшейся компании.

Торвин ответил не по-английски, а по-норвежски, говоря медленно и подбирая слова, похожие в обоих языках:

– Это гадгедлары. Ирландцы-христиане, отрекшиеся от своего бога и народа и ставшие викингами. У Ивара Рагнарссона много таких, и он надеется с их помощью стать королем и Англии, и Ирландии. Потом же он и его брат Сигурд займутся родной страной – Данией, а заодно и Норвегией.

– Куда могут и не добраться, – добавил спасший их великан. Он опустил перед Торвином голову в странном, даже подобострастном поклоне и смерил взглядом Шефа. – Храбрый поступок, пастушок. Но ты разгневал могущественного человека. Я тоже это сделал, но я уже давно нарываюсь. Зови меня, Торвин, если понадобится снова. Ты знаешь, что я при Рагнарссонах с тех пор, как доставил новости в Бретраборг. Долго ли это продлится, после того как я показал мой молот, мне неизвестно. Но свора Ивара меня все равно утомила.

Он пошел прочь.

– Кто это был? – спросил Шеф.

– Славный воин из Холугаланда, что в Норвегии. Его зовут Вига-Бранд. Убийца-Бранд.

– И он твой друг?

– Друг Пути. Друг Тора. И кузнецов.

«Не знаю, во что я влип, – подумал Шеф, – но мне нельзя забывать, зачем я здесь».

Его взгляд невольно оторвался от ограждения, за которым так и стоял Хунд, и устремился к средоточию опасности – южной речной стене лагеря викингов, стану самих Рагнарссонов. Он вдруг подумал, что Годива непременно окажется там.

Глава 6

В течение многих дней Шефу было некогда размышлять ни о Годиве, ни о чем-либо прочем. Торвин вставал на рассвете, а трудился, бывало, и за полночь – переплавлял, отбивал, закалял, точил. В таком большом войске не переводились те, у кого ослаб топор на топорнице, кому понадобилось заклепать щит, кто вздумал заменить древко копья. Порой выстраивалась очередь человек в двадцать, тянувшаяся от кузницы до края участка и дальше, выходя на дорогу.

Случалось заниматься и более сложным, тяжелым трудом. Несколько раз приносили кольчуги, разорванные и окровавленные, с просьбой починить их, нарастить или подогнать под нового хозяина. Каждое звено приходилось тщательно скреплять с четырьмя другими, а те – еще с четырьмя.

«Носить кольчугу легко, и руки свободны, – сказал Торвин, когда Шеф наконец возроптал. – Но от сильного удара она не защитит, и это сущее проклятие для кузнецов».

Позднее Торвин все чаще предоставлял рутину Шефу, сосредоточившись на сложных и специальных заказах. Но отлучался редко. В самом начале он прибежал к мимике, а говорил по-норвежски и терпеливо повторял, пока не убеждался, что Шеф понял все. Юноша знал, что Торвин и в английском неплох, но кузнец никогда им не пользовался. Он настоял, чтобы подмастерье говорил по-норвежски, пусть даже лишь повторял услышанное. По правде сказать, языки были похожи и строем, и словарем. Спустя какое-то время Шеф разобрался в произношении, и тогда норвежский показался причудливым и корявым диалектом английского – достаточно имитировать, а не учить с азов. После этого дело пошло на лад.

Кроме того, беседы с Торвином хорошо помогали против скуки и тоски. От него и от людей, ждавших очереди, Шеф узнал массу вещей, о которых прежде не слыхивал. Похоже было, что все до единого викинги отлично осведомлены о намерениях и решениях своих вождей: все это обсуждалось и критиковалось без стеснения.

Вскоре стало ясно, что Великая армия язычников, наводившая страх на весь христианский мир, была далека от единства. Костяк составляли Рагнарссоны со своими приспешниками – примерно половина войска. К ним примкнуло множество группировок, которые объединились ради добычи и весьма разнились числом – от двадцати драккаров под предводительством ярла Оркнейского до отдельных команд из сканийских и ютландских деревень. Многие успели разочароваться. Они говорили, что началась-то кампания хорошо – высадились в Восточной Англии, построили крепость. Но замысел состоял в том, чтобы не оседать надолго, а добыть лошадей, найти проводников и внезапно, располагая надежным тылом в виде восточно-английского королевства, ударить по настоящему врагу и подлинной цели – королевству Нортумбрия.

«Почему было сразу не высадиться в Нортумбрии?» – спросил однажды Шеф, утерши пот и пригласив следующего заказчика.

Дюжий лысеющий викинг с помятым шлемом рассмеялся на это громко, но беззлобно. Он заявил, что самое трудное – начать кампанию. Провести корабли по реке. Найти место для стоянки. Раздобыть тысячи лошадей. Войска отстают, суются не в ту реку. «Будь у христиан, – сплюнул он с чувством, – хоть толика разума, нам бы не дали и начать – перебили бы сразу». – «Только не под командованием Змеиного Глаза», – заметил другой. «Может, и так, – согласился первый викинг. – Может, не со Змеиным Глазом, а с кем помельче. Помнишь, как было с франками, когда нас вел Олав Кетиль?» – «Да, – согласился с ним, – лучше освоиться понадежнее, а уж потом бить. Хорошая мысль. Но нынче вышло наоборот. Освоились слишком надежно и пустили корни».

Большинство заказчиков сошлись в том, что дело было в короле Эдмунде – Ятмунде, как они его называли, – и непонятно одно: почему он вел себя так глупо? «Легкая добыча – грабь себе, пока не сдастся». – «Но мы не собирались грабить Восточную Англию, – посетовали заказчики. – Слишком долго. Слишком мало. Во имя ада – почему бы королю не заключить разумную сделку, не заплатить нам? Он получил предупреждение».

«Перегнули палку, наверное, с этим предупреждением», – подумал Шеф, вспомнив бескровное лицо Вульфгара, лежавшего в лошадиных яслях, и осязаемый гнев народа, разлившийся по лесам и полям. Когда он спросил, зачем викингам так приспичило захватить Нортумбрию – крупнейшее, но всяко не богатейшее английское королевство, – собеседники покатались со смеху и долго не могли успокоиться. А потом он услышал жуткий рассказ о Рагнаре Лодбroke и короле Элле; о старом вепре и поросятах, которые расхрюкаются; о Вига-Бранде и о том, как он издевался в Бретраборге над самими Рагнарссонами. Юноша вспомнил непонятные слова, услышанные от человека с посиневшим и распухшим лицом в змеиной яме архиепископа, которые тогда показались пророчеством.

Теперь он понял необходимость мести, но его интересовало кое-что еще.

– Почему вы поминаете ад? – спросил он у Торвина однажды вечером, когда они покончили с трудами и грели эль в кружке, поставленной на остывавший горн. – Разве вы веруете в место, где после смерти наказывают за грехи? В ад веруют христиане, но вы же не христиане.

– С чего ты взял, что «Hell», «ад», – христианское слово? – отозвался Торвин. – Что означает «Heaven»? – На сей раз он воспользовался английским словом «Heofon».

– «Небеса», что же еще, – недоуменно ответил Шеф.

– А также место, где христиане блаженствуют после смерти. Это слово существовало до христиан. Они просто позаимствовали его и наделили новым смыслом. То же самое с адом. Что означает «hulda»? – Теперь он употребил норвежское слово.

– Это значит «скрывать», «прятать». Как «helian» по-английски.

– То-то и оно. «Hell» – это то, что скрыто. То, что находится под землей. Простое слово, как и «Heaven». Ему можно придать какой угодно смысл. Но, отвечая на второй вопрос, скажу: да, мы верим в место, где после смерти наказывают за грехи. Некоторые из нас его видели.

Торвин помолчал, будто не знал, как далеко ему дозволено зайти в своих откровениях. Когда он нарушил тишину, его речь наполовину уподобилась пению, став медленной и монотонной, как у монахов из монастыря в Или на предрождественских бдениях – Шеф слышал их однажды, давным-давно.

Вот дом, не тронутый сиянием солнца,
На Бреге Мертвых; его двери глядят на север,
И с крыши каплет ядовитый дождь.
Клубки змеиные суть стены.
Там люди корчатся от страха и от скорби:
Убийцы-волки и отверженные,
Лжецы, что лгут, чтоб с женщиной возлечь.

Торвин потрянул головой:

– Да, мы верим в наказание за грехи. Возможно, расходимся с христианами в том, что считать грехом.

– Кто это «мы»?

– Пора рассказать, пожалуй. Мне не раз приходила мысль, что ты призван знать.

Они потягивали теплый пряный эль в мерцании умиравшего огня; снаружи засыпал лагерь. И вот Торвин заговорил:

– Слушай, как это было...

И он рассказал, что все началось много поколений назад – с тех пор прошло лет полтора. Тогдашний великий фризский ярл, который правил народом по другую от Англии сторону Северного моря, был язычником. Но он решил креститься, услышав предания из уст английских и франкских миссионеров и почитая чувство родства, существовавшее между его народом и нынешними англичанами-христианами.

По обычаю тех времен, крещение проводилось публично, на свежем воздухе, в большом водоеме, который миссионеры соорудили для всеобщего обозрения. После того как в нее окунется ярл Радбод, за ним должны последовать его придворные, а в скором будущем и все фризы, все ярлство. Не королевство – ярлство, ибо фризы были слишком горды и независимы, чтобы удостоить кого-либо королевским титулом.

И вот, разодетый в алые одежды и горностаевые меха поверх крестильной рубашки, ярл подошел к купели и опустил ногу на первую ступеньку. «Он и впрямь погрузил ее в воду», – заверил Торвин. Но затем Радбод обернулся и спросил предводителя миссионеров – это был франк, которого соотечественники звали Вульфхрамом или Вольфравеном, Волковороном, – правда ли, что едва он, Радбод, примет крещение, его предки, ныне томящиеся в аду среди прочих проклятых, будут выпущены и обретут дозволение дожидаться своего потомка на небесах.

Вольфравен ответил, что нет, они суть язычники, которые не крестились, и потому не могут спастись. Что нет спасения помимо Церкви. Он подкрепил сказанное, повторив на латыни: «Nulla salvatio extra ecclesiam». А потому не будет искупления тем, кто очутился в аду. «De infernis nulla est redemptio».

«Но моим предкам никто не говорил о крещении, – возразил ярл Радбод. – Они и откажутся-то не могли! Зачем же их мучить за то, о чем они не имели понятия?»

«Такова воля Господа», – изрек франкский миссионер. Наверное, он пожал плечами. Тогда Радбод вынул ногу из купели и поклялся, что никогда не станет христианином. Он заявил, что если придется выбирать, то он лучше поселится в аду со своими невинными предками, чем в раю со святыми и епископами, которые ничего не смыслят в правде. И он начал великую травлю христиан по всему фризскому ярлству, возбуждая ярость франкского короля.

Торвин хорошенько приложился к кружке и тронул маленький молот, висевший на шее. – Так все и началось, – сказал он. – Ярл Радбод был великим провидцем. Он понимал: коль скоро священство, книги и письменность будут только у христиан, то их учение в конце концов примут все народы. И в этом сила последователей Распятого и в то же время их грех. Они ни за кем не признают малейшей толики правоты, помимо себя. С ними нельзя будет договориться. Они не согласятся на полумеры. И чтобы сразить их или хотя бы удержать на расстоянии вытянутой руки, Радбод решил, что северные земли должны обзавестись собственными жрецами и собственными преданиями о том, что есть истина. Так был основан Путь.

– Путь, – подтолкнул Шеф, когда Торвин как будто утратил желание продолжать.

– Вот кто такие «мы». Жрецы Пути. Наш долг тroyкий, и так заведено с тех пор, как Путь пролег через земли Севера. Первая обязанность – служить древним богам-асам, Тору и Одину, Фрейру и Уллю, Тиру и Ньёрду, Хеймдаллю и Бальдру. Те, кто имеет глубокую веру в этих богов, носят амулет, как у меня; это знак того бога, которого они почитают превыше других: для Тира – меч, для Улля – лук, для Хеймдалля – рог. Или молот для Тора, как у меня. Этот знак носят многие.

Наша вторая обязанность – кормиться каким-то ремеслом, как я живу кузнечным делом. Ибо нам не дозволено уподобляться жрецам бога Христа, которые сами не трудятся, но берут десятину и подношения от тех, кто работает, и обогащаются, и набивают добром свои монастыри, так что земля стонет от их поборов.

Но третью обязанность растолковать нелегко. Мы должны размышлять о грядущем, о том, что произойдет в мире этом, а не будущем. Видишь ли, христианские жрецы считают сей мир всего-навсего остановкой на пути в вечность, а истинный долг человечества видят в том, чтобы пробыть здесь с наименьшим ущербом для души. Они думают, что этот мир и вовсе не важен. Он не интересует христианских священников. Они не хотят познавать земное бытие.

Но мы, жрецы Пути, верим: в самом конце состоится битва. Настолько великая, что человеческий разум не в силах ее вместить, – и все же она произойдет в этом мире, и наш общий долг – укреплять сторону богов и людей, пока не настанет роковой день.

Вот поэтому наша третья обязанность – не только оттачивать навыки и мастерство, но и множить их, совершенствуя. Мы всегда должны думать, как бы сделать что-то иначе, на новый лад. А самые почитаемые среди нас – те, кто способен создать и вовсе новое ремесло или искусство, о котором никто не то что не слышал, но даже не помышлял. Я далек от таких высот. И все-таки со времен ярла Радбода на Севере познали много нового.

О нас прослышали даже на юге. В Кордове и Каире – городах мавров, и в странах, где живут чернокожие, рассказывают о Пути и о том, что творится на севере у огнепоклонников – *tajus*, как они называют нас. К нам присылают миссии для наблюдения и учебы.

Но христиане в наши края не едут, ибо по-прежнему уверены в своей исключительной правоте. Только они знают, что есть спасение и что есть грех.

– А сделать человека хеймнармом не грех? – спросил Шеф.

Торвин взглянул на него в упор:

– Этому слову я тебя не учил. Но я забыл, что тебе известно больше, чем мне казалось нужным. Да, это грех – превратить человека в хеймнара, в чем бы он ни провинился. Это работа Локи – бога, в честь которого мы поддерживаем огонь в своем жилище, рядом с копьём его отца Одина. Но знак Одина носят только немногие из нас, а знак Локи – никто.

Сделать человека хеймнармом? Нет. Этим занимается Бескостный – и не важно, лично или нет. Есть много способов победить христиан, и способ Ивара Рагнарссона – глупый. Он ни к чему не приведет. Но ты и сам уже понял, что мне не по душе наймиты и прихвостни Ивара. Теперь иди спать.

С этими словами Торвин осушил свою кружку и ушел в спальную палатку, а Шеф задумчиво последовал за ним.

* * *

Работа у Торвина не позволяла Шефу заняться поисками. Хунда почти сразу же увели к лекарю Ингульфу, который тоже был жрецом Пути, но поклонялся целительнице Идун. После этого они не виделись. Шеф выполнял обычные обязанности помощника кузнеца и старался не выходить из зоны заступничества Тора: самой кузницы, соседствовавшей с нею маленькой спальной палатки и двора с глубокой выгребной ямой. Все это было окружено веревками с гроздьями рябины.

– Не выходи за ограждение, – наказал ему Торвин. – Внутри ты пребываешь под защитой Тора, и твое убийство навлечет на душегубов месть. А снаружи, – пожал он плечами, – Мёрдох очень обрадуется, если застанет тебя одного.

Так Шеф остался на огороженной территории.

Хунд пришел следующим утром.

– Я видел ее. Заметил с утра, – шепнул он, проскользнув к сидящему на корточках Шефу.

Тот в кои-то веки остался один. Торвин пошел выяснять, не их ли очередь печь хлеб в общественных печах. Он поручил подмастерью молоть пшеницу на ручной мельнице.

Шеф вскочил на ноги, рассыпав муку и зерна по утопанному полу.

– Кого? Ты говоришь о Годиве? Где? Как? Она...

– Умоляю, сядь! – Хунд принялся спешно сгребать рассыпанное. – Мы должны вести себя как обычно. Тут все просматривается. Будь добр выслушать. Плохо, что она женщина Ивара Рагнарссона – того, что прозвали Бескостным. Но ей не причинили вреда. Она жива и здорова. Я знаю это, потому что Ингульф – лекарь и бывает везде. Он увидел, что я умею делать, и теперь часто берет меня с собой. Несколько дней назад его позвали к Бескостному. Мне не позволили войти, все их шатры окружены усиленной стражей, но я заметил ее, пока ждал снаружи. Ошибиться было нельзя. Она прошла меньше чем в пяти ярдах, хотя меня не увидела.

– Как она выглядела? – спросил Шеф, одолеваемый мучительными воспоминаниями о матери и Труде.

– Смеялась. Она казалась... счастливой.

Юноши замолчали. Если судить по тому, что они слышали, было что-то зловещее в искреннем или мнимом счастье любого, кто находился в пределах досягаемости Ивара Рагнарссона.

– Но слушай дальше, Шеф. Она в страшной опасности, хотя сама этого не понимает. Она считает, что если Ивар любезен и не использует ее как шлюху, то ей ничего не грозит. Но с Иваром что-то неладно – либо в теле, либо в голове. Это можно подправить, и он изменится. Глядишь, однажды Годива и станет его шлюхой. Ты должен вызволить ее, Шеф, и поскорее. И первым делом надо сделать так, чтобы она тебя увидела. Я не знаю, как быть дальше, но если она поймет, что ты рядом, то сможет как-нибудь передать весточку. И вот что я услышал еще. Все женщины, которые принадлежат Рагнарссонам и высшему начальству, сегодня покинут шатры. Они жалуются, что им уже который месяц негде помыться, кроме как в грязной речке. Собираются выкупаться и постирать одежду. Примерно в миле отсюда есть заводь, туда они и пойдут.

– Мы сможем ее увести?

– Даже не думай. В войске тысячи мужчин, и все изголодались по женщинам. Там будет столько надежных конвоиров, что и щелочки не останется заглянуть. Самое большее, что можно сделать, – постараться, чтобы она тебя увидела. Теперь смотри, куда они собрались. – Хунд начал торопливо описывать местность, для верности тыча пальцем.

– Но как мне отсюда выбраться? Торвин...

– Я подумал об этом. Как только женщины начнут выходить, я приду и скажу Торвину, что хозяин зовет его подточить инструменты, которыми режут голову и живот. Ингульф творит чудеса, – добавил Хунд, восхищенно покачав головой. – Он лучше любого церковного лекаря. Торвин, конечно, пойдет со мной. А ты перелезешь через стену, обгонишь женщин и охрану и как бы случайно попадешься навстречу.

Хунд был прав насчет Торвина. Тот сразу согласился, как только выслушал просьбу.

– Иду, – сказал он, положив молот и озираясь в поисках оселков для правки с водой и маслом, для тонкой шлифовки.

И отправился сразу, как только собрал необходимое.

А дальше все пошло наперекосяк: явились два заказчика, и ни один не хотел ждать, так как оба отлично знали, что Шеф никогда не покидает кузницу. Едва юноша от них отделался, пришел третий, чрезвычайно болтливый и любопытный. Когда же наконец Шеф очутился за веревочным ограждением, он понял, что ему предстоит самое опасное занятие в лагере, полном наблюдательных глаз и праздных умов, – спешка.

И он поспешил, размашисто шагая по запруженным улочкам, не глядя на обращенные к нему лица и натываясь на растяжки пустых палаток. А дальше вырос вал с бревенчатым частоколом, и вот он, взявшись за острые кольца высотой в человеческий рост, перемахнул через них единым мощным прыжком. Кто-то крикнул, его заметили, но шум не поднялся. Он не входил, а выходил, и не было причины голосить «держите вора».

Теперь на равнину, усеянную лошадьми и упражняющимися воинами. В миле видна полоска деревьев, за ними находится заводь. Женщины пойдут вдоль реки, но бежать за ними будет самоубийством. Ему необходимо попасть туда первым и как ни в чем не бывало пойти назад, а лучше стоять, пока они будут проходить мимо. Не может он приближаться и к входному проему: там часовые, замечающие все, что творится кругом.

Шеф пренебрег опасностью и побежал через луг.

Через десять минут он достиг заводи и пошел по грязной тропе вдоль берега. Никого еще не было. Ему осталось уподобиться воину на отдыхе. Непростая задача, ведь он отличался от остальных хотя бы тем, что сам по себе. Вне лагеря и даже внутри его викинги ходили корабельными дружинами или хотя бы прихватывали для компании дружка из гребцов.

У него не было выбора. Придется идти как есть. В надежде, что Годиве хватит зоркости увидеть его и ума – промолчать.

Шеф различил голоса впереди, женский говор и смех вперемешку с мужским. Он обогнул куст боярышника и обнаружил перед собой Годиву. Их взгляды встретились.

В тот же миг он увидел море шафрановых накидок и в панике огляделся. Так и есть: Мёрдох, находившийся в пяти шагах, устремился к нему с победным воплем. Не успел Шеф пошевелиться, как его крепко схватили за руки. Остальные столпились за вожаком, на миг позабыв о своих подопечных.

– А вот и наш птенчик, который петушился! – злорадно произнес Мёрдох, сунув большие пальцы за ремень. – Хватался передо мной за меч! Что, вылез на баб поглазеть? Это тебе дорого обойдется. Эй, ребята, отведите его в сторонку! – С леденящим шорохом он обнажил длинный клинок. – Негоже смущать дам видом крови.

– Я буду драться, – сказал Шеф.

– Ничего ты не будешь. Разве вождь гадгедларов ровня беглому рабу, который едва избежал от ошейника?

– Я никогда не носил ошейник, – прорычал Шеф.

Он ощутил нарастающий жар, изгнавший озноб паники. Шанс был мизерный. Если Шеф заставит этих людей обращаться с собой на равных, то, может, и выживет. В противном случае не пройдет и минуты, как он превратится в обезглавленный труп и будет брошен в кусты.

– Мое происхождение не ниже твоего. А по-датски говорю и получше!

– Это верно, – холодно молвил кто-то из гущи накидок. – Мёрдох, все твои люди смотрят на тебя. А должны – на женщин. Или вы сможете только скопом разобраться с этим малым?

Толпа перед Шефом расступилась, и он обнаружил, что смотрит прямо в глаза говорившему. Шеф подумал, что они светлы, как наледь на тончайшем, почти прозрачном кленовом блюде. Они не мигали и ждали, когда Шеф потупит свои. Он с усилием отвел взор. И обмер от страха, понимая, что смерть подступила вплотную.

– Ты недоволен, Мёрдох?

– Да, господин. – Ирландец тоже опустил глаза.

– Тогда дерись с ним.

– Но я же сказал, что...

– Тогда пусть дерется кто-нибудь из твоих людей. Выбери младшего. Пусть отрок сражится с отроком. Если твой победит, я дам ему это. – Ивар снял с руки серебряный браслет, подбросил и снова надел. – Отойди и освободи им место. Женщины тоже посмотрят. Никаких правил, сдаваться нельзя, – добавил он, сверкнув зубами в холодной невеселой улыбке. – Биться насмерть.

Спустя секунды Шеф снова перехватил взгляд Годивы – ее глаза округлились от ужаса. Она стояла в первом ряду двойного кольца, где женские платья смешались с яркими шафрановыми накидками, а кое-где виднелись алые плащи и золотые доспехи знатных воинов и ярлов, сливок армии викингов. В самой гуще Шеф заметил знакомую гигантскую фигуру Убийцы Бранда. Повинуясь порыву, юноша, пока противника готовили к бою на другом краю круга, шагнул к великану со словами:

– Сударь, одолжите мне ваш амулет. Я верну – если смогу.

Воин-исполин бесстрастно протянул амулет Шефу.

– Разуйся, малец. Здесь скользко.

Шеф последовал совету. А еще задышал во всю силу легких. Он видел много поединков и знал, что это глубокое дыхание предотвратит секундный паралич, неготовность к бою, которая выглядит как страх. Рубашку он тоже снял, нацепил амулет, извлек меч и отшвырнул в сторону ремень и ножны. Круг широкий, подумал он. Понадобится скорость.

Противник уже вышел навстречу, тоже отбросив накидку и раздевшись, как Шеф, до пояса. В одной руке он держал меч гадгедларов, уже обычного, зато длиннее на фут. В другой – такой же шипастый круглый щит, как у его товарищей. Поверх волос, охваченных тесьмой, сидел шлем. Он был ненамного старше Шефа, и будь у них борцовский поединок, тот бы не испугался. Но у ирландца были щит и меч, оружие в обеих руках. Он был воином, побывавшим в бою, сразившимся в десятке мелких стычек.

Откуда-то извне пришло видение. Шеф снова услышал мрачный напев Торвина. Он нагнулся, поднял с земли сучок и метнул противнику в голову, как дротик.

– Я отправлю тебя в ад! – крикнул он. – Я отправлю тебя на Берег Мертвых!

Толпа заинтересованно загудела, раздались ободряющие вопли:

– Давай, Фланн! Врежь ему кругляшом!

Никто не ободрил Шефа.

Ирландец мягко подступил и резко атаковал. Он притворился, будто целится Шефу в лицо, и перевел выпад в удар слева, метя в шею. Шеф поднырнул, шагнул вправо, отбил шипастый щит. Викинг подался вперед, размахнулся опять, на этот раз сверху вниз. Шеф снова отступил, как бы намереваясь уйти вправо, но шагнув влево. На миг противник оказался к нему боком, и можно было поразить голое правое плечо. Вместо этого Шеф отскочил и ринулся в середину круга. Он уже решил, что будет делать, и тело слушалось безупречно – невесомое как перышко, подстегнутое силой, которая раздувала легкие и гнала по жилам кровь. Вспомнилось, как сломался меч Сигварда, и юношу затопил свирепый восторг.

Фланн возобновил натиск, все быстрее размахивая мечом и пытаясь прижать Шефа к зрителям. Он был проворен. Но Фланн привык обмениваться ударами и отбиваться мечом и щитом-кругляшом. Он не знал, как вести себя с противником, который просто его избегал. Шеф делал высокие и длинные прыжки; пытаясь угнаться, ирландец сбивал дыхание. Армия викингов была набрана из моряков и всадников, которые были крепки в руках и плечах, но ходили мало, а бегали еще меньше.

Как только зрители разгадали тактику Шефа, их возгласы исполнились злобы. Того и гляди затеют сомкнуться и сузить кольцо. Когда Фланн прибегнул к излюбленному нисходящему диагональному удару слева – теперь чуть медленнее, чуть более предсказуемо, – Шеф впервые шагнул вперед и яростно отбил атаку, нацелясь основанием своего широкого клинка в острие длинного меча. Не хрустнуло. Но ирландец замешкался, и Шеф, отводя меч после отбива, ухитрился полоснуть по руке – брызнула кровь.

Шеф снова оказался вне досягаемости. Он не воспользовался преимуществом, метнулся вправо, а затем влево, сменив направление, как только надвинулся противник. В глазах ирландца мелькнуло изумление. Из его рабочей руки лилась кровь, и довольно сильно – достаточно, чтобы ослабить его за несколько минут, если он не успеет одержать победу.

Они оставались в центре круга долго, примерно сто ударов сердца. Фланн старался уже не только рубить, но и колоть, а Шеф не только уваливал, но и отражал удары, норовя выбить меч из окровавленной руки.

Заметив, что атаки противника утратили уверенность, Шеф вновь запорхал, подпрыгивая на неутомимых ногах и кружа вокруг Фланна, не жалея сил и неизменно двигаясь влево, чтобы очутиться за правой рукой ирландца.

Дыхание Фланна уподобилось всхлипам. Он направил щит в лицо Шефа, сопроводив это движение вспарывающим восходящим ударом. Но Шеф уже сидел на корточках, оперевшись в землю фалангами держащих меч пальцев. Он отбил чужой клинок, и тот прошел намного выше левого плеча. В мгновение ока Шеф выпрямился и глубоко всадил меч под обнаженные, мокрые от пота ребра. Когда раненый содрогнулся и шатко попятился, Шеф поймал его шею в борцовский захват и вонзил меч повторно.

Сквозь общий рев донесся голос Убийцы-Бранда:

– Добей! Отправь его в Настронд!

Шеф посмотрел в упор на перекошенное ужасом, еще живое лицо и испытал приступ ярости. Он протолкнул меч поглубже в грудную клетку и ощутил, как тело Фланна свела судорога. Шеф медленно стряхнул его с меча. И увидел бледное от гнева лицо Мёрдоха. Юноша шагнул к Ивару, который стоял теперь рядом с Годивой.

– Весьма поучительно, – заметил Ивар. – Приятно видеть того, кто работает головой не хуже, чем рукой. Вдобавок ты сохранил мне серебряный браслет. Но забрал человека. Чем думаешь заплатить?

– Я тоже человек, господин.

– В таком случае ступай на мои корабли. Будешь гребцом. Но не у Мёрдоха. Приходи вечером в мой шатер, и воевода найдет тебе место.

Ивар задумчиво глянул вниз:

– У тебя на клинке зазубрина. Я не заметил, чтобы ее оставил Фланн. Чей это был меч?

Шеф замялся. Впрочем, с такими людьми чем смелее, тем лучше. Он ответил громко и дерзко:

– Это был меч ярла Сигварда!

Ивар напрягся.

– Ладно, – молвил он. – Не ровен час, нашим женщинам не будет ни мытья, ни стирки. Займемся делами.

Он отвернулся, потянув за собой Годиву, хотя та на миг задержалась, и страдальческий взгляд был обращен к Шефу.

Юноша поймал себя на том, что взирает на исполинскую фигуру Вига-Бранда. Он медленно снял амулет.

Бранд подбросил его на ладони:

– В обычном случае я сказал бы: оставь себе, малец, заслужил. Когда-нибудь ты станешь великим воином – это говорю тебе я, Бранд, славный из мужей Холугаланда. Но мне сдается, что, хоть ты и кузнец, молот Тора – не подходящий для тебя знак. Я думаю, что ты человек Одина, которого еще зовут Бильейгом, Бальейгом и Бёльверком.

– Бёльверком? – повторил Шеф. – Разве я злодей?⁸

– Пока нет. Но можешь стать орудием злодея. Тебя сопровождает зло, – покачал головой гигант. – Однако для новичка ты справился хорошо. Как пить дать это твое первое смертоубийство – у меня чутье, как у гадалки. Смотри, ирландцы забрали труп, но оставили меч, щит и шлем. Они твои. Таков обычай. – Говоря, он смотрел на Шефа испытующе.

Тот медленно покачал головой:

– Я не могу наживаться на том, кого отправил в Настронд, на Берег Мертвых.

Он подобрал шлем и зашвырнул в мутный поток; щит бросил в кусты; наступил на длинный узкий меч и согнул дважды, трижды, приведя в негодность, после чего оставил лежать.

– Вот оно, – молвил Бранд. – Торвин тебя этому не учил. Это знак Одина.

Глава 7

Когда Шеф вернулся в кузницу и рассказал о случившемся, Торвин не удивился. Услышав же, что юноша вольется в воинство Ивара, он устало хмыкнул, но потом рассудил:

– Лучше не ходить туда в таком жалком виде, засмеют. Ты сорвешься, и будет еще хуже.

Из груды всякой всячины, сваленной в глубине хижины, он вытянул копье с недавно замененным древком и обитый кожей щит.

– Так будет приличнее.

– Это твое?

– Иногда приносят, чтобы я починил, а после не возвращаются.

Шеф принял дары и замялся, держа на плече скатанное одеяло и другие скудные пожитки.

– Я должен поблагодарить тебя за все.

– Делаю то, что велит мой долг перед Путем. По крайней мере, я считаю это своим долгом. Возможно, ошибаюсь. Но я не дурак. Уверен, тебе нужно что-то, о чем я не знаю. Я лишь надеюсь, что это не навлечет на тебя беду. Может быть, наши дороги еще пересекутся.

Они расстались без лишних слов. Шеф во второй раз выбрался за рябиновое ограждение и в первый – пошел по дорожке между палатками, ничего не боясь, глядя прямо и не косясь по сторонам. Он направился не к стойбищу Ивара и остальных Рагнарссонов, а к палатке лекаря Ингульфа.

Вокруг нее, как обычно, толпился народ, за чем-то наблюдая. Когда Шеф приблизился, все уже разошлось; последние отбыли с носилками, на которых лежал забинтованный. Хунд вышел навстречу другу, вытирая руки о тряпку.

– Чем ты занимался?

– Помогал Ингульфу. Мы творим поразительные дела. Этот человек боролся, неудачно упал – сломал ногу, представь. Что бы ты делал, случись это дома?

Шеф пожал плечами:

⁸ Bale-worker – злодей (англ.).

– Перевязал бы. Больше ничего не придумать. Рано или поздно заживет.

– Но такой человек не сможет нормально ходить. Кости сростутся как попало. Нога будет кривой и в шишках – как у Круббы, угодившего под лошадь. Ну а Ингульф, перед тем как перевязать, вытягивает ногу и давит, пока обломки не состыкуются. Потом укладывает ногу меж пары кольев и бинтует, чтобы не гнулась, пока заживает. Но случаи вроде сегодняшнего вообще потрясающие – бывает, что перелом совсем скверный и кости торчат наружу. И он, если нужно, обрезает кость и вскрывает ногу так, что удастся затолкать ровно! Я и не думал, что можно выжить после такой резни. Но он работает очень быстро и точно знает, что делать.

– А ты сможешь так? – спросил Шеф, видя, как лицо его друга, обычно унылое и землистое, сияет от воодушевления.

– Если он объяснит хорошенько. И если сам руку набью. И кое-что еще требуется. Видишь ли, Ингульф изучает тела мертвых, чтобы узнать расположение костей. Что бы сказал на это отец Андреас?

– Значит, ты хочешь остаться у Ингульфа?

Беглый раб медленно кивнул. Он высвободил из-под рубахи цепочку с маленьким серебряным амулетом.

– Это от него. Яблоко целительницы Идун. Теперь я верую. В Ингульфа и Путь. А в Идун, может быть, и нет. – Хунд посмотрел на шею товарища. – Торвин не обратил тебя. Ты не носишь молот.

– Немного поносил. – Шеф коротко рассказал о случившемся. – Теперь, глядишь, мне удастся спасти Годиву и выбраться отсюда. Надеюсь, если я выжду достаточно долго, Бог будет добр ко мне.

– Бог?

– Или Тор. Или Один. Начинает казаться, что мне все равно. Может быть, кто-то из них следит.

– Я могу чем-нибудь помочь?

– Нет. – Шеф сжал плечо друга. – Возможно, мы больше не увидимся. Но если ты уйдешь от викингов, то надеюсь, что я однажды дам тебе приют. Пусть даже в хижине на болоте.

Он повернулся и направился к тому месту, куда он не отваживался даже взглянуть, когда они впервые вступили в лагерь викингов: к шатрам вождей.

Владения четверки Рагнарссонов простирались от восточной стены до западной на целый фарлонг вдоль реки. В самом центре стоял огромный шатер для собраний, где хватало места столам на сто человек. Рядом расположились узорные шатры самих братьев. Вокруг каждого сгруппировались палатки женщин, иждивенцев и самых верных телохранителей. Дальше тянулись ряды походных воинских палаток, обычно по три-четыре на экипаж, среди которых попадались и меньшие – для капитанов, кормчих и воевод. Свиты братьев старались держаться особняком.

В подчинении у Змеиного Глаза состояли в основном датчане: вся армия знала, что Сигурд со временем вернется в Данию как претендент на престол в Зеландии и Сконе, принадлежавших его отцу, а затем выступит и с притязаниями на Данию от Балтийского моря до Северного – этот престол не доставался никому со времен короля Готфрида, воевавшего с Карлом Великим.

Убби и Хальвдан, не имевшие доли в наследстве и права ни на какой трон, кроме того, что добудут сами, набирали людей отовсюду – шведов, гаутов, норвежцев, жителей Готланда, Борнхольма и всех островов.

Ивар окружал себя изгоями того или иного сорта. Многие из них, несомненно, были убийцами, бежавшими от мести или правосудия. Но костяк его войска составляли морские бродяги из норманнов, которые на протяжении поколений стягивались на кельтские острова – Оркнейские и Шетландские, потом на Гебридские и на побережье Шотландии. Много лет эти люди закалялись в частых сражениях с жителями Ирландии, Мэна, Стратклайда, Галлоуэя

и Кумбрии. Между собой они похвалялись – хотя их притязания яростно отвергались многими, особенно норвежцами, считавшими Ирландию своей вотчиной, которой им и распорядиться, – что настанет день, когда Ивар Рагнарссон будет править самим Дуб-Линном, всей Ирландией из замка у черного пруда, а после поведет своих доблестных моряков на слабые королевства христианского Запада. «Уи Нейллы⁹ еще скажут свое слово», – говорили друг другу гадгедлары на ирландском языке, до которого не опускались ни гебридцы, ни норманны. Но говорили тихо. При всей своей гордости они понимали, что соотечественники сильнее прочих ненавидят их самих – отступников от Христа, сообщников тех, кто подверг Ирландию огню и мечу. Ведь они совершили злодеяние ради денег и власти, а не для славы и удовольствия, как было в обычае ирландцев со времен Финна, Кухулина и великих воинов Ольстера.

В этот-то разношерстный лагерь, готовый взорваться от малейшей ссоры, и вошел Шеф, когда вокруг уже разводили костры для приготовления ужина.

Его встретил воевода, который выяснил его имя, выслушал рассказ, неодобрительно покосился на убогое снаряжение и хмыкнул. Он кликнул из толпы юношу, чтобы тот показал Шефу его палатку, спальное место и весло на корабле, а также ознакомил с обязанностями. Парень – Шеф не запомнил его имени, да и не хотел – сообщил, что новичку предстоит поочередно нести четыре караульные службы: при кораблях, воротах, загонах и, если понадобится, при палатке Ивара. Всем этим занимался в основном экипаж.

– Я думал, Ивара охраняют гадгедлары, – сказал Шеф.

Юноша сплюнул:

– Да, когда он на месте. Если уходит, гадгедлары сопровождают его. Но ценности и женщины остаются. За ними нужно присматривать. Да и всяко гадгедларам не поздоровится, если они отойдут от Ивара слишком далеко, – на них точат зуб Кетиль Плосконосый со своими людьми, Торвальд Глухой и еще десяток вождей.

– И нам доверят караулить палатку Ивара?

Юноша косо посмотрел на Шефа:

– Почему бы и нет? Скажу тебе вот что, enzk¹⁰: если подумываешь о богатствах Ивара, то лучше выброси эти мысли из головы. Целее будешь. Ты слышал, что Ивар сделал в Науте с ирландским королем?

Он на ходу подробно расписал все, что Ивар сделал с королями и фигурами помельче, которые вызвали его неудовольствие. Шеф слушал вполуха, с огромным интересом рассматривая лагерь. Было ясно, что новичка нарочно запугивают байками.

Слабым звеном он счел корабли. Для того чтобы втащить их на отмели, требовалось свободное место, поэтому там не было укреплений. Но в то же время корабли были главным достоянием викингов. Если отряд противника проберется мимо речной стражи, то окажется среди ладей с факелами и топорами – и тогда быть беде.

Другое дело – часовые у ворот. Их трудно застать врасплох. Любая схватка будет происходить на ровной почве и при равных условиях, а огромные топоры и метательные копья викингов принесут им легкую победу. Любому, кто прорвется через заслон, останется лишь прорубаться сквозь строй за строем в лабиринте палаток и канатов.

Теперь загоны. . . Их собственный находился у восточной стены: хлипкая ограда из кольев и кожаных веревок. За ними ютились люди под холщовым навесом, защищавшим лишь от дождя. Они были скованы по рукам и ногам кандалами, однако, как заметил Шеф, друг с другом соединены только ремнями. Цепи стоили слишком дорого. Но к тому моменту, когда человек перегрызет кожаные путы, спохватится даже самый непутевый стражник, а за малей-

⁹ Правящие династии Ирландии и Шотландии, потомки Ниалла Девять Заложников, полумифического короля Ирландии.

¹⁰ Англичанин (др. – сканд.).

шее неповиновение рабов жестоко наказывают. Проводник Шефа обронил, что если сильно изувечить раба, то его уже не продать, а потому лучше прикончить в назидание остальным.

Заглянув через ограду в загон, Шеф заметил знакомую голову. Человек пребывал в глубоком отчаянии, уткнувшись взглядом в землю; в его белые кудри въелась грязь. Альфгар, единоутробный брат, трофей из Эмнета. Голова шевельнулась, словно почувствовав взгляд, и Шеф мгновенно опустил взор, как бывало на охоте, когда он выслеживал олениху или кабана.

– Вы так и не продали ни одного раба с тех пор, как прибыли?

– Нет. Слишком опасно везти их морем, у англичан повсюду засады. Эти принадлежат Сигварду. – Юноша снова выразительно сплюнул. – Он ждет, пока кто-нибудь расчистит ему путь.

– Расчистит путь?

– Через два дня Ивар заберет половину армии на бой с корольком Ятмундом – у вас его зовут Эдмундом. Пусть сражается, иначе его страну разорят. Мы бы действовали попроще, но уже потеряли слишком много времени. Поверь, Ятмунду несдобровать, когда до него доберется Ивар...

– А что же мы? Останемся или выступим?

– Наша команда останется. – Юноша вновь посмотрел на Шефа не то озадаченно, не то сердито. – Зачем, по-твоему, я все это рассказываю? Будем охранять от зари до зари. Жаль, что я не пойду. Хочется посмотреть, как наши разделяются с этим королем, когда поймают. Я же сказал тебе про Наут. Ну, зато я был на реке Бойн, когда Ивар грабил гробницы покойных королей, а жрец Христа вздумал остановить нас. И вот что сделал Ивар...

Эта тема захватила юношу и его товарищей на весь ужин, состоявший из похлебки и соленой свинины с капустой. Еще был бочонок эля, которому проломил крышку топориком или боевым топором, и все угостились вволю. Шеф хватил лишку, и события дня перемешались в его голове. Он усердно обдумывал все, что узнал, пытаясь составить хотя бы черновой план. До своего ложа добрался вконец измученный. Гибель от его руки ирландца казалась мелочью, событием далекого прошлого.

Наконец Шеф погрузился в сон – в нечто большее, чем сон.

* * *

Он выглядывал из окна, приотворив ставни. Была лунная ночь, настолько светлая, что быстрые тучи даже во мраке отбрасывали тусклую тень. И вдруг сверкнуло.

Рядом стоял человек, невнятно объяснявший, что это было. Но Шеф не нуждался в объяснениях. Он знал. В нем нарастало тупое чувство обреченности. Ей противостоял прилив гнева. Юноша пресек объяснения.

«Это не утренняя заря, – молвил Шеф-который-был-не-Шеф. – И не дракон, и не горящая кровля дома. Сверкают обнаженные мечи тайных врагов, идущих сразить нас во сне. Ибо проснулась война, которая принесет бедствие всем людям. Поэтому поднимайтесь, мои воины, помыслив о доблести; охраняйте двери, сражайтесь героически».

Во сне позади него зашумели воины – они вставали, подхватывали щиты, застегивали ремни с мечами.

Но во сне и над сном, не в зале дворца, не в строках героической саги, которая разворачивалась у него на глазах, Шеф услышал могучий глас – слишком зычный для человеческого горла. Он знал, что это глас бога. Но не такой, каким представляется божий глас любому человеку. Без всякого достоинства и благородства. Насмешливый, язвительный.

«О, полудатчанин, который не из полудатчан! – произнес он. – Не слушай отважного воина. Не выходи на бой, когда придет беда. Ищи землю. Ищи землю».

* * *

Шеф резко очнулся, почуяв чад. Еще не одолев сонливость, он несколько секунд гадал: странный запах, что-то едкое вроде смолы, почему горит смола? А потом все вокруг пришло в движение; его пнули в живот, и он мигом пришел в себя. В палатке царил кавардак, люди искали одежду и оружие в кромешной тьме; затем стал виден огонь снаружи. Шеф осознал вдруг, что отовсюду несется рев. Крики, треск дерева и над всем – оглушительный лязг клинков о клинки и клинков о щиты. Грохот нешуточной битвы.

В палатке орали и бестолково метались. Снаружи кричали по-английски, и вдруг голоса зазвучали всего в нескольких ярдах. Шеф вдруг понял, о чем говорил мощный глас, еще отдававшийся в ушах. Он бросился на землю и протиснулся в середину, подальше от стен. Едва он это сделал, как бок палатки просел и внутрь сунулось блестящее копьё. Юноша, который наставлял Шефа, полуобернулся, все еще путаясь ногами в одеяле, и получил сильнейший удар в грудь. Шеф подхватил тело и уложил поверх себя, вторично за считанные часы ощутив предсмертную судорогу.

Палатка рухнула, и по ней затопали, вонзая копьё в извивавшихся людей, которые оказались в ловушке. Тело в объятиях Шефа дернулось еще и еще; во тьме – в каких-то дюймах – раздался крик боли и страха; клинок погрузился в землю, задев выставленное колено Шефа. Затем топот прекратился, голоса переместились вдаль, и в десяти ярдах по направлению к центру лагеря вновь зазвенели клинки и раздалась вопли.

Шеф понял, что произошло. Английский король принял вызов викингов, атаковал их лагерь среди ночи и, показав отменную организацию и воспользовавшись самоуверенностью врагов, прорвался либо через строй кораблей, либо через вал с частоколом и устремился к шатрам вождей. Шеф схватил штаны, обувь, пояс с мечом и выбрался из-под тел своих временных товарищей наружу. Там оделся и, пригибаясь, побежал.

Вокруг на двадцать ярдов не было никого на ногах. Между Шефом и частоколом лежали поваленные палатки и поверженные воины, иные слабо звали на помощь или пытались встать. Английские налетчики пронеслись по лагерю, истребляя все, что двигалось. Уцелели под их ударом немногие.

Прежде чем викинги оправятся и изготоятся к бою, противник далеко углубится в их лагерь, и тогда ничьей не бывать – только победа или поражение.

Горело и дымилось все побережье; пламя, встречавшее парус или свежеспромоленный каркас, исправно вспыхивало; в огне плясали демоны, метавшие копьё и размахивавшие мечами и топорами. При первом натиске англичан сопротивление не могло быть яростным. Но те викинги, которые оказались ближе других к кораблям, сплотились, чтобы отчаянно защищать своих «скакунов моря». Что же творилось у палаток Рагнарссонов? «Не пора ли вызволять Годиву?» – подумал Шеф с холодной расчетливостью, не оставлявшей места сомнениям.

Нет. Бой явно не затихал, и обе стороны свирепо бились. Если викинги отразят атаку, Годива останется рабыней, наложницей Ивара. Но если нет, а Шеф окажется рядом, чтобы спасти ее...

Он побежал не к месту сражения, где лишнему слабовооруженному человеку не найти ничего, кроме скорой смерти, а в сторону противоположную, к валам с частоколом, где пока было темно и тихо. Не совсем тихо. Шеф осознал, что бой идет не только поблизости, но и вдали, возле валов, усаженных кольями. Во мраке летали копьё, над бревнами взмывали языки пламени. Король Эдмунд напал сразу со всех сторон. Каждый викинг спешил к ближайшему опасному месту. Пока норманны сообразят, где жарче всего, Эдмунд либо одержит верх, либо проигрывает.

Шеф тенью помчался к невольничьим загонам. Когда он приблизился, навстречу во тьме, разрываемой сполохами, заковылял человек с почерневшим от крови бедром и повисшим в руке мечом.

– Fraendi! – Человек назвал Шефа другом. – Пособи мне, останови кровь...

Шеф ударил снизу, провернул клинок, выдернул.

«Один готов», – подумал он, подобрав меч.

Стража осталась на месте, она сбилась в кучу перед воротами загона и явно намеревалась воспротивиться любому натиску. Над кольями по всей длине ограды маячили головы – привязанные рабы пытались увидеть происходящее. Шеф перебросил длинный меч через ближайшую стену и молнией последовал за ним. Охрана взвыла, заметив его, но не тронулась с места – не рискнула оставить ворота.

Шеф очутился в вонючей, цепкой толпе. Он ругался по-английски, расталкивая пленников. Одному перерубил кожаные путы на руках и ногах, сунул в руки длинный меч.

– Режь остальные, – прошипел он, спешно повернувшись к следующему и выхватив из ножен собственный меч.

Увидев, что происходит, к нему протянули руки; потом схватились за ножные путы и подняли выше, чтобы легче было резать. Сердце ударило раз двадцать, а он освободил уже десяток рабов.

Ворота со скрипом отворились, охрана решила войти и обуздать пришельца. Стоило появиться первому стражу, как его схватили за руки и за ноги, в лицо впечатался кулак. В следующий миг он лежал на земле, лишившись топора и копья; удары же обрушились на его товарищей, которые всем скопом ввалились со света во мрак. Шеф, иступленно кромсавший ремни, вдруг увидел Альфгара; лицо единоутробного брата исказилось от изумления и ярости.

– Мы должны найти Годиву.

Альфгар кивнул.

– Ступай со мной. Эй, вы! – Шеф сорвался на крик. – Оружие у ворот, разрежьте путы. Все, кто вооружен и хочет сразиться за Эдмунда, – через стену и за мной!

Он зачехлил меч, шагнул к стене, схватился за острия кольев и снова преодолел ограду мощным прыжком. Альфгар присоединился мигом позже, пошатываясь; он еще не пришел в себя от внезапного освобождения. За ним последовало два десятка полуголых; другие еще только карабкались через стену. Некоторые опрометью бросились в спасительную темноту, кто-то обратил свой гнев на охранников, все бившихся у ворот. Шеф побежал обратно мимо поверженных палаток, сопровождаемый дюжиной людей.

Оружие было повсюду – упавшее там, где погибли его владельцы, или сложенное на ночь. Шеф отшвырнул палаточный лоскут, перескочил через труп, забрал копье и щит. Последовала долгая пауза, пока его люди вооружались. Юноша рассмотрел их, тяжело дыша. В основном крестьяне, но озлобленные и отчаянные, доведенные до безумной ярости жестоким обращением. Правда, тот, который стоял впереди и пытливо смотрел на него, был суцая гора мускулов и держался как воин.

Шеф указал вперед, где продолжалась битва за нетронутые палатки викингов-военачальников.

– Король Эдмунд там, пытается убить Рагнарссонов, – сказал он. – Если преуспеет, то викинги будут разбиты, обратятся в бегство и никогда не оправятся. Если проиграет, нас снова переловят и все деревни и шайры будут в опасности. Мы свободны и вооружены. Давайте присоединимся к нашим и прорвемся вместе.

Освобожденные рабы дружно устремились к месту сражения.

Альфгар задержался:

– Тебя не было с королем Эдмундом, ты полуголый и плохо вооружен. Откуда знаешь, где искать Годиву?

– Заткнись и не отставай.

Шеф снова побежал, пробираясь через столпотворение к палаткам, где жили женщины Ивара.

Глава 8

Король Эдмунд, сын Эдвольда, потомок Редвальда Великого, последний из Вуффингов¹¹, а ныне Божьей милостью король восточных англвов, в досаде и гневе смотрел через прорези своей боевой маски.

Еще один натиск, и отчаянное сопротивление викингов будет сломлено, Рагнарссоны погибнут в огне и крови, а остатки Великой армии откатятся в ужасе и смятении. Но если они выстоят... Он знал, что в этом случае опытные викинги вскоре смекнут: их периметр осаждают ничтожные керлы с факелами, а настоящая атака – здесь, здесь... И тогда они выиграют битву на берегу, одолеют числом; англичане же уподобятся крысам, которые спрятались на последнем нескошенном пятачке пышного луга.

У Эдмунда не было сыновей. Все будущее его рода и королевства зависело теперь от этой сумятицы, полной крика и лязга, где с каждой стороны билось человек сто – уцелевшие отборные воины Восточной Англии против костяка личного воинства Рагнарссонов. Одна сторона надрывалась, стараясь пробиться на ограниченный рекой участок с палатками Рагнарссонов; другая, уверенно стоявшая в хитросплетении растяжек, стремилась продержаться пять минут, чтобы войско викингов оправилось от немыслимого шока, вызванного нападением англичан.

И норманны держались. Рука Эдмунда напряглась на окровавленной рукояти меча, и он подался вперед, будто готовый устремиться в атаку. С обоих боков мгновенно придвинулись могучие тени – старшие телохранители заслонили его собой и щитами. Королю не дадут броситься в рукопашную. Они очутились рядом, как только закончилось избиение спящих и начался бой.

– Не горячись, повелитель, – буркнул Вигга. – Смотри, там Тотта с ребятами. Они перебьют эту сволоочь.

При этих словах центр битвы сместился: сперва на несколько футов вперед, когда викинг рухнул и англичанин ринулся в брешь. Потом назад, назад. Над шлемами и поднятыми щитами вращался боевой топор, и глухие удары, с которыми он раскалывал липовые доски, переходили в скрежет рвущихся кольчуг. Из колыхавшейся толпы исторглось тело, разрубленное от горла до грудины. На миг Эдмунд узрел гиганта, который раскручивал топор, как пращу, и подзывал англичан. Они свирепо устремились на клич, и королю осталось смотреть на их напряженные спины.

– Должно быть, мы прикончили уже тысячу этих скотов, – сказал Эдди, стоявший с другого бока.

Эдмунд знал, что кто-то из них вот-вот произнесет: «Повелитель, вам пора убираться отсюда!» – и его уведут. Если удастся уйти. Большая часть его войска, состоявшая из сельских танов и их рекрутов, уже отступала. Они свое дело сделали: ворвались через ограду вслед за королем и его отборными воинами, умертвили спящих, одолели корабельную стражу и подожгли столько ладей, сколько смогли. Но никто не требовал от них держать строй и обмениваться ударами с опытными воинами Севера; они и не собирались. Застать викингов врасплох, спящими и без доспехов, – извольте. Драться же с бодрствующими и разъяренными лицом к лицу – найдите кого получше.

¹¹ Династия, правившая в англосаксонском королевстве Восточная Англия. Название рода пошло от имени раннего восточно-английского короля Вуффы.

«Всего один натиск, – взмолился Эдмунд. – Всемогущий и вечный Господь – один только натиск на этом участке, и мы прорвемся и атакуем со всех сторон! Война закончится, и язычники лягут костями. Не будет больше ни зарубленных отроков на лугах, ни утопленных в колодцах младенцев. Но если противник продержится еще минуту, если косарь подточит косу... Тогда сокрушат нас и меня постигнет участь Вульфгара».

Мысль об искалеченном тане так ускорила его сердце и расперла грудь, что чуть не лопнула кольчуга. Король отпихнул Виггу и устремился вперед с мечом наголо, выискивая брешь в рядах бойцов. Он крикнул во все горло, аж задрожало забрало старинного шлема:

– На прорыв! На прорыв! Клянусь, тот, кто сокрушит их ряды, получит сокровища Редвальда! И пять сотен тому, кто принесет мне голову Ивара!

* * *

В двадцати шагах от него Шеф собрал свой скромный отряд недавних узников. На реке уже пылало множество просмоленных кораблей, и поле боя озарялось мертвящим светом. Все походные палатки были повалены и затоптаны англичанами, их обитатели лежали кто мертвый, кто раненый. Лишь впереди устояло восемь шатров из десяти – жилища Рагнарссонов, их воевод, телохранителей и женщин. Вокруг кипело сражение.

Шеф повернулся к Альфгару и мускулистому тану, стоявшим на шаг впереди горстки полувооруженных, запыхавшихся керлов.

– Нам нужно пробиться вон к тем палаткам. Там Рагнарссоны.

«И Годива», – подумал он.

Но здесь только Альфгару и самому Шефу небезразлична ее судьба.

При свете пламени тан ослабил в невеселой улыбке.

– Смотри, – указал он.

И снова, едва прояснилось, обозначились два черных силуэта; казалось, языки пламени всякий раз застигают этих воинов в новой скрюченной позе. Мечи мелькали; всегда клинок налетал на сильную часть клинка; удары сыпались сверху, сбоку, под любыми углами, неизменно наталкиваясь на своевременный отбив. Воины уклонялись и наседали, воздевали щиты, подскакивали при подсечках, после каждого удара меняли позу для следующего выпада, старались использовать даже вражеские атаки для получения мизерного преимущества, выгадать пользу от усталости чужого запястья, от нагрузки, от колебания.

Тан произнес почти любовно:

– Погляди на них, на обе стороны. Это королевские воины и лучшие пираты. Они дренгиры, здесь таких называют чемпионами¹². Сколько мы продержимся против них? Я, может быть, и займу одного на полминуты. Ты – не знаю. А из этих мигом сделают фарш. – Он указал большим пальцем на стоявших позади керлов.

– Уходим отсюда, – резко сказал Альфгар.

Керлы заволновались.

Тан вдруг поймал Альфгара за плечо, стиснул:

– Нет. Слушайте! Это голос короля. Он обращается к своим верным людям. Слышите, чего он хочет?

– Он хочет голову Ивара, – прорычал керл.

Внезапно они гурьбой пошли вперед – копыя наперевес, щиты наготове, и тан среди них.

«Он знает, что ничего не выйдет, – понял Шеф, – а я знаю, как надо действовать!»

Он выскочил перед строем, жестикулируя, направляя. Люди опешили, но потом до них дошло. Они развернулись, побросали оружие и двинулись к ближайшей горевшей ладье.

¹² Слово «champion» пришло из старофранцузского языка, в котором имело значения «боец», «силач», «победитель».

* * *

Зов короля перекрыл лязг стали, и викинги тоже вняли ему и поняли. Многие из них годами владели наложницами-англичанками, и так же их отцы.

– Король Ятмунд хочет твою голову! – крикнул один из ярлов.

– А мне ни к чему голова Ятмунда! – откликнулся Ивар. – Он нужен живым!

– Зачем?

– Я хорошенько подумаю. Устрою что-нибудь новое. Что-то поучительное.

Что-то, способное вернуть его людям боевой дух.

Ивар, метавшийся с края на край, отметил, что бой чересчур приблизился. Он в жизни бы не подумал, что такому мелкому королевству хватит духу напасть на Великую армию в ее собственном лагере.

– Ладно, – негромко сказал он гадгедлару из личного резерва, ждавшему за чертой боя. – Дальше тянуть незачем. Им не прорваться. Как только скажу, мы начнем наступать. Проберись между палатками, в драку не лезь. Я хочу, чтобы ты захватил их королька. Видишь Эдмунда? Вон там коротышка в боевой маске.

Ивар набрал в грудь воздуха, чтобы бросить сквозь грохот битвы насмешливый вызов Эдмунду: «Двадцать унций! Двадцать унций золота тому, кто приведет ко мне английского короля! Но только не убивайте. Возьмите его живым!»

Но не успел он исторгнуть эти слова, как Мёрдох и его ирландцы, стоявшие вокруг, разинули рты от изумления.

– Смотрите!

– На нас идет огненный крест!

– Мас na hóige slán!¹³

– Помилуй нас, Матерь Божья!

– Что это, во имя Одина?

Возвышаясь над сражавшимися мужами, к ним неслось нечто чудовищное – громадный пламенеющий крест. Ряды англичан расступились; Убийца-Бранд выпрыгнул, подняв топор. Огромное бревно повалилось вперед, отчасти направленное приплясывавшими людьми, которые его несли.

Бранд отскочил, споткнулся о веревку и с грохотом рухнул. Ивара чем-то ударило по плечу, и оно враз онемело. Гадгедлары бросились кто куда, едва провощенные палатки занялись пламенем. К шуму сражения добавился женский визг. И в тот же миг с лицом яростным и восторженным возник полуголый керл; на его запястье болтались кандалы. Он вторгся в расстроенные ряды своих поработителей.

Ивару метнули в лицо копье. Не думая, он махнул мечом, срубив острие в ту же секунду, когда плечо пронзило болью. Керл подскочил, развернул свое неуклюжее оружие и ударил Ивара по виску.

Несущаяся навстречу земля, падение в огнедышащие шкуры и вощеную ткань... «Сражен деревенщиной, – пронеслось в мозгу Ивара перед тем, как сознание объяла тьма. – Но я же великий воин Севера!»

Из пламени выпрыгивали все новые фигуры. «Тот самый парень, – подумал Ивар, – который был у запруды. Но ведь он из моих...»

Босая нога опустилась на его пах, и тело перестало сопротивляться.

¹³ Ирландская идиома. Букв.: «Сын Богородицы жив!»

* * *

Шеф бежал вдоль дымящейся мачты. Его обожженные руки распухли и покрылись пузырями. Перевязывать их было некогда. Едва только керлы вытащили из огня мачту, где сохранилась рея, Шеф, Альфгар и тан подхватили ее за верхушку и устремились к побоищу, отчаянно стараясь удерживать ношу торчком, чтобы обрушить в гущу воинов. Но стоило это сделать, как их едва не затоптала толпа разъяренных керлов. За ними же, он знал, шли лучшие воины короля Эдмунда, остервенев от гнева, страха и страстного желания убивать.

Сначала нужно добраться до Годивы.

Керл, топтавшийся перед ним, колотил древком копья ошеломленного викинга. Под ногами Шефа кто-то стонал и ворочался. Еще один керл упал, сраженный ударом сбоку. Желтые накидки развевались повсюду: гаггедлары спасались бегством, охваченные суеверным ужасом перед огненным крестом, который явился покарать их за отступничество. И слышались пронзительные женские вопли.

Шеф мигом свернул налево к раздутой палатке: кричали оттуда. Он обнажил меч, нагнулся и вспорол ее на уровне колена, после чего схватил ткань и дернул что было сил.

Женщины хлынули наружу, как вода через сломанную плотину, – в рубахах, платьях; по меньшей мере одна была голая со сна. Где же Годива? Вон она, в платке! Шеф схватил ее за плечо, развернул к себе, сорвал платок. Россыпь соломенных волос, казавшихся медными от небесного пламени; бешеные светлые глаза – ничего общего с серыми, которые у Годивы. Кулак ударил в лицо, и он отшатнулся, испытав потрясение и постыдную боль: схлопотать по носу среди повальной геройской смерти!

Потом женщина скрылась, и Шеф заметил знакомый силуэт. Эта наложница не семенила, как остальные, а мчалась, точно юная серна. В самое пекло.

Теперь англичане были повсюду; они проникли на особо охранявшийся участок и разили врагов спереди и с тыла, вознамерившись истребить пиратскую верхушку за те немногие секунды, что у них были, прежде чем помощь и месть подоспеют из основного лагеря. Они рубили все, что двигалось, обуянные страхом, торжеством и давней жадой расплаты.

Шеф метнулся вперед и поймал ее: обхватил за бедра и перебросил через плечо, как неистовый воин. Заметив движение позади, он резко развернулся и махнул мечом на уровне пояса.

Двое откатились в сторону в путанице ног, одежды, скрюченных пальцев, и над ними завязалась новая драка. Потом Шеф обхватил свою пленницу и поволок в тень шатра, где были только трупы.

– Шеф!

– Да, я. – Он прикрыл ей ладонью рот. – Слушай! Надо убираться, сейчас же! Другой возможности не будет. Здесь все погибнут. Если прорвемся через сечу, то выйдем к реке. Поняла? Теперь идем.

Держа в одной руке меч, а другой прижимая к себе Годиву, Шеф крадучись шагнул в потемки и взгляделся, ища путь через полсотни разрозненных поединков.

* * *

Эдмунд подумал, что бой закончен. И он проиграл. Да, он прорвал последнее кольцо викингов благодаря толпе деревенщины, которая выскочила невесть откуда с полуголым юнцом во главе. За последние минуты он нанес серьезный ущерб ядру Великой армии, которая уже никогда не будет прежней – во всяком случае, не сможет без содрогания вспомнить лагерь на Сторе. Но он пока не видел ни одного мертвого Рагнарссона. Небольшие группы еще

сражались спиной к спине, и Рагнарссоны наверняка были там. Победа была бы верной только при том условии, что Эдмунд удержал бы этот участок и перебил всех до единого.

Такая возможность ему не представится. Король чувствовал, как остывает в нем кровавая ярость, сменяясь неспешным холодным расчетом. Шум, доносившийся из-за палаток Рагнарссонов, из главного лагеря, ослаб, и это был зловещий признак. Осыпаемые стрелами из-за частоколов, сбитые с толку ложными атаками королевских воинов и нападением с тыла вооруженных ножами керлов, викинги бросили Рагнарссонов на произвол судьбы. Но этих опытных бойцов не удастся дурачить долго. Они не останутся в стороне, когда истребляют их вожаков.

Эдмунд приметил, что за огненной чертой собираются люди. Им отдавали приказы. Кто-то готовился обрушить на него отряд в тысячу человек, как боевой молот на лесной орех. Сколько осталось у короля людей, не разбежавшихся и способных держать оружие? Пятьдесят?

– Пора уходить, повелитель, – буркнул Вигга.

Эдмунд кивнул, понимая, что протянул до последнего. Путь к отступлению все еще свободен, и у него осталась горстка доблестных соратников, которые отшвырнут разрозненных врагов, что окажутся между ним и восточным частоколом.

– Назад, – приказал он. – Туда, откуда начинали. Убивайте всех, даже лежащих. Даже своих! Не оставляйте их Ивару.

* * *

Сознание возвращалось медленно: то ли есть оно, то ли его нет. Пришлось судорожно хвататься за него, вытаскивать. Надвигалось что-то жуткое. Он чувствовал, как земля сотрясается от тяжелого топота. Это был драугр, великан – раздувшийся и посиневший, как трехдневный покойник; сильный, как десяток мужчин, что обитают в Чертоге Могучих, но возвращаются на землю докучать своим потомкам. Или мстить за свою смерть.

Ивар вспомнил, кто он такой. А в следующий миг смекнул, что это за драугр. Ирландский король Мэл Гуала, несколько лет назад принявший смерть от его руки. Ивар хорошо запомнил лицо кельта, мокрое от пота и искаженное болью и яростью; помнил и то, как Мэл Гуала бесстрашно осыпал Рагнарссона проклятиями, когда колеса провернулись и сильнейшие мужи армии налегли на рычаги. Короля сгибали на камне все круче, пока внезапно...

Едва воссоздался хруст сломанного хребта, Ивар очнулся полностью. Что это на лице – шкура, ткань? Может, его уже завернули в погребальный плащ? Невольное движение отозвалось сильнейшей болью в правом плече, но она улетучилась вместе с заполнявшим голову туманом. Он резко сел, и в черепе стрельнуло, но не с правой стороны, а с левой – противоположной той, куда нанесли удар. Значит, ушиб. Знакомая история. Надо отлежаться, но не сейчас; он понял, где находится.

Ивар медленно поднялся, испытал приступ тошноты и головокружения. Меч остался в руке, и викинг попробовал поднять его. Не получилось. Он опустил клинок и тяжело оперся на рукоять, ощутив, как острие утонуло в утрамбованной почве. Взглянул на запад промеж распоротых палаток, где человек тридцать еще продолжали отчаянно биться, чтобы выгадать время да уничтожить врагов – и увидел свою судьбу, уже подступавшую.

Не драугр, а король. Прямо на Ивара, пригнувшись, явно спасаясь бегством, шел невысокий, коренастый человек в боевой маске. Английский корольшка Ятмунд. С боков и сзади его сопровождало полдюжины гигантов-силачей не хуже викингов, не хуже Вига-Бранда – очевидно, личные телохранители короля, цвет королевской рати; чемпионы, как называли их англичане. Они старательно рубили и кололи на ходу, действуя расчетливо и умело, не пропуская ни одного лежащего. Просто работали. С одним Ивар мог бы помериться силами, будь он цел, невредим и готов послужить примером для своего воинства. А он едва держал оружие, не

говоря уже о том, чтобы разить им. Викинг попытался встать к врагам лицом, чтобы впоследствии никто не посмел сказать, будто Ивар Рагнарссон, великий воин Севера, был застигнут врасплох или пал при попытке бежать. В тот же миг к нему повернулась боевая маска.

Раздался вопль узнавания, взлетела рука, наставился указующий перст. Англичане дружно перешли на бег, вскинув мечи; телохранители тщетно пытались опередить своего короля.

Как только Эдмунд атаковал, Шеф, перебежавший из тени в тень и державшийся в стороне от бучи, увидел между поваленными палатками брешь, отчаянно втолкнул туда Годиву и напрягся для последнего броска к свободе.

Девушка без предупреждения вырвалась и помчалась впереди него. Она схватила за руку раненого человека, чтобы его поддержать. Христос милосердный! Это был Ивар! Обессиленный, жалкий, еле стоявший на ногах!

Губы Шефа растянулись в зловещем оскале, и он прыгнул как леопард: скачок, другой, а меч опущен до уровня бедра и нацелен ниже подбородка, туда, где голое место.

Тогда Годива выросла перед юношей и вцепилась в руку. Он попытался отшвырнуть ее, но она уперлась и принялась колотить его кулаком в голую грудь. При этом истошно кричала: – Сзади! Сзади!

Шеф стряхнул ее, развернулся и увидел, что меч уже летит к его шее. Тот натолкнулся на клинок и ушел вверх. Второй удар последовал сразу. Шеф поднырнул и услышал свист, с которым лезвие рассекло воздух; одновременно он осознал, что Годива находится позади и ему придется прикрывать ее телом.

И он попятился к лабиринту растяжек, тесным полудюжиной бойцов, которые шли за коротышкой в причудливой позолоченной боевой маске. То был король. Но его ранг и число подручных потеряли значение, ибо на миг остались только двое, лицом к лицу: пес и раб Шеф – и король восточных англов.

– Прочь с дороги, – шагнул вперед Эдмунд. – Ты англичанин. Это ты приволок мачту и сломал вражий строй. Я видел! За тобой стоит Ивар. Убей его или дай мне убить, и получишь обещанную награду.

– Женщина, – сбивчиво произнес Шеф.

Он хотел сказать: «Оставь мне женщину». Но не успел.

Слишком поздно. Проход между палатками расширился, и воины Эдмунда увидели свой шанс. Один из них мгновенно вырос подле короля и сделал яростный выпад, целясь в полуголого сопляка; укол, направленный снизу вверх, преобразился в рубящий удар, и щит взметнулся, когда не удалось перерубить ни ребро, ни запястье. Шеф отступил, пригнулся, увернулся, как в поединке с ирландцем Фланном, не делая попытки ни отбиться, ни контратаковать.

– Забирайте его! – крикнул он.

Он отбил выпад, поднырнул под щит, отчаянно вцепился в волосатую кисть, вывернул и швырнул славного Виггу через бедро, как бывало в борьбе на деревенской лужайке.

Шеф метнулся на землю. Вокруг замелькали ноги; зазвучали крики и лязг. На защиту вождя примчался десяток викингов с Вига-Брандом во главе. И вот уже они истребляют свиту, сомкнувшуюся вокруг монарха, а Ивар без умолку заклинает пощадить Ятмунда, потому что королек нужен живым.

Не обращая внимания на толчею, Шеф перекатился и увидел, что Годива стоит в нескольких шагах от сражающихся и панически озирается по сторонам. Он схватил девушку за руку и поволок к затухающим кострам и мутным водам Стора. Позади лежало в руинах английское королевство, а если пираты схватят Шефа еще раз, его участь будет ужасна.

Но Годива жива и здорова. Он спас ее.

Хотя она спасла Ивара.

Глава 9

Позади на востоке бледнели звезды. Юноша и девушка осторожно пробирались сквозь лесную чащу. Оглядываясь, Шеф видел верхушки деревьев, которые чернели на фоне неба и чуть подрагивали на том неощутимом внизу ветерке, что всегда бывает перед рассветом. Ноги омывала роса, когда случалось пересекать поляну, образовавшуюся после падения дуба или ясеня.

День будет жарким, подумал Шеф. Богатое на события лето подходило к концу.

Скорее бы он наступил.

Оба продрогли. На Шефе были только башмаки и шерстяные штаны, прихваченные в момент нападения англичан. Годива была в одной рубахе. Платье она сняла перед тем, как погрузиться в воду близ горевших драккаров. Она плавала не хуже выдры, и им обоим, подобно выдрам, приходилось выныривать, проплыв под водой сколько хватало сил; над водой же они старались двигаться бесшумно: ни вдоха, ни всплеска.

Десять вдохов и сто медленных гребков сквозь водоросли, против неспешного течения. Когда голова над водой, легкие наполняются до отказа воздухом, а глаза осматривают часток, за которым могли остаться дозорные. Потом глубокий нырок – и снова долгий путь под водой, и снова, и так на протяжении четверти миль, пока Шеф не решает наконец, что можно безбоязненно выйти на сушу.

Его не знобило, когда он бежал из лагеря; обожженная кожа едва ощутила первое погружение в воду. Но теперь юношу охватила неукротимая дрожь, его трясло с головы до пят. Шеф понял, что может лишиться чувств, если не ляжет вскоре и не даст отдых мускулам. А еще необходимо примириться со случившимся в последние сутки. Он убил человека – нет, двоих. А еще увидел короля – такое в обычной жизни могло случиться раз, от силы два. Но и король заметил юношу, даже заговорил с ним! И Шеф стоял лицом к лицу с Иваром Бескостным, великим воином Севера. Шеф знал, что убил бы его, не вмешайся Годива. Он стал бы героем всей Англии, всего христианского мира.

А после он предал своего короля, задержал его и чуть не отдал во власть язычникам. Если кто-нибудь узнает...

Шеф отмахнулся от этой мысли. Они убежали. Об Иваре он спросит Годиву потом. И выяснит, что у нее с викингом.

Когда рассвело, Шеф различил едва заметную тропу. Она успела зарости, и это хорошо. В последний раз по ней ходили, когда высадились викинги. Но в конце тропы должно быть что-то – хижина или сарай. Все, что уцелело, сейчас дороже золота.

Лес поредел, и впереди замаячила не хижина – косой навес из жердей. Должно быть, лесники хранили здесь свои инструменты и заготовки – колья для заборов, черенки для лопат, сохи для хлипких крестьянских мазанок.

Там не было ни души. Шеф заставил Годиву повернуться к себе лицом, взял за руки и заглянул в глаза.

– Мы потеряли все, – произнес он. – Надеюсь, когда-нибудь у нас появится настоящий дом, и мы будем жить, никого не боясь. Вот почему я пришел за тобой к викингам. Днем идти опасно. Давай-ка хорошенько выспимся до вечера.

* * *

Под крышей из грубой дранки лесники соорудили желоб из древесной коры. Он вел к большому треснувшему кувшину, который до краев наполнился дождевой водой: еще одно доказательство того, что сюда не заглядывали неделями. На хворост было навалено старое тря-

пье. Закоченевшие беглецы легли вплотную друг к другу, укутались и мгновенно провалились в сон.

Шеф проснулся, когда сквозь ветви просочилось солнце. Он встал, стараясь не потревожить девушку, и слез с ложа. Под хворостом нашел кремень и огниво. Рискнуть и развести костер? Лучше не надо. Они отогрелись, и у них есть вода, но нет пищи. Не стоило бежать из лагеря с пустыми руками. Только сейчас Шеф задумался о будущем. Когда на тебе одни штаны, любые пожитки кажутся драгоценными.

Шеф сомневался, что их с Годивой побеспокоят. Если это и случится, то не сегодня. Они все еще в пределах досягаемости викингов – тех самых патрулей, которые он видел по пути в лагерь, – но викингам сейчас не до беглецов. Пираты собрались в лагере, считают потери и решают, что делать дальше. Возможно, передерутся из-за начальственных постов. Выжил ли Сигурд Змеиный Глаз? Если да, то даже ему будет трудно восстановить власть над потрепанным войском.

А что же англичане? Шеф знал: когда они с Годивой выбрались из реки и углубились в лес, вокруг находились и другие люди, дезертиры из армии короля Эдмунда – те, что сбежали сразу или решили отступить до перелома в сражении. Все они спешно растеклись по домам. Шеф сомневался, что теперь в радиусе пяти миль от лагеря викингов есть его соотечественники. Они наверняка смекнули, что атака их повелителя захлебнулась и тот погиб.

Шеф надеялся, что Эдмунд мертв, поскольку помнил рассказы своего проводника о том, как поступал с побежденными королями Ивар.

Он расслабленно лежал на одеяле, грелся на солнце. На бедре подрагивала мышца. Шеф ждал, пока перестанет, и рассматривал пузыри на руках.

– Давай проколю.

Годива в рубахе опустилась на колени, держа длинный шип. Шеф кивнул.

Когда девушка занялась его левой кистью и по руке покатались слезы, он сжал ее теплое плечо.

– Скажи, – произнес он, – зачем ты встала между мной и Иваром? Что у вас было?

Она не сводила глаз с его пузырей.

– Меня подарили ему на пиру, при всех. На мне... не было ничего, кроме этого. Некоторые из них творят со своими женщинами ужасные вещи – Убби, например. Говорят, он берет женщину перед строем и если остается недоволен, то пускает по кругу. Ты же знаешь, что я была девственницей, – я и сейчас такая. Мне стало очень страшно.

– Ты все еще девственница?

Она кивнула:

– Ивар тогда ничего не сказал, но вечером меня привели к нему в палатку и он поговорил со мной. Он объяснил... что не похож на других мужчин. Нет, он не мерин. У него есть дети, если верить его словам. Но он сказал, что другие мужчины испытывают желание при одном виде женской плоти, а ему нужно... что-то еще.

– И что же? – резко спросил Шеф, припомнив намеки Хунда.

– Не знаю, – замотала головой Годива. – Я не понимаю. Но он говорит, что мужчины поднимут его на смех, если проведуют, в чем дело. В юности его прозвали Бескостным за то, что он не мог делать так же, как все. Но он убил много людей за насмешки и обнаружил, что ему это нравится. Теперь все весельчаки мертвы, и только самые приближенные воины догадываются, что с ним не так. Будь это известно всем, Сигвард не посмел бы подарить меня прилюдно. Ивар говорит, что теперь его зовут Бескостным, потому что боятся. Сказывают, будто ночами он становится не волком и не медведем, как другие оборотни, а драконом, огромным змеем, который выползает на охоту. Многие в это верят.

– А ты веришь? – осведомился Шеф. – Помнишь, что он сделал с твоим отцом? Это твой отец, не мой, но даже мне жаль его. И хотя Ивар не собственными руками изувечил Вульфгара,

приказ отдал он. Вот чем он занимается. Да, он пощадил тебя, не стал насиловать, но кто знает, что у него на уме? Ты говоришь, у Ивара есть дети. А кто-нибудь видел матерей?

Годива перевернула кисть Шефа, чтобы проколоть пузыри на ладони.

– Не знаю. С мужчинами он крут, но это потому, что боится. Они более мужественны, чем он. Но как выказывают эту мужественность? Истязают слабых, наслаждаются их мучениями. Может быть, Бог послал Ивара в наказание за мужские грехи?

– Хочешь, чтобы я оставил тебя у него? – посуровел Шеф.

Годива отложила шип и медленно склонилась над ним. Он ощутил, как ее щека коснулась его голой груди, а руки скользнули по бокам. Он притянул ее к себе, и просторная рубаха соскользнула с плеча. Шеф поймал себя на том, что приковался взглядом к обнаженной груди с девственно розовым соском. Единственной женщиной, которую он видел до этого вот так близко и обнаженную, была потаскуха Труда – тучная, с землистым лицом и шершавой кожей.

Загрубевшие руки начали гладить кожу Годивы с несказанной нежностью. Если Шеф и помышлял об этом – а так бывало, и часто, когда он лежал в рыбацкой хижине или пустой кузнице, – то исключительно в грезах о будущем, когда они подыщут себе место для жилья, после того, как он заслужит ее и построит надежный дом. Но сейчас, на лесной поляне, в лучах солнца, без благословения священника и согласия родителей...

– Ты лучше, чем Ивар, Сигвард и все мужчины, каких я встречала, – всхлипнула Годива, уткнувшись в его плечо. – Знала, ты придешь за мной. Только боялась, что тебя убьют.

Он задрал на ней рубаху, и она легла на спину, подогнув ноги.

– Мы оба уже должны быть мертвы. Как хорошо быть живой, с тобой рядом...

– Мы не родня по крови, у нас разные отцы и матери...

Купаясь в солнечном свете, он вошел в нее. Из кустов за ними следили, не дыша от зависти.

* * *

Час спустя Шеф лежал на мягкой траве, на которую лились лучи теперь уже жаркого солнца, пробиваясь сквозь дубовые ветви. Он полностью расслабился, но не спал. А может, и спал, но на каком-то смутном уровне бодрствовал и сознавал, что Годива потихоньку отошла. Он размышлял о будущем; о том, куда им податься. В болота, думал Шеф, вспоминая ночь, проведенную с королевским таном Эдричем. Он понимал, что солнце греет кожу, и чувствовал мягкую мураву под собой, но все это казалось далеким. Так уже бывало – в лагере викингов. Его сознание высвободилось из тенет сердца, покинуло тело и взмыло над поляной...

* * *

Ему был голос – суровый, грубый и властный.

«У сильных мужей отобрал ты деву», – молвил он.

Шеф знал, что находился где-то еще. Он был в кузнице. Там все казалось знакомым: шипение горячих клещей, ручки которых он обернул влажной тряпкой; напряжение в спине и плечах, когда вынул из самого пламени докрасна раскаленный металл; трение кромки кожного фартука о грудь; то, как он потрянул головой, привычно уворачиваясь от полетевших в волосы искр. Но это была не родная кузница в Эмнете и не кузница Торвина в окружении гроздьев рябины. Шеф чувствовал вокруг себя бескрайнее пространство, какой-то огромный открытый зал, настолько высокий, что не видать потолка – лишь массивные колонны, вознесшиеся в окутанную дымом даль.

Он взял тяжелый молот и обрушил на бесформенную массу, которая дышала огнем на наковальне. Что будет выковано, он не ведал. Но руки знали, ибо двигались будто по соб-

ственной воле: орудовали клещами, переворачивали болванку, ударяли с разных сторон. Это не наконечник копья и не головка топора, не лемех и не резак плуга. Изделие напоминало колесо, но с множеством острых, как у собаки, зубов.

Шеф завороченно смотрел, как обретает форму под его ударами эта вещь. В душе он знал, что занимался невозможным делом. Никто не в силах смастерить такое изделие, если заготовка извлечена прямо из горна. И все же он понимал, как можно этого добиться: надо выковать зубцы отдельно и после приладить к колесу. Вот только зачем это все? Ну, допустим, если насадить два колеса на оси так, чтобы одно вращалось стоя, а другое лежа над ним, то верхнее, лежащее, при вращении задевает зубцы стоячего и заставляет его вращаться...

Но какова задача? А ведь она есть. Это как-то связано с огромной, в два человеческих роста, конструкцией, что высится у стены и тонет во мгле.

Когда все чувства прояснились, Шеф понял, что к нему обращены и другие силуэты – огромные, под стать помещению. Он видел их нечетко и не смел оторваться от дела, чтобы лишний раз глянуть вверх, но безошибочно угадал чужое присутствие. Они стояли друг подле друга и наблюдали за ним, даже как будто обсуждали его. Это были боги Торвина, боги Пути.

Ближе всех к нему находился кто-то широкий и могучий, как многократно увеличенный Вига-Бранд; под рубахой с коротким рукавом перекачивались чудовищные бицепсы. «Это, должно быть, Тор», – подумал Шеф. Выражение лица исполина было укоризненным, враждебным, слегка встревоженным. За ним маячил другой бог с пристальным взором и острыми чертами лица; засунув большие пальцы за серебряный пояс, он взирал на Шефа со своего рода сдержанным одобрением, как на выставленного на продажу коня – породистого скакуна, которого дурак-владелец отдает по бросовой цене.

«Этот на моей стороне, – подумал Шеф. – Или считает, что я – на его».

Другие столпились за первыми двумя: самым высоким и стоявшим дальше всех был бог, опирающийся на внушительное копье с треугольным наконечником.

Шеф осознал еще две вещи. Ему подрезали поджилки. Когда он передвигался по кузнице, ноги не слушались, и надо было перебирать руками, чтобы перейти с места на место. Высокие стулья, колоды и скамьи стояли вокруг на первый взгляд беспорядочно, однако в действительности, как он сообразил, служили ему опорами для перемещения. Он мог утвердиться на ногах и стоять, балансируя, как на ходулях, но мышцы бедер и голени наотрез отказывались подчиняться. Выше колен распространялась тупая боль.

И за ним наблюдал кто-то еще: не великан, а карлик, скрытый в тенях задымленного зала. Торвин! Нет, не Торвин – этот человек был меньше и тщедушнее, с пронизательным выражением на вытянутом лице: то и другое подчеркивалось редевшими волосами, отведенными назад с высокого лба. Но одет он был, как Торвин, сплошь в белое, с гроздьями рябины на шее. И в выражении лица имел что-то общее с мастером – задумчивость и пристальный интерес, но также осторожность и опаску. Этот маленький человек пытался говорить с Шефом.

– Кто ты, юноша? Странник из царства людей, угодивший во владения Вёлунда? Как ты попал сюда и по какому везению нашел Пути?

Шеф помотал головой, притворившись, что просто уворачивается от летящих в глаза искр. Он бросил колесо в ведро с водой и взялся за следующую заготовку. Три быстрых и легких удара, перевернуть, еще трижды стукнуть – и вот сияющий предмет плюхается в холодную воду, а на наковальне мгновенно возникает очередной. Шеф не понимал, что делает, но занятие наполняло его диким волнением, ввергало в неистовый раж, как узника, который знает о своем скором освобождении и не хочет выдать ликования перед тюремщиками.

Шеф заметил, как один из великанов идет к нему – самый высокий, с копьём. Человек-мышка тоже увидел это и юркнул в тень, обратился в пятнышко чуть светлее окружающего мрака.

Палец, похожий на ясеневый ствол, подцепил и приподнял подбородок Шефа. Глаз косо уставился с лица, подобного лезвию колуна, – лица с прямым носом, выступающей челюстью, остроконечной седой бородой и широкими скулами. В сравнении с ним лицо Ивара здорово выигрывало, оно, по крайней мере, было понятным, испорченным всего лишь людскими страстями: завистью, ненавистью, жестокостью. Это же было совершенно иным: Шеф знал, что достаточно прикоснуться к мыслям, скрывавшимся за этой маской, и тогда не выдержит самый крепкий человеческий рассудок.

И все-таки лицо не казалось совсем уж враждебным – скорее, задумчивым и оценивающим.

– Тебе предстоит дальний путь, человек, – молвил великан. – Но начал ты хорошо. Молись, чтобы я не призвал тебя к себе слишком скоро.

– Зачем ты призовешь меня, Высочайший? – спросил Шеф, цепenea от собственной дерзости.

Лицо ослабло – как будто от ледника отломился огромный кусок.

– Не вопрошай, – сказал гигант, наставив палец на Шефа. – Мудрый не суетится и не подглядывает в щелку, как служанка в поисках любовника. Он, свирепый серый волк, даже сейчас глядит во врата Асгарда.

Палец упал; ручки смела все, как ореховую скорлупу с простыни: горн, наковальню, инструменты, скамьи, ведра и саму кузницу. Шеф, кувыркаясь и теряя фартук, взлетел, и последнее, что ему запомнилось, – это крохотное, похожее на лицо пятно, которое следило за ним из теней.

* * *

В мгновение ока он вернулся на лесную опушку и понял, что лежит на траве под необъятным небом Англии. Но солнце сместилось, оставив его в тени. Ему вдруг стало холодно и страшно.

Куда подевалась Годива? Она потихоньку отошла, а потом...

Шеф полностью очнулся, вскочил на ноги и огляделся в поисках врага. Кусты ходили ходуном, там кто-то боролся и сдавленно звучал женский голос – так бывает, когда зажимают рот и обхватывают шею.

Едва Шеф бросился на звук, как поднялись люди, таившиеся за деревьями, и заключили его в роковое кольцо. Вперед вышел гадгедлар Мёрдох со свежим рубцом через всю физиономию, на которой читалось едва сдерживаемое злорадство.

– Ты чуть не удрал, мальчишка, – произнес он. – Надо было бежать дальше, а не устраивать привал с женщиной Ивара. Но горячий отросток – не друг благоразумию. Ничего, сейчас он у тебя остынет.

Шеф рванулся к кустам в отчаянной попытке найти Годиву, но его крепко схватили за плечи.

Она тоже в плену? Как их нашли? Остался след?

Болтовню гадгедларов перекрыл глумливый смех. Шеф узнал его, хоть и занят был в этот момент борьбой – настолько свирепой, что в драку с ним вступили все викинги. Это был смех англичанина. Его единоутробного брата Альфгара.

Глава 10

Шеф был почти без сознания, когда Мёрдох с подручными тащили его обратно к частоколу. Юношу измотал побег, до смерти напугало возвращение в плен, и вдобавок викинги не церемонились с ним – когда тащили через лес, щедро осыпали пинками и тумаклами, при этом не забывая посматривать по сторонам, не прячутся ли среди деревьев англичане Эдмунда. Выйдя же на луг и увидев своих товарищей, которые собирали оставшихся лошадей, они на радостях еще несколько раз сбили пленника с ног.

Ирландцы здорово натерпелись страху в эту ночь, и трофеи, которыми еще предстояло поделиться с Иваром, ничуть не окупали их потерь. Сквозь ужас и изнеможение к Шефу пришла смутная догадка: эти люди намерены хорошенько отыграться на нем за свои страхи и лишения.

Но не успел он задуматься о собственной горькой участи, как его затащили в загон и избили до потери чувств. Пока это происходило, он мечтал об одном: чтобы уже не очнуться.

Его бросили за частокол поздним утром. Он пролежал без сознания весь долгий и теплый осенний день. Когда же наконец разодрал склеенные кровью веки, на нем не оставалось живого места, зато изнеможения и головокружения как не бывало. Но Шеф продрог до костей и ослаб от голода; во рту пересохло; его томил смертельный страх.

Когда стемнело, он огляделся. Никакой лазейки. Железные ножные оковы крепились к прочным кольшкам, руки были связаны спереди. Со временем он бы и кольшки выдернул, и сырмятные ремни перегрыз, но часовой рычал на него и пинал при малейшем движении.

Шеф понял, что викингам почти некого сторожить. В ночной сумятице освободилось большинство невольников, набранных за время похода; они исчезли, а с ними и надежда на прибыль. В загоне на земле сидело лишь несколько свежих, точно так же обездвиженных.

Их слова не утешили Шефа. Это были лучшие люди короля Эдмунда, они сражались до конца, пытаясь уничтожить Рагнарссонов и обезглавить армию викингов. Все были ранены, многие тяжело. Они ждали смерти и спокойно переговаривались между собой. Если о чем и жалели, так лишь о том, что не сумели перебить врагов в первые минуты атаки. Но признавали, что не надеялись проникнуть в самый центр Великой армии, не встретив сопротивления. Они хорошо потрудились: сожгли часть кораблей, истребили команды.

– Мы покрыли себя славой, – сказал один. – Как орлы, сидящие на мертвой добыче, мы не станем сокрушаться и гадать, когда умрем – сейчас или позднее.

– Я лишь об одном жалею – что им достался король, – прохрипел его товарищ после паузы.

Ему было трудно говорить с пропоротым легким. Все удрученно кивнули и уткнулись взглядом в угол загона.

Шеф содрогнулся. Он не хотел предстать перед поверженным королем Эдмундом. Юноша вспомнил, как король просил его уйти с дороги – его, безродного бродягу и трэлла. Послушайся Шеф, и эта ночь стала бы для англичан победной. И сейчас Шеф не сидел бы в кандалах и не ждал бы, когда на его голову падет гнев Ивара. Даже в полуобморочном состоянии он слышал посулы врагов – те подробно расписывали, что сделает с пленником их вождь. Он вспомнил придурковатого малого, который накануне показывал ему эти загоны и разглагольствовал о расправах Ивара над неугодными. А он, Шеф, похитил у свирепого предводителя женщину, угнал и плотски познал – испортил ценный товар...

«Что с ней случилось?» – вяло подумал Шеф.

Годиву не притащили заодно с ним. Кто-то увел ее. Но по-настоящему бояться за нее у юноши не было сил. Хватало забот о собственной участи. Превыше страха смерти, превыше

стыда за предательство был страх перед Иваром. «Замерзнуть бы насмерть», – снова и снова загадывал Шеф. Он не хотел дожить до утра...

Пинок в спину вывел его из ступора. Светало. Шеф сел, прежде всего прочего осознав, насколько высох и распух его язык. Охрана резала пути и выволакивала тела: некоторым было даровано то самое, чего желал себе вечером Шеф.

Перед ним присел на корточки тщедушный человек в грязной рубахе, с усталым землистым лицом. Это был Хунд. Он держал кувшин с водой. Шеф несколько минут не думал ни о чем другом, покуда друг бережно, с мучительными и частыми паузами поил его. Лишь ощутив блаженную полноту под грудиной и позволив себе погонять лишний глоток во рту и сплюнуть на траву, Шеф осознал, что Хунд пытается говорить с ним.

– Шеф, да приди же в себя! Нам нужно кое-что выяснить. Где Годива?

– Не знаю. Я увел ее. А потом, кажется, на нее кто-то напал. Но я не успел вмешаться – самого скрутили.

– Как ты думаешь, кто ее забрал?

Шеф вспомнил смех в лесу и ощущение чужого присутствия, которое он испытал и которым пренебрег.

– Альфгар. Он знатный следопыт. Должно быть, шел за нами.

Шеф снова умолк, стряхивая с себя оцепенение, вызванное холодом и усталостью.

– Выследив нас, он вернулся за Мёрдохом и его людьми, – продолжил Шеф. – Похоже, они стоворились. Им достался я, а ему – она. А может, он просто уволок Годиву, пока ирландцы возились со мной. Их было слишком мало, и, если он успел далеко уйти, преследовать они не решились. Все-таки крепкую трепку им задали наши.

– Тогда слушай. Ивара больше интересуешь ты, чем она. Но он знает, что ты увел ее из лагеря. Это плохо. – Хунд нервно потеребил редкую бородавку. – Вспомни, Шеф, кто-нибудь видел, как ты собственноручно убивал викингов?

– Я прикончил только одного. Было темно, и я управился быстро; никто этого видеть не мог. Но кто-то мог видеть, как я лез в загон и освобождал пленных, в том числе Альфгара. – Шеф скривился. – А еще я горящим бревном проломил строй викингов, когда с этим не справились королевские воины.

Шеф повертел обожженные кисти перед глазами, разглядывая белые пятна мертвой кожи с крошечными отверстиями от шипа.

– Да. Однако это не повод для кровной мести. За нынешние ночь и день мы с Ингульфом помогли многим. Если бы не наше лечение, иные воеводы уже испустили бы дух или остались калеками на всю жизнь. Представь, он даже кишки сшивает, и человек иногда выкарабкивается, если достаточно крепок, чтобы вытерпеть боль, а в рану не попала отравка.

Шеф еще раньше заметил бурые пятна на котте товарища, а теперь присмотрелся к ним.

– Вы с Ингульфом пытаетесь меня выторговать у Ивара?

– Да.

– Но какое дело Ингульфу до меня?

Хунд окунул в оставшуюся воду черствую краюху и протянул Шефу.

– Торвин говорит, это дело Пути и надо тебя выручить. Не знаю почему, но он совершенно одержим этим. Кто-то поговорил с ним вчера, и он сразу примчался к нам. Ты что-то сделал, о чем я не знаю?

Шеф улегся поудобнее, насколько позволяли пути.

– Много чего, Хунд. Но в одном я уверен: никто не спасет меня от Ивара. Я отнял у него женщину. Как это искупить?

– По обиде и выкуп. – Хунд налил в кувшин воды из меха, положил рядом хлеб и протянул Шефу грязный сверток, который принес под мышкой. – В лагере плохо с едой, а половина

одеял пошла на саваны. Это все, что я нашел. Растяни, не ешь сразу все. Если хочешь расплатиться – подумай, чем может быть полезен король.

Хунд указал подбородком на угол загона, где сидели умиравшие воины, затем сказал что-то охране, поднялся и вышел.

«Король, – подумал Шеф. – Какой выкуп потребует Ивар?»

* * *

– Есть ли надежда? – сдавленно произнес сидящий за столом Торвин.

Убийца-Бранд взглянул на него с легким недоумением.

– Что за речи я слышу от жреца Пути? Надежда? Надежда – слюна, которая стекает с клыков волка Фенрира, скованного до дня Рагнарёка. Если мы начнем действовать лишь потому, что вообразили какую-то надежду, то, право слово, кончим не лучше христиан, поющих гимны своему Богу в расчете на лучшую долю после смерти. Ты забываешься, Торвин.

Бранд с интересом посмотрел на свою правую руку, вытянутую на грубом столе возле горна Торвина. Она была почти до запястья рассечена мечом между вторым и третьим пальцем. Над ней склонился Ингульф, который промывал рану теплой водой со слабым запахом трав. Вот лекарь медленно, осторожно развел края раны. Мелькнула белая кость, но ее мигом залила кровь.

– Лучше бы ты пришел ко мне сразу, а не тянул полтора суток, – сказал лекарь. – Со свежей раной управиться проще. А с такой, закрывшейся, куда больше возни. Можно рискнуть и зашить как есть. Но неизвестно, что было на рубанувшем тебя клинке.

На лбу у Бранда выступил пот, но голос оставался спокойным и ровным.

– Валяй, Ингульф, делай свое дело. Я повидал слишком много загнивших ран, чтобы рисковать. Боль можно и потерпеть, а если испортится кровь, мне точно конец.

– И все же надо было прийти раньше.

– Я полдня пролежал среди трупов, пока какой-то умник не заметил, что все остыли, а я – нет. А когда я понял, что хуже раны у меня и впрямь не бывало, оказалось, что у нашего лекаря есть дела посерьезнее. Правду говорят, что ты вынул из старого Бьора потроха, сшил их и затолкал обратно?

Ингульф кивнул и вдруг решительно выдернул щипцами костный отломок.

– Говорят, он теперь называет себя Тертым Бьором и клянется, что видел врата ада.

Торвин шумно вздохнул и придвинул кружку к левой руке Бранда.

– Хватит, ты достаточно наказал меня болтовней. Теперь говори: есть ли шанс?

Бранд побледнел, но ответил прежним сдержанным тоном:

– Не думаю. Ты же знаешь Ивара.

– Знаю, – сказал Торвин.

– Бывают обстоятельства, когда его трудно вразумить. Я говорю не о прощении – мы не христиане, чтобы прощать оскорбления или плюхи. Если Ивар в бешенстве, он никого не слушает и не желает думать о пользе дела. Юнец увел у него наложницу. Забрал женщину, на которую у Ивара были виды. Если бы болван Мёрдох привел ее назад, то, глядишь... Нет, все равно сомневаюсь, потому что девица пошла добровольно. Это означает, что малый сделал что-то такое, чего не смог Ивар. Стало быть, должна пролиться кровь.

– Наверняка можно найти какой-нибудь довод, чтобы Ивар передумал и согласился на возмещение ущерба.

Лекарь принялся зашивать рану. Он колот и тянул; игла взлетала над его правым плечом.

Торвин положил руку на серебряный молот, висевший у него на груди.

– Клянусь, Бранд, это будет величайшая услуга, какую мы с тобой можем оказать Пути. Ты знаешь, что некоторые из нас обладают даром видения?

– Ты говорил, – подтвердил Бранд.

– Они путешествуют в царства Могучих, самих богов, и возвращаются рассказать об увиденном. Иногда это просто образы, которые не лучше слов, своего рода поэзия. Но они наблюдают одно и то же. Во всяком случае, иногда. Чаше бывает так, что они видят разные части одного целого. О давешней битве можно по-разному рассказать, и кто-то скажет, что одержали верх англичане, а кто-то – что мы, и все будут правы и выскажутся об одном и том же. Если их слова сходятся, то это не может быть неправдой.

Бранд хмыкнул – не то от недоверия, не то от боли.

– Мы уверены, что есть другой мир и люди могут туда проникать. Ну так вот: не далее как вчера произошло нечто очень странное. Ко мне пришел Фарман. Тот Фарман, который служит в этой армии Фрейру, как я служу Тору, а Ингульф – Идун. В отличие от меня, он много раз посетил Иномирье. Он говорит... что побывал в самом Великом Зале, где боги вершат судьбы девяти миров. Он находился на полу – крошечная тварь, мышь, прогрызшая дырку в деревянной обшивке. Фарман видел совет богов. И моего ученика Шефа. У него нет никаких сомнений в этом. В том видении мальчишка был в кузнице, одетый как охотник в лесах нашего Ругаланна или Холугаланда. И плохо стоял, будто ему... перебили ноги. Но лицо было точно его. И с ним говорил сам Отец богов и людей. Если Шеф вспомнит, что он сказал... Страннику в Иномирье, – заключил Торвин, – редко удается хотя бы увидеть бога. Боги тоже редко замечают пришельца и еще реже снисходят до беседы с ним. Но чтобы случилось и то и другое... И вот еще что. Тот, кто дал юноше имя, не ведал, что творил. Сейчас это собачья кличка, но так было не всегда. Ты слышал о Скьельде?

– Это родоначальник Скьельдунгов, древних датских королей. Тех, кого бы вытеснили Рагнар и его сыновья, если бы могли.

– Англичане зовут его Скильдом Скевингом, Щитом-со-Снопом, и рассказывают глупую сказку о том, как он переплыл океан на щите, держа при себе сноп, и так получил это имя. Но любой скажет, что «Скевинг» – это «сын Скева, или Шифа», а не человек «со снопом»¹⁴. Так кто же такой Шиф? Кем бы ни был, именно он отправил по волнам величайшего короля и научил его всему, что знал, чтобы улучшить и прославить жизнь людей. Это имя сулит неслыханную удачу, особенно если дано по неведению. «Шеф» – просто его разновидность; так проносят «Шиф» тамошние англичане. Мы должны спасти этого юношу от Ивара. Бескостного, да будет тебе известно, тоже видели по ту сторону. Но он не имел человеческого обличья.

– Он многолик, – согласился Бранд.

– Он из потомства Локи и послан сеять в мире раздор. Мы должны забрать у него моего ученика. Как это сделать? Если он не прислушается к нашим просьбам, то нельзя ли его подкупить? Чего он хочет сильнее, чем мести?

– Не знаю, что и думать об этих рассказах про Иномирье и странников, – ответил Бранд. – Тебе же известно: я, как и наш Ингульф, придерживаюсь Пути из-за знаний, которые он дает, а еще потому, что не люблю ни христиан, ни безумцев вроде Ивара. Но паренек совершил отважный поступок, явившись в лагерь за девицей. Для этого надо иметь храброе сердце, уж я-то знаю. Я отправился в Бретраборг, чтобы соблазнить Рагнарссонов этим походом по велению твоих соратников, Торвин.

– Вот я и желаю этому юноше добра, но не знаю, чего хочет Ивар, – да и кто знает? Зато могу сказать, в чем он нуждается. Ивар, наверное, тоже это понимает, даже если безумен. Но если не понимает, ему объяснит Змеинный Глаз.

Он продолжал свою речь, и двое собеседников задумчиво кивали.

¹⁴ У англичан, в изложении Торвина, – «Scyld Sceaving, Shield (щит) with the Sheaf (сноп)».

* * *

Когда за Шефом пришли, тот сразу понял, что это не люди Ивара. Он пробыл в лагере викингов недолго, но успел разобраться хотя бы в простейших знаках различия, принятых у язычников. Это были не гаггедлары; в них не замечалось и ничего норманнского или полунорманнского, присущего островитянам с Мэна или Гебридов, где Ивар на вербовал пропасть народа; они не отличались даже той неопределенно вольной и малопочтенной наружностью, что была свойственна его многочисленной норвежской дружине, чей костяк составляли младшие сыновья и изгои, оторванные от родных общин, бездомные и не знавшие другой жизни, кроме бродячей. Мужчины, явившиеся в загон, были крепки сложением и зрелы годами, волосы уже тронула седина. На этих людях сверкали серебряные пряжки ремней, золотые браслеты и гривны, свидетельствуя о годах, а то и десятилетиях славных побед.

Когда часовой пресек их самоуверенную поступь и велел поворачивать восвояси, Шеф не расслышал ответ. Похоже, говоривший не считал нужным повышать голос. Часовой снова рывкнул и указал на разоренный лагерь, должно быть имея в виду сожженные палатки Ивара. Но не успел он закончить фразу, как прозвучали глухой удар и стон.

Вожак пришельцев посмотрел на лежащего, словно прикидывал возможность дальнейшего сопротивления, вернул в рукав мешочек с песком и зашагал дальше, даже не оглянувшись.

На лодыжках у Шефа перерезали ремни, его рывком поставили на ноги. Сердце безудержно забилось – неужели конец? Его вытащат из загона, найдут свободное место, поставят на колени и срубят голову? Юноша с силой закусил губу. Нет, он не будет молить о пощаде, не даст варварам повода посмеяться над смертью англичанина. Он заковывал, храня угрюмое молчание.

Всего несколько ярдов. За ворота, вдоль ограды загонов и дальше. Резкая остановка перед другими воротцами. Шеф осознал, что предводитель незнакомцев глядит ему прямо в глаза, в самую их глубину, словно хочет внушить тугодуму какую-то крайне важную мысль.

– Ты понимаешь по-норвежски?

Шеф кивнул.

– Тогда пойми вот что. Твои слова никому не интересны. Но если заговорит он, то, возможно, ты останешься жив. Ответить придется за многое, и от этих ответов будет зависеть, выживешь ты или умрешь. В любом случае тебе скоро понадобится товарищ. На суде, на месте казни. Умереть можно по-разному. Ну все. Забросьте его внутрь да хорошенько прикуйте.

Шеф очутился в кутке, отгороженном внутри загона. С прочного шеста свисало кольцо, от которого тянулась цепь к другому. Юноше мигом надели ошейник, в отверстия протолкнули штырь из ковкого железа. Пара ударов молотком, быстрый осмотр, еще удар. Мужчины повернулись и потопали прочь. Ноги у Шефа были свободны, но руки остались связанными. Цепь позволяла отойти лишь на несколько шагов.

Шеф понял, что находится здесь не один. Его сосед был в таких же оковах, и цепь уходила во мрак. Рассмотрев лежащего, Шеф исполнился стыда и страха.

– Господин? – молвил он неуверенно. – Господин? Ты король?

Человек шевельнулся:

– Я Эдмунд, сын Эдвольда, король восточных англов. Но кто такой ты, говорящий, как уроженец Норфолка? Тебя не было среди моих воинов. Прибыл с рекрутами? Схвачен в лесу? Повернись, чтобы я видел лицо.

Шеф повернулся. Лучи солнца, уже склонявшегося к западу, через распахнутую дверь упали ему на голову, когда он прошел, сколько хватило цепи. Юноша со страхом ждал, что скажет король.

– Вот оно как... Я помню: это ты встал между мной и Иваром. У тебя не было ни оружия, ни доспехов, но ты десять ударов сердца удерживал моего славного Виггу. Когда бы не ты, эти мгновения стали бы последними в жизни Бескостного. Зачем англичанину спасать Ивара? Ты убежал от хозяина? Был рабом Церкви?

– Моим хозяином был Вульфгар, твой тан, – ответил Шеф. – Когда пришли пираты... Ты знаешь, что они сделали с ним?

Король кивнул. Глаза Шефа привыкли к свету, и он различил обращенное к нему лицо. Оно было мрачным и решительным.

– Викинги забрали его дочь, мою... мою молочную сестру. Я пришел за ней, а защищать Ивара даже не думал, но твои люди хотели убить обоих, заодно со всеми. Если бы ты позволил мне увести ее из лагеря! Тогда я присоединился бы к тебе. Я не викинг – сам прикончил двоих. И помог тебе, когда...

– Да, так и было. Я звал на помощь, просил кольцо прорвать, и ты это сделал. Откуда ни возьмись явился с оравой керлов, и у вас была корабельная мачта. Если бы это придумал Вига, или Тотта, или Эдди, или любой другой, я сделал бы его богатейшим человеком в королевстве. – Он молча покачал головой, затем посмотрел на Шефа. – Знаешь, какая расправа меня ждет? Они возводят алтарь для своих языческих богов. Завтра меня выведут и положат на него. Потом за дело возьмется Ивар. Умерщвление королей – его ремесло. Часовой мне сказал, что присутствовал при казни мунстерского короля. Люди Ивара все затягивали веревку, и на шее у ирландца вздувались жилы, и он призывал проклятия всех святых на голову Рагнарссона. А потом захрустел и сломался на каменной плите хребет. Они все это помнят.

Но на завтра Ивар готовит нечто новое. Мне сказали, что он припас эту казнь для того, кто убил их отца, для Эллы, короля Нортумбрии. А теперь пираты сочли, что я заслуживаю ее не меньше.

Меня выведут и уложат ничком на алтарь. Ивар приставит меч к спине. Потом... Ты ведь знаешь, ребра крепятся к хребту и вместе с ним образуют клетку. Ивар отсечет их все до единого, начиная с нижних. Говорят, меч ему нужен только для первого надреза. После он берется за молоток и зубило. Перерубив же все кости, срезает плоть, а потом сует руки внутрь и выдергивает ребра.

Надеюсь, что к этому времени я умру. Говорят, можно продержат человека живым до этой минуты, если не резать слишком глубоко. Но сердце обязательно разрывается, когда вынимают ребра. Покончив с этим, из спины выдирают легкие, а ребра выворачивают, как крылья ворона или орла. Они так и называют это дело: вырезать кровавого орла.

Хотелось бы знать, что я почувствую, когда к моей спине прикоснется меч. Знаешь, пастушок, мне кажется, если дотерплю до этой минуты, не сойду с ума от ужаса, дальше будет легче. Но ощущать кожей холодную сталь еще до всякой боли...

Вот уж не думал – не гадал, что смерть моя будет такой лютой. Я защищал мой народ, выполнял все клятвы, заботился о сиротах.

Известно ли тебе, юный керл, что произнес Христос, когда умирал на кресте?

Проповеди отца Андреаса обычно касались лишь добродетелей и необходимости жертвовать Церкви. Шеф молча помотал головой.

– «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?»

Король надолго умолк.

– Впрочем, я понимаю, почему Рагнарссон так поступает, – произнес он наконец. – Ведь я тоже король, знаю, что нужно его людям. Армия викингов пережила нелегкие месяцы. Они намеревались здесь лишь размяться, а потом пойти на Йорк и ударить всерьез. Так бы и вышло, не учини они расправы над твоим приемным родителем. С тех пор они ничего не добыли, рабов взяли мало, сражались за каждого бычка. А теперь... Пусть говорят что угодно, но их уже намного меньше, чем было две ночи назад. Многие их товарищи умерли от ран, многие сидят

и ждут губельного загнивания плоти. Без знатного зрелища войско упадет духом и корабли отчалят в потемках. Ивару нужно представление. Торжество. Казнь. Иначе...

Шеф вспомнил предупреждение человека, втолкнувшего его в загон.

– Не слишком откровенничай, повелитель. Они хотят, чтобы ты говорил, а я слушал.

Эдмунд издал лающий смешок. Солнце почти скрылось за горизонтом, хотя долгие английские сумерки еще держались.

– Так слушай же. Я посулил тебе сокровища Редвальда, если прорвешь оборону викингов, и ты выполнил задачу. Поэтому я отдам награду, и ты сыграешь собственную игру. Тот, кто вручит сокровища викингам, получит жизнь, и не только. Я мог бы стать ярлом, если бы так поступил. Но Вигга и остальные предпочли умереть, только не выдать тайну. Негоже королю, потомку Вуффингов, убоиться и отступить. Другое дело – ты, мальчик. Как знать? Может, ты что-то и выгадаешь. Теперь слушай и запоминай. Я открою тебе тайну сокровищ Вуффингов и клянусь Богом, что мудрый человек их найдет. Внимай же, и я скажу.

Голос короля понизился до хриплого шепота, и Шеф напряг слух.

Где в ивах брод и деревянный мост,
Над кораблями – королей погост.
На страже спят они глубин.
Четыре пальца чуть торчат из-под земли.
Могила с севера, и Вуффа, отпрыск Веххи¹⁵,
Там упокоился навеки.
Хранит он клад. Отважный да найдет...

Король умолк. А потом снова обратился к юноше:

– Это моя последняя ночь, пастушок. Может быть, и твоя. Подумай крепко, как уберечься завтра. Но вряд ли викинги легко разгадают загадку англичан. А если ты неотесанная деревенщина, то и тебе не пойдет во благо тайна королей.

Король не произнес больше ни слова, хотя Шеф какое-то время предпринимал вялые и безнадежные попытки его разговорить. Прошла целая вечность, и вот избитого, изнуренного Шефа тоже сморила тяжелая дрема. Во сне слова короля повторялись сами собой, переплетаясь и сливаясь подобно резным драконам на горящем форштевне.

Глава 11

Великая армия, как и предвидел король Эдмунд, пришла в расстройство и неуверенность. Она была атакована в собственном лагере войском мелкого государства под водительством жалкого царька, о котором никто и не слышал. И пусть дело закончилось сравнительно благополучно, слишком многие воины понимали, что одержана пиррова победа – если это вообще победа. Мертвых похоронили, раненым оказали помощь, безнадежно искалеченные суда выволокли на сушу. Вожди договорились о продаже и аренде кораблей, о переводе и обмене людей для пополнения экипажей. Но воины – рядовые гребцы и топорники – также нуждались в ободрении. Надо было как-то показать им, что предводители не потеряли уверенность. Требовался некий обряд, способный продемонстрировать, что Великая армия северян, наводящая ужас на христианский мир, осталась непобедимой.

Спозаранку люди столпились за лагерь, на отведенном для тинга участке: здесь люди могли выразить свое согласие с решением вождей посредством вапна такра – ударов мечами о мечи и щиты. Или, в редких случаях и при беспечных вождях, – несогласие.

¹⁵ Вождь язычников-англов и основатель королевства Восточная Англия в середине VI в.

Еще даже раньше, задолго до наступления дня, предводители викингов составили план собрания, учтя расстановку сил и предусмотрев мнения, способные качнуть в ту или иную сторону настроение их опасных и непредсказуемых подчиненных.

Когда за Шефом пришли, тот был готов – по крайней мере, физически. Его точил голод, жажда вновь иссушила язык и губы, но он был в полном сознании и начеку. Юноша знал, что Эдмунд тоже бодрствует, хоть и лежит не шевелясь, с закрытыми глазами. Потрвожить его Шефу помешал стыд.

Появление подручных Змеиноу Глазу, как и накануне, походило на лихую атаку. Один из них подскочил к Шефу и сомкнул клещи на штыре. Тот вышел легко, ошейник соскочил, и сильные руки увлекли Шефа в холодный сумрак осеннего утра. По реке еще стлался туман, покрывавший навес орляк был сплошь в росе. Шеф жадно смотрел на нее секунду-другую – вот бы слизнуть.

– Вы разговаривали вчера. Что он тебе сказал?

Шеф помотал головой и указал связанными руками на кожаную бутылку, висевшую у мужчины на поясе. Тот молча отдал. Она была наполнена мутным, густым от ячменной шелухи пивом, – должно быть, набирали с самого дна бочки. Шеф ровными глотками опустошил ее, запрокинул голову и высосал последние капли. Он вытер рот, чувствуя, что раздулся от пива, как мех, и вернул бутылку. Пираты, следившие за его лицом, развеселились.

– Понравилось, да? Пиво хорошее. Жизнь тоже хороша. Лучше скажи, если хочешь еще того и другого. Скажи нам все, что говорил он.

Немигающие глаза викинга по имени Дольгфинн пытливо взирали на Шефа и видели сомнение, но не страх. А также упрямство. И знание. «Парень пойдет на сделку, – решил он. – Если та будет справедливой».

Он повернулся и подал условный знак. От группы, стоявшей чуть в стороне, отделился могучий воин с золотой гривной на шее и подошел, держа руку на серебряном навершии меча. Шеф моментально узнал его. Это был тот самый громила, с которым он сразился на дороге. Сигвард, ярл Малых Островов. Его отец.

Другие отступили, оставив их один на один. Несколько секунд двое изучали друг друга, ощупывая взором с головы до пят, и старший оценивал сложение младшего, а тот всматривался в отцовское лицо. «Он глядит на меня так же, как я на него, – подумал Шеф. – Пытается увидеть себя во мне, как и я себя в нем. Он знает».

– Мы встречались, – заметил Сигвард. – На дороге в болотах. Мёрдох сказал, что здесь отирается молодой англичанин и похваляется, будто побил меня. Теперь мне говорят, что ты мой сын. Помощник лекаря, вот кто говорит, – малый, который пришел с тобой. Это правда?

Шеф кивнул.

– Хорошо. Ты крепкий парень и неплохо сражался в тот день. Послушай, сын. – Сигвард шагнул вперед, положил на бицепс Шефа широкую ладонь и слегка сжал. – Ты встал не на ту сторону. Я знаю, что твоя мать – англичанка. В нашем войске половина таких, как ты, – англичане, ирландцы, франки, финны, лопари. Но кровь передается по отцу. И мне ведомо, что воспитали тебя англичане – тот дурень, которого ты пытался спасти. Но что они сделали для тебя? Узнай англичане, что ты мой сын, тебе наверняка пришлось бы тяжело.

Он вопросительно хмыкнул, заглянул Шефу в глаза и понял, что попал в точку.

– Сейчас ты думаешь, что я бросил тебя, и это правда, так я и сделал. Но я ничего о тебе не знал. Я не знал, каким ты вырос. Но вот ты здесь, и вижу, каков ты стал, – что ж, полагаю, тебе есть за что меня благодарить. И весь наш род. Решай же. Я готов признать тебя родным сыном. Получишь те же права, как если бы ты родился на Фальстере. Оставь англичан. Оставь христиан. Забудь свою мать. И я заступлюсь за тебя перед Иваром, как за сына. И Змеинный Глаз не откажет мне. Ты попал в беду. Давай из нее выбираться.

Шеф посмотрел поверх отцовского плеча, размышляя. Он вспомнил лошадиные ясли и побои. Вспомнил проклятие, наложенное отчимом, и обвинение в трусости. Вспомнил никчемность английских танов, их нерешительность, раздражающую Эдрича спесь – и заколебался. Как победить с такими людьми?

Поверх отцовского плеча ему был виден молодой человек, стоявший перед группой викингов, от которой отделился Сигвард, и смотревший на них, – юноша в узорных доспехах, с бледным лицом и мощными лошадиными зубами. «Он тоже сын Сигварда, – подумал Шеф. – Еще один единоутробный брат. И ему не нравится происходящее».

Шеф вспомнил смех Альфгара, звучавший из зарослей.

– Что я должен сделать? – спросил он.

– Рассказать обо всем, что услышал от короля Ятмунда. Или выведать у него нужные нам сведения.

Шеф прицелился, возблагодарив выпитое пиво за утоление жажды, и плюнул на отцовский кожаный сапог.

– Ты отрубил Вульфгару руки и ноги, пока его держали. Ты позволил изнасиловать мою мать после того, как она родила тебе сына. Ты не дренгр¹⁶. Ты ничтожество. Я проклинаю твою кровь, текущую во мне.

В мгновение ока меж ними выросли люди Змеинового Глаза. Они оттеснили Сигварда, держа его за руки и не давая вытащить меч. Шеф подумал, что тот не сильно противился. Его отгоняли, а он все смотрел на сына со своего рода недоуменной тоской. «Он думает, будто не все еще сказано, – подумал Шеф. – Глупец».

– Ты сделал выбор, – обронил Дольгфинн, посланник Змеинового Глаза, дернув пленника за сыромятный ремень, которым были связаны руки. – Хорошо. Ведите его на тинг. И вытащите королька – посмотрим, не образумился ли он в ожидании встречи с войском.

– Бесполезно, – буркнул один из его приспешников. – Эти англичане не умеют драться, но им не хватает ума уступить. Теперь им займется Ивар, а к ночи – Один.

* * *

Армия викингов собралась за восточным частоколом неподалеку от места, где всего три дня назад перелезал Шеф, чтобы увидеть Годиву и умертвить гадгедлара Фланна. Она заняла три стороны пустой площадки; четвертая, ближайшая к частоколу, была отведена только для ярлов, воевод, Рагнарссонов и их ближайших соратников. Остальные люди толпились за своими шкиперами и кормчими, переговариваясь между собой, перекликаясь с членами других экипажей и беспрепятственно делясь мнениями и советами. В армии действовала своеобразная демократия: да, иерархия и субординация были важны, особенно при дележке добычи. Но если кто-нибудь отваживался оскорбительно высказаться, ему не затыкали рот наглухо.

Когда Шеф и его конвоиры проталкивались к площадке, поднялся рев многочисленных глоток, сопровождаемый лязгом оружия. Викинги гнали в угол, к колоде, рослого человека, чье лицо выделялось в толпе. Все прочие лица были обветрены, как свойственно тем, кто много времени проводит на воздухе, пусть даже английским летом. Верзила же – и Шеф это различил аж с тридцати ярдов – был смертельно бледен. Пленника без церемоний толкнули к колоде; один из викингов сгреб его волосы, обнажая шею. Мгновенный блеск металла, глухой удар – и голова откатилась.

Шеф глядел на нее как зачарованный. Он уже видел обезглавленные тела в Эмнете, а за последние дни повидал еще, и немало. Но ни разу при свете дня – так, чтобы рассмотреть.

¹⁶ Отчаянный малый, сорвиголова (др. – сканд.).

«Когда они примут решение, будет поздно, – подумал он. – Я должен подготовиться, как только загремят оружием».

– Кто это? – спросил он, кивнув на голову, которую швырнули в кучу других.

– Английский воин. Кто-то сказал, что он доблестно сражался за своего повелителя и стоило бы взять за него выкуп. Но Рагнарссоны решили, что нынче надобно не выкупить, а проучить. Теперь твой черед.

Воины вытолкнули Шефа вперед и оставили в десяти шагах от вождей.

– Кто скажет о нем? – воззвал один из них голосом, который мог бы потягаться с бурей на Северном море.

Гвалт постепенно ослаб, превратился в гул. Из строя вождей выступил Ивар Рагнарссон. Правая рука покоилась на перевязи. «Ключица сломана, – подумал Шеф, отметив угол, под которым висела рука. – Вот почему он не поднял меча на воинов Эдмунда».

– Я скажу, – молвил Ивар. – Это не враг, а вероломный предатель. Он человек не Ятмунда, а мой. Я взял его в отряд, дал пищу и кров. Когда пришли англичане, он за меня не бился. Он вообще не сражался. Улучил момент, проник в мой шатер и похитил девку. Ее так и не вернули. Она потеряна для меня, хотя я владел ею по праву, данному мне ярлом Сигвардом перед всеми мужами. Я назначаю за девушку выкуп, а он не может заплатить. Даже если бы заплатил, я все равно убил бы его за нанесенное мне оскорбление. Но дело хуже: его обвиняет в измене все войско. Кто поддержит меня?

– Я поддерживаю, – объявил плотный седеющий человек, стоявший рядом с Иваром. Должно быть, Убби – или Хальвдан? Во всяком случае, один из Рагнарссонов, но не вожак, не Сигурд, который безучастно наблюдал из середины толпы. – Я согласен с тобой. У него была возможность доказать, что он наш, но не тут-то было. Он проник в наш лагерь как лазутчик, вор и похититель женщин.

– Какого наказания ты требуешь? – вновь прогремел глашатай.

– Смерти мало! – крикнул Ивар. – Мне нужны его глаза в зачет оскорбления! Яйца – в зачет женщины! Руки – в зачет измены нашему делу! А после этого пусть живет!

По спине прошел лютый холод; Шеф содрогнулся. Вот-вот раздастся рев, забренчит оружие, и не успеет его сердце ударить десять раз, как он окажется у колоды, под занесенным ножом.

Из строя медленно вышел тучный бородач, одетый в кожу. Его ручища была обмотана белой тряпкой, сквозь которую проступила темная кровь.

– Я Бранд. Меня знают многие.

Грянул подтверждающий рев.

– Я скажу две вещи. Во-первых, где ты взял эту девушку, Ивар? Или как она очутилась у Сигварда? Если Сигвард похитил ее, а этот малый вернул, что в этом плохого? Ты должен был убить его, когда он пытался завладеть ею. Но раз ты этого не сделал, теперь слишком поздно взывать о мести. И второе, Ивар. Когда на тебя надвинулись воины Ятмунда, я пошел к тебе на помощь – я, Бранд, славный среди воинов Холугаланда. Я двадцать лет сражался в первых рядах. Кто посмеет сказать, что я отступил, когда дрались копьеносцы? Вот она, рана, которую я получил, когда тебя ранили самого. Ответь, солгу ли я, если скажу, что английский король, который со своими людьми пустился в бегство, как только бой подошел к концу, наткнулся на тебя? Ты был ранен и не владел мечом. Твои люди были мертвы, а у меня работала только левая рука, и рядом не было никого. Кто, как не этот юноша, заслонил тебя? У него был меч, и он сдерживал врагов, пока мы с Арнкетилом и его отрядом не захватили короля. Скажи, Арнкентиль, неужели я лгу?

С другого края площадки донеслось:

– Так и было, Бранд. Я видел Ивара, видел англичан, видел мальчишку. Думал, что в суматохе его убили, и сожалел. Он держался отважно.

– Итак, Ивар, расплата за женщину отпадает. Обвинение в измене не может быть правдой. Ты обязан ему жизнью. Не знаю, что у него с Ятмундом, но скажу: если он ловок в похищении девок, то для него найдется место в моей команде. Нам требуется пополнение. А коли ты, Ивар, не можешь уберечь своих женщин, при чем тут армия?

Шеф увидел, как Ивар шагнул к Бранду, прожигая его взглядом и по-змеиному облизывая губы бледным языком.

В толпе проснулся интерес, и гул уже не казался враждебным. Воины Великой армии любили поразвлечься, а тут наметилось нечто занятное.

Бранд не стронулся с места, но выразительно засунул левую руку под ремень, рядом с рукоятью широкого меча. Когда Ивар приблизился на три шага, бородач воздел перевязанную кисть, чтобы было видно толпе.

– Когда твоя рука заживет, я припомню тебе эти слова, Бранд, – пообещал Ивар.

– Я напомню тебе об этом, когда срастется твое плечо.

Позади них заговорил холодным, как айсберг, голосом Сигурд Рагнарссон, Змеиный Глаз:

– У армии есть дела поважнее, чем болтовня о мальчишках. Так говорю я. Мой брат Ивар лишился женщины и должен сам добиться возмещения ущерба. В уплату за свою жизнь он мог бы сохранить юнцу его собственную и не калечить его насмерть. Но этот малый пришел в лагерь как один из наших. Когда на нас напали, он повел себя не по-товаришески, а подумал прежде всего о своей выгоде. Прежде чем он войдет в команду Убийцы-Бранда, следует его проучить. Руку отнять нельзя, без нее он не сможет сражаться. И не яйцо, потому что о краже женщины речь не идет. Но армия заберет глаз.

Шеф устоял с великим трудом, услышав пока еще нестройные согласные крики.

– Не оба глаза. Один. Что скажет армия?

Рев одобрения. Клацанье оружия. Руки, волокущие Шефа не к колоде, а в противоположный угол. Люди, которые расступаются, толкаются, чтобы лучше лицезреть действо. Жаровня с тлеющими углями и Торвин, раздувающий меха.

Со скамьи поднялся бледный от переживаний Хунд.

– Держись, – прошептал он по-английски, когда мужи поставили Шефа на колени и заставили запрокинуть голову.

Шеф смутно осознал, что сильные руки, сжимавшие его голову как тиски, принадлежат Торвину. Он попытался вырваться, крикнуть, обвинить в предательстве. В рот затолкали тряпку, оттеснив язык от зубов. Игла, раскаленная добела, все ближе и ближе; палец оттянул веко, а Шеф еще пытается взвыть, отвести голову, зажмурить глаза.

Неумолимая хватка. Остается лишь горячее острие, неуклонно приближающееся к правому глазу. Дикая боль, и вот мозг до последних пределов заполняется белым огнем, который расходится от глазного яблока; по лицу текут слезы и кровь. И все это под смутное шипение горячей стали, погруженной в бадью.

* * *

Он висел в воздухе. Глаз был пронзен гвоздем, и жгучая боль понуждала гримасничать и напрягать шею, чтобы ослабить ее. Но боль не проходила и не уменьшалась, она была постоянной. И все же казалось, что это не важно. Рассудок не пострадал, он продолжал размышлять, не отвлекаясь от мучительных ощущений.

Уцелел и второй глаз. Он все время оставался открытым, ни разу даже не моргнув. Неведомо из каких миров он созерцал бескрайнюю панораму. Шеф находился высоко, очень высоко. Под ним лежали горы, равнины, реки, а по морям были рассеяны мелкие скопления цветастых парусов – флот викингов. На равнинах клубилась пыль: это маршировали огромные

армии, там шла непрекращающаяся война между христианскими королями Европы и степными кочевниками-язычниками.

Он чувствовал, что если определенным образом прищурить глаза – единственный глаз, – то можно сосредоточиться на чем угодно, читать по губам командиров и всадников, воспринимать слова греческого императора или татарского хана в тот самый миг, когда они произносились.

Он осознал, что между ним и нижним миром парили огромные птицы, ни разу не ударившие крылом, лишь чуть подрагивали перья. Две пролетели вблизи, глядя яркими желтыми бусинами умных глаз. Их блестящие перья были черны, а грозные клювы – замараны: вороны. Вороны, явившиеся выклевать глаза у повешенных. Он смотрел на них не мигая, как и они на него; они поспешно легли на крыло и отлетели прочь.

Гвоздь, засевший в глазу. Это что же, только он и держит на высоте? Похоже, так и есть. Но чем объяснить, что Шеф при этом жив? С гвоздем, забитым в дерево через череп и мозг? Прижатый к коре, он ощущал биение сока, устойчивый ток жидкости от невообразимо глубоких корней к далеким – человеку ничем не добраться – ветвям.

Глаз снова пронзила боль, и Шеф скорчился; его руки по-прежнему висели, как у покойника. Вернулись вороны – любопытные, жадные, трусливые, хитрые, дожидаящиеся малейшего признака слабости. Они устремились к человеку, хлопая крыльями; внезапно подлетели и тяжело приземлились на плечи. Однако он знал, что сейчас не нужно бояться клювов. Птицы льнут к нему в поисках защиты. Король на подходе.

Перед Шефом вдруг появилась человеческая фигура, вознеслась над земной поверхностью, от которой он отвел взор. Подлинное чудовище: обнаженное, с кровоточащими чреслами, с искаженным страшной мукой лицом. Разъятая спина вздыбилась, как вороновы крылья; грудная клетка съезжилась и втянулась, с сосков свисало что-то губчатое. В руке это существо держало собственный хребет.

На миг они зависли лицом к лицу. Шеф сообразил, что существо узнало его. Узнало – и прониклось жалостью. Но оно направлялось за пределы девяти миров, чтобы исполнить какое-то новое предназначение, и вряд ли кто-нибудь мог последовать за ним. Почерневший рот дрогнул.

– Помни, – изрек несчастный. – Помни стих, которому я тебя научил.

* * *

Боль в глазу усилилась вдвое, и Шеф истошно крикнул и дернулся на своем гвозде, в путях, не позволявших ему шевельнуться, – мягких, заботливых, неподвижных руках. Он открыл глаз и увидел не девять миров, что лицезрел миг назад с огромного ясеня, а лицо Хунда, который держал иглу. Шеф снова взвыл, вскинул руку, и та подчинилась, с отчаянной силой вцепившись Хунду в плечо.

– Тише, тише, – сказал Хунд. – Все позади. Никто тебя не тронет. Теперь ты карл и зачислен в войско, в команду Бранда из Холугаланда, а прошлое забыто.

– Но я должен вспомнить! – воскликнул Шеф.

– Вспомнить что?

Оба глаза наполнились влагой – здоровый и пустая глазница.

– Я не помню, – прошептал Шеф. – Я забыл слова короля.

Книга 2 Карл

Глава 1

Тракт тянулся по плоской, хорошо осушенной земле на много миль, уходя от хамберских болот и пересекая южную половину обширной Йоркской равнины. Но Великая армия все равно продвигалась с трудом, ибо насчитывала восемь тысяч воинов, столько же лошадей, а еще были сотни обозников: ездовых, шлюх, торговцев да рабов на продажу. После них даже знаменитые каменные дороги римлян превращались в топкие тропы, где лошади по брюхо проваливались в грязь. Что до обычных английских тропинок и дорог, по которым гуртовщики перегоняли скот, то на их месте оставалось настоящее болото.

Бранд, славный из мужей Холугаланда, поднял забинтованную руку, и его отряд – длинная сотня и еще пятеро, три корабельные команды – ослабил поводья. Замыкающие – самые плохие воины в армии – немедленно обернулись и всмотрелись в серую влажную хморь, которую уже покидал свет осеннего дня.

Двое, что ехали в авангарде, разглядывали то, что открывалось впереди: вконец размытую дорогу шириной в четыре маховые сажени, которая сворачивала, должно быть, к очередной речушке. В нескольких сотнях ярдов опять начиналась возвышенность с неогороженным трактом. Но в промежутке, вдоль русла, тянулся густой лес, где мощные дубы и каштаны, подступившие к самой обочине, шумели на крепчающем ветру бурой листвой.

– Что думаешь, юный воевода? – осведомился Бранд, сграбастав бороду здоровой рукой. – Ты видишь одним глазом дальше, чем большинство – двумя.

– Колчерукий, я и половиной глаза вижу, – парировал Шеф, – что конский навоз на обочине уже не дымится. Основное войско уходит. Мы слишком медленно ползем. У йоркширцев полно времени, чтобы зайти и сзади, и спереди.

– И как бы ты поступил, малолетний обидчик Ивара?

– Я бы перестроился правее и дальше так и ехал. Они, возможно, ждут, что мы подадимся влево, щитами к деревьям, за которыми может быть засада. Едем к ручью. Когда доберемся – трубить во все рога и мчаться, как на приступ. Если там никого нет, мы будем выглядеть глупо. Если засада, то мы ее снесем. В любом случае надо пошевелиться.

Бранд с некоторым раздражением покачал массивной головой:

– Ты, малый, не дурак. Правильный ответ. Но это ответ слуги твоего одноглазого покровителя Одина, Предателя Воинов, а не карла Великой армии. Наша задача – подбирать отставших, чтобы никто не угодил в руки англичан. Змеиному Глазу плевать, что в лагерь каждое утро бросают головы. Зато обеспокоены люди. Они считают, что важен каждый из них – плохо, когда кого-то убивают случайно, а не в бою. Если сойдем с дороги, то можем много и потерять, а его товарищи потом обязательно хватятся и спросят. Придется рискнуть – будем ехать, как ехали.

Шеф кивнул, снял со спины щит, продел руку под ремень и стиснул рукоять за умбоном. Сзади донесся шорох и лязг: сто двадцать пять человек взяли оружие на изготовку и тронули коней. Шеф понимал, что Бранд натаскивает его и приучает мыслить, как подобает вождю. Он не огорчился из-за отвергнутого совета.

Но в глубине души он боролся с мыслью, что эти мудрые мужи, эти великие и опытные воины ошибаются – и славный Бранд, и Ивар Бескостный, и даже непревзойденный Змеиный Глаз. Они поступают неправильно. Эта неправильность сокрушила не только крохотную Восточную Англию, но и все королевства, против которых выступили норманны.

Однако Шеф, бывший некогда трэллом, прикончивший двух человек и ни разу не стоявший на линии боя дольше десяти ударов сердца, все равно был уверен, что лучше знает, как выстроить армию.

Открылось ли это в видениях? Было ли это знание, как постоянно намекал ему Бранд, послано из Валгаллы Богом Отцом, Изменником Одним, Богом Повешенных, Предателем Воинов?

«Какой бы ни была причина, – подумал Шеф, – будь я воеводой, то устраивал бы привал по шесть раз на дню и трубил, чтобы на флангах и в тылу знали, где я нахожусь. И с места бы не сошел, пока не услышал бы ответный зов».

Еще лучше, если бы каждый знал точное время, когда прозвучит труба. «Но как это сделать, если нам не видно друг друга? Откуда черные монахи в монастырях знают, когда служить службу?»

Шеф размышлял об этом, пока ехал среди деревьев. На тропу уже ложились тени. Все эти дни юношу одолевали разнообразные идеи, мысли о трудностях, которые казались неразрешимыми в его эпоху. Так и чесались руки вновь взяться за молот и поработать у горна. Казалось, он скорее выкует решение на наковальне, чем выносит его в голове.

Впереди на дороге стоял человек. Услышав топот копыт, он обернулся и опустил меч, когда узнал ехавших.

– Я Стуф, – назвался он. – Из отряда Хумли, что из Рибе.

Бранд кивнул. Мелкий отряд данов, не очень дисциплинированный. Из тех, где боец пропадет, и никто не спросит, куда он делся, пока не будет слишком поздно.

– Мой конь охромел, и я отстал. Потом решил отпустить его и идти пешком.

Бранд снова кивнул:

– У нас есть свободные лошади. Я выделю тебе одну, обойдется в серебряную марку.

Стуф открыл было рот, желая воспротивиться и приступить к привычному для лошадиников торгу, но Бранд уже махнул своим людям, чтобы трогались. Пеший воин схватил за поводья лошадь, которую вел всадник.

– Ты дорого просишь, – упрекнул он. – Но спорить, пожалуй, не время. Я чувю, что англичане рядом.

При этих словах Шеф краем глаза уловил какое-то движение. Шевельнулась ветка. Нет, целое дерево согнулось в красивую дугу, и вдруг показались веревки – привязанные к верхушке, они натянулись. В следующий миг ожил весь лес по левую сторону дороги.

Шеф вскинул щит. Глухой удар, и стрела пробила мягкую липовую древесину в каком-то дюйме от его кисти. Позади раздались крики, лошади начали пятиться и лягаться. Он уже соскочил со своей и присел, прячась за ее корпусом от засады. Его сознание молниеносно отметило десяток обстоятельств, сработав намного быстрее всяких слов.

Дерево подрублено уже после того, как проехала Великая армия. Арьергард отстал еще больше, чем казалось Шефу и Бранду. Противник атаковал слева с намерением оттеснить норманнов в лес. Дорога перекрыта: спереди – поваленным деревом, сзади – мятущейся толпой лошадей и людей.

Делай то, чего от тебя не ждут!

Шеф обежал лошадь, прикрылся щитом и бросился с копьем наготове прямо на крутой откос, тянувшийся слева от дороги. Прыжок, второй, третий, и без задержек, чтобы не увязнуть в топкой земле. Вот и сделанный наспех завал из веток, откуда на него уставилось лицо англичанина, который нащупывал в колчане стрелу. Шеф ударил горизонтально, на уровне паха, и лицо исказилось в муку; человек скорчился и опрокинулся. Шеф провернул копьё, высвободил рывком, дотянулся до раненого, толчком опрокинул на завал. Затем вонзил копьё в землю, опираясь на него, перелетел через тело и ветки, мгновенно развернулся и принялся направо и налево разить неприятеля.

Он вдруг осознал, что горло саднит от крика. В унисон ревел голос куда более зычный: Бранд, оставшийся на дороге и не способный толком драться из-за раны, гнал растерянных викингов на откос, в проделанную юношей брешь.

Вмиг рядом оказалось с десятков врагов, и он, отбиваясь, неистово тыкал копьём во все стороны. Затем в его спину врезался локоть. Шефа бросило вперед, и отовсюду посыпались люди в кольчугах, а англичане торопливо попятнулись, а затем и вовсе обратились в бегство.

Керлы, сообразил Шеф. Кожаные джеркины, охотничьи луки и секачи. Эти люди привыкли травить вепря, а не сражаться. Если бы викинги оправдали их расчет и углубились в лес, то угодили бы в ямы и сети, где и остались бы барахтаться, пока не пригвоздят копьём. Но эти англичане не умеют держать позицию и обмениваться ударами поверх липовых щитов.

Понятно, что бессмысленно преследовать их в родном лесу. Викинги прилежно зарезали и зарубили тех немногих, кого удалось схватить, дабы никто не выжил и не смог похвастаться нынешней схваткой.

Тяжелая рука хлопнула Шефа по спине.

– Ты правильно сделал, парень. В засаде нельзя стоять столбом. Либо убегай, либо бросайся прямо на врага. Но откуда ты это знаешь? Может быть, Торвин не ошибается насчет тебя?

Бранд сжал висевший на груди молот и снова начал раздавать приказы. Он велел своим людям поскорее обойти поваленное дерево, снял с убитых и покалеченных лошадей упряжь да наскоро осмотрел человек десять-двенадцать, пострадавших в бою.

– С такого расстояния, – произнес он, – эти короткие луки пробивают кольчугу, но и только. Меж ребер или в брюхо стрела уже не войдет. Никто еще не выигрывал битву луками и стрелами.

В последних лучах осеннего дня колонна пересекла речку и стала подниматься на холм, оставив позади лес.

Впереди на дороге лежал какой-то предмет. И не один. Когда викинги подъехали ближе, Шеф узнал воинов Великой армии, отставших, как Стуф. Их было двое, одетых в грубое сукно бывалых участников долгих походов. И было что-то еще, что-то страшное, уже знакомое...

Шеф с тем же потрясением, что испытал в Эмнете, понял: люди слишком малы. Руки отрублены по локоть, ноги – по колено; вонь же горелой плоти объясняет, почему они выжили. Да, они все еще жили. Один, когда приблизились всадники, приподнял голову и всмотрелся в ошеломленные и гневные лица.

– Берси, – произнес он. – Из команды Лысого Скули. *Fraendir, vinir*¹⁷, – взмолился он, – друзья, сделайте, что должны! Дайте нам умереть воинами.

Побледневший Бранд соскочил с лошади и левой рукой извлек кинжал. Другой, перебинтованной, он сочувственно погладил калеку по щеке. Затем прижал к земле его голову и с силой воткнул клинок ниже уха. То же самое проделал со вторым норманном, которому посчастливилось лишиться чувств.

– Уберите их с дороги, – распорядился он, – и едем дальше. Хеймнары, – добавил он, обратившись к Шефу. – Хотел бы я знать, у кого англичане этому научились.

Шеф не ответил. Далеко впереди на небольшой возвышенности виднелись желтые каменные стены теснящихся домов, едва различимые в косых, почти горизонтальных лучах солнца, что проникали меж облаков. По земле стелился дым тысячи очагов. Юноша уже видел эту картину.

– Эофорвик, – произнес он.

– Йоврвик, – повторил ближайший викинг, не совладав с чуждыми согласными и дифтонгом.

– Да чтоб ему провалиться, – сказал Бранд. – Зови просто Йорком.

¹⁷ Друзья, товарищи (*др. – сканд.*).

* * *

С наступлением темноты люди, стоявшие на городской стене, видели бесчисленные мерцавшие точки. То были костры Великой армии. Наблюдатели находились на круглом бастионе в юго-восточном углу внушительной и старой квадратной римской крепости, где раньше, северянам на страх, размещался Шестой легион. Позади громоздился монастырь Святого Петра – настоящая крепость, занимавшая триста двадцать акров и некогда славившаяся самой известной и просвещенной обителью северного мира. В этих стенах также располагались королевские палаты, сотня домов для вельмож и тесно составленные казармы их танов, военных слуг и наемников. А кроме них – опора власти: кузницы, арсеналы, оружейные лавки, сыромятни. Снаружи на реке Уз раскинулся город с его складами и пристанями. Но им можно было пожертвовать. Значение имело лишь то, что находилось за стенами – старыми крепостными и той, что окружала монастырь Святой Марии за рекой, на месте римской колонии; там селились отставные легионеры и, по своему обыкновению, выстраивали стены для защиты от гнева местного населения.

Король Элла угрюмо смотрел на бесчисленные костры, прикрываемый дюжим Катредом, начальником его охраны. Рядом стоял архиепископ Йоркский Вульфхер, неизменно одетый в белое и пурпур, а подле него чернел силуэт архидиакона Эркенберта.

– Их не пришлось долго ждать, – сказал Элла. – Я думал, они увязнут в болотах Хамбера, но им удалось проскользнуть. Я надеялся, что у них кончатся припасы, но непохоже, что они голодают.

Он мог бы помянуть и свой расчет на то, что врагов остановит Эдмунд и восточные англы, – приходило немало слухов об их отчаянном налете. Но эта мысль повергла Эллу в дрожь. Все истории заканчивались описанием страшной казни короля. И Элла знал с того момента, как викинги объявились в Англии, что для него Рагнарссоны припасли нечто худшее. Восемь тысяч человек, сидящие у походных костров, явились по его душу. Если Элла сбежит, они пустятся в погоню. Если спрячется, они назначат награду за его труп. У Вульфгара и даже у Катреда есть надежда пережить поражение. Элла же знает, что должен либо победить Великую армию, либо умереть.

– У них большие потери! – заявил архидиакон Эркенберт. – Против них выступили даже крестьяне – задерживают продвижение армии, отрезают обозы и истребляют продовольственные отряды. Викинги, должно быть, уже потеряли сотни человек, а то и тысячи. Все наши подданные встают на защиту страны.

– Это верно, – согласился Катред. – Но ты знаешь, кому мы этим обязаны.

Группа дружно повернулась к диковинному сооружению, стоявшему в нескольких ярдах. Оно смахивало на носилки и представляло собой узкий короб, благодаря длинным ручкам имевший сходство с носилками. Между одной парой ручек установили два колеса на оси – можно было катить. В коробе лежал человеческий обрубок.

Сейчас короб поставили прямо, и калека мог, как все, смотреть через бойницу. Большая часть его веса приходилась на широкую ляжку, которая охватывала грудь и уходила под мышки. Обитый мягким валик между ногами служил дополнительной опорой. Вульфгар старался держаться на забинтованных кульнях.

– Я служу предостережением, – громыхнул густой бас, который жутко было слышать от такого коротышки. – Когда-нибудь послужу и отмщением – за все, что сделали со мной язычники.

Остальные промолчали. Они знали, сколько шума наделал изувеченный тан восточных англов, и помнили его почти триумфальное путешествие, когда он, опережая армию, остано-

ливался во всех деревнях подряд и рассказывал керлам об участи, которую уготовили враги им и их женщинам.

– Что толку от этих стычек? – уныло спросил король Элла.

Катред наморщил лицо, подсчитывая:

– Не задержали. Перебили мало. Заставили их сплотиться. Может быть, даже закалили. Их все равно восемь тысяч.

– Мы можем собрать в округе половину от этого числа, – возразил архидиакон Эркенберт. – Мы не восточные англ. В самом Эофорвике живет две тысячи пригодных к ратному делу мужчин. И мы сильны поддержкой небесного воинства.

– Вряд ли нам этого хватит, – медленно проговорил Катред. – Даже если нас будет три к двум, это только выглядит красиво. В бою на равнине получится один к одному. У нас есть воины, ничуть не уступающие викингам, но их мало. Если выйдем за стены, обязательно проиграем.

– Значит, не выступим?

– Будем держать оборону. Им придется лезть на стены.

– Они разорят наши владения! – возопил Эркенберт. – Вырежут скот, заберут в полон молодежь, вырубят фруктовые сады! Сожгут урожай! Хуже того, до Михайлова дня не будет никакого оброка с церковных земель. Никто еще не заплатил. Деревенские и так прячут деньги в чулках и кубышках, а если увидят, что власть прячется за стеной и не защищает их от грабителей, согласятся ли они платить? – Он театрально простер руки. – Случится неслыханное бедствие! Все Божьи обители в Нортумбрии разорятся, и слугам Господа придется голодать!

– Не проголодаются, если лишатся годовой ренты, – проворчал Катред. – Из прошлогодней сколько вы припрятали в монастыре?

– Есть другой выход, – произнес Элла. – Мы можем заключить с Рагнарссонами мир. Предложим дань, скажем, это вира за их отца. Выкуп должен быть крупным, чтобы они соблазнились. На каждого викинга в Нортумбрии приходится десять дворов. Десять крестьянских хозяйств в состоянии откупиться от карла. Десять танских хозяйств могут откупиться от одного знатного. Может, кто-то и не захочет, но, если сделаем предложение публично, нас поддержит большинство и заткнет несогласных. Будем просить перемирия на год. Они непременно вернутся, но за этот год мы натаскаем всех, кто способен держать оружие, и они выстоят хоть против Ивара Бескостного, хоть против самого дьявола. Тогда, пожалуй, и выйдет три к двум – как думаешь, Катред? Да если и один к одному, все равно у нас будут шансы на победу.

Здоровяк озадаченно крикнул:

– Смело сказано, повелитель, и замысел недурен. Мне по душе. Вот только... – Он распустил поясной кошель и вытряхнул содержимое на ладонь. – Посмотри на эту дрянь. Я продал коня, когда был на юге, и получил лишь несколько приличных серебряных пенни. Остальное – подделка со здешнего архиепископского монетного двора; в основном свинец, если не медь. Не знаю, куда подевалось серебро, у нас его прежде было полно. В последние двадцать лет по всему северу его все меньше и меньше. У нас-то архиепископские деньги в ходу, но южане их не берут, и приходится расплачиваться товарами. Неприятельская армия эти деньги не примет, уж будь уверен. А медовыми сотами да зерном от нее не откупишься.

– Надо найти то, что придется по нраву викингам, – сказал Элла. – У Церкви должны быть запасы золота и серебра...

– Хочешь умаслить викингов церковными сокровищами? – задохнулся от возмущения Эркенберт. – Вместо того, чтобы двинуться на них ратью, как велит христианский долг? Твои слова кощунственны, губительны для Церкви! Когда крестьянин крадет серебряную тарелку из малейшей Божьей обители, с него спускают шкуру и приколачивают к церковным воротам! А то, что предлагаешь ты, в тысячу раз хуже.

– Лишь помышляя об этом, ты уже подвергаешь опасности свою бессмертную душу! – пылко добавил архиепископ.

Эркенберт прошипел, как гадюка:

– Не для того мы сделали тебя королем...

И снова загремел голос хеймнара Вульфгара:

– Вы что, позабыли, с кем имеете дело?! Это не люди, а исчадия ада – все до единого. С ними не договориться. Мы не можем терпеть их присутствие месяцами, необходимо уничтожить... – На бледных губах показалась пена, и Вульфгар приподнял плечо, чтобы стереть ее, но тут же бессильно уронил культю. – Язычники не люди, господин мой король. У них нет души.

«Полгода назад, – подумал Элла, – я повел бы войска Нортумбрии в бой. Они ждут такого приказа. Если я распоряжусь иначе, во мне разочаруются. Никто не пойдет за трусом. Эркенберт сказал понятнее некуда: если я не сражусь, попы вернут на трон простофилю Озберта, он все еще прячется где-то на севере. Этот благородный дурак покорно отправится воевать. Но Эдмунд показал, что бывает, когда сражаешься на ровной местности, пусть даже застал противника врасплох. Я проиграю, воюя на прежний манер. Никаких сомнений, что мы потерпим поражение, а я погибну. Надо предпринять что-то другое. То, с чем согласится Эркенберт. Но он не пойдет на открытую уплату дани».

Элла заговорил с внезапной решимостью и королевской властью:

– Мы постараемся выдержать осаду и измотать противника. Катред, проверь укрепления и запасы продовольствия, избавься от бесполезных ртов. Господин архиепископ, я слышал, в твоей библиотеке есть ученые римские книги и там рассказывается о военном деле, особенно насчет осады. Взгляни, не помогут ли они справиться с викингами.

Он ушел со стены, сопровождаемый Катредом и вельможами помельче. Двое крепких трэллов унесли по каменной лестнице носилки с Вульфгаром.

– Тан восточных англов прав, – шепнул своему архиепископу Эркенберт. – Мы должны прогнать язычников, пока они не лишили нас ренты и не испортили наших трэллов, а то и ноблей. Я знаю, что некоторые соблазнятся и вообразят, будто обойдутся без нас.

– Поищи Вегеция, – ответил Вульфгер. – Книга называется «De re militari». Не знал, что наш повелитель настолько учен.

* * *

– Он в кузнице уже четыре дня, – заметил Бранд.

Небольшая компания – он сам, а также Торвин, Хунд и Ингульф, учитель Хунда, – стояла в нескольких шагах от пламеневшего горна. Викинги нашли эту кузницу, полную угля, в деревушке Осбалдвик, в нескольких милях от Йорка. Шеф немедленно завладел ею и потребовал срочно предоставить ему людей, железо и топливо. Четверо смотрели на него через распахнутые настежь двери.

– Четыре дня, – повторил Бранд. – Он почти не ел. И не спал, пока люди не возмутились: пусть-де он сам не ложится, но им-то надо. Заставили его прекратить ковку на несколько ночных часов.

– Не сказать, чтобы это сильно ему повредило, – заметил Хунд.

Действительно: его друг, в котором он все еще видел мальчика, отрока, разительно переменялся за лето. Он не был широк в кости и этим не отвечал суровым стандартам Великой армии, где преобладал рослый народ. Но не было у юноши и малой толики лишней плоти.

Шеф разделся до пояса, несмотря на обычный для английского октября резкий ветер. Когда он ходил вокруг горна, выковывая что-то мелкое и сложное, и брал раскаленный металл клещами, отрывисто наказывая помощнику-англичанину с железным ошейником, чтобы посильнее раздувал мехи, его мускулы перекатывались под кожей, как шары. Рывок, в

бадье шипит металл, из огня извлекается очередная болванка. В багровом свете он казался не человеком, а древней бронзовой статуей.

За тем исключением, что он не обладал красотой античной статуи. Пустая правая глазница казалась гнилостной впадиной даже в тусклом свете горна. На спине отчетливо виднелись рубцы от порки. Многие в армии носили позорные отметины трэлла, но немногие решались выставлять их напоказ.

– Телесного вреда, возможно, нет, – ответил Торвин, – но за рассудок не ручаюсь. Знаешь, что сказано в «Песни о Вёлунде»? «Сидит он, не спит он, все молотом бьет – скоро скует он для Нидуда ковы»¹⁸. Не знаю, что за мудреную штуковину задумал наш друг – или тот, для кого он ее делает. Я надеюсь, что Шефу повезет больше, чем Вёлунду, и он преуспеет в своих сокровенных чаяниях.

– Чем же он занимался четыре дня? – сменил тему Ингульф.

– Начал вот с этого. – Торвин поднял шлем.

Шлем выглядел диковинно. Он был слишком велик и имел форму луковицы, как голова огромного насекомого. Вокруг шел обод, заточенный спереди до бритвенной остроты. Защитная планка для носа переходила в решетку, прикрывавшую щеки. Сзади раструбом расширялась металлическая пластина, защищавшая шею.

Самой удивительной оказалась изнанка – кожаная подкладка, крепившаяся ремешками. Если надеть такой шлем, то подкладка плотно обхватит голову, но металл ее не коснется. Вся конструкция удерживалась на месте широким ремнем с застежкой.

– В жизни не видел ничего подобного, – сказал Бранд. – Если ударить по металлу, то череп останется цел. Но лучше, конечно, без этого обойтись.

Пока они разговаривали, грохот в кузнице стих и стало видно, как Шеф старательно соединяет мелкие фрагменты. И вот он подошел – весь в поту, улыбаясь до ушей.

Бранд повысил голос:

– Я тут толкую, о юный побудчик-воинов-раньше-времени, что если избегать ударов, то и шлем не нужен. А это что у тебя такое, во имя Тора?

Шеф снова осклабился и взял с наковальни странного вида оружие.

Четверо всмотрелись, а он положил изделие тем местом, где дерево соединялось с металлом, на кисть руки и чуть покачал.

– И что это будет? – осведомился Торвин. – Копье-секач? Или топор на пике?

– Бородовидный топор, как у смердов-пахарей? – предположил Бранд. – Не вижу в нем проку.

Шеф взял Бранда за перевязанную руку и осторожно закатал рукав. Затем приложил рядом собственное предплечье.

– Хороший из меня мечник? – спросил он.

– Плохой. Не обучен. Имеются кое-какие способности.

– А если меня натаскают, то разве я справлюсь с таким, как ты? Да никогда. Полюбуйся на наши руки. Во сколько раз твоя будет толще – в полтора? А то и в два? И ведь я не из слабых. Но иначе сложен, а ты настоящий мечник, и даже больше – топорник. Ты размахиваешь оружием, как мальчишка, который сшибает палкой репы. Мне это не по силам. Сойдись я в бою с воином вроде тебя... А это когда-нибудь случится. Может быть, этим воином окажется Мёрдох. Или кто-нибудь хуже.

Все слушавшие молча кивнули.

– Вот я и решил уравнивать возможности. Смотри, как получается... – Шеф начал медленно вращать оружием. – Можно сделать выпад. Можно рубить с плеча. Можно ударить слева без разворота. Я могу перехватить топор под лезвием и садануть древком. Могу отразить удар

¹⁸ Перев. В. Тихомирова.

с любой стороны. Могу держать двумя руками. Мне не нужен щит. А главное, если бить такой штуковиной, даже у меня получится не хуже, чем у Бранда, и мало кто выживет.

– Но руки-то открыты, – заметил Бранд.

Шеф подал знак, и англичанин нервно засуетился в кузнице. Он принес еще два металлических предмета. Юноша передал их товарищам.

Это были латные рукавицы с кожей на ладонях и кожаной подбивкой, с длинными металлическими раструбами до половины предплечья. Но самое удивительное открылось после, когда мужчины присмотрелись. Металлические части были подвижны. На каждом пальце было пять пластин, скрепленных между собой маленькими заклепками. Пластины побольше прикрывали костяшки и тыл кисти, но тоже смещались.

Шеф надел рукавицы и медленно сжал кулаки, потом сомкнул и разомкнул пальцы на древке оружия.

– Похоже на чешую дракона Фафнира, – проговорил Торвин.

– Фафнира пырнули в брюхо, снизу. Надеюсь, меня будет труднее убить. – Шеф повернулся. – Я бы не управился вовремя без помощи Халфи. Он хороший кожевник – правда, медлит с мехами.

Шеф знаком велел англичанину встать на колени и начал спиливать ошейник.

– Вы скажете, что бесполезно расковырять раба, все равно моментально изловят и опять закуют. Но я, как стемнеет, выведу Халфи за сторожевые костры, а его хозяин засел в Йорке. Если у парня есть хоть капля ума или везения, он убежит далеко и больше не попадетсЯ.

Англичанин поднял глаза, когда Шеф стал осторожно снимать с его горла ковкое железо.

– Вы же язычники, – опешил он. – Священник сказал, что вам неведома милость. Тану отрубили руки и ноги – я сам его видел! Как же вы можете отпустить человека, которого держали в рабстве служители Христа?

Шеф заставил Халфи подняться на ноги. До этого юноша говорил по-норвежски, но сейчас ответил по-английски:

– Люди, которые искалечили тана, поступили плохо. Но я помолчу о христианах и язычниках, скажу лишь, что злые люди есть везде. А тебе посоветую вот что. Если не знаешь, кому довериться, попробуй обратиться к человеку с амулетом...

Он указал на четырех мужчин, которые, слушая его речь, молча приподняли свои серебряные фигурки: Бранд и Торвин – молоты, Ингульф и Хунд – молодильные яблоки Идун.

– Амулеты бывают разные. У Ньёрда – лодка, у Тора – молот, у Фрейра – уд. Я не обещаю, что тебе помогут. Но с тобой будут обращаться как с человеком, а не как с лошадью или телкой.

– У тебя нет амулета, – заметил Халфи.

– Я не знаю, какой носить.

Вокруг будничнЫй гул лагеря перерастал в гам по мере того, как распространЯлись новости, и воины переходили на крик, общаясь друг с другом. Собравшиеся в кузнице обратили взоры на человека из команды Бранда, который явился с широкой улыбкой в нечесанной бороде.

– Снимаемся! – воскликнул он. – Ярлы, Рагнарссоны и ЗмеинЫй Глаз устали выслушивать дозорных, ломать голову и чесать задницу. Завтра идем на приступ! Берегитесь, бабы и девки!

Шеф мрачно посмотрел на воина, не находя в его словах ничего смешного.

– Мою девушку звали Годивой, – сказал он. – Это означает «Божий дар». – Он надел латные рукавицы и взмахнул алебардой. – Я назову эту штуку «Возмездием трэлла», платой раба, – задумчиво проговорил юноша. – Настанет день, когда она отомстит за Годиву. И за других девушек.

Глава 2

Когда забрезжило серое утро, Великая армия уже пробиралась узкими улочками в застроенное лачугами предместье Йорка. Все три главных моста через Уз находились под прикрытием стен старой колонии, расположенной на южном берегу реки, но это не смутило опытных корабелов и лесорубов, которых среди викингов хватало. Они снесли несколько хижин, а заодно и стоявшую на отшибе церковь; разжились крупными бревнами и перекинули через реку широкий мост рядом с собственным лагерем. Армия перешла на другой берег и устремилась, подобно селю, к желтым стенам цитадели в центре города. Никто не спешил и не выкрикивал команды. За исключением отрядов, которые остались охранять лагерь, восемь тысяч воинов сосредоточенно продвигались к своей цели.

Они с грохотом шествовали по улицам, и мелкие группы отделялись от общего строя, чтобы вышибить двери или выломать ставни. Шеф с трудом повернул голову, обремененную непривычной тяжестью шлема, и вопросительно посмотрел на Бранда, который мирно вышагивал рядом и разминал только что разбинтованную руку.

– Сплошное дурачье, – заметил Бранд. – Беженцы говорят, что король давно приказал очистить местность: мужчинам укрыться в крепости, всем остальным – уйти куда-нибудь в холмы. Но всегда найдутся умники, которые думают, что их беда не коснется.

В подтверждение его слов впереди поднялась суматоха: крики, женский визг, резкий удар. Перешагивая через обломки дверей, из дома вышли четверо. Они ухмылялись; в руках у них корчилась и билась чумазная молодая растрепка. Другие воины, поднимавшиеся на холм, остановились позубоскалить.

– Тости, ты не сможешь воевать! Силенок не останется! Охоломи, после найдешь себе новую пышку.

Один из мужчин задрал девушке платье, поднял его над головой так, что получился мешок, не давший ей шевельнуть руками и заглушивший вопли. Двое других схватили ее за голые ноги и грубо их раздвинули. Настроение у шагавшей мимо орды переменилось. Люди останавливались посмотреть.

– Эй, Скакул! Там еще останется место, когда закончишь?

Руки Шефа, упрятанные в латные рукавицы, сомкнулись на древке «Возмездия трэлла», и он тоже повернулся к подвижному, шумному клубку человеческих тел. Бранд деликатно придержал его своей лапицей.

– Брось это, малец. Начнется драка, девку точно пришибут ненароком. Так всегда бывает – кто слаб, того валят первым. Пусть делают что хотят – может, потом и отпустят. Нас ждет бой, и вряд ли они задержатся.

Шеф нехотя отвел глаза и продолжил путь, стараясь не внимать звукам, доносившимся сзади и с других сторон. Ему пришла мысль, что город – как осенняя нива. Выглядит пустым, но с продвижением жнецов все меньше остается нетронутых колосьев. Все чаще попадаются на глаза жители – охваченные страхом и смятением, разбегающиеся кто куда от голосов и клинков.

«Зря они не послушались и не ушли, – подумал он. – Королю надо было проследить. Почему всюду бестолочи?»

Дома кончились, и перед викингами открылась усеянная щебнем пустошь, за которой ярдах в восьмидесяти высилась желтая стена римской постройки. Отряд Бранда вышел из проулка и увидел сновавших по стене людей. Сверху донеслись глумливые оклики. Короткий свист – и в саман ближайшей хижины впилась стрела. Прилетела еще одна, и викинг свирепо выругался, глядя на торчавшее из бедра древко. Бранд выдернул стрелу, осмотрел и швырнул через плечо.

– Ранен, Арндор?

– Только кожу пробила. Попади она выше дюймов на шесть, отлетела бы от куртки.

– Пустяк, – заключил Бранд. – И все же не пяльтесь на этих ребят, а то, чего доброго, глаз кому-нибудь вышибут.

Шеф тяжело пошел дальше, стараясь, как все, не обращать внимания на посвист и тюканье стрел.

– Тебе уже приходилось штурмовать стены? – спросил он.

Бранд остановился и то же самое велел сделать отряду. Он повернулся к стене и быстро присел на корточки.

– Такие большие – нет. Но сегодня мы просто исполним то, что нам поручено. Рагнарссоны говорят, что у них есть план и они возьмут город, если каждый займет свое место и ударит куда нужно. Поэтому мы будем ждать и наблюдать. Уж если кто-то и знает свое дело, так это они. Тебе известно, что их отец, старик Рагнар, пытался захватить франкский город? Это было лет двадцать назад. Город называется Париж. Так что Рагнарссоны с тех пор много думали о штурме каменных стен. Впрочем, это тебе не плюгавая крепостица в каком-нибудь Килкенни или Мите. Любопытно взглянуть, как парни управятся.

Шеф оперся на алебарду и огляделся. Перед ним возвышалась зубчатая каменная стена. Люди были распределены по ней беспорядочно, они больше не тратили стрелы на толпу, остановившуюся на краю пустыря, но были готовы воспрепятствовать ее малейшему продвижению.

«Удивительно, насколько мала дальность обстрела даже с высокой крепостной стены», – подумал Шеф.

Люди, стоявшие на высоте тридцати футов, были неуязвимы. Но при этом лучники ничего не могли поделать с противником, который расположился напротив. Находиться на расстоянии пятидесяти ярдов было опасно, на расстоянии десяти – верная смерть. Дистанция в восемьдесят ярдов позволяла стоять спокойно и без помех готовиться к бою.

Шеф присмотрелся к стене внимательнее. В двухстах ярдах слева она заканчивалась округлой башней, позволявшей вести обстрел по всей длине стены – по крайней мере, насколько достанут луки. Под башней бежал мутный Уз, а на другом берегу, сразу от уреза воды, поднимался частокол, который отгораживал от реки колонию – Мэристаун, как называли ее местные. Там тоже выстроились англичане, тревожно следившие за приготовлениями столь близких и совершенно недостижимых варваров.

Армия, выстроившаяся в шеренги по шесть-восемь бойцов, ждала на пятистах ярдах земли перед стеной. Викинги толпились у выходов из улиц и переулков, и в воздухе клубился пар от их дыхания. Тусклый металл, грубая шерсть и кожа и лишь кое-где раскрашенные щиты. Воины хранили спокойствие, напоминая терпеливых батраков в ожидании хозяина.

Затем ярдах в пятидесяти-шестидесяти справа от Шефа, в самой середине войска, затрубили рога. Юноша запоздало сообразил, что ему следовало изучить ворота в центре стены. От них отходила широкая улица, которая хоть и терялась в грязи меж домов с покосившимися плетнями, но явно была главной дорогой на восток. Сами ворота оказались слишком новыми и массивными для римской работы. Их построили из выдержанных дубовых бревен, которые были не ниже башен, стоявших по бокам. Огромные железные петли казались вершиной творения английских кузнецов.

Однако ворота были не настолько прочны, как каменные стены. И вот к ним зашагали четверо – Рагнарссоны. Шеф выделил самого высокого, чуть ли не хрупкого в соседстве с могучими братьями. Ивар Бескостный был одет в алый плащ и травянисто-зеленые штаны; из доспехов – длинная кольчуга и посеребренный шлем; щит тоже отделан серебром.

Он остановился, махнул ближайшим соратникам и удостоился ответного рева. Рога затрубили вновь, и англичане ответили градом стрел, которые свистели, глухо вонзались в щиты, отлетали от кольчуг.

Теперь махнул Змеиный Глаз, и сотни людей – отборные воины Рагнарссонов – устремились вперед. Первая шеренга несла щиты, но не обычные круглые, а большие прямоугольные, которые прикрывали тело от шеи до щиколоток. Эти бойцы пробежали сквозь тучу стрел и перестроились в клин, нацеленный на ворота. Во второй и третьей шеренгах были лучники. Они тоже бегом переместились вперед, присели за щитами и принялись стрелять поверх. С обеих сторон появились потери, люди падали с пробитой головой или шеей. Шеф видел, как корчились иные присевшие, пытаясь выдернуть стрелу, которая на сей раз пронзила кольчугу и вошла глубоко в плоть. Из рядов викингов в тыл потянулась цепочка раненых.

Но задачей этой первой атаки было только расчистить зубчатую стену.

Из улочки поползло на приступ сосредоточенное там воинство, гордость Рагнарссонов. Шефу, который смотрел, как раздвигаются ряды, на миг померещился чудовищный вепрь. Ног не было видно. Имея двадцать футов в длину, это войско со всех сторон прикрывлось тяжелыми щитами внахлест, а сверху громоздились другие.

Внутри прятался дубовый таран, подвешенный железными цепями к раме. Пятьдесят отборных силачей катили его на восьми колесах вдвое больше тележных. Спереди торчало железное рыло. По мере того как оно тяжко продвигалось вперед, воины с обеих сторон приходили в буйный восторг и присоединялись к процессии, не обращая внимания на английские стрелы. Рагнарссоны шли по бокам от тарана, маша своим бойцам, чтобы отступили и выстроились в подобие колонны.

Шеф мрачно взглянул на поток шафрановых накидок. Мёрдох тоже был там; его длинный меч еще сидел в ножнах, а сам он, как и все, размахивал руками и бранился.

– Вот, стало быть, каков их план, – проговорил Бранд, даже не потрудившись встать. – Таран проломит ворота, и мы войдем.

– А получится?

– Мы для того и сражаемся, чтобы выяснить.

Таран был уже в каких-то двадцати ярдах от цели. Он поравнялся с передовыми лучниками и резко ускорил ход, как только толкавшие увидели ворота через переднюю щель. На стене вдруг появились люди, и викинги-лучники подвергли их бешеному обстрелу. Англичане опустили луки, и со стены понеслись ответные горящие стрелы, с чавканьем впиваясь в деревянный таран.

– Не выйдет, – сказал Бранд. – Может, в других краях и получилось бы, но в Англии? После жатвы? Здешнее дерево надо целый день высушивать в твоей кузнице, чтобы занялось.

Пламя шипело и гасло. Таран приблизился к воротам, но разгоняться не перестал, пока не врезался. Наступила пауза: стенобитчики побросали веревки и взялись за ручки на самом таране. Все сооружение сдвинулось, как только воины отвели бревно на цепях; затем оно понеслось вперед, ускоренное сотней рук и собственной тяжестью. Ворота дрогнули.

Шеф заметил, что войско пришло в боевой кураж и даже Бранд уже на ногах. Все понемногу продвигались вперед. Он и сам переместился шагов на десять.

Крепость не отвечала; докучливый обстрел прекратился, так и не собрав свою дань.

Теперь внимание обеих сторон сосредоточилось на воротах. Викинги попятились, и массивная рама с бревном откатилась. И снова натиск, сопровождавшийся ударом, заглушивший даже гул многотысячной орды. Опять вздрогнули массивные ворота.

Чем же заняты англичане? Если они позволят стенобитчикам продолжать, то створки вскоре развалятся и армия хлынет в крепость.

И вот над башнями по бокам от ворот показались головы бойцов, презревших град стрел и копий. Должно быть, там собралась изрядная сила, – каждый держал по огромному камню. Валуны посыпались на щиты, уложенные над тараном внахлест. Промашнуться было нельзя. Щиты трещали и раскалывались. Но они были прочно закреплены на раме, образуя скаты, по которым и съезжали камни.

Шеф уже находился рядом со строем лучников; задние воины напирали с охапками подобранных стрел. Что там такое? В башнях появились канаты; люди, не достигаемые для стрел, натягивали их изо всех сил. Промелькнул кто-то из Рагнарссонов, – похоже, это был Убби, кричавший на воинов, которые ломались вперед. Он приказывал метать сулицы через стены, целя в предполагаемые скопления канатчиков. Ему подчинились немногие – копия были слишком ценны, чтобы бросать их вслепую.

Канаты трещали от напряжения.

Над воротами показался огромный цилиндр, медленно накатывавшийся на край. Это был обрезок каменной колонны римских времен. Если такая глыба рухнет с тридцатифутовой высоты, то никакая рама не выдержит.

Шеф передал «Возмездие трэлла» Бранду и помчался вперед, бессвязно крича. Закрытые щитами стенобитчики не знали о происходящем над их головами, но остальные видели все. Видели, но не знали, что делать.

Когда Шеф добежал до тарана, несколько человек уже отступили и сгрудились, призывая товарищей взяться за веревки и откатить раму в безопасное место. Другие звали на помощь Мёрдоха и его штурмовиков. Как только те обступили таран, английские лучники осыпали их градом стрел, теперь уже с убийственной дистанции.

Шеф отпихнул одного воина, другого и пролез к тарану сзади. Его моментально окутал туман, в котором смешались пот и пар от зловонного дыхания. Пятьдесят изнуренных героев задыхались и пребывали в смятении; одни уже схватились за волоочильные веревки, другие отворачивались от качающегося массивного тарана.

– Нет! – гаркнул Шеф во все горло. – Снова беритесь за ручки!

На него тупо уставились, люди налегли на веревки.

– Не надо оттаскивать всю махину, отведите таран...

Шефа толкнули в спину, и он полетел вперед; сзади навалились другие тела; кто-то сунул ему в руку веревку.

– Тяни, бесполезный потэх¹⁹, пока я тебе потроха не выпустил! – заорал ему в ухо Мёрдох.

Шеф почувствовал, как задрожала рама; позади него закрутилось колесо. Он изо всех сил потянул веревку. Такую громадину откатят от ворот на пару футов, может, на три, но этого все равно мало...

Сокрушительный удар, треск, еще один яростный толчок в спину, и Шеф приложился головой о таран. Внезапно раздался визг, страшный, похожий на женский, и он все не стихал...

Шеф кое-как встал и огляделся. Викинги действовали слишком медленно. Каменная колонна, которую сотни рук наконец перевалили через ворота, упала точнехонько на железное рыло тарана, впечатав его в землю, оборвав цепи и выдернув крепежные болты. Она сокрушила и переднюю часть бревна, а еще придавила ниже пояса одного из команды. Это он визжал – огромный седой мужчина за сорок. Еще трое-четверо упали замертво, сбитые цепью или бревном. Их отпрянувшие в страхе товарищи теперь стыдливо отводили глаза. Все они молчали, и выл только один. Шеф понял: скоро они очнутся и залопочут, но сейчас удобный момент, чтобы подчинить их своей воле. Он знал, что нужно делать.

– Уйми его, Мёрдох.

Бешеные глаза уставились на Шефа, словно не узнавая. Затем ирландец шагнул вперед, вытаскивая из-за пояса длинный кинжал.

– Всем остальным откатить таран. Недалеко, на шесть футов. Хватит! Теперь... – Шеф встал спереди, оценивая ущерб. – Десять человек, снаружи! Берите обломки, дровки – что угодно – и катите эту колонну к воротам. Она всего несколько футов в обхвате; если подведем

¹⁹ В кельтской мифологии дух, призрак, нечисть. В разговорной речи – олух, деревенщина.

впритык переднее колесо, то сумеем раскатать таран. Дальше надо разобраться с цепями. Мне нужен молоток... нет, два молотка. Таран надо оттащить назад, беритесь прямо за петли...

Время понеслось вскачь. Шеф сознавал, что на него таращатся; заметил, как сзади сунулся под панцирь и снова исчез серебряный шлем; видел Мёрдоха, вытиравшего кинжал. Ему не было до этого дела. Шесты и цепи, гвозди и сломанные брусья превратились в святающиеся линии, которые сдвигались так, как он считал нужным. Он точно знал, что надо делать.

Внезапно донесся возбужденный рев, это армия приставила к якобы беззащитным стенам импровизированные лестницы. Но англичане дружно нахлынули и повалили их. Под панцирем кряхтели и перешептывались: «Это одноглазый кузнец. Делайте, как он велит».

Готово. Шеф отступил и махнул силачам, чтобы снова взяли за веревки. Таран с грохотом устремился вперед, он ехал, пока колеса не уперлись в колонну, а головная часть, теперь лишенная железной оснастки, не столкнулась с воротами – дуб против дуба. Воины снова схватились за ручки, дождались команды, отвели таран подальше назад и послали вперед. И еще раз. Они затянули песню гребцов, вкладывая в удары свой немалый вес, действуя бездумно и без указки. Шеф выбрался из-под щитов на божий свет.

Пустошь – еще утром бесполезная земляная плешь – преобразилась в поле боя: трупы лежали как попало, раненые брели в тыл; иных уносили; лучники подбирали чужие стрелы. Встревоженные лица обращались сперва к Шефу, затем к воротам.

А те уже поддавались. Наверху забегали. После атаки один столб высился немного не вровень с другим. Люди под панцирем приноравливались, чтобы ударить вернее. Еще пятьдесят вздохов – может быть, сто, – и ворота падут. Доблестные воины Нортумбрии хлынут наружу, размахивая мечами с позолоченными рукоятками, навстречу славным воинам Дании и Вика с примкнувшими ирландскими изменниками.

Шеф поймал себя на том, что смотрит в лицо Ивара Бескостного, который находился всего в нескольких шагах. Светлые глаза глядели в ответ, полные ненависти и подозрения. Затем Ивар отвлекся, тоже сообразив, что в битве наступает перелом. Он повернулся и махнул обеими руками. Получив условный знак, из домов подле Уза потекла орда. Воины несли длинные лестницы – уже не хлипкие, наспех сделанные, а добротные, припасенные загодя. Свежее пополнение знало, что делать. Когда англичане бросят лучшие силы на защиту ворот, Ивар направит его к оголенной угловой башне.

«Англичанам конец, – подумал Шеф. – Их оборона трещит в двух местах. Теперь армия прорвется. Зачем же я так поступил со своими? Почему помог тем, кто выжиг мне глаз?»

Из-за шатавшихся ворот донесся странный звук, как будто лопнула на арфе струна, но гораздо громче; он был хорошо слышен даже в грохоте битвы. Взлетел огромный камень – такой не поднять и десятерым.

«Это попросту невозможно», – подумал Шеф.

Но тот продолжал набирать высоту, и Шефу пришлось запрокинуть голову, чтобы не потерять его из виду. Вот камень вроде бы завис на миг – и полетел вниз.

Он приземлился точно на таран, сокрушив щиты, опоры и раму, как детский шалаш из древесной коры, и отшвырнув бревно, словно издыхающую рыбину. Послышались хриплые крики боли.

Тем временем викинги приставили лестницы и полезли наверх; одну англичане столкнули, остальные стояли прочно. В двухстах ярдах на другом берегу Уза ожил частокол Мэристауна: там что-то происходило. Люди суетились вокруг какой-то машины.

На сей раз это был не камень. Что-то стремительно перелетело через реку в направлении лестниц. Смелчак, уже добравшийся до самого верха ближайшей к Шефу лестницы и взявшийся за каменный зубец, не успел перелезть на стену. Его швырнуло вперед, будто великан толкнул в спину. Удар был настолько силен, что подломилась лестница. Человек повернулся с

раскинутыми руками, и Шеф увидел массивный штырь, торчащий у него из спины. Воин прогнулся назад, сложился пополам и медленно полетел на головы толпящихся внизу товарищей.

Стрела? Едва ли. Ни один человек не согнет лук, способный отправить в воздух такую штуковину, и не раскрутит пращу, чтобы запустить ту глыбу. Тем не менее это произошло. Шеф медленно подошел и рассмотрел камень, лежавший среди обломков тарана. Оттуда неслись крики о помощи, и кто-то делал жалкие попытки выбраться, но Шеф не обращал внимания.

Все это сделано при помощи машин. И каких машин! Должно быть, за стенами крепости – возможно, среди бенедиктинцев – есть умелец, мастер, каких свет не видывал. Придется выяснить. Сейчас, однако, Шеф понял, почему помог Рагнарссонам и их армии: не вынес неправильного обращения с механизмом. Но оказалось, что машины были у обеих сторон.

Его схватил Бранд, сунул в руки «Возмездие трэлла» и погнал прочь, злобно рыча:

– Стоишь как чурбан, а они вот-вот попрут!

Шеф увидел, что, кроме них двоих, на поле боя почти никого не было. Все остальные отступили с холма так же быстро, как поднялись.

Атака Рагнарссонов на Йорк провалилась.

* * *

Действуя крайне осторожно, высунув язык от усердия, Шеф опустил на нить острое лезвие ножа. Та лопнула. Груз на конце деревянной планки упал, другой конец подскочил. Гольш лениво перелетел через горн.

Шеф сел и вздохнул.

– Вот как оно устроено, – сказал он Торвину. – Короткое плечо с тяжелым грузом и длинное – с меньшим. Все понятно.

– Я рад, что ты наконец доволен, – ответил Торвин. – Ты забавлялся с деревяшками и струнами два дня, пока я работал. Может, теперь пособишь?

– Пособлю, но это тоже важно. Мы, приверженцы Пути, должны искать новые знания.

– Ты прав, новые знания нам нужны. Но и обыденной работой пренебрегать не следует.

Торвин увлекался опытами не меньше, чем Шеф, но после нескольких неудач смекнул, что только мешает пылкой фантазии своего бывшего подмастерья, и вернулся к горе железа, которое натащила к своим оружейникам армия.

– Ты уверен, что это знание новое? – спросил Хунд. – Ингульф умеет делать такое, что и не снилось англичанам. Он учится на собственном опыте, например потрошит покойников. Ты тоже ставишь опыты, но учишься тому, что уже известно черным монахам. А они на такие игрушки, – кивнул Хунд на планку с нитью, – не размениваются.

– Ты прав, – кивнул Шеф. – Я зря теряю время. Теперь понятно, что именно они сделали, но есть еще уйма вопросов. Допустим, у меня имеется груз вроде того, которым они выстрелили; спрашивается, какой надо приложить к другому плечу? Намного тяжелее; его не поднимут и десять человек. А если он настолько тяжелый, то как управиться с длинным, бросающим плечом? Видимо, нужен ворот. Как бы то ни было, я знаю, что это был за звук. Кто-то перерезал веревку, чтобы полетел камень. И вот что еще не дает мне покоя. Они швырнули ту глыбину и разломали таран. Если бы не попали с первого раза, ворота бы рухнули и всем мастерам пришел бы конец. Должно быть, они не сомневались в успехе.

Внезапно он стер все линии, которые чертил на земляном полу.

– Это напрасная трата времени. Торвин, ты понимаешь? Должно существовать какое-то умение, ремесло, которое и без моих опытов покажет людям, что к чему. Я был потрясен, когда впервые увидел частокол вокруг вашего лагеря на Сторе. И все гадал: откуда вожди викингов узнали, сколько надо притащить бревен, чтобы ограда хватило на всю армию? Но теперь мне

понятно, как действовали Рагнарссоны. Каждый корабль – палочка с десятью насечками. Их раскладывают по числу стен – трех, четырех или сколько понадобится. Величайшие в мире воители и мореходы считают по кучкам палочек! Но в этом городе они столкнулись с наукой римлян, которые писали цифрами так же запросто, как буквами. Если я научусь писать римскими цифрами, то построю машину!

Торвин положил клещи и задумчиво посмотрел на серебряный молот, красовавшийся у него на груди.

– Не думай, что римляне знали все на свете, – возразил он. – Кабы знали, по сей день правили бы Англией из Йорка. Как ни крути, они были всего лишь христианами.

Шеф нетерпеливо вскочил на ноги:

– Да полно! А как ты объяснишь второй выстрел? Какая машина способна бить огромными стрелами? Я чуть мозги не вывихнул. Нельзя изготовить лук такой величины, дерево треснет. Но из чего стрелять, как не из лука?

– Тебе нужен перебежчик из города или из Мэристауна, – высказался Хунд. – Тот, кто видел эту машину в действии.

– Может, кто и появится, – кивнул Торвин.

Наступило молчание, которое нарушалось лишь возобновившимся стуком его молотка и вздохами мехов под руками рассерженного Шефа. О перебежчиках лучше было не заикаться. После неудачного штурма разъяренные Рагнарссоны направили свой гнев на окрестные селения – беззащитные по той причине, что все их доблестные воины, таны и нобли были заперты в Йорке вместе с королем Эллой. «Раз город не взять, так разорим предместья!» – воскликнул Ивар. И те подверглись разорению.

– Меня уже мутит, – признался Шефу Бранд после очередного набега на несчастные деревни. – Не думай, что я слабак или христианин. Я хочу разбогатеть и ради денег готов почти на все. Но то, что мы делаем, не приносит ни гроша. Даже на потеху не тянет! Если будем и дальше подражать Рагнарссонам, гадгедларам и прочим подонкам, то просто зря потратим время. Экое удовольствие – ездить по деревням, где они уже побывали! Я понимаю, что тут живут всего-навсего христиане, они заслужили такую судьбу своим раболепием перед распятым богом и его жрецами. Но все равно не делом мы занимаемся. Рабов ловим сотнями, товар первосортный. Да только где их продать? На юге? Для этого нужен мощный флот, а еще придется быть начеку. Нас недолюбливают в тех краях, и я виню в этом Рагнара и его отродье. В Ирландии? Она далеко, и много воды утечет, пока получишь выручку. А кроме рабов, ничего и нет. Церковники переправили золото-серебро в Йорк еще до нашего прихода. А у керлов и танов какие деньги? Странно. Любому видно, что это богатый край. Куда подевалось все серебро? Так мы никогда не разбогатеем. Иногда я жалею, что доставил в Бретраборг весть о смерти Рагнара, и наплевать на внушения жрецов Пути. Я выручил слишком мало.

Но Бранд все же повел отряд в поход, наметив церковь в Стренсолле и надеясь разжиться там золотом или серебром. Шеф решил не ехать, так как устал от зрелищ и звуков, которыми сопровождалось победное шествие Рагнарссонов и их приспешников. Те мечтали показать, как они умеют добывать важные военные тайны и припрятанные сокровища у керлов и трэлов, на самом деле не имевших ни тайн, ни сокровищ.

Бранд помолчал, недобро скалясь.

– В армии мы все заедино, – молвил он наконец. – То, что решается сообща, на открытом сходе, так же сообща и делается, даже если это кому-то не по душе. Малец, мне не нравится ход твоей мысли – будто армию можно в чем-то принять, а в чем-то и нет. Ты теперь карл, а карлов заботит общее благо. Вот почему у нас есть право голоса.

– Я и заботился о благе всей армии, когда сломался таран.

Бранд недоверчиво хмыкнул и проворчал:

– В своих личных целях...

Но он оставил Шефа с Торвином и большущей грудой покоренного оружия в охраняемом лагере, откуда викинги пристально следили за Йорком, всегда готовые отразить вылазку. Шеф сразу занялся своими экспериментами, конструируя в воображении гигантские луки, пращи и молоты. По крайней мере одну проблему он решил – пусть не на практике и даже не в теории.

За кузницей раздался топот бегущих ног и учащенное, натужное дыхание. Все трое дружно метнулись к широкому дверному проему. В нескольких футах от входа Торвин поставил шесты и натянул нить с гроздьями рябины, обозначив священные границы своих владений. За один из шестов держался запыхавшийся человек. Его статус был ясен по железному обручу на шее. Затравленный взгляд перебегал с лица на лицо, но при виде молота на мощной шее Торвина раб явно испытал облегчение.

– Санктуарий, – прохрипел он. – Дайте мне санктуарий.

Он говорил по-английски, но употребил латинское слово.

– Что такое санктуарий? – осведомился Торвин.

– Убежище. Он ищет твоей защиты. У христиан принято, что если беглец постучится в церковь, то вплоть до суда будет находиться под покровительством епископа.

Торвин медленно покачал головой, увидев полдюжину преследователей. На вид гебридцы, а этот народ крайне охоч до рабов. Они замедлили бег, углядев свою добычу.

– У нас такого обычая нет, – произнес кузнец.

Раб взвыл от ужаса, увидев его жест и ощутив погоню. Он крепче вцепился в тонкую жердь. Шеф вспомнил, как сам шагнул на территорию Торвина, не зная тогда, выжить ему суждено или умереть на месте. Но он мог назваться кузнецом, собратом по ремеслу. Этот же выглядел простым работягой, не обладавшим ценными навыками.

– А ну-ка, пойдем с нами! – Вожак гебридцев съездил беглецу по уху и принялся отрывать его пальцы от шеста.

– Сколько ты за него хочешь? – спросил Шеф, повинувшись внезапному порыву.

Гебридцы загоготали.

– Зачем он тебе, одноглазый? Нужен мальчонка для утех? У меня есть получше в загоне.

– Сказал же, что покупаю. Смотри, деньги есть.

Шеф повернулся к «Возмездию трэлла» – меч торчал из земли у входа в кузницу. На нем висел кошель с несколькими монетами, которые Бранд выделил юноше из скудной добычи.

– Не выйдет. Хочешь раба – приходи к загонам, продам любого. А этого приведу обратно в назидание остальным. Там слишком много таких, кто удрал от одного хозяина и вообразил, будто и от другого сбежит. Хочу показать им, что не тут-то было.

Раб что-то понял из его тирады и снова заскулил, на этот раз отчаяннее. Когда его схватили за руки и стали отрывать от ограда, стараясь не повредить ее, он забился и уперся.

– Амулеты! – крикнул он. – Мне сказали, что у людей с амулетами безопасно!

– Мы не в силах помочь, – ответил Шеф, вновь перейдя на английский. – Зря ты не остался у хозяина-англичанина.

– Моими хозяевами были черные монахи. Сам знаешь, как они обращаются с рабами. А хуже всех архидиакон Эркенберт, который делает машины...

Взбешенный гебридец потерял терпение, сорвал с пояса кишку с песком и ударил. Он промахнулся и попал не по виску, а по нижней челюсти. Послышался хруст, и она выскочила вперед; из уголка рта заструилась кровь.

– Эренерт! Он дяфол... Деаэт мафыны...

Шеф торопливо натянул латные рукавицы и приготовился выдернуть алебарду. Клубок боровшихся людей откатился на несколько шагов.

– Послушайте! – произнес Шеф. – Это ценный человек. Больше не бейте его.

«Десяток слов, – подумал он. – Мне может хватить и десяти слов. Тогда я выясню, как устроен большой лук».

Раб, отбивавшийся с яростью пойманного хорька, исхитрился высвободить ногу и пнуть. Гебридец изрыгнул глухое проклятие и склонился над ним.

– Ну все! – проскрежетал главарь.

Шеф подался вперед, но тот выхватил нож, шагнул и пырнул сбоку. Раб, удерживаемый гебридцами, выгнулся и обмяк.

– Болван! – вскричал Шеф. – Ты убил человека, который знал про машины!

Главарь повернулся к нему, кривя рот от злости. Он собрался что-то сказать, и Шеф ударил его в лицо бронированным кулаком. Гебридец рухнул навзничь. Повисла мертвая тишина.

Главарь медленно поднялся и выплюнул на ладонь зуб, потом второй. Он посмотрел на своих людей, пожал плечами. Те оставили труп раба, развернулись и зашагали к своему стойбищу.

– Ну вот и доигрался, малец, – обронил Торвин.

– О чем ты?

– Теперь осталось только одно.

– И что же?

– Хольмганг.

Глава 3

На соломенном тюфяке у жаркого горна Шеф спал тревожным сном. Торвин заставил его плотно поужинать, – казалось, о чем еще можно мечтать после многодневного недоедания? В лагере кормили с каждым днем все хуже, поскольку он целиком зависел от фуражировки в окрестностях.

Но ржаной хлеб и жареное мясо лежали в желудке тяжелым грузом. Еще тяжелее были мысли. Шефу объяснили правила хольмганга, и они разительно отличались от импровизированного поединка, в котором он несколько месяцев назад убил ирландца Фланна. Юноша понял, что положение у него аховое. Но ничего не поделать: о ссоре узнала вся армия, и теперь она ждет знатной потехи. Он угодил в ловушку.

И все-таки Шеф больше размышлял о машинах. Каково их устройство? Можно ли улучшить его? Как проломить стены Йорка?

Юноша медленно соскользнул в мутную дрему.

* * *

Он находился на какой-то далекой равнине. Перед ним вздымались чудовищные стены, в сравнении с которыми йоркские и любые другие, построенные смертными, казались карликовыми. Высоко наверху маячили фигуры, уже встречавшиеся ему в снах, которые Торвин называл видениями. Массивные существа с лицами, похожими на лезвие топора, и суровыми до жестокости выражениями на этих лицах. Но сейчас они выказывали еще и тревогу, беспокойство. Шеф увидел, что к стенам двигалась еще одна фигура, превосходившая ростом даже богов, такая огромная, что была вровень со стенами, где стояли боги. Но она не обладала людскими пропорциями и выглядела откровенно по-шутовски: культышки ног, пухлые руки, раздутое брюхо и щербатый рот. Выродок из тех, кого в Эмнете, не поспеши вмешаться отец Андреас, тайком топили в болоте сразу после рождения. Исполн понукал огромную лошадь, себе под стать, которая была впряжена в повозку, нагруженную каменным блоком величиной с гору.

Шеф понял, что блок предназначен для стены, уже почти достроенной. Солнце клонилось к горизонту в этом странном мире, и он знал, что если строительство завершится до заката, то случится нечто непоправимое. Вот почему тревожились боги, а великан потопливал лошадь – жеребца, как рассмотрел Шеф, – азартными возгласами.

Сзади послышалось ржание. Еще одна лошадь, на сей раз обычных пропорций, – гнедая кобыла с челкой, спадающей на глаза. Она снова заржала и скромно отвернулась, будто не догадываясь, какое действие способен возыметь ее клич. Но жеребец услышал. Он вскинул голову, шевельнулся в постромах. Его орудие начало расчехляться.

Великан гаркнул, ударил жеребца по голове, попытался прикрыть ему глаза. Тот яростно раздул ноздри, но призывное ржание повторилось – теперь уже близко; игриво зацокали копыта. Жеребец встал на дыбы, готовый обрушиться на великана и сбросить упряжь. Повозка опрокинулась, камень вывалился, раздосадованный великан заметался. Жеребец высвободился и устремился к кобыле, спеша пристроить свой уд длиной в мерную цепь²⁰. Но коварная соблазнительница отпрянула, подначивая его пуститься вдогонку. Лошади закружили и вдруг перешли на полный галоп; жеребец начал медленно сокращать расстояние, но в следующий миг они уже скрылись. Позади уморительно подпрыгивал негодующий великан.

Солнце зашло. Одна из фигур на стене мрачно шагнула вперед, натягивая металлические рукавицы.

«Расплата», – подумал Шеф.

Он снова стоял на равнине перед городом. Тот был велик, и его стены намного превосходили йоркские, но все же теперь казались творением человеческих рук, как выглядели человеческими тысячи фигур, сновавшие внутри и снаружи. Те, что находились вне стен, тащили чудовищное сооружение – не вепря, каким представал таран Рагнарссонов, а гигантского коня. Деревянного. «Какая польза от деревянного коня? – подумал Шеф. – Кого им обманешь?»

Никто и не обманулся. Стрелы и метательные снаряды летели то в коня, то в людей при колесах. Они попадали, выбивали возчиков, но на место упавших становились сотни новых. Конь подкатил к стенам, будучи выше них. Шеф понял, что сейчас разрешится нечто стародавнее, длившееся годами, унесшее тысячи жизней, и это еще не предел, погибнет еще столько же. Кто-то сказал ему, что это событие зачарует людей на многие поколения, но мало кто поймет его суть и потомки предпочтут сочинять притчи по своему вкусу.

В голове раздался вдруг голос, который Шеф уже слышал. Тот, что предупредил его перед ночной битвой на Сторе, звучал с прежней ноткой глубинного, заинтересованного веселья.

– Давай смотри, – молвил он. – Смотри!

Конь распахнул пасть и положил язык на стену. Из пасти же...

* * *

Торвин безжалостно потряс Шефа за плечо. Тот сел, все еще силясь постичь значение сна.

– Пора вставать, – сказал мастер. – Впереди трудный день. Будем надеяться, что ты доживешь до его конца.

²⁰ Единица длины, равная 66 футам, или 20 метрам.

* * *

Архидиакон Эркенберт, засевший в своей башенной келье над большим залом Минстера, придвинул подсвечник. Там были три свечи, все из лучшего пчелиного воска. Они не воняли салом, и свет их был ясен. Священник удовлетворенно взглянул на них и вынул из чернильницы гусиное перо.

Перед ним в беспорядке лежали клочки исписанного, исчерканного и вновь исписанного пергамента. Сейчас, вооружившись пером, Эркенберт взял чистый, красивый лист. На нем начертал:

* * *

<i>De parochia quae dicitur</i>	Schirlam	<i>desunt nummi</i>	XLVIII
— «—	Fulford	— «—	XXXVI
— «—	Haddinatus	— «—	LIX

* * *

Список рос и рос. В конце архидиакон подвел под недоимками черту, перевел дух и приступил к муторным вычислениям. «Octo et sex, – забормотал он, – получается quattordecim. Et novo, sunt... viginta tres. Et septem»²¹. Для удобства он рисовал палочки на уже использованном листе, которые перечеркивал, как только набирался десяток. Еще, ведя по списку пальцем, он делал пометки между XL и VIII, L и IX²², чтобы не забыть, чего не трогать, а что добавить. Наконец разделался с первой частью и жирно вывел итог: CDXLIX. После этого взялся за те цифры, которые ранее пропустил. «Quaranta et triginta sunt septuaginta. Et quinquaginta. Centum et viginta»²³. Послушник, который десять минут спустя робко заглянул в глазок, желая узнать, не надобно ли чего, вернулся к своим товарищам в благоговении.

– Он произносит числа, каких я и не слыхивал!

– Удивительный человек, – проговорил другой бенедиктинец. – Дай Бог, чтобы это темное чародейство не причинило вреда.

– Duo milia quattuor centa nonaginta²⁴, – произнес Эркенберт и записал: MMCDXC.

А дальше пошла настоящая мука – сумма недоимок по ренте за квартал. Сколько же наберется за год, если Господь позволит викингам, этому Божьему бичу, и впредь разорять изнемогающих Божьих рабов? Даже среди арифметиков нашлись бы многие, кто предпочел бы более легкий путь и просто четырежды повторил эту цифру. Но Эркенберт был выше таких уловок. Он, будучи человеком дотошным, приступил к самой сложной дьявольской премудрости: умножению римских чисел.

Когда же все было кончено, он уставился на цифру, не веря глазам. Такого итога он еще не видал. Забрел серый рассвет, и Эркенберт дрожащими пальцами загасил свечи. После заутрени придется обратиться к архиепископу.

Сумма оказалась слишком велика. Такие потери недопустимы.

²¹ «Восемь и шесть... получается четырнадцать. И еще... двадцать три. И семь» (лат.).

²² 40 и 8, 50 и 9.

²³ «Сорок и тридцать будет семьдесят. И пятьдесят. Сто двадцать» (лат.).

²⁴ Две тысячи четыреста девяносто (лат.).

* * *

Далеко от тех мест, в ста пятидесяти милях южнее, тот же рассвет разбудил женщину, которая свернулась калачиком в гнезде, сооруженном из тюфяков и шерстяных одеял. Она пошевелилась, подвинулась. Ее рука коснулась теплого голого бедра лежавшего рядом мужчины и отдернулась, словно наткнулась на чешую здоровенной гадюки.

«Это же мой единоутробный брат, – подумала женщина в тысячный раз. – Сын моего отца. Мы совершаем смертный грех. Но как я могла признаться? Я не сказала даже священнику, который нас обвенчал. Альфгар доложил ему, что мы согрешили плотью, когда бежали от викингов, и ныне он просит Господа смилостивиться и благословить наш союз. Его здесь считают святым. И даже короли Мерсии и Уэссекса внимают всему, что он говорит об угрозе, исходящей от викингов; о том, что они сделали с его отцом; как он сразился за меня в их стане... Он стал героем. Его обещают произвести в олдермены и наградить уделом, а также доставить домой его несчастного искалеченного отца, который до сих пор отбивается от язычников в Йорке... Но что скажет отец, когда увидит нас вместе? Вот был бы жив Шеф...»

Едва Годива мысленно произнесла это имя, из-под ее сомкнутых век выступили слезы. Они стекли на подушку, как бывало каждое утро.

* * *

Шеф шел по грязной улице между рядами шатров, которые викинги установили к приходу зимних холодов. Алебарда покоилась на плече, и латные рукавицы тоже были на месте, но шлем остался в кузнице Торвина. Ему объяснили, что на хольмганг не ходят в кольчуге и шлеме. Дуэль – дело чести, и меркантильные соображения о выживании и убийстве врага идут побоку.

Это не означает, что тебя не убьют.

На хольмганг выходило четверо. Дуэлянты поочередно наносили друг другу удары под прикрытием щитоносцев – от их сноровки и зависела жизнь главных участников.

У Шефа не было помощника. Бранд со своими людьми еще не вернулся. Торвин рвал на себе бороду и ударял в землю молотом, но как жрец Пути не мог участвовать в поединке. Предложи он помощь, судьи отвергли бы ее. То же самое относилось и к Ингульфу, хозяину Хунда. Только Хунда и оставалось просить, и тот согласился бы без малейших колебаний. Но Шеф запретил ему вмешиваться. Помимо прочих соображений, он был уверен, что в самый ответственный момент Хунд отвлечется на болотную цаплю или тритона, пропустит удар и тем самым погубит их обоих.

– Сам разберусь, – заявил Шеф жрецам Пути, которые, к удивлению юноши, собрались со всего лагеря, чтобы наставить его.

– Не для того мы просили за тебя перед Змеиным Глазом и спасали от мести Ивара, – резко ответил Фарман, жрец Фрейра, прославившийся скитаниями в иных мирах.

– Неужели вам так хорошо ведомы пути рока? – парировал Шеф, и жрецы умокли.

Но если сказать по правде, то он, пока шел на хольмганг, тревожился вовсе не из-за исхода схватки. Шефа беспокоило, позволят ли ему судьи сражаться самостоятельно. Если нет, то он второй раз в жизни отдастся на милость коллективного суда армии, вапна такра. Он холодел, вспоминая рев глоток и лязг оружия, которыми сопровождалась приговоры.

Шеф вышел за частокол и достиг утоптанного луга возле реки, где собралось войско. С его приходом поднялся гул и толпа расступилась. В центре был круг всего десяти футов в диаметре, огороженный ивовыми прутьями. Торвин сказал, что по традиции хольмганг проводится на островке посреди реки, но поскольку поблизости не нашлось ничего подходящего,

символический пятачок выделили на суше. Хольмганг не допускал маневров: дуэлянты стояли и рубились, пока один не падал замертво, или предлагал выкуп, или бросал оружие, или выходил за черту. В двух последних случаях он отдавал себя в руки противника, который мог потребовать для него смерти или увечья. Если боец проявлял трусость, то судьи обязательно распорядились о том или другом.

Шеф увидел, что враги уже встали возле ивового ограждения. Имя гебридца, которому юноша выбил зубы, тот уже знал: Магнус. Воин держал широкий меч – до того надраенный, что змейки, выбитые на клинке, как бы свивались кольцами и ползали в тусклом сером свете. Рядом маячил щитonosец – высокий, дюжий, средних лет и со шрамами. У него был большущий раскрашенный деревянный щит с металлическим ободом и умбоном. Шеф едва глянул на этих людей и демонстративно осмотрелся в поисках судей.

У него екнуло в груди, когда он безошибочно выделил из скромной четверки Бескостного, который так и расхаживал в зеленом и алом, но без серебряного шлема. Светлые очи из-под невидимых бровей вперились прямо в глаз Шефа. Однако сейчас в них не было настояренности, они излучали высокомерную насмешку: Ивар заметил невольный страх Шефа и притворную невозмутимость.

Ивар зевнул, потянулся, отвернулся.

– Я отказываюсь судить, – заявил он. – Мы с этим петушком еще не сочлись за прежнее. Не хочу, чтобы он заявил, будто я воспользуюсь преимуществом и стану судить несправедливо. Пусть его гибель будет делом рук Магнуса.

Ближайшие зрители согласно загудели и взялись передавать услышанное по рядам. Шеф убедился лишним раз, что в Великой армии все решения принимаются публично. И лучше, когда общественное мнение на твоей стороне.

После самоотвода Ивара остались трое, все из вождей, отменно вооруженные и сплошь в серебре, которое подчеркивало их высокое положение. В стоявшем посередине Шеф узнал Хальвдана, старшего из Рагнарссонов, известного своей лютостью: он дрался по любому поводу, не обладал мудростью Сигурда и не умел наводить страх, как Ивар, но был беспощаден к слабым.

– Где твой щитonosец? – нахмурился Хальвдан.

– Он мне не нужен, – ответил Шеф.

– У тебя должен быть щитonosец. Ты не можешь драться на хольмганге без него и без щита. Если выходишь один, то это все равно что сдать на милость противника. Магнус, что ты хочешь с ним сделать?

– Мне это ни к чему! – теперь уже выкрикнул Шеф и шагнул вперед, ударив в землю древком алебарды. – У меня есть щит. – Он поднял левое предплечье с квадратной железной пластиной, прочно крепившейся к запястью и локтю. – Я дерусь не доской с палахом, а этим и вот этим! Мне не нужен щитonosец. Я англичанин, а не дан!

После таких слов публика гудела, и не без веселья. Шеф знал, что войску нравятся драмы. При хороших ставках правилами можно и поступиться. Воины поддержат неправого, если он покажет себя достаточно дерзким.

– Что скажете? – обратился Хальвдан к двум другим судьям. – Мы не можем на это пойти.

Сзади раздался шум, и кто-то, протолкнувшись в кольцо, подступил к Шефу. Еще один дюжий малый, увешанный серебром. Гебридцы, стоявшие чуть в стороне, набычились. Шеф был потрясен, увидев, что это Сигвард. Тот глянул на сына и повернулся к судьям. Он развел свои мощные руки в лукавом примиряющем жесте:

– Я хочу быть щитonosцем этого человека.

– Он просил тебя?

– Нет.

– Тогда какое тебе дело до него?

– Я его отец.

Снова рокот, теперь возбужденный. Зимой в лагере скучно и холодно, а тут намечается лучшее развлечение со дня неудачного штурма. Воины Великой армии, как дети, не хотели ускорить финал. Они приступили ближе, напрягая слух и передавая услышанное тем, кто стоял в задних рядах. Поведение зрителей повлияло на судей, и тем пришлось учитывать не только требования обычая, но и настроение толпы.

Они начали совещаться, и Сигвард резко повернулся к Шефу. Он подошел ближе, склонился на пару дюймов, чтобы быть вровень, и с ноткой мольбы произнес:

– Послушай, мальчик, ты уже однажды отверг мою помощь, когда угодил в беду. Согласен, для такого нужно мужество. Посмотри, во что это обошлось. Глаза лишился! Не делай так больше. Прости меня за мать. Если бы я знал, что у нее такой сын, я поступил бы иначе. Многие говорили мне о твоём подвиге при осаде, как ты управился с тараном – вся армия гудит. Я горжусь тобой. И потому – прими мой щит. Я в этом деле не новичок. Я лучше Магнуса, лучше его дружка Кольбейна. С таким щитоносцем тебе ничего не сделается. А ты... ты уже побил этого гебридского дурня, как шелудивого пса! Давай повтори! Мы прикончим эту парочку.

Он стиснул плечо сына. Глаза горели гордостью, смущением и чем-то еще – Шеф решил, что жаждой славы. Невозможно двадцать лет быть удачливым воином, ярлом, военачальником, если в тебе нет жгучего желания сражаться в первых рядах, на виду у всех, мечом добывая победу.

Юноша вдруг успокоился, сосредоточился и даже задумался о том, как отказаться от отцовской помощи, не заставив его потерять лицо. Он уже знал, что его худшие опасения не сбудутся: судьи позволят сразиться в одиночку. Иное решение совершенно не устроит зрителей.

Шеф отступил от отца, который чуть ли не обнимал его.

– Я благодарен ярлу Сигварду за готовность держать мой щит на этом хольмганге. Но между нами пролилась кровь – он знает чья. Я верю, что он бы честно помог мне в поединке, и его предложение много значит для столь молодого воина, как я. Но я не проявил бы дренгскарпа, приняв его помощь.

Шеф употребил слово, которое означало воинскую честь, боевую доблесть, борьбу без подлых уловок. В этом слове был вызов. Если воин претендовал на дренгскарп, его противник тоже не мог ударить в грязь лицом.

– Повторяю: у меня есть щит, есть оружие. Если это меньше, чем положено, то тем лучше для Магнуса. Я же говорю, что это больше. А коли ошибаюсь, пусть нас рассудит сеча.

Хальвдан Рагнарссон взглянул на братьев, увидел согласные кивки и присовокупил свой. Гебридцы немедленно вступили в ивовый круг и встали плечом к плечу; они понимали, что армия осудит всякую нерешительность или дальнейшие пререкания. Шеф вышел и остановился перед ними, отметив, что младшие судьи заняли свои места с обеих сторон, пока Хальвдан, стоявший посередине, повторял правила поединка. Краем глаза он видел, что Сигвард так и маячит впереди всех, но теперь в обществе юноши, которого Шеф уже встречал раньше, – того самого, с лошадиными зубами. «Хьёрвард сын ярла, – подумал он отрешенно. – Единотробный брат».

Сразу за ними стояла шеренга людей с Торвином в центре. Как Шеф ни старался сосредоточиться на объяснениях Хальвдана, он рассмотрел серебряные молоты, вывешенные напоказ. Торвину все-таки удалось убедить сподвижников, – возможно, их поддержка не будет лишней.

– ...Противники наносят удары поочередно. Если кто-то ударит дважды, пусть даже застигнув врага врасплох, то проиграет хольмганг и поступит в распоряжение судей. И приговор не будет мягким! Итак, начинайте. Первым бьет Магнус как потерпевшая сторона.

Хальвдан отступил назад с мечом наголо, готовый пресечь незаконный удар. Шеф оказался лицом к лицу с двумя противниками посреди мертвой тишины.

Он приподнял топор и выбрал точку на лице Магнуса, левой рукой сжав древко ниже тяжелой и вычурной головки. Правая рука, опущенная, была готова схватить черенок и отбить удар с любой стороны. Магнус нахмурился, сообразив, что будет вынужден переступить вправо-влево и этим выдавать направление атаки. Он шагнул вперед и правее, вплотную к разделительной черте, которую провел в грязи Хальвдан. Удар был простейшим из всех возможных: рубящий, по голове. «Хочет поскорее закончить», – подумал Шеф, молниеносно вскидывая левую руку и принимая меч на железную пластину.

Звон, отскок. На пластине осталась вмятина по всей длине. Кузнец в Шефе содрогнулся при мысли, во что превратилась режущая кромка меча.

Магнус отступил от черты, и выдвинулся Кольбейн со щитом. Держа топориче обеими руками, Шеф поднял алебарду над правым плечом, шагнул к черте и сделал колющий выпад, направленный Магнусу прямо в сердце. Треугольная пика прошла через липовую древесину, будто сквозь сыр, но Кольбейн взметнул щит, и острие не задело щеку Магнуса. Шеф дернул за алебарду, провернул, потянул снова и рванул ее так, что полетели щепки. В ярко-голубом щите зазияла дыра, и Кольбейн с Магнусом мрачно переглянулись.

Магнус вернулся на позицию, поняв, что не следует бить со стороны пластины. Он ударил слева, но опять с прицелом в голову, так как по-прежнему считал, что без приличных меча и щита враг практически беззащитен. Не перехватывая древка, Шеф отвел алебарду на восемнадцать дюймов в сторону и поймал меч не на лезвие, а на тыльную часть – железный шип в палец толщиной.

Меч вылетел из руки Магнуса и приземлился далеко на половине Шефа. Все взоры устремились к судьям. Юноша отступил на шаг-другой и устремил взгляд в небо. Видя, что происходит, публика одобрительно загудела, и шум все нарастал по мере того, как зрители посмысленнее осознавали возможности оружия Шефа и затруднение, с которым столкнулись гибриды.

Магнус, окаменев лицом, прошел вперед, поднял свой меч, замялся, потом коротко отсалютовал им и вернулся на свою половину круга.

На этот раз Шеф размахнулся слева и ударил, как лесоруб, так что левая рука скользнула по рукояти, благодаря чему сила бойца и вес семи футов металла сосредоточились в полуярдовом лезвии. Кольбейн, спасая напарника, решительно бросился вперед и поднял щит высоко над головой. Топор, лишь слегка отклонившись, когда налетел на железный обод, прорубил два фута липовой древесины и с чавканьем утонул в грязи. Шеф выдернул его и вернулся в стойку.

Кольбейн взглянул на притороченную к руке половину щита и что-то буркнул Магнусу. Хальвдан Рагнарссон невозмутимо вошел в круг, подобрал отрубленный полуовал и отшвырнул прочь.

– Щиты заменяются при согласии обеих сторон, – заметил он. – Бей.

В глазах Магнуса поселилось нечто, похожее на отчаяние. Он шагнул и рубанул – коварно, без предупреждения, метя чуть выше колен. Мечник ответил бы прыжком – во всяком случае, попытался бы подпрыгнуть, так как высота была почти посильной для человека. Шеф шевельнул правой рукой и намертво остановил удар закованным в железо древком. Магнус едва успел отступить за щит помощника, как Шеф сделал шаг и ударил снизу, обухом вперед. Раздался треск, и остатки щита распались; металл снова встретил сопротивление, но уже не только дерева. Кольбейн устоял на футовый шип, который прошел через щит и предплечье, расколов локтевую и плечевую кости.

Рука Шефа скользнула к головке алебарды, сжала древко и дернула. Кольбейна швырнуло вперед; он ступил за черту, тут же опомнился и выпрямился, бледный от потрясения и боли. Едва его стопа коснулась чужой земли, раздался дружный многоголосый вопль, сменившийся беспорядочными выкриками:

– Перешел черту! Бой кончен!

– Он ударил щитоносца!

– Он целил в мечника! Если щитоносец сам подставляет руку...

– Кузнец первый пустил кровь, делайте ставки!

– Хорош, хорош! – крикнул Торвин.

Но его заглушил рев Сигварда:

– Дайте им сразиться до конца! Это воины, а не девки, чтобы хныкать из-за царапины!

Шеф посмотрел на Хальвдана, который был угрюм, но увлечен зрелищем, и тот махнул его противникам, чтобы продолжали.

Кольбейна шатало. Он возился с застежками уже бесполезного щита, явно не имея сил его удерживать. Побледнел и Магнус. Едва не угодив под смертельный удар алебарды, он теперь остался без защиты. Но выхода не было, он не мог ни убежать, ни сдаться.

Вот он исполнился отчаянной решимости и, шевеля бескровными губами, шагнул вперед, занес меч и рубанул сверху. Любой проворный человек с легкостью увернулся бы от такого удара, но хольмганг обязывал стоять столбом. Впервые Шеф повернул левую кисть, и алебарда понеслась навстречу мечу, чтобы встретить его на рубящую кромку. Широкий клинок не проделал и полпути, как был отброшен в сторону, а Магнус потерял равновесие. Встав же прочно, он глянул на свое оружие. Оно не сломалось, но искривилось, и лезвие было прорублено до середины.

– Мечи меняются только по согласию сторон, – пропел Хальвдан.

Лицо Магнуса искажилось отчаянием. Он попытался собрать волю в кулак и встретить неизбежный смертельный удар. Кольбейн чуть выдвинулся вперед, поддерживая раненую руку здоровой.

Шеф посмотрел на свою алебарду и провел большим пальцем по свежей зазубрине. «Придется поработать напильником», – подумал он.

Оружие было названо «Возмездием трэлла», а дрался он потому, что трэлла-то и убил его противник. Настало время отомстить за этого беднягу и, несомненно, за многих прочих.

Но он ударил гебридца не за убийство раба. Причина была в том, что этот раб понадобился ему, Шефу. Он хотел узнать о машинах, которые тот соорудил. Расправа над Магнусом не даст этих сведений. К тому же теперь юноша уже кое-что знал.

Стояла гробовая тишина. Шеф отступил, вонзил алебарду в грязь, отстегнул и бросил пластину. Он повернулся к Хальвдану и громко, чтобы слышало все войско, объявил:

– Я прекращаю этот хольмганг и прошу судей вынести решение. Я сожалею, что в гневе ударил Магнуса Рагнальдссона и выбил ему два передних зуба. Если он освободит меня от хольмганга, я предлагаю ему мое покаяние за это увечье, равно как и за нанесенное только что его соратнику Кольбейну. Я прошу его быть моим другом и поддерживать меня во всех делах.

Разочарованный стон смешался с одобрительными возгласами. Мнения разделились, и толпа разошлась воя, крича и толкаясь. Хальвдан и судьи принялись совещаться и через несколько секунд пригласили к участию обоих гебридцев. Толпа постепенно угомонилась в ожидании решения, которое ей предстояло утвердить или отвергнуть. Шеф не испытывал страха, и его не мучили воспоминания о том, как он в прошлый раз ждал приговора. Он знал, что правильно оценил настроение толпы, против которой не посмеют пойти судьи.

– Мы трое пришли к единому решению, что этот хольмганг был проведен на славу и по всей справедливости, без малейшего бесчестия для участников, а ты, Шеф, – Хальвдан запнулся на английском имени, – Скъеф, сын Сигварда, имел право не бить в свой черед и обратиться к суду. – Хальвдан огляделся и повторил громче и четче: – Не бить в свой черед. Коль скоро Магнус Рагнальдссон готов принять решение суда, мы объявляем, что этот поединок может быть прекращен и ни одна из сторон не понесет наказания.

Гебридец Магнус выступил вперед:

– А я объявляю, что принимаю покаяние Скъефа Сигвардссона за увечья, причиненные мне и Кольбейну Кольдбрандссону, и мы оцениваем ущерб в полмарки серебром каждому...

Ничтожная сумма, назначенная островитянами, чья алчность была общеизвестна, вызвала свист и улюлюканье.

– ...при одном условии. Скъеф Сигвардссон изготовит для нас обоих такое же оружие, как у него, по цене полмарки серебром штука. И мы после этого явим ему нашу дружбу и поддержку во всех делах.

Магнус тронулся с места, оскалась перед рукопожатием, и Кольбеин поплелся с ним. Хунд был уже в круге; он поймал распухшую руку щитоносца, быстро закатал набрякший рукав. Сигвард топтался позади дуэлянтов, пытаясь что-то сказать. Сквозь гомон прорвался ледяной голос:

– Вы обо всем договорились, что тут скажешь. Если собирались прекратить бой с первыми каплями крови, то могли бы управиться за выгребной ямой и не тратить время всей армии. Но ты мне вот что скажи, петушок с навозной кучи: как ты рассчитываешь добиться моей дружбы и поддержки во всех делах?

Слова Бескостного разносились теперь среди всеобщего молчания, а сам он шагнул вперед, сверкая глазами.

– Не слышу! Между нами тоже есть кровь. Что ты предложишь взамен?

Шеф повернулся и возвысил голос, снова приправив его толикой дерзости и презрения, чтобы армия осознала: он не боится Ивара.

– Я могу дать тебе кое-что, Ивар Рагнарссон. То, что однажды уже пытался дать. То, чего сам ты не добудешь, как всем нам известно. Нет, я говорю не о бабьих подлогах...

Ивар отшатнулся, не сводя с Шефа глаз, и юноша понял: эти слова никогда не будут прощены и его не оставят в покое, пока один из двоих не простится с жизнью.

– Выдели мне пятьсот человек, и я дам тебе то, что пригодится всем. Это будут машины помощнее, чем у христиан. Оружие лучше, чем примененное мною сегодня. А когда у меня все это будет, ты получишь еще кое-что. Я вручу тебе Йорк!

Последнюю фразу он прокричал, и армия взревела в унисон, восторженно бряцая оружием.

– Славная похвальба, – ответил Ивар, обведя взглядом Сигварда, гебридцев и Торвина с его молотоносцами, которые дружно поддержали Шефа. – Но она дорого обойдется этому юнцу, если он не выполнит обещанного.

Глава 4

«В английскую зиму не угадаешь, когда рассветет», – подумал Шеф.

Приникшие к земле тучи сыпали дождем и снегом. Солнцу, где бы оно ни было, приходилось пронзать их слой за слоем, и только потом светлело. Без солнца Шеф не различал ни англичан, ни своих. Пока не рассветет, можно только ждать.

Он шевельнулся под толстой рубахой из пропотевшей шерсти, под слоем вываренной кожи – единственным доспехом, которым он успел разжиться. Все тело ныло. После тяжелого многочасового труда холодный пот пробирал до костей. Больше всего на свете хотелось сорвать с себя все и завернуться в сухую накидку. Люди, затаившиеся в темноте позади него, наверняка испытывали те же неудобства.

Но каждому из них полагалось думать о чем-то одном, выполнять какую-то конкретные задачу, и эти обязанности втолковывались им усердно, с повторами и тумачами. И только Шеф имел полное представление о предстоящих событиях, знал, из каких фрагментов сложится картина боя. Он не боялся увечья и смерти, его не страшили боль, позор и немилость – обычные издержки войны. Страху нет места в пылу сражения. Юноша опасался лишь вещей неожиданных и непредвиденных – сломанной спицы, скользких листьев, неизвестного механизма.

Искушенный ярл пиратов решил бы, что Шеф уже допустил все возможные ошибки. Людей-то построили, но они продрогли, устали и плохо понимают происходящее.

Однако им предстояло сражение нового типа, которое не зависело от самочувствия и боевого искусства. Особые навыки и старания не потребуются – главное, чтобы каждый просто выполнил порученную ему задачу. Мужества и героизма здесь нужно не больше, чем на поле при пахоте или корчевке.

Шеф разглядел огонек. Да, так и есть. Еще одна искра, за ней другая – и вот уже виден громадный рой пламенных светляков. Обозначились силуэты построек, над которыми вился дым. Пламя высветило длинную восточную стену с воротами; двумя неделями раньше их штурмовали Рагнарссоны. Дома, стоявшие напротив, вспыхивали один за другим. И вот уже дым клубится тучей, а сквозь него устремляются люди с лестницами – внезапное нападение со свистом стрел, ревом боевых рогов и топотом новых воинов, что бегут на смену отступающим.

Вся эта беготня в огне совершенно безобидна, и скоро английские военачальники смекнут, что идет ложная атака, и обратят внимание на другое. Но Шеф не забыл гибельную медлительность рекрутов из Эмнета, их склонность к панике; там, где действуют англичане, соображения вождей мало что значат. Он искренне надеялся, что к тому моменту, как военачальники убедят своих людей не верить глазам, бой будет выигран викингами.

Пламя, дым. На бастионах трубят тревогу, и вот уже видно, что на стенах зашевелились люди. Пора начинать.

Шеф повернулся направо и демонстративно зашагал вдоль длинного ряда домов, непринужденно помахивая алебардой. Четыре раза по сотне двойных шагов. Досчитав до сорока, он увидел огромный квадратный массив первой боевой машины, экипаж которой столпился на выходе из проулка, куда доставил ее ценой невероятных трудов.

Юноша кивнул воинам и тронул концом алебарды мужчину, стоявшего впереди, – хэрсира²⁵ Эгила из Сконе. Эгил серьезно кивнул в ответ и сосредоточенно затопал на месте, усердно считая про себя прикосновения левой стопы к земле.

Добиться от викингов такой пунктуальности оказалось труднее всего. Это не по-военному, дренгиры так себя не ведут, их могут засмеять. Да и какой человек способен считать до столько?

Шеф выдал Эгилу пять белых камешков, по одному на сотню пар шагов, и один черный – на шестьдесят. Эгил тронется с места, когда досчитает до пятисот шестидесяти – если не собьется и если его не поднимут на смех. К тому времени Шеф дойдет до конца, развернется и возвратится на свое место в центре.

Он не думал, что людям Эгила будет смешно. Все десять – прославленные воины. Им известно, что такое достоинство.

«В этом и заключается задача командира в сражении нового типа, – подумал Шеф на обратном пути. – Отобратить людей, как плотник выбирает бревна для постройки дома...»

Он досчитал до восьмидесяти, увидел вторую боевую машину, дотронулся до Лысого Скули и двинулся дальше, как только тот сграбастал камешки и начал отсчет. Шагая, Шеф опять же, как плотник, складывал воедино фрагменты своего замысла.

«Наверняка можно сделать и проще, – сказал он себе, миновав третью и четвертую машины. – Римляне с их числовой наукой справились бы легко».

Но Шеф не знал достаточно жаркого горна, чтобы выковать себе такое умение.

Тремя следующими машинами ведали отряды Бранда. Дальше стояли гибриды, и среди них полдесятка сжимало новенькие алебарды.

Странно, но это были одни добровольцы. После хольмганга Шеф попросил у Сигурда Змеиного Глаза пятьсот человек. Вообще, ему было нужно тысячи две: не только для дивер-

²⁵ Древненорвежский наследуемый дворянский титул.

сионных рейдов и обслуживания машин, но в первую очередь для лесозаготовок, обработки древесины, поиска иликовки больших гвоздей; для подъема громоздких сооружений по грязному и топкому склону реки Фосс. Но те люди, которые выполняли работу, были присланы не Сигурдом и не Иваром. Рагнарссоны вообще уклонились от этого дела и несколько дней держались в стороне.

Под начало к Шефу пришли воины, состоявшие в мелких отрядах, не связанные обязательствами и отиравшиеся на периферии Великой армии. Многие из них носили амулеты Пути.

Шеф с беспокойством отмечал, что соображения, которые имели на его счет Торвин и Бранд, распространяются в войске. Он стал популярен.

Если все пройдет хорошо, то скоро викинги сложат новую сагу.

Он дошел до четвертой машины, когда досчитал до четырехсот двенадцати, после чего развернулся и зашагал быстрее, ибо счет подошел к концу. Быстро светало, по-прежнему поднимался дым, а гвалт на восточной стене достиг своего апогея.

Вне всякой связи на память пришел английский стишок из детства:

Где в ивах брод и деревянный мост,
Над кораблями – королей погост.

Нет, не так! «Пыль – в небеса, в поля – роса, и длится ночь...» – вот как правильно. А в том, другом стихотворении...

Он замер и вдруг согнулся, словно схваченный судорогой. Что-то ужасное пришло на ум – в ту самую минуту, когда ему было недосуг разбираться. Шеф кое-как выпрямился и увидел, что к нему идет встревоженный Бранд.

– Я сбился со счета.

– Не важно. На сорок шагов и так видно. Мы тронемся вместе с Гумми. Но только вот что. – Бранд нагнулся и зашептал Шефу на ухо: – Из тыла пришел человек. Он говорит, что Рагнарссоны за нами не пошли.

– Значит, сами справимся. Но помяни мое слово: Рагнарссоны не Рагнарссоны, а кто не сражается, тот не участвует в дележе!

– Все, тронулись.

Шеф вернулся к своей машине и вдохнул приятный запах свежей щепы. Он забрался в собственный куток, повесил алебарду на обломок гвоздя, забитый накануне вечером, встал на положенное место у заднего рычага и навалился всем весом. Машина со скрежетом поползла к стене. Английским дозорным почудилось, что обрели ход дома, но не те глинобитные приземистые хижины, к которым привыкли их глаза. Из поднимавшегося тумана к крепости покатали дворцы, колокольни и башни. Часовые неделями наблюдали за происходящим со своей стены. Теперь постройки надвигались, будучи с ними вровень. Что это – тараны? Замаскированные лестницы? Ширмы для какой-то дьявольщины? Залп сотни арбалетов не возымел действия. Всем было понятно, что стрелами эти махины не остановишь.

Но у англичан имелось оружие и получше. Тан северных ворот зарычал и толчком вернул на место побелевшего фирдмана – рекрута на службе у какого-то мелкого лендлорда. Затем поймал раба на побегушках и скомандовал:

– Живо на восточную башню! Скажи ребятам при машинах, чтобы стреляли! Теперь ты! – ткнул он пальцем в другого. – То же самое для западной башни. Следующий! Дуй на площадь, где катапульта! Скажи тамошним, что к северной стене идут машины. Так и передай: машины! Не перепутай! Что бы там ни творилось, это не ложный штурм. Бегом!

Когда посыльные бросились врассыпную, тан занялся собственными людьми. Те, застигнутые врасплох, растаскивали по позициям лестницы, показывали друг другу на подкатывающиеся громадины и голосили.

– Делом своим занимайтесь! – заорал тан. – Ради бога, смотрите вниз! Не важно, что это за штуковины – к стене им не подобраться! И как только подъедут ближе, их уничтожат орудия святых отцов!

Шеф подумал, что если бы в крепости находились римские воины, то вокруг нее сохранился бы глубокий ров; пришлось бы завалить его, прежде чем штурмовать стены. За века небрежения он заполнился отбросами, образовалась покрытая дерном насыпь в пять футов высотой и такой же ширины. Если взбежать на нее, то все равно окажешься на дюжину футов ниже частых бойниц. Защитники крепости не видели в этом серьезной угрозы. Они и сами не знали, что насыпь стала дополнительным препятствием для врага.

Когда осадная башня подкатила к стене, авангард взревел и толкачи перешли на трусцу. Машина устремилась вперед, налетела на разбухший вал и резко остановилась. Из-за нее немедленно выскочил десяток воинов. Половина прикрылась от стрел тяжелыми квадратными щитами. Остальные несли кирки и лопаты. Без лишних слов они начали прорывать ход шириной с колесную пару, расшвыривая землю, как барсуки.

Шеф протиснулся через толпу потных мужчин и заглянул в щель между досками на передней стороне машины. Вес, вот в чем проблема. По сути, башня представляла собой немудреный прямоугольный каркас на шести тележных колесах, имея восемь футов в ширину, двенадцать – в длину и тридцать – в высоту. Она была неустойчивой и громоздкой, ее нижнюю часть собрали из самых массивных балок, какие нашлись в хижинах и церквях Нортумбрии. Это должно было защитить от тяжелых стрел, выпускаемых английскими машинами. Надо было облегчать башню, и Шеф решил убрать вес с передней стенки. Она получилась не толще щита. Едва юноша выглянул, в нее впились стрелы и пробили насквозь. В считанных дюймах от стенки трудились не покладая рук землекопы, старавшиеся выгадать для колес еще пару футов.

Ну, вот и началось. Когда Шеф собрался отдать приказ толкачам, позади него поднялся гвалт, сопровождавшийся страшным треском. Шеф резко повернулся, душа ушла в пятки. Выстрелили копьем или валуном? Или камнем? Нет, не настолько плохо. Какой-то дюжий англичанин сбросил со стены камень не меньше пятидесяти фунтов. Тот проломил состроенный из щитов панцирь и отскочил в переднюю часть машины, расколов доски. Пустяки. Но там лежал человек по имени Эйстейн, его нога попала под левое колесо. Он судорожно хватал ртом воздух и таращился на нависшую конструкцию.

– Стоять!

Толкачи, напрягшиеся для последнего рывка, грозившего превратить ногу Эйстейна в месиво, ненадолго расслабились.

– Подождите! Стубби, оттащи его. Вот так. Землекопы, в укрытие! Теперь поднажмем, ребята, и хорошенько. Готово, она на месте! Бранд, забей колья, чтобы не откатилась. Ставьте лестницы. Лучники, наверх! Штурмовой отряд, за мной!

Пара лестниц – и вот тяжелооруженные воины поднялись на двенадцать футов. Они задыхались от нагрузки, но были предельно возбуждены. Новые лестницы, еще двенадцать футов позади. Кто-то протянул Шефу забытую в спешке алебарду. Он схватил ее, наблюдая за сгрудившимися на верхней площадке людьми. Вровень ли они со стеной?

Да! Он увидел внизу зубцы, немногим выше колена. Какой-то англичанин пустил стрелу, она отыскала щель между досок, но застряла, недобрав дюйма до здорового глаза Шефа. Он отломил наконечник и бросил. Люди были готовы, ждали сигнала.

Шеф приложил лезвие алебарды к канату и резанул с оттяжкой.

Тут же пришел в движение перекидной мост, отягощенный спереди мешками с песком. Он тронулся медленно, но обрушился, как исполинский молот. Песок из лопнувшего мешка разлетелся по ветру, и вот над головой Шефа запела одна, вторая, третья тетива: это лучники пытались расчистить стену.

Затем раздался рык, и могучий Бранд пронесся по мосту, воздев бородавчатый топор. Шеф хотел последовать, но чьи-то руки обхватили его сзади. Оглянувшись, он увидел Ульфа, корабельного повара, самого дюжего малого в трех командах, если не считать Бранда.

– Бранд сказал, что сейчас ты не пойдешь. Велел придержать тебя на пару минут.

Войско хлынуло мимо: сначала выделенный штурмовой отряд, затем основной экипаж машины, без промедления взлетающий по лестницам и мчавшийся через перекидной мост. Последними на штурм ринулись землекопы. Шеф бился в объятиях Ульфа, не достигая ногами дна, и слышал громоподобное оружие, сливавшееся с ревом многочисленных глоток.

Когда за лестницу взялись уже совершенно незнакомые воины из других отрядов, Ульф отпустил своего пленника. Шеф выскочил на мост и увидел наконец, как воплощается в жизнь его замысел.

В утреннем сером свете пустошь между крепостной стеной и городскими постройками была заполнена увечными исполинами, будто неведомые чудовища сползли туда умирать. Вон та башня, должно быть, потеряла колесо или сломала ось на ухабе или в древней выгребной яме. А та, что позади Шефа, гебридская, успешно достигла стены, и по перекидному мосту двинулся в бой отряд. Двинулся – но до цели не добрался. Канат перерубили, и мост рухнул, не достав до стены какого-то фута. Будто огромный язык свисает с безглазого лица, а под ним у стены лежат тела в кольчугах.

Шеф сошел с моста, пропуская новую волну штурмовиков, и начал считать. Три башни не добрались до стены; двум доехавшим не удалось разгрузиться. Значит, успеха добились не больше пяти. Этого хватит. «Действуй мы медленнее, потерь было бы больше, – подумал Шеф. – И то же самое случилось бы, если бы мы атаковали не одновременно».

Наверняка существует правило на этот счет. Как бы его выразить? Может, по-норвежски: *höggva ekki hyggiask*. Бей не раздумывая. Один мощный удар вместо многих слабых. Бранду понравится, если ему объяснить.

Шеф поднял взгляд и увидел в небе кошмар, который неделями преследовал его в сновидениях: гигантский булыжник, взмывший со сверхъестественной легкостью и все набиравший высоту, хотя рассудок твердил, что камень должен остановиться, достичь предела. Но вот этот камень полетел вниз. Не на Шефа. На башню.

Шеф отпрянул, убоявшись не смерти, а чудовищного крушения, когда разломятся и разлетятся все балки, оси и колеса, над которыми он трудился в поте лица. Викинги на мосту тоже съезжились и вскинули бесполезные щиты.

Земля содрогнулась от глухого удара. Шеф ахнул, не веря собственным глазам: шагах в двадцати от башни глыба упокоилась в почве, будто лежала там с Сотворения мира. Враги промахнулись на ярды. Он и не думал, что такое возможно.

Детину в кольчуге, стоявшего перед ним, рвануло в сторону.

Брызнула кровь, и словно дрогнула басовая струна гигантской арфы. Тело воина пронзила молния, за которой не уследишь.

Шеф шагнул к стене и взглянул на изувеченное тело, распростершееся у его ног. К машине камнеметной подключилась стрелометная. Одна промахнулась, и обе опоздали. Их необходимо захватить.

– Шевелитесь! Что, обалдели, как девки при виде быка? – Шеф гневно махнул воинам, столпившимся на выходе из башни. – Они будут целый час заряжать свои машины! Бегом за мной, и ничего у них не выйдет!

Он повернулся и размашисто зашагал по проходу, тянувшемуся вдоль зубцов. Ульф следовал за ним по пятам, как исполинская нянька.

* * *

Бранда они нашли сразу за воротами, уже распахнутыми настежь, где все открытое пространство было усеяно обычными отходами войны: расколотыми щитами, погнутыми мечами, трупами; нелепо выглядел рваный сапог, каким-то образом потерявший хозяина. Бранд запыхался и потирал царапину на голом плече, выше латной рукавицы, но в остальном был цел и невредим. Люди еще толпились в воротах, и шкиперы разгоняли их в стороны, действуя по какому-то согласованному плану. Все совершалось в невероятной спешке.

Бранд позвал двух воинов старшего ранга и лаконично распорядился:

– Суммарфугль, возьми шесть человек и обойди трупы. Раздень англичан и сложи все, что найдешь, вон у того дома. Кольчуги, оружие, цепи, украшения, кошельки. Не забудь заглянуть под мышки. Торстейн, возьми еще шестерых и займись тем же вдоль стен. Не рискуй и сильно не отрывайся. Сложи барахло в ту же кучу, что Суммарфугль. Когда закончите, разберитесь с нашими ранеными и мертвыми. Теперь... О, вот и Торвин!

Жрец миновал ворота, ведя в поводу вьючную лошадь.

– Собрал пожитки? Побудь здесь, пока мы не овладеем Минстером, и подходи, как только я пришло за тобой. Поставишь там свой горн и займешься переплавкой добычи. Трофеи! – Глаза Бранда горели восторгом. – Я уже чувю, как пахнет в Холугаланде моя ферма! Поместье! Удел! Ладно, пора приниматься за работу.

Он повернулся кругом, но Шеф шагнул вперед и придержал его за локоть:

– Бранд, мне нужно двадцать человек.

– Зачем?

– Захватить копьеметалку в угловой башне, а потом заняться камнеметалкой.

Богатырь повернулся, не отводя глаз от картины разгрома. Он осторожно сжал плечо Шефа огромными железными пальцами:

– Юный безумец, вот ты кто. Молокосос. Сегодня ты совершил великое дело. Но помни, что люди воюют ради денег. Денег! – Он употребил норвежское слово «fe», которое обозначало всякое добро – деньги, металл, товары и скот. – Так что забудь на денек свои машины, зеленый молотобоец! Идем, пора нам разбогатеть!

– Но если у нас...

Пальцы силача чуть не сломали юноше ключицу.

– Я сказал, и будет по-моему. И помни, что ты все еще карл: находишься в армии и ничем не отличаешься от нас. Вместе деремся, вместе и делим добычу. И грабить будем сообща, клянусь знатными грудями девы Герды!²⁶ Становись в строй!

Через несколько секунд пятьсот человек двинулись плотной колонной к одной из улиц внутреннего города, взяв курс на Минстер. Шеф посмотрел на спины в кольчугах, подхватил свою алебарду и тоскливо оглянулся на мелкие отряды, оставшиеся позади.

– Давай же, шагай! Не бойся, Бранд выделил достаточно людей охранять добычу. Ничего с ней не сделается, вся армия это знает. У них одна задача – не подпускать отбившихся англичан.

Колонна ускорила шаг почти до трусцы, одновременно перестроившись в клин, памятный Шефу еще по первой стычке. Она дважды наталкивалась на сопротивление: то были наспех возведенные на узкой улице баррикады, и отчаявшиеся нортумбрийские таны бросались рубить липовые щиты, а их воины и керлы обрушивали с ближних крыш град сулиц и камней. Викинги отбивались, атаквали, врываются в дома, укладывали лучников и копейщиков, сносили внутренние стены, чтобы напасть на англичан с тыла или фланга, и все это делалось

²⁶ В скандинавской мифологии прекрасная великанша, дочь ётуна (великана) Хюмира.

без проволочек и команд, с убийственной целеустремленностью. При каждом столкновении Шеф не упускал случая сразиться в первых рядах, ориентируясь на широкую спину Бранда.

«Пусть забирают Минстер», – подумал он.

Но может быть, после того, как викинги поделят драгоценное наследие веков, ему удастся заполучить несколько человек для захвата машин. А главное, надо держаться поближе к военачальникам, чтобы спасти жизнь пленных – ученых людей, познавших числа.

Викинги снова перешли на трусцу, и Бранд был всего в паре рядов от Шефа. Очередной поворот узкой улицы; воины, находившиеся в середине, замедлили ход, дожидаясь товарищей с флангов; и вот он, Минстер, – внезапно навис над ними, как строение великанов, и оказался всего в шестидесяти шагах, обособленный от сонма зданий поменьше.

И там тоже были нортумбрийцы, с отчаянием обреченных готовые защитить обитель своего Господа.

Викинги приостановились и воздели щиты. Шеф, так и рвавшийся вперед, внезапно увидел, что поравнялся с Брандом, а к его шее понесся, как метеор, широкий нортумбрийский меч.

Не думая, он отразил удар, уловил знакомый ляг сломанного клинка и сделал выпад пикой алебарды; затем провернул ее и дернул на себя, разламывая вражеский щит. Встав же с Брандом спина к спине, он рубанул вслепую, сколько хватило длины рук и древка. Пространство вокруг него расчистилось. Лезвие алебарды свистнуло в воздухе; Шеф перехватил древко и ударил в обратную сторону, когда противник попытался поднырнуть. Мимо и снова мимо; но викинги тем временем перестроились. Клин устремился вперед, широкие мечи принялись рубить под всеми мыслимыми углами; Бранд шагал впереди, опуская топор с плотницкой точностью.

Единым валом обрушились викинги на англичан и смяли их. Шефа вытолкнуло на открытый участок перед Минстером, в ушах у него стоял победный вой.

На миг ослепленный солнцем, он различил впереди шафрановые накидки, среди которых – невероятно! – замаячила знакомая фигура Мёрдоха. Тот осклабился и воткнул пику в землю. Этих пик уже набрался целый ряд, и все они были связаны, напоминая ограду с гроздьями рябины вокруг кузницы Торвина. Ликующие возгласы вскоре стихли.

– Шустрые вы ребята! Но дальше нельзя. Ни шагу за веревку, понятно?

Бранд двинулся вперед, и Мёрдох отступил, раскинув руки.

– Спокойно, мблодцы. Ваша доля от вас не уйдет, уж поверьте. Но уговор состоялся без вас. Да ладно – провались ваш штурм, вы всяко получили бы свое!

– Они вошли сзади! – крикнул Шеф. – Мы их утром в глаза не видели! Они вломились в западные ворота, пока мы брали северные!

– Вломились, как же, – свирепо прорычал кто-то. – Их впустили. Смотрите!

Из Минстера, подтянутый, как всегда, и в тех же алых и травянисто-зеленых одеждах выступил Ивар. С ним был человек в облачении, которого Шеф не видел за прошедший со смерти Рагнара год: пурпурная с белым мантия, диковинная высокая шапка и позолоченный посох слоновой кости в руке. Другую руку он как бы машинально воздел, благословляя собравшихся. Это был сам архиепископ епархии Эофорвик, Вульфхер *Eboracensis*²⁷.

– Мы заключили сделку, – объявил Ивар. – Христовы слуги предложили впустить нас в город при условии, что мы не тронем Минстер. Я пообещал. Мы можем распоряжаться чем угодно – городом, шайром, королевским имуществом, но только не Минстером и не прочим имуществом Церкви. А слуги Христа будут нам друзьями и научат, как дочиستا опустошить этот край.

– Но ты же войсковой ярл! – взревел Бранд. – Ты не имеешь права заключать сделки без нашего участия!

²⁷ Йоркский, от Eboracum – Йорк (лат.).

Ивар театрально повел плечом и преувеличенно сморщился от боли:

– Вижу, твоя рука зажила, Бранд. Когда я тоже буду в порядке, нам найдется что обсудить. Но за веревку не заходи! И придержи своих людей, иначе они поплотятся. Детишек тоже, – добавил он, взглянув на Шефа.

Из-за Минстера хлынуло полчище личных приспешников Рагнарссонов – сотни полностью вооруженных, свежих, уверенных, холодно взиравших на своих потрепанных товарищей. Из их рядов выступил Змеиный Глаз с братьями по бокам – Хальвдан был мрачен, а Убби в кои-то веки стыдливо потупил взор.

– Вы молодцы, что прорвались, – сказал он. – Простите за такую неожиданность. Все объяснится на общем сходе. Но Ивар прав. Не заступайте за эту веревку. Держитесь подальше от Минстера. Наживайтесь сколько влезет, только не за его счет.

– Не очень-то разгуляешься! – возмутился кто-то. – Как будто здесь осталось золото после Христовых жрецов!

Змеиный Глаз не ответил. Его брат Ивар повернулся и подал знак. За Рагнарссонами возник шест, который плотно вогнали в утопанную почву перед дверями Минстера. Веревка дрогнула, и вот на сыром ветру затрепетало знаменитое личное знамя братьев с победно раскинувшим крылья вороном.

Отряд, еще недавно сплоченный, штурмовавший стену и пробивавшийся через город, медленно побрел прочь, раскалываясь на мелкие группы, глухо ропща и подсчитывая потери.

«Ладно, пусть хозяйничают в Минстере, – пробормотал под нос Шеф. – Но мы все же можем заполнить машины».

– Бранд, – позвал он. – Бранд! Ну а теперь-то мне можно взять двадцать человек?

Глава 5

В голой рощице за стенами Йорка расположилась группа мужчин. Светило бледное зимнее солнце. Копья, соединенные веревкой, с которой свисали гроздь рябины, образовали круг. То был совет жрецов – всех служителей Пути Асгарда, сопровождавших армию Рагнарссонов. И сели там Торвин за Тора и Ингульф за Идун, но не только они. Пришли еще мореход Вестмунд, умеющий прокладывать путь по звездам, и жрец хозяина морей Ньёрда, и боевой летописец Гейрульф, служитель Тира, и толмач Скальдфинн, служитель Хеймдалля. Наибольшим почетом за свои путешествия и прозрения в Иномирье пользовался Фарман, которому покровительствовал Фрейр.

Возле священного костра Локи торчало посеребренное копье Одина. Однако никто не собирался взваливать на себя великую ответственность за это оружие. Не было среди присутствующих и служителя Локи, хотя о существовании последнего никогда не забывали.

В круге сидели и два мирянина, хотя они разместились порознь и молчали: воитель Бранд и ученик Ингульфа Хунд. Им предстояло свидетельствовать и, если спросят, дать совет.

Фарман оглядел собравшихся и заговорил:

– Настало время обдумать наше положение.

Последовали безмолвные кивки. Эти люди не говорили без нужды.

– Всем нам известно, что история мира, *heimsins kringla*²⁸, не предопределена. Но многим из нас нередко являлся тот мир, которому якобы надлежит быть. Мир, где высший бог – Христос. Где люди тысячу лет и больше поклоняются только ему и его жрецам. Когда же минует тысячелетие, начнутся пожары и голод. И все эти годы будет идти война – война за людей, чтобы они остались неизменными; им будет велено забыть сей мир и думать лишь о грядущем. Как будто итог Рагнарёка, когда боги, люди и гиганты сойдутся на брань, уже известен и люди

²⁸ Круг земной (др. – сканд.).

не сомневаются в победе. – Лицо Фармана, взиравшего на жреческий круг, окаменело. – Это тот самый мир, против которого мы выступили; будущее, которое хотим предотвратить. Вы помните, что о смерти Рагнара Мохнатые Штаны я проведал случайно, когда был в Лондоне. Затем мне было явлено во сне, что она стала одним из тех моментов в истории мира, которые принято считать поворотными. И я попросил Бранда, – он махнул в сторону здоровяка, присевшего на корточки в стороне, – принести эту весть сыновьям Рагнара, да так, чтобы те не отвергли вызов. Мало кто мог выполнить это поручение и остаться в живых. Но Бранд сумел, сослужив большую службу и нам, и тому, в кого мы веруем. Тому, кто явится с севера и наставит мир на истинный путь.

Жрецы почтительно прикоснулись к своим амулетам.

Фарман продолжил:

– Я полагал, что сыновья Рагнара обрушатся на христианские королевства Англии, сломят их владычество и станут могучим подспорьем для нас и для Пути. Я был глуп, вообразив, будто могу познать замыслы богов. Глупо также было надеяться, что зло Рагнарссонов способно породить добро. Они не христиане, но их поступки усиливают христиан. Они пытаются, насилуют, превращают людей в хеймнарвов.

Вмешался Ингульф, хозяин Хунда:

– Ивар произошел от семени Локи и послан вредить земле. Его встречали на другой стороне – и не в образе человека. Он не тот, кого можно использовать в благих целях.

– Как и мы видим теперь, – отозвался Фарман. – Ибо он не только не сокрушил Церковь бога Христа, но и заключил с ней союз. Поступил Ивар так ради собственной выгоды, и верит ему только дурак-архиепископ. Тем не менее сейчас они вместе и потому укрепились.

– А мы обеднели! – буркнул Бранд, выйдя за рамки приличий.

– Но стал ли богаче Ивар? – спросил Вестмунд. – Я не вижу никакой пользы от этой сделки ни для Бескостного, ни для его братьев. Кроме того, что они вошли в Йорк.

– Тут я отвечу, потому что хорошо разобрался в этом деле, – подал голос Торвин. – Всем нам известно, что деньги у них аховые – чуток серебра и много свинца и меди. Куда подевалось все серебро? Я вам скажу: его забрала Церковь. Мы просто не понимаем – даже Ивар не знает, – насколько богата Церковь в Нортумбрии. Она существует здесь уже двести лет и все это время собирала дары – серебро, золото, земли. А из земли попы добывают новое серебро, и еще больше из той, которая им не принадлежит. Когда обрызгивают ребенка водой, когда венчают новобрачных; когда, в конце концов, хоронят в освященной земле и отводят угрозу вечных мук – не за грехи, а за неуплату церковного налога.

– Но что они делают с этим серебром? – спросил Фарман.

– Украшения для своего бога. Серебро лежит в Минстере, такое же бесполезное, каким было в почве. Драгоценные металлы перелиты в их потиры, в огромные распятия и крестные перегородки, в убранство алтаря и раки для мощей их святых – все это берется из монет. Чем богаче Церковь, тем хуже для чеканки. – Он с омерзением покачал головой. – Церковь ничего не отдаст, а Ивару даже невдомек, что попало ему в руки. Жрецы пообещали изъять из обращения все монеты, что ходят по королевству, и расплавить их. Они-де возьмут себе преобладающий дешевый металл, а ему оставят чистое серебро. А после отчеканят новые монеты – для Ивара Победоносного, короля Йорка. И Дублина также. Богаче Рагнарссоны могут и не стать, но они сделаются сильнее.

– А Бранд, сын Барна – беднее! – раздался негодующий рык.

– Значит, добились мы одного: свели Рагнарссонов со служителями Христа, – подытожил Скальдфинн. – Крепко ли, Фарман, ты веришь теперь в свой сон? И как насчет истории мира? И его будущего?

– Есть человек, который мне тогда не привиделся, – ответил Фарман. – Но после он пришел в мои сны. И это тот самый малый по имени Скьеф.

– Шеф, – вставил Хунд.

Фарман согласно кивнул:

– Подумайте сами. Он бросил вызов Ивару, победил на хольмганге, взял стены Йорка. Вспомните, как несколько месяцев назад парень явился к Торвину и объявил, что пришел с севера.

– Он просто хотел сказать, что прибыл из северной части королевства, из Норфолка, – возразил Хунд.

– Он думал одно, а боги – другое, – сказал Фарман. – Не забывай, что я видел его по ту сторону, в самой обители богов. И вот еще одна странность. Кто его отец? Ярл Сигвард считает таковым себя. Но это подтверждается лишь словами его матери. Сдается мне, этот юноша даст начало великим переменам, он центр круга, хотя никто об этом не догадался. А потому я должен задать вопрос его друзьям и знакомым. Безумен ли этот малец?

Все взгляды медленно обратились к Ингульфу. Тот вскинул брови:

– Безумен? Лекари не употребляют это слово. Но поскольку ты выразился именно так, я отвечу. Да, молодой Шеф, несомненно, безумен. Судите сами...

* * *

Хунд знал, где искать своего товарища, и не ошибся: тот стоял над грудой головешек и железяк в северо-восточной башне, что над Олдуарком, в окружении людей с амулетами, немало заинтересованных происходящим. Хунд угрем юркнул промеж них.

– Ну что, разобрался? – спросил он.

Шеф поднял взгляд:

– По-моему, я нашел ответ. При каждой машине состоял монах, обязанный уничтожить ее во избежание захвата. Люди, что подожгли вот эту, убрались в Минстер. Оставшиеся не хотели ждать, пока догорит. Этого раба изловили. – Он кивнул на англичанина в ошейнике, окруженного викингами. – Он рассказал, как она действовала. Я не пробовал восстановить, но теперь понимаю ее устройство.

Он указал на кучу обугленных балок и металлических деталей.

– Эта машина метала большие стрелы. Смотри, – ткнул пальцем Шеф. – Пружина находится не в дереве, а в веревке. В перекрученной веревке. Вот этот вал вращается, увеличивая нагрузку на тетиву и концы лука. В нужный момент тетиву отпускают...

– Бум! – произнес один викинг. – Здорово, елдак-убивец!

Другие заржали. Шеф показал на зубчатые колеса, прикрепленные к раме.

– Видите ржавчину? Они стары как мир. Может быть, их изготовили сразу после ухода римлян, а то и раньше – лежали где-нибудь в арсенале. Но, так или иначе, их сделали не в Минстере. Здешний люд умеет только пользоваться машиной.

– А как насчет камнеметной?

– Ее-то и вовсе сожгли дотла. Но я знал, как она устроена, еще до того, как мы одолели стену. Раб говорит, что у минстерцев все было написано в книге, а части машины хранились с незапамятных времен. Жаль, конечно, что сгорели. И мне хотелось бы заглянуть в книгу о постройке машин. А еще в ту, где изложена наука о числах!

– Эркенберт понимает в числах, – вдруг подал голос раб, разобравший норвежское слово, которое Шеф произнес с остаточным английским акцентом. – Он арифметик.

Несколько викингов опасно схватились за амулеты. Шеф рассмеялся:

– Арифметик или не арифметик, а я построю машину лучше! Много машин. Трэлл говорит, что слышал однажды, как монах назвал христиан – и римских, и здешних – карликами на плечах гигантов. Ну так и пусть они погоняют своих великанов со всеми их книгами, машинами и стенами, оставшимися от былых времен. Карлики есть карлики! Зато мы...

– Молчи, – вмешался викинг и шагнул вперед. – Не произноси этого несчастливого слова, Скъеф Сигвардссон. Мы не гиганты, не *iötnar*, которые суть враги богов и людей. Думаю, тебе это известно. Разве ты их не видел?

Шеф медленно кивнул, вспомнив сон о недостроенных стенах и неуклюжем гиганте с жеребцом. Окружающие загудели и начали переглядываться.

Шеф бросил на пол железные детали:

– Стейнульф, отпусти раба в награду за его рассказ. Покажи ему, как убраться отсюда подальше, чтобы Рагнарссоны не поймали. Теперь мы справимся с машинами и без него.

– А успеем? – спросил викинг.

– Нам нужно только деревом разжиться да кое-что смастерить в кузнице. До войскового сбора еще целых два дня.

– Это новое знание, – добавил один из внимавших. – Торвин одобрит.

– Соберемся здесь завтра, с утра, – решительно произнес Шеф.

Когда все повернулись к выходу, один из викингов сказал:

– Для короля Эллы это будут долгие два дня. Христианский пес, архиепископ-изменник, совершил черное дело, выдав его Рагнарссонам. Ивар хорошо подготовился к этой встрече.

Шеф проводил удалявшиеся спины взглядом и снова обратился к другу:

– Зачем ты пришел?

– Снадобье от Ингульфа принес.

– Мне не нужно снадобье. Какой с него прок?

Хунд замялся:

– Он говорит, что это освободит ум. И... вернет тебе память.

– Что не так с моей памятью?

– Послушай, Шеф, Ингульф и Торвин считают... что ты забыл даже про то, как лишился глаза. Торвин держал тебя, Ингульф накалил иглу, а потом игла была у меня. Мы сделали это только потому, что не хотели отдавать тебя какому-нибудь мяснику из подручных Ивара. Но ты упорно молчишь об этом, и они считают, что это противно естеству. Думают, ты забыл, как тебя ослепили. И Годиву забыл, за которой отправился в лагерь.

Шеф воззрился на маленького лекаря с амулетом в виде серебряного яблока.

– Передай им, что я все помню и ни на миг не забывал. Впрочем, постой. – Он протянул руку. – Я возьму снадобье.

* * *

– Он взял, – доложил Ингульф.

– Шеф похож на птицу из старой притчи, – произнес Торвин. – Из той, что рассказывают христиане о крещении северных англичан. Когда король Эдвин созвал совет, чтобы обсудить, отречься ли ему и его королевству от веры отцов и принять новую, жрец асов ответил на это: почему бы и нет, если от старых богов не было никакой пользы. Но тут поднялся другой советник, и его слова кажутся более достоверными: он сравнил мир с королевским дворцом. Зимним вечером там тепло и светло, но снаружи холодно и не видно ни зги. Представьте, сказал советник, как в эти покои влетает птица, которая на миг согревается и радуется свету, а после выпархивает обратно, во мрак и стужу. И еще он сказал, что если бог Христос способен вернее открыть нам то, что происходит до и после человеческой жизни, то его учение заслуживает внимания.

– Хорошая притча, и не без толики истины, – согласился Ингульф. – Я понимаю, почему Шеф кажется тебе похожим на эту птицу.

– На нее... или на кого-то другого. В видении Фармана, когда тот посетил Асгард, Шеф занял место бога-кузнеца Вёлунда. Ты, Хунд, не знаешь этого предания. Вёлунда схватил и

поработил коварный король Нитхад, который перерезал ему жилы, чтобы не сбежал, но сохранил способность трудиться. А Вёлунд заманил в кузницу королевских сыновей, убил их, смастерил из глазных яблок броши, а из зубов – ожерелья и передал украшения их отцу, своему господину. Еще заманил туда же королевскую дочь, опоил пивом, изнасиловал...

– Зачем же он это сделал, если все равно был в плену? – спросил Хунд. – Если так охромел, что не мог убежать?

– Он был великий кузнец, – ответил Торвин. – Когда королевская дочь очнулась, она кинулась к отцу и все рассказала. Тот пришел в кузницу, чтобы предать раба мучительной смерти, но Вёлунд надел крылья, которые изготовил тайком. И улетел, смеясь над теми, кто считал его искалеченным.

– И чем же похож на Вёлунда Шеф?

– Он видит то, что вверху и внизу. Прозревая пути, недоступные взору прочих. Великий дар, но я боюсь, что это дар Одина. Одина Отца Всех Богов. Одина Бёльверка, Одина Злодея. Твое снадобье погрузит его в сон, Ингульф. Но что случится в этом сне?

* * *

Пока угасало сознание, Шеф силился понять привкус. Снадобье Ингульфа отдавало медом и этим отличалось от обычного вонючего варева, которое тот стряпал вместе с Хундом. Но под сладостью таилось нечто другое: плесень? Что-то сухое и гниlostное скрывалось под заправкой. Шеф знал: как только допьет, ему придется нелегко.

И все-таки сон начался приятно, как многие прежние, когда еще не пошли испытания и он, тогдашний трэлл, не ведал их цели.

* * *

Он плыл в болотной заводи. Все дальше и дальше, но с каждым рывком его сила удваивалась, и вот уже скрылась из виду суша, а он разогнался, как лихой скакун. Вдруг он оторвался от воды и начал подниматься в воздух, более не гребя, но карабкаясь; когда же страх покинул его, он уподобился птице, взлетая все выше и выше. Земля под ним зеленела и дышала весенней свежестью, повсюду распускались листья, а луг исправно восходил к залитому солнцем нагорью. Внезапно стало темно. Перед ним возник столп, сотканный из непроглядной мглы. Он знал, что бывал там раньше. Но прежде находился внутри столпа или на столпе, откуда смотрел вовне; он не хотел вновь увидеть то, что ему открылось: измученное и скорбное лицо короля Эдмунда, сжимавшего в руке свой хребет. Если влететь осторожно, не озираясь по сторонам и не оглядываясь назад, то, может быть, на сей раз он не увидит мученика.

Странствующая душа медленно, опасливо приникла к колоссальному черному стволу. Ему уже было известно, что там приколот человек с торчащим из глаза гвоздем. Он пристально заглянул в лицо – не его ли собственное?

Нет, не его. Невредимый глаз был закрыт. Казалось, распятый ничуть не заинтересовался появлением пришельца.

Над распятым парили две черные птицы с черными клювами: вороны. Они обратили к пришельцу яркие глаза и с любопытством склонили головы. Крылья еле заметно подрагивали, без всяких усилий поддерживая воронов на лету. На столпе висел Один, или Вотан, и вороны были его неизменными спутниками.

Как же их звали? Это было важно. Он где-то слышал их имена, звучавшие по-норвежски... вот так: Хугин и Муниин. По-английски – Нуге и Муне. Хугин – Нуге – «Ум». Это была не та птица, которую он хотел расспросить.

Один из воронов, как будто получив разрешение, слетел вниз и сел хозяину на плечо.

Муни́н, или Му́не, означает «память». Вот что ему нужно. Но за память придется заплатить. Насколько он успел понять, среди богов у него был покровитель, но вовсе не Один, что бы ни думал Торвин. Значит, придется расплачиваться. Он догадывался, какова цена. И снова вне всякой связи на память пришли стихи, опять на английском. В них говорилось о висельнике, который раскачивался со скрипом, приманивая птиц, не в силах шевельнуть рукой, чтобы защититься, а черные вороны тем временем прибыли...

...За его глазами. За одним глазом. Внезапно птица оказалась рядом – так близко, что закрыла собою все, и черный клюв, подобный стреле, замер в дюйме от его ока. Впрочем, не от здорового. От увечного. Того, которое он уже потерял. Но это было воспоминание из той поры, когда глаз еще находился в глазнице. Руки повисли плетью, не пошевелить. Это Торвин его держал. Нет, сейчас он физически мог защищаться, но не имел права. И не собирался.

Птица поняла, что он не шелохнется. С победным криком она устремилась вперед и вонзила клюв, как пику, в глазное яблоко и глубже, в самый мозг. Едва его прошила раскаленная молния, на память пришли слова обреченного короля:

*Где в ивах брод и деревянный мост,
Над кораблями – королей погост.
На страже спят они глубин.
Четыре пальца чуть торчат из-под земли.
Могила с севера, и Вуффа, отпрыск Веххи,
Там упокоился навеки.
Хранит он клад. Отважный да найдет...*

Он исполнил свой долг. Птица оставила его в покое. Он моментально сорвался со ствола и полетел, кувыркаясь, к далекой земле. Впереди уйма времени на раздумья о том, что делать дальше. Руки скованы, но они и не нужны. Можно было менять ориентацию в пространстве движениями корпуса; он так и делал, пока опять не вознесся к солнцу, а после осторожно спускался кругами туда, где и должен был находиться, где покоилось на соломе его тело.

С головокружительной высоты в двадцать миль ему было странно видеть землю, где наступали и отходили армии, и многие люди очень суетились, но при этом как бы не двигались с места. Он видел торфяники и морские берега, могильные курганы и зеленые покатые холмы. Он запомнит увиденное и обдумает после. Сейчас есть более важная задача, которой он займется, едва душа воссоединится с телом, уже различимым на тюфяке...

* * *

Шеф освободился от сонных пут одним рывком.

– Я помню, но не сумею написать, – произнес он растерянно.

– Я сумею, – ответил Торвин.

Он сидел на стуле в шести шагах, смутно видимый в отсветах пламени.

– Правда? Знаешь, как пишут христиане?

– Да. Но я умею и по-норвежски, а также как жрец Пути. Я знаю руны. Что нужно записать?

– Скорее приступай, – сказал Шеф. – Я выкупил это у Мунина, за боль.

Не поднимая глаз, Торвин взял буковую дощечку, нож и приготовился вырезать.

*Где в ивах брод и деревянный мост,
Над кораблями – королей погост.*

– Трудно писать рунами по-английски. – Но это было сказано почти неслышно.

* * *

За три недели до того дня, когда христианам предстояло отпраздновать рождение своего бога, Великая армия, охваченная унынием и недоверием к вождям, собралась на открытом участке за восточной городской стеной. Для семи тысяч человек нужно много места, особенно если они вооружены до зубов и одеты во все, что можно, ради защиты от ветра, который то и дело сопровождался дождем и мокрым снегом.

Поскольку Шеф спалил на этой стороне все оставшиеся дома, места хватило, и войско выстроилось в неровный полукруг от стены до стены.

В его центре стояли Рагнарссоны и их приспешники, позади колыхался Воронов стяг. В нескольких шагах ждал своей участи чернявый человек – бывший король Элла; его окружала стража в трепавшихся на ветру шафрановых накидках. Шеф, стоявший в полукруге шагах в тридцати, отметил, что лицо пленника блее вареного яйца.

Элла был обречен. Армия еще не сказала своего слова, но сомневаться в решении не приходилось. Скоро король услышит бряцание оружия, которым викинги выражают согласие. А после за него возьмутся мастера заплечных дел, как брались за Шефа, короля Эдмунда, короля Мэла Гуалу и других ирландских вождей, которым выпало несчастье прогневить Ивара. У него нет шансов спастись. Он посадил Рагнара в орм-гарт. Даже Бранд, даже Торвин признали, что сыновья имеют право на соразмерную месть. Больше чем право – долг. Армия чинно следила, чтобы дело было сделано справно и на воинский лад.

Когда солнце достигло точки, сходящей в английскую зиму за зенит, Сигурд призвал воинов к вниманию.

– Мы Великая армия! – выкрикнул он. – Мы собрались обсудить совершенное и то, что предстоит совершить. Мне есть что сказать. Но я слышал, в армии не все довольны тем, как мы взяли этот город. Готов ли кто-нибудь открыто выступить перед всеми?

Из строя вышел человек. Он дошагал до середины первой шеренги и повернулся так, чтобы слышали все – и его сторонники, и Рагнарссоны. Это был Лысый Скули, который повел на стену вторую башню, но сломал ее и не добрался до цели.

– Нарочно наняли, – буркнул Бранд. – Заплатили, чтобы сказал, но не слишком резко.

– Я недоволен, – объявил Скули. – Я двинул мои отряды на стену этого города! Я потерял десяток людей, включая моего зятя, хорошего человека! Мы все-таки перебрались через стену и пробились до самого Минстера. Но нам не дали его разорить, хотя мы имели право! И мы обнаружили, что напрасно потеряли людей, потому что город уже взят. Мы не получили ни добычи, ни возмещения ущерба. Зачем же ты, Сигурд, позволил нам, как последним дурням, штурмовать стену, коли знал, что это ни к чему?

Гул одобрения и разрозненный свист из отрядов Рагнарссонов. Настала очередь Сигурда. Он шагнул вперед и махнул рукой, чтобы замолчали.

– Я благодарен Скули за эти слова и признаю его правоту. Но скажу две вещи. Первое: мы не были уверены, что проникнем внутрь. Что, если жрецы обманули бы нас? Или король прознал об их затее и поставил у ворот своих людей? Если бы мы сказали об этом всей армии, какой-нибудь раб мог бы подслушать и донести. Вот мы и держали замысел в тайне. Теперь второе: я не рассчитывал, что Скули с его людьми переберется через стену. Мы никогда не видели таких машин, этих самых башен. Я решил, что это игрушки – охотники постреляют, попотеют да и отступят. Иначе запретил бы Скули рисковать жизнью и терять людей. Я ошибся, и я виноват.

Скули с достоинством кивнул и вернулся на место.

– Этого мало! – завопил кто-то из толпы. – А где возмещение? Где вергельд²⁹ за наши потери?

– Сколько вы получили от жрецов? – крикнул другой. – И почему не поделились со всеми?

Сигурд снова поднял руку:

– Это уже лучше. Я спрашиваю армию: ради чего мы здесь?

Бранд вышел, взмахнул топором и заорал так, что от натуги побагровел затылок:

– Ради денег!

Но даже его голос потонул в дружном реве:

– Денег! Богатства! Золота и серебра! Дани!

Когда гвалт стих, Сигурд крикнул в ответ. Он отлично управлялся со сборищем. Все развивалось по плану, и даже Бранд сплясал под его дудку.

– А для чего вам деньги? – спросил Сигурд.

Смятение, сомнение, выкрики вразнобой, похабщина.

Змеиный Глаз надвинулся на викингов:

– Я вам скажу. Вы хотите купить дома на родине, чтобы на вас пахали, а сами вы больше не прикасались к плугу. И вот я говорю вам, что здешних денег на это не хватит. Хороших денег, – насмешливо добавил он и швырнул на землю горсть монет.

Собравшиеся сразу признали бесполезные медяки, которые попадались им часто.

– Но это не значит, что мы их не получим. Просто понадобится время.

– Для чего тебе время, Сигурд? Чтобы припрятать нахапанное?

Змеиный Глаз сделал шаг вперед, выискивая в толпе наглеца своими странными зрачками с белой каймой. Рука легла на рукоять меча.

– Я знаю, это открытый сбор и все говорят свободно. Но если кто-нибудь обвинит меня или моих братьев в деяниях, не подобающих воинам, то мы призовем его к ответу особо, когда совет завершится! Теперь послушайте. Да, мы взяли с Минстера выкуп. Те из вас, кто штурмовал стену, тоже пошарили в домах и обобрали мертвых. Добычей за пределами Минстера разжились все.

– Но все золото было в Минстере! – Это не унимался Бранд, и он стоял совсем близко к Сигурду – ни с кем не спутаешь.

Сигурд злобно зыркнул, но ответил сдержанно:

– Все, что нами добыто, – выкуп, барахло и прочее – будет сложено и разделено между командами, по неизменному обычаю армии. А после обложим королевство и шайр новой данью, пусть доставят ее до конца зимы. Ясно, что они расплатятся дурным металлом. Но мы возьмем его, выплавим серебро и отчеканит заново. И вот уже его разделим так, чтобы каждый получил свою долю. Для этого нам понадобится монетный передел. – Незнакомое словосочетание породило гул. – Нужны люди, которые будут чеканить монеты, и инструменты для этого. А они в Минстере. Христианские жрецы и есть эти люди. Я этого не говорил, но говорю сейчас. Пусть работают с нами, мы должны их заставить.

На сей раз мнения широко разошлись, от желающих выступить с сумбурной речью не было отбоя. До Шефа постепенно дошло, что Сигурд предложил нечто заманчивое людям, уставшим от бесплодного грабежа, и тем отчасти достиг своей цели. Однако было и решительное сопротивление: его оказали приверженцы Пути и те, кто просто не любил христиан и не доверял им, да те еще, кому не давал покоя ускользнувший из рук Минстер.

Спор не утихал. Насилие на совете было делом почти неслышанным, и за него полагались крайне суровые кары. Тем не менее толпа была полностью при оружии и даже в доспехах, в

²⁹ Денежное возмещение за убийство свободного человека.

шлемах и со щитами; все эти люди привыкли зачинать драки, и возможность взрыва существовала всегда. «Змеиному Глазу, – подумал Шеф, – придется как-то обуздать орду».

В тот же миг один из воинов – это был Эгил из Сконе, который подвел башню к стене, – завладел вниманием армии и разразился яростной диатрибой о предательской сущности христиан.

– И еще! – орал он. – Мы знаем, что христиане часто давали нам слово и ни разу его не сдержали, они же считают, что жить после смерти будут только верующие в их бога! Но я скажу вам, что еще опаснее. Они и других заставляют забыть о слове! Чтобы те подумали, будто сегодня можно сказать одно, а завтра другое, а потом признаться жрецу, получить прощение и стереть прошлое, как matka вытирает у малого дитяти дерьмо! И я говорю о вас! О вас, сыны Рагнара!

Он повернулся к сбившимся в кучку братьям и вызывающе подступил ближе. «Отважный человек, – подумал Шеф. – И злой».

Эгил отбросил полу плаща, чтобы показать серебряный рог Хеймдалля, блестевший поверх рубахи.

– Так-то вы помните вашего отца, который принял смерть в орм-гарте, в этом самом городе?! Так-то вы помните, как похвалялись в Роскилле, когда встали на колоду и принесли обеты Браги? В том мире, в который мы веруем, что происходит с клятвопреступниками? Или вы забыли?

Из толпы его поддержал густой и торжественный голос. Шеф сообразил, что это Торвин начал читать священные стихи:

...Вброд
через тяжкие воды
клятвопреступники,
и душегубы,
и те, кто чужих
жен соблазняли,
идут, и холодные
трупы гложут
Волк и Нидхёгг.
Еще мне вещать? Или хватит?³⁰

– Вероломы! – крикнул Эгил и пошел на свое место, показав Рагнарссонам спину.

Но те не выглядели рассерженными, они даже как будто испытывали облегчение. Знали, что кто-нибудь обязательно произнес бы эти слова.

– Нам брошен вызов! – впервые подал голос Хальвдан Рагнарссон. – Давайте ответим. Мы хорошо помним, что было сказано в Роскилле, и вот какие там прозвучали слова. Я поклялся пойти на Англию и отомстить за отца...

Четыре брата сплотились и принялись дружно выкрикивать:

– И я это сделал! А Сигурд поклялся...

– ...победить всех королев английских и покорить их страну! Двое теперь мертвы, и эта же участь ждет остальных!

Рев одобрения из рядов сторонников Рагнарссонов.

– А Ивар поклялся...

– ...обрушить мщение на черных воронов, Христовых жрецов, которые придумали бросить Рагнара в орм-гарт.

³⁰ «Прорицание вёльвы». Перев. В. Тихомирова.

Мертвая тишина; слово за Иваром.

– И я этого не сделал. Но месть не закончена и не забыта. Помните: черные вороны отныне в моих руках. Я сам решу, когда скрутить им голову.

Армия молчала. Ивар продолжил:

– Но мой брат Убби поклялся...

И братья снова грянули в унисон:

– ...захватить короля Эллу и предать лютой смерти за гибель Рагнара!

– И мы это сделаем! – вскричал Ивар. – Итого два обета – долой, и двое из нас чисты перед Браги, богом клятв. А два других обета еще предстоит исполнить. Ведите сюда пленника!

Мёрдох и его орава поволокли короля вперед. Шеф понял, что Рагнарссоны на это и рассчитывали, стремясь переменить настрой толпы. Он вспомнил юношу, который показывал загоны для рабов в лагере на Сторе и говорил о зверствах Ивара. В любой толпе найдутся впечатлительные люди. Но предсказать поведение толпы, в которой стоял Шеф, вряд ли было возможно.

Эллу вывели на всеобщее обозрение и принялись забивать в землю толстый кол. В лице у короля не было ни кровинки, белизну кожи подчеркивала чернь бороды и кудрей. Ему не вставили кляп, и рот был открыт, но не издавал ни звука. Сбоку на шее виднелась кровь.

– Ивар перерезал ему голосовые связки, – догадался Бранд. – Так делают свиньям, чтобы не визжали. А для чего жаровня?

Гадгедлары, обмотавшие руки тряпьем, выставили жаровню, полную углей. Из нее зловеще торчали чугунные прутья, раскаленные докрасна. Толпа заколыхалась и зашумела; одни напирали, чтобы лучше видеть; другие чуяли, что их отвлекают от главного дела, но не понимали, как этому помешать.

Мёрдох вдруг сорвал с несчастного накидку, и тот остался обнаженным, не имея даже клочка ткани, чтобы прикрыть чресла. Послышались гогот, насмешки; иные воины неодобрительно загудели. Четыре гадгедлара схватили короля. Вперед шагнул Ивар, в его руке сверкнул нож. Он склонился над животом Эллы, перекрыв обзор ужаснувшегося Шефу, который находился в каком-то десятке ярдов. Отчаянная судорога; руки и ноги яростно дернулись, но были безжалостно удержаны четверкой изменников.

Ивар отступил, держа в руке какой-то сизый скользкий клубок.

– Распорол брюхо и выпустил кишки, – откомментировал Бранд.

Ивар дошел до кола, аккуратно разматывая внутренности и с улыбочкой наблюдая за лицом короля, которое исказилось в отчаянии и муке. Он взял молоток и приколодил конец кишки к колу.

– Сейчас, – объявил он, – король Элла пойдет вокруг столба, и будет ходить, пока не вырвет себе сердце и не умрет. Давай, англичанин. Чем быстрее начнешь, тем скорее все кончится. Но обойти придется несколько раз. По моему подсчету, ты прошагаешь десять ярдов. Разве я о многом прошу? Поторопи его, Мёрдох.

Главарь гадгедларов ткнул обреченного короля в ягодицу раскаленным прутом. Тот поседел лицом, содрогнулся всем телом и сделал шагок.

«Худшая смерть для мужчины, – подумал Шеф. – Ни гордости, ни достоинства. Единственный выход – повиноваться врагам и подвергаться за это глумлению. Зная, что должен идти до последнего, и все же не будучи в силах управиться быстро. А сзади понукают горячим железом, и даже скорость не выверить самому. Нельзя и крикнуть. И все это время из тебя вытягиваются кишки».

Он молча передал алебарду Бранду и стал пробираться назад сквозь волнующуюся толпу. С башни смотрели его люди, которых он оставил присматривать за машиной. Они поняли, чего хочет Шеф, и сбросили канат. Скорее на стену, к привычным чистым запахам свежей древесины и расплавленного железа.

– Он трижды обошел вокруг шеста, – доложил на башне викинг с фаллическим амулетом Фрейра. – Негожая для мужчины участь.

Стрела была на месте, машина развернута – вчера они поставили нижнюю раму на пару прочных колес. Острие находилось точно посередине направляющей части, до цели было триста ярдов. Высоковато, но сойдет.

Шеф навел стрелу на рану в основании живота короля, когда тот, подгоняемый раскаленными прутьями, похромал на четвертый круг и обратился лицом к стене. Шеф медленно надавил на спуск.

Глухой звук. Стрела взлетела и устремилась вниз, аккурат Элле в грудь, прямиком в изнемогшее сердце, и, пройдя навывлет, вонзилась в землю чуть ли не между ног Мёрдоха. Короля отшвырнуло, и Шеф успел заметить, как изменилось его лицо. Оно умиротворенно расслабилось.

По толпе прошла рябь. Все до единого повернулись к башне, с которой прилетела стрела. Ивар склонился над трупом, но миг спустя выпрямился, стиснул кулаки и посмотрел туда же, куда и все.

Шеф взял одну из новеньких алебард и двинулся по стене к орде, желая быть признанным. Он вспрыгнул на зубчатый полукруг бастиона.

– Я всего-навсего карл, а не ярл! – крикнул он. – Но я хочу сказать армии три вещи. Во-первых, сыновья Рагнара исполнили эту часть их клятвы Браги потому, что им не хватило духу разобраться с оставшейся. Во-вторых, Змеиный Глаз волен говорить что угодно, но, когда он прокрался в Йорк с заднего хода, который жрецы держали для него распахнутым настезь, он думал не о благе армии, а только о своем собственном и благе братьев. Он не собирался ни воевать, ни делиться.

Послышались гневные возгласы; гагдедлары засуетились в поисках ближайших ворот и лестницы. Но их не пустили, придержали за накидки. Шеф загремел еще громче, перекрывая шум:

– И третье! В том обращении, которому они подвергли короля Эллу, мужчину и воина, нет никакого дренгскарпа. Я называю это нидингсверком!

Нидингсверк – поступок нидинга, человека без чести, без законных прав, хуже изгоя. Будь ты хоть карл, хоть ярл, для тебя нет большего позора, чем брошенное в лицо слово «нидинг». И уж совсем плохо, когда это происходит перед армией и армия не протестует.

Нашлись люди, которые поддержали Шефа громкими возгласами. Он различил Бранда, готового драться, вскинувшего топор; его отряд сомкнулся позади, отпихивая щитами людей Рагнарссонов. С другой стороны полукруга к ним поспешил отряд во главе с Эгилом, служителем Хеймдалля. А это кто? Сигвард, багровый от гнева, ревет на какого-то задиру. Убби что-то кричит Лысому Скули, который топчется у труппа Эллы.

Все войско пришло в движение. По нему пробежала трещина. Через сто ударов сердца оно раскололось надвое, и обе группы расходились все дальше. Рагнарссоны возглавили дальнюю; во главе ближней встали Бранд, Торвин и еще несколько человек.

– Путь против остальных, – негромко произнес служитель Фрейра за плечом Шефа. – И к нему примкнули твои друзья. У нас вдвое меньше людей, чем у Рагнарссонов.

– Ты расколол армию, – сказал гебридец из команды Магнуса. – Великий, но опрометчивый подвиг.

– Машина была заряжена, – ответил на это Шеф. – Мне оставалось лишь выстрелить.

Глава 6

Когда войско начало отход от стен Йорка, с безветренного неба снялись первые хлопья снега. Уходила не Великая армия. Она перестала существовать. Часть некогда грозной силы

отказалась подчиняться Рагнарссонам и больше не собиралась жить с ними в мире – двадцать длинных сотен душ, две тысячи четыреста по римскому исчислению. С ними был обоз из выючных коней и мулов да пятьдесят повозок с тяжелым грузом награбленного добра: железо и бронза, кузнечные инструменты и точильные камни, а также сундуки, набитые дрянной монетой, и жалкая кучка чистого серебра, доставшаяся после раздела. Обременяли войско раненые, мешавшие как быстрому пешему маршу, так и езде на лошадях.

С городских стен за ними наблюдали оставшиеся воины. Молодые и дикие улюлюкали, насмехались и даже выпустили несколько стрел вдогонку, постаравшись, впрочем, никого не задеть. Но их гонор утонул в молчании уходящей колонны и их собственных вожakov на стене. Они поплотнее запахнулись в плащи и стали смотреть на низкое хмурое небо и подмороженную траву на склонах холмов, радуясь тому, что сами имеют кров, дрова, ставни на окнах и прочные стены, не пропускающие сквозняков.

– До рассвета снег повалит вовсю, – буркнул Бранд, шагавший в хвосте колонны, где было опасно, пока они не ушли далеко за пределы досягаемости Рагнарссонов.

– Вы же норманны, – отозвался Шеф. – Я думал, вам снег нипочем.

– Это когда мороз, – сказал Бранд. – А если сначала снег, а после оттепель, как бывает в здешних краях, то нам придется топать по грязи. Люди выматываются, животины тоже устают, и повозки еле тащатся. И еще нужно больше есть, коли шагаешь в таких условиях. Знаешь, за сколько времени стадо съедает свой вес? Но мы должны оторваться от тех, что остались. Мало ли что им взбредет на ум.

– Куда идем? – спросил Шеф.

– Не знаю. Да и кто ведет это войско? Все считают, что ты.

Шеф опешил и ничего не ответил.

* * *

Когда последние навьюченные люди и кони скрылись из виду среди развалин внешнего Йорка, стоявшие на стене Рагнарссоны переглянулись.

– Попутного ветра, – сказал Убби. – Меньше ртов, меньше загребущих рук. В конце концов, что такое несколько сот радетелей Пути? Белоручки, слюнтяи...

– Никто и никогда не называл Вига-Бранда белоручкой, – возразил Хальвдан, который после хольмганга не спешил присоединиться к нападкам братьев на Шефа и его сторонников. – И далеко не все они радетели Пути.

– Не важно, кто они по своей сущности, – процедил Сигурд. – Достаточно знать, что теперь это наши враги. Но сейчас мы не можем с ними сразиться. Необходимо удержать...

Он указал большим пальцем через плечо на кучку людей, стоявших в нескольких ярдах, – архиепископа Вульфхера в окружении бенедиктинцев, среди которых выделялся костлявый и бледный архидиакон Эркенберт, ныне начальник монетного двора.

Ивар вдруг рассмеялся. Братья встревоженно посмотрели на него.

– Нам незачем драться с ушедшими, – произнес он. – С ними шагает их собственная беда.

* * *

Хмурился и Вульфхер, провожая взглядом колонну.

– Хищников поубавилось, – сказал он. – Уйди они раньше, нам, может быть, и не пришлось бы договариваться с остальными. Но те уже хозяйничают здесь.

Он воспользовался латынью, чтобы не подслушали вражьи уши.

– Покуда у них раздоры, мы должны быть мудры, как змеи, и кротки, как горлицы, – ответил на том же языке Эркенберт. – Мы одолеем и тех, кто вошел к нам, и тех, кто теперь за воро-

тами. С первыми все ясно. Их стало меньше, и с ними снова можно сразиться. Нет, не в Нортумбрии, и с помощью королей юга – Бургреда Мерсийского и Этельреда Уэссекского. Поэтому мы и отослали на юг искалеченного тана Восточной Англии, подвесив его между двумя лошадьми. Он объяснит сонным южным королям, кто такие викинги, и пробудит воинский дух.

– Но что же ты сделаешь с ушедшими, Эркенберт? На дворе глухая зима.

Маленький архидиакон улыбнулся:

– Для зимнего марша надобно пропитание, и северные варвары пойдут на грабеж. Так у них заведено. Но тогда восстанут даже керлы, потому что до весны далеко, а каждый кусок будет отобран у их детей. Я позаботился, чтобы весть о приближении орды опережала ее.

* * *

Столкновения начались с приходом короткого зимнего дня. Сначала это были мелкие стычки: одиночный керл вдруг выглянет из-за дерева и бросит камень или пошлет стрелу и тут же даст деру, не потрудившись проверить, угодил ли в цель. Потом явился небольшой отряд. Викинги отстегнули луки, у кого они были, стараясь не намочить тетиву, и повели ответную стрельбу. Те, что без луков, прикрылись щитами. Стрелы отскакивали, а воины выкрикивали оскорбления и вызывали противника на честный бой. Затем один, осерчав, метнул копье в фигуру, подобравшуюся слишком близко, промахнулся и с бранью сошел с дороги, чтобы подобрать оружие. Его тут же скрыла метель. Когда прояснилось, товарищи этого воина с трудом остановили колонну, и отряд из тридцати угрюмых норманнов, пригибаясь навстречу ветру, пошел на поиски. Едва эти люди приковыляли назад с уже раздетым и изувеченным телом, как позади них снова засвистели стрелы, вылетая из вечерних сумерек.

Колонна растянулась почти на милю. Шкиперы и кормчие с проклятиями сгоняли людей плотнее, ставили на фланги лучников и загоняли повозки в серединку.

– Ничего они вам не сделают! – без усталости орал Бранд. – У них охотничьи луки! Кричите и колотите в щиты, они обмочатся и бросятся наутек! Всех, кого ранят в ногу, – на вьючных лошадей! Скиньте лишнее в повозки, если понадобится. Но только не останавливайтесь!

Вскоре англичане сообразили, что делать. Враги были тяжело нагружены и укутаны, они не знали местности. Зато керлам было знакомо каждое дерево, все кусты, тропинки и лужи. Они могли раздеться до рубах и портков, выскочить налегке, ударить и скрыться в мгновение ока. Ни один викинг не погонится за ними во тьме дальше чем на дюжину шагов.

Спустя немного времени какой-то деревенский вожак собрал и выстроил отряд, который все рос. Сорок или пятьдесят керлов атаковали западный фланг колонны, свалили несколько человек дубинами и тесаками и поволокли прочь, как волки добычу. Взбешенные викинги пустились в погоню, воздев щиты и потрясая топорами. Когда же они, никого не поймав и рыча от бессильной ярости, вернулись назад, их взорам предстали опрокинутые повозки, фургоны с содранными навесами и перебитый на месте скот; о раненых больше думать не приходилось, и снег уже заметал кровавые следы.

Бранд носился вдоль колонны взад и вперед, смахивая на ледового тролля. Он обратился к Шефу, сопровождавшему его:

– Эти гады уверены, что теперь нам конец. Но я проучу их, когда рассветет, пусть даже это будет последним, что я сделаю в жизни.

Шеф уставился на него, смаргивая снежинки.

– Нет, – возразил он. – Ты думаешь, как карл, карл Великой армии. Но армии больше нет. Поэтому мы должны перестать думать, как карлы. Вместо этого мы должны думать, как прикажу я, служитель Одина, Повелителя Битв.

– И что же ты прикажешь, недоросль, не видевший ни одной битвы?

– Созови шкиперов – всех, до кого докричишься. – Шеф принялся быстро чертить на снегу. – Прежде чем пошел снег, мы миновали Эскрик. Вот он. Сейчас мы должны находиться примерно в миле от Риккалла.

Понятливые кивки. Благодаря фуражировке викинги хорошо изучили окрестности Йорка.

– Мне нужна сотня крепких и расторопных, еще не уставших ребят, чтобы сделать рывок и захватить Риккалл. Кого-то взять в плен – пригодятся, всех остальных – выдворить. Заночуем там. Селение небольшое, пятьдесят хижин и церквушка-мазанка. Но если потесниться, то поместятся многие. Еще одна длинная сотня должна разбиться на четыре отряда, которые будут патрулировать вокруг. Англичане не сунутся, если хотя бы заподозрят, что получают отпор. Без плащей им придется бегать, чтобы не замерзнуть. Всем остальным – продолжать путь и охранять повозки. Когда доберемся до Риккалла, перекройте ими все бреши между хижинами, чтобы получилось кольцо. Мы сами и скот разместимся внутри, разведем костры и наскоро соорудим навесы. Бранд, отбери людей, и пусть все пошевеливаются.

* * *

Два часа пролетели в трудах, и вот Шеф сидит в доме риккальского тана, глядя на седовласого англичанина. Дом битком набит викингами: кто растянулся на скамьях и лежанках, кто устроился на корточках, и вся эта масса исходит паром по мере того, как сохнут промокшие спины.

Подчиняясь приказу, никто не обращал внимания на происходящее.

На грубом столе между двумя мужчинами стоял кожаный сосуд с пивом. Шеф отхлебнул, изучая человека напротив, который продолжал держаться настороже. На шее у него был железный ошейник.

Шеф придвинул к нему сосуд:

– Ты видел, как я пил, яда нет. Давай выпей. Желай я причинить тебе вред, нашел бы способ попроще.

Трэлл вытаращился, услышав беглую английскую речь. Он взял посудину и от души приложился.

– Кому ты платишь оброк?

Собеседник допил и лишь тогда произнес:

– Тану Эдноту, он погиб в бою. Король Элла выделил ему много земли. Остальное принадлежит черным монахам.

– А на Михайлов день платил? Если нет, то надеюсь, что ты припрятал деньги. Монахи сурово обходятся с неплательщиками.

Лицо собеседника исказилось от страха при словах о монашьем возмездии.

– Коли ты носишь ошейник, то знаешь, как поступают монахи с беглыми. Хунд, покажи ему шею.

Хунд молча снял амулет Идун и отвел ворот рубахи, продемонстрировав рубцы и мозоли от многолетнего ношения ошейника.

– Здесь были беглые – кто-нибудь рассказал тебе про эту вещь? – Шеф качнул амулет и вернул его Хунду. – Или про эти? – Он указал на Торвина, Вестмунда, Фармана и других жрецов, столпившихся рядом. Повинуясь знаку, они безмолвно показали свои. – Если да, то тебе говорили, наверное, что таким людям можно доверять.

Раб потупился, трепеща:

– Я добрый христианин. Я ничего не знаю о языческих поделках...

– Я говорю о доверии, а не о христианах с язычниками.

– Вы, викинги, берете себе рабов, а не даете им волю.

Шеф подался вперед и постучал по железному ошейнику:

– Тебе его не викинги надели. Да я и вовсе англичанин, разве не слышно? Теперь слушай внимательно. Я отпущу тебя. Передай тем, что прячутся в ночи, чтобы больше не нападали, поскольку мы им не враги. Враги остались в Йорке. Если нас пропустят, то никто не пострадает. Потом скажи своим друзьям об этом знамени.

Шеф указал на горстку походных шлях, растянувших в дымной, душной горнице огромный стяг, который они с небывалым усердием вышивали. Там, на красном шелку, взятом из обоза с награбленным добром, красовался двуглавый кузнечный молот, вытканый белым и простеганный серебром.

– Та армия, которую мы бросили, идет под стягом черного ворона, птицы-падальщика. А крест христиан напоминает мне о муках и смерти. Наш молот – знак творцов. Передай это своим. А сейчас я докажу пользу молота для тебя лично. Мы снимем ошейник.

Раб трясся от страха.

– Нет, монахи вернутся и...

– Предадут тебя таким лютым пыткам, что содрогнутся небеса. Ну так запомни и скажи остальным. Мы, язычники, предложили тебе свободу, но страх перед христианами оставил тебя рабом. Теперь ступай.

– Я лишь об одном осмелюсь спросить... Не убивай меня за такие слова, но... твои люди опустошают наши закрома, отбирают припасы на зиму. В брюхе у нас будет пусто, и дети перемрут до весны...

Шеф вздохнул. Сейчас ему придется нелегко.

– Бранд! Заплати трэллу. Дай ему что-нибудь. И смотри, серебром, а не хламом от архиепископа.

– Да чтобы я – и заплатил ему?! Это он должен мне платить! Где вергельд за наши потери? И с каких это пор армия платит за продовольствие?

– Армии больше нет. И он не должен тебе вергельд. Это ты пришел на его землю. Заплати ему. Я не дам тебе разориться.

Невнятно ругаясь, Бранд развязал кошель и отсчитал шесть серебряных уэссекских пенни.

Раб едва верил в происходящее и пялился на блестящие монеты, как будто в жизни не видывал таких денег; возможно, и впрямь не видывал.

– Я расскажу! – произнес он, почти прокричал. – И о знамени тоже.

– Если сделаешь и ночью вернешься, я дам еще столько же – тебе одному, не на всех.

Бранд, Торвин и остальные с неодобрением взглянули на Шефа, когда раб вышел с эскортом, который должен был провести его за сторожевые костры.

– Не видать тебе больше ни денег, ни раба, – сказал Бранд.

– Посмотрим. Теперь собери две длинные сотни при лучших лошадях и запасе провианта. Чтобы были готовы выступить, как только он вернется.

Бранд с треском распахнул ставень и выглянул в ночь, где кружила метель.

– Зачем? – буркнул он.

– Надо же мне добыть для тебя двенадцать пенни. И есть еще одна мысль.

Придя в состояние крайней сосредоточенности и наморщив лоб, Шеф взялся за нож и начал выцарапывать линии на столешнице.

* * *

В отличие от монахов Святого Петра, что в Йорке, бенедиктинцы из монастыря Святого Иоанна в Беверли не были защищены прочными стенами легионерской крепости. Зато их данники и жители равнин к востоку от Йоркшир-Уолдса могли без труда выставить две тысячи

хороших бойцов, подкрепив их с тыла много большим числом ратников с копьями и луками. Всю осень, пока длились набеги из Йорка, они не особо тревожились – опасаться стоило только нашествия крупных сил. Они знали, что Великая армия явится по их души, но когда еще это случится? Ризничий скрылся несколько месяцев назад, забрав самые ценные реликвии монастыря, и давеча объявился, доложившись только аббату. Монахи держали наготове половину войска, а вторую распределили по своим владениям для надзора за жатвой и приготовлениями к зиме.

Нынешним вечером они чувствовали себя в безопасности. Лазутчики видели, как раскололась Великая армия, часть которой и вовсе ушла на юг. Но зимние ночи длятся в Англии шестнадцать часов – более чем достаточно для решительных людей, чтобы одолеть сорок миль. Поначалу они петляли по топким сельским трактам, затем потянулись приличные дороги Йоркшир-Уолдса, и викинги прибавили скорость, двигаясь то пешком, то верхом. Какое-то время было потрачено на объезд встречавшихся деревушек. Раб Тида оказался хорошим проводником, он покинул отряд лишь на заре, когда посветлело небо над шпилем монастыря Беверли. Из сторожевых хижин вышли заспанные рабыни, чтобы разжечь костры и намолоть на ручных мельницах пшеница для утренней каши. Они с визгом и воем бросились назад и принялись срывать одеяла с опешивших воинов, слыша в ответ лишь ругань. Уж таково свойство англичан – застигнутые врасплох, они устраивают великую сумятицу.

Шеф распахнул массивные деревянные двери монастыря и вошел, сопровождаемый гурьбой викингов.

В монастыре разливалось сладкозвучное антифонное пение³¹ – монахи стояли вдоль нефа двумя шеренгами, друг против друга, и призывали родиться младенца Христа. Прихожан не было, хотя двери для них были отперты. Священнослужители пели гимны ежедневно, независимо от присутствия посторонних. Ранним зимним утром они никого и не ждали.

Когда викинги в намокших одеждах двинулись по проходу к высокому алтарю, не обнажая оружия, если не принимать в расчет алебарду на плече Шефа, аббат оцепенел на своем почетном месте и уставился в ужасе и потрясении. Шеф на какой-то миг утратил сообразительность и выдержку перед величием Церкви, в лоне которой он вырос и возмужал.

Он кашлянул, не зная, с чего начать.

У ставшего за его спиной Гудмунда, шкипера со шведского побережья пролива Каттегат, таких сомнений и колебаний не возникло. Ему всю жизнь хотелось обчистить знатную церковь или аббатство, и он не собирался спокойно смотреть, как эту мечту похоронит разволнованный новичок. Он вежливо приподнял своего юного вождя и отставил в сторонку, затем схватил ближайшего хориста за черную рясу и выдернул в проход, после чего извлек из-под плаща топор и вонзил в алтарные перила.

– Взять чернорясников! – взревел он. – Обыскать, согнать вон в тот угол! Тофи, хватай подсвечники. Франи, я хочу вон то блюдо. Снок и Угги! Вы горазды лазать, видите истукана? – Он указал на распятого над алтарем Христа, скорбно взиравшего на пришельцев с немалой высоты. – Ну-ка, заберитесь и попробуйте снять венец! Отсюда золото не кажется фальшивым... Остальным перевернуть монастырь и забрать все блестящее! Я хочу вычистить это место, пока сюда не нагрянуло отребье из Йорка. Теперь ты... – Он подступил к настоятелю, который съезжился на своем престоле.

Шеф встал между ними.

– Послушай, святой отец, – заговорил он, вновь перейдя на английский.

Знакомая речь вызвала у аббата оторопь; взгляд сделался как у василиска – страх пополам с лютой ненавистью. На миг Шеф замялся, затем припомнил, что в этом монастыре, как и во многих других, ворота были обиты кожей с внутренней стороны. Человеческой кожей,

³¹ Хоровое пение, в котором попеременно звучат два хора.

содранной с живых тел за грех святотатства, за посягательство на церковную собственность. Его сердце ожесточилось.

– Скоро сюда явится твоя стража. Если хочешь жить, придержишь своих людей.

– Нет!

– Тогда умрешь сейчас же. – Острие алебарды уперлось в горло священника.

– Сколько вам нужно времени? – Дрожавшие руки хватили алебарду, скользили по ней, но не могли сдвинуть.

– Немного. Потом можешь пустить за нами погоню, авось повезет вернуть добро. Сделаешь, как я скажу.

За спиной у Шефа что-то трещало и рушилось. Гудмунд подтащил монаха:

– По-моему, это ризничий. Говорит, что казна пуста.

– Верно, – подтвердил аббат. – Все спрятано несколько месяцев назад.

– Что спрятано, то можно отыскать, – изрек Гудмунд. – Я начну с младших и покажу, что не настроен шутить. Один покойничек, второй, – глядишь, казначей и заговорит.

– Нет, не начнешь, – категорически возразил Шеф. – Мы возьмем их с собой. Приверженцы Пути не прибегают к пыткам. Боги-асы запрещают истязания. И мы взяли добычу по справедливости. Давайте-ка выведем попов, чтобы увидела стража. Впереди долгий путь.

В свете разгорающегося дня Шеф разглядел пятно на стене. Это был лист пергамента с непонятным рисунком.

– Что это? – спросил он у настоятеля.

– Ничего ценного для таких, как ты. В раме ни золота, ни серебра. Это *mapramundi*, карта мира.

Шеф сорвал лист, скатал и сунул за пазуху. Настоятеля и монахов-хористов выгнали к толпе англичан, которые наконец оторвались от своих тюфяков и изобразили некое подобие боевого порядка.

– Нам сюда не вернуться, – буркнул Гудмунд, звякнув мешком.

– Мы и не вернемся, – ответил Шеф. – Скоро сам все увидишь.

Глава 7

Бургред, король Мерсии, одного из двух великих и еще не завоеванных викингами королевств Англии, задержался у входа в свои покои, отослал свиту и челядь, сбросил мантию из кунных шкур, позволил снять с себя промокшие от снега сапоги, заменив их туфлями из сыромятной кожи, и приготовился насладиться моментом. Повинуясь приказу, его ждали юноша с отцом, а также этелинг³² Альфред, который представлял его брата Этельреда, короля Уэссекса – еще одного уцелевшего крупного английского королевства.

Их тревожила судьба Восточной Англии: ее король умер и не оставил наследников, его поданные деморализованы и растеряны. Однако Бургред знал, что если он двинет войско и силой присоединит страну к Мерсии, то ее жители воспротивятся и англичане пойдут на англичан, как уже часто бывало. Но если поступить хитро, послать к ним их собственного человека – кого-нибудь благородных кровей и в то же время обязанного королю Бургреду решительно всем, включая приведенную с собой армию, – что ж, это они могут и проглотить.

Тем более что сей благородный и благодарный юноша был сыном столь полезного отца! Того, кто своим обликом (тут Бургред позволил себе мрачно улыбнуться) убедительно свидетельствовал против викингов. Кто отвергнет такое подставное лицо? И впрямь лицо – да с ним еще тулово.

³² Принц, князь в англосаксонской Англии.

Бургред молча благословил тот день, когда две лошади с двумя седоками доставили подвесные носилки с калекой из Йорка.

Очень кстати прилась и юная красавица. Сцена вышла донельзя трогательная. Белокурый юноша с откинутыми власами пал на колени перед отцом, не успели того извлечь из носилок, и принялся молить о прощении за брак, заключенный без родительского согласия. После всего, что выпало на долю этой пары, ей можно простить и большее, но нет, молодой Альфгар воплощает собой дух праведности. Настанет день, когда этот дух возвысит Англию над всеми народами. «Благопристойность, – размышлял Бургред. – Gedafenlicnis».

На самом же деле коленопреклоненный Альфгар прошептал иное: «Отец, я взял Годиву в жены. Я знаю, что она мне наполовину сестра, но молчи об этом, иначе я заявлю перед всеми, что ты не в своем уме. А после с тобой может случиться несчастье. Безрукому недолго и задохнуться. И не забывай, что мы оба твои дети. Если преуспеем, то внуки твои сделаются принцами. Или кем познатнее».

И Вульфгар, когда оправился от потрясения, нашел это приемлемым. Да, они совершили инцест – кровосмешение, как выражаются англичане. Но так ли тяжок этот грех? Его собственная жена Трит предалась блуду с язычником-викингом – и кто хоть слово упрека сказал? Если у Альфгара и Годивы родится дитя, как у легендарных Зигмунда и его сестры, то это чадо всяко не будет хуже приبلудного гаденыша, которого сдуру выкормил он, Вульфгар.

Когда король мерсийцев вошел в покои, мужчины встали и поклонились. Единственная женщина, красавица из восточных англоv, с печальным лицом и ясными глазами, присела в новомодной франкской манере. Два прислужника, приглушенно заспорив о том, как соблюсти этикет, приподняли умягченный подушками ковчег с Вульфгаром и поставили вертикально, после чего снова прислонили его к стене. Повинуясь знаку, слуги расселись по местам: стулья поставили для всех, кроме короля и хеймнара. Вульфгара тоже вознесли на высокое кресло с подлокотниками. С обычного стула он рисковал свалиться.

– До меня дошли вести из Эофорвика, – начал король. – Свежее ваших, – кивок в сторону Вульфгара, – и приятнее. Тем не менее они расположили меня к действию. Похоже, что после того, как Церковь сдала город и короля Эллу...

– Правильнее сказать – после подлой измены королю Элле со стороны тех, кого он защищал! – перебил его этелинг из Уэссекса.

Бургред нахмурился. Этот юнец не слишком уважал королей, а старшее духовенство и вовсе ни во что не ставил.

– Короля Эллу подвергли лютой казни. Это сделали язычники Рагнарссоны, из них же особенно отличился тот, которого прозвали Бескостным. Как случилось и с твоим господином, благородным Эдмундом, – добавил он, снова кивнув Вульфгару. – Но, судя по всему, это вызвало разлад в языческом стане. Рассказывают странную историю о том, что казнь была прекращена досрочно при помощи какой-то машины. Похоже, в Эофорвике все так или иначе связано с машинами. Однако новость важна, ибо армия викингов раскололась.

Удивленный и одобрителный гул.

– Некоторые из них покинули Эофорвик и сейчас направляются на юг. Это меньшая часть армии, но все равно солидная. И я обязан задаться вопросом: куда же они идут? Ответ таков: возвращаются в Восточную Англию, откуда пришли.

– К своим ладьям, – вставил Альфгар.

– Вполне возможно. И я не думаю, что восточные англв снова дадут им бой. Они лишились короля, а также слишком многих танов и доблестных воинов на Сторе, в лагере, через который ты столь отважно прорвался. Но ваше общее мнение таково, что викингов нужно разбить. – Бургред саркастически глянул на Альфреда. – Поэтому я пошлю в Восточную Англию полководца и сильное войско, которое будет поддерживать его, пока он не соберет собственное. Этот полководец – ты, юный Альфгар, сын Вульфгара. Ты уроженец Норфолка. Твой отец был

таном короля Эдмунда. Твоя семья пострадала сильнее, чем любая другая. Ты восстановишь королевство. Правда, королевством ему уже не бывать.

Бургред встретился взглядом с молодым этелингом, Альфредом Уэссекским: истинный принц королевской крови – такой же белокурый и голубоглазый, как Альфгар. Но в нем было нечто странное, непокорное. С виду умен. Они оба знали, что дошли до камня преткновения. Бургред Мерсийский имел на Восточную Англию не больше прав, чем было у Этельреда Уэссекского. И тот, кто заполнит брешь, станет намного могущественнее другого.

– Какой же у меня будет титул? – осторожно осведомился Альфгар.

– Олдермен. Олдермен Норфолка и Саутфолка.

– Это два разных шайра, – возразил Альфред. – Нельзя быть олдерменом сразу двух шайров.

– Новые времена, новые порядки, – ответил Бургред. – Но ты сказал правильно. Со временем, Альфгар, ты можешь удостоиться нового титула. Священники называют это «субрегулус». Станешь наместником. Ответь, будешь ли ты верен мне и Мерсии? Моей Марке?³³

Альфгар молча пал королю в ноги и простер руки к его коленам. Бургред потрепал его по плечу и понудил встать.

– Мы все устроим по закону и выверим порядок. Мне просто хотелось знать, что мы достигли общего согласия. – Он повернулся к Альфреду. – И да, юный этелинг, я знаю, что ты не согласен. Однако передай твоему королю и моему брату, что отныне быть посему. Пусть он остается на своем берегу Темзы, а я останусь на своем. Но северная часть Темзы и южная часть Хамбера принадлежат мне. Целиком и полностью.

Бургред позволил напряженной тишине продлиться еще миг и решил разрядить обстановку.

– В новостях было кое-что странное. Великую армию всегда возглавляли Рагнарссоны, но все они остались в Эофорвике. О тех же, которые ушли, говорят, будто ими никто не командует – либо, напротив, вожаков слишком много. Сказывают еще, что среди вождей есть англичанин, и он, возможно, там самый главный. Гонец сообщил, что он из восточных англов, судя по говору. Но прозвище назвал лишь то, которым величают парня викинги, а они так скверно говорят по-нашему, что я и вовсе не признал человеческого имени. Его зовут Скъеф Сигвардссон. И как это сказать по-английски? Даже по-восточно-английски?

– Шеф!

Это произнесла женщина, молчавшая до сих пор. Даже не произнесла – выдохнула. Ее глаза, ее алмазно-чистые очи, зажглись жизнью. Муж взглянул на нее так, словно собрался ударить, а тесть выпучился и побагровел.

– Ты же видел его труп, – прохрипел он гневно, обращаясь к Альфгару.

– Еще увижу, – буркнул тот. – Дайте только людей.

* * *

Шеф, находившийся почти в двухстах милях севернее, в очередной раз обернулся в седле проверить, не отстал ли арьергард. Было важно, чтобы воины держались плотно, в пределах слышимости друг друга. Шеф знал, что по раскисшей дороге за ними следует отряд вчетверо больший, который не может напасть, пока викинги удерживают тридцать заложников – певчих из обители Святого Иоанна и их настоятеля Саксвульфа. Не менее важно было и сохранять темп, пусть даже после изнурительного ночного марша, дабы опередить вести о своем приближении и предотвратить любые приготовления к встрече.

³³ Название Мерсия произошло от слова «марка», т. е. «граница». До начала VIII в. эта местность отделяла земли Восточной Англии от Средней Британии.

Они двигались на запах моря – и вот, когда одолели небольшую возвышенность, их взорам открылся безошибочный ориентир: мыс Фланборо-Хед. Шеф крикнул и яростно махнул головному отряду, чтобы тот прибавил шаг.

Гудмунд немного отстал, продолжая держать под уздцы коня настоятеля. Шеф подозвал его жестом.

– Будь рядом, и давай-ка аббата поближе ко мне.

Он с гиканьем пришпорил своего подуставшего мерина и догнал кавалькаду в тот самый миг, когда она вся, сто двадцать пиратов и тридцать заложников, обрушилась с протяженного склона на убогий городишко Бридлингтон.

Вспыхнула паника. Женщины кинулись врассыпную, подхватывая оборвышей-малышей с синюшными ногами; мужчины схватились за копья и тут же бросили их; некоторые помчались на берег, чтобы укрыться в лодках, вытащенных на грязный заснеженный песок. Шеф повернул коня и вытолкнул вперед, как трофей, настоятеля, безошибочно узнаваемого в его черных одеждах.

– Мир! – прокричал он. – Мир! Мне нужен Ордлаф!

Но Ордлаф, бридлингтонский рив, уже был перед ним – тот самый человек, который схватил Рагнара, хотя никто его за это не поблагодарил. Рив нехотя принял ответственность и отделился от своих людей, в изумлении рассматривая викингов и монахов.

– Покажи им аббата, – велел Шеф Гудмунду. – И не подпускай тех, кто сзади. – Он наставил палец на рива Ордлафа. – Мы с тобой уже встречались. В день, когда ты накрыл сетью Рагнара.

Спешившись, Шеф глубоко воткнул алебарду в песчаную почву. Приобняв рива за плечо, отвел его в сторонку, чтобы не было слышно разгневанному аббату, и принялся увещевать.

– Это невозможно, – произнес Ордлаф чуть погодя. – Ничего не выйдет.

– Почему? Да, здесь открытое море и холодно, но ветер-то западный.

– Юго-западный с уклоном на запад, – машинально поправил Ордлаф.

– Пусть будет на траверзе, так и пойдешь вдоль берега до самого Сперна. Это не больше двадцати пяти миль. Доберешься, когда стемнеет. И суша все время будет под боком, я же не прошу тебя переплыть море. Если погода изменится, бросим якорь и переждем.

– Да мы надорвемся, пока доберемся до Сперна...

Шеф ткнул большим пальцем себе за плечо:

– У вас будут лучшие в мире гребцы. Посадите их на весла, а сами устройтесь за рулевым, как господа.

– Ну а... вдруг, когда я вернусь, настоятель пришлет людей и спалит все дотла?

– Ты сделаешь это для спасения его жизни.

– Вряд ли он будет благодарен.

– Не спеши возвращаться. Задержись и спрячь то, что мы тебе заплатим. Это будет серебро из монастыря. Твое серебро. Хватит, чтобы выплачивать денежный оброк много лет. Переплывай его, закопай – им ничем не найти!

– Ну а... откуда мне знать, что ты не перережешь мне глотку? А заодно и моим людям?

– Неоткуда... но выбор у тебя небогатый. Решай.

Рив помедлил еще немного. Он вспомнил своего шурина Мерлу, которого этот самый аббат обратил за долги в рабство. Подумал о жене и детях Мерлы, кормившихся милостыней с тех пор, как глава семейства в ужасе бежал.

– Ладно. Но пусть все думают, что ты обошелся со мной круто.

Шеф притворился, будто пришел в ярость, влепил риву затрещину и выхватил из ножен кинжал. Рив поспешил прочь, выкрикивая распоряжения горстке мужчин, собравшихся в нескольких ярдах. Те нехотя подчинились и взялись сталкивать рыбацкие лодки навстречу приливу, ставить мачты, расправлять паруса. Викинги плотной гурьбой подступили к воде,

гоня вперед своих пленников. Английские всадники, державшиеся в пятидесяти ярдах от них, сорвались с места, готовые вмешаться до того, как заложников вывезут в море, но были остановлены видом клинков, сверкнувших над выстриженными макушками.

– Вели им осадить назад, – резко сказал настоятелю Шеф. – Когда мы погрузимся, я отпущу половину твоих людей. А остальных с тобой вместе посажу в ялик, когда отплывем.

– Надеюсь, ты понимаешь, что лошадей нам больше не видать, – мрачно заметил Гудмунд.

– Ты сам их украл. Добудешь новых.

* * *

– ...Мы, стало быть, вошли в устье Хамбера на веслах. Тут и стемнело, и мы расположились на ночлег в местечке, где нас нипочем не заметить, а утром двинулись вверх по реке вас встречать. И не с пустыми руками.

– Много взяли? – осведомился Бранд, сидевший среди других членов импровизированного совета.

– Я прикинул, – ответил Торвин. – Алтарное блюдо, подсвечники; ящички – маленькие такие, в которых христиане хранят пальцевые кости своих святых; коробка для святых даров, штуконины для разжигания ладана да еще монеты – много монет. Я думал, монахам запрещено владеть имуществом, но Гудмунд говорит, что если потрясти их хорошенько, то кошельки найдутся у всех. Ну и за вычетом того, что он дал рыбакам, у нас осталось девяносто два фунта серебра. А главное – золото. Венец, который ты снял с изваяния Христа, оказался из чистого золота, и он увесист. Отчасти золотое и блюдо. Это еще четырнадцать фунтов. Пересчитываем золото на серебро из расчета восемь к одному и получаем восемь стоунов, то есть еще сто фунтов в придачу к твоим девяноста двум.

– Итого двести фунтов, – задумчиво произнес Бранд. – Надо разделить их между экипажами, а те пусть делят дальше промеж себя.

– Нет, – возразил Шеф.

– Ты часто повторяешь это слово в последнее время, – заметил Бранд.

– Это потому, что я знаю, как действовать, а остальные – не знают. Деньги не предназначены для дележки. Это армейская казна. За ней-то я и отправился. Если мы ее разделим, то каждый немного разбогатеет. Я хочу использовать ее так, чтобы все разбогатели всерьез.

– Если преподнести такой довод, то армия, думаю, согласится, – сказал Торвин. – Ты добыл эти деньги, тебе и решать, как ими распорядиться. Но каким образом мы разбогатеем всерьез?

Шеф вытащил из-за пазухи маппамунди, которую снял со стены в монастыре.

– Взгляните, – предложил он.

Десяток голов склонился над большим листом пергамента. На лицах написалось недоумение при виде чернильных каракуль – большее или меньшее.

– Можете прочесть? – спросил Шеф.

– В середине, где маленькая картинка, – подал голос Скальдфинн, служитель Хеймдалля, – написано «Иерусалим». Это священный град христиан.

– Лгут, по своему обыкновению, – подхватил Торвин. – Вот эта черная кайма – океан, великое море, которое окружает Митгард, то есть мир. Они, как и следовало ожидать, утверждают, будто их священный город пребывает в центре всего.

– Смотрите по краям, – громыхнул Бранд. – Ищите знакомые места. Если их перевернули, то и все остальное ложь и Торвин прав.

– «Dacia et Gothia», – прочел Скальдфинн. – «Готия». Это, должно быть, страна гаутаров, которые обитают южнее свеев. Если только не Готланд. Но Готланд – остров, а здесь изображен материк. Рядом же... рядом у них *Bulgaria*.

Совет покатился со смеху.

– Болгары – враги императора греков, что в Миклагарде, – сказал Бранд. – От гаутаров до болгар добираться два месяца, и это кратчайшим путем!

– С другого края Готии у них *Slesvic*. Ну хоть это понятно. Нам хорошо известен датский Слезвик. Тут еще что-то написано: «*Nic abundant leones*». Это означает «Здесь много львов».

Вновь грянул хохот.

– Я десять раз ходил торговать в Слезвик, – сообщил Бранд. – И мне там встречались люди, которые рассказывали про львов. Это такие огромные кошки, а водятся они в жарких краях южнее Саркланда. Но в Слезвике нет не то что множества львов – ни одного! Ты зря потратил время, таща сюда эту – как ее там? – маппа. Это такая же чушь, как все, что христиане считают премудростью.

Шеф продолжал водить пальцем по надписям, бормоча буквы, которым выучился с грехом пополам у отца Андреаса.

– Тут что-то по-английски, – произнес он. – И почерк другой. Написано «*suth-bryttas*», это означает «южные бритты».

– Это бретонцы, – сказал Бранд. – Они живут на большом полуострове по ту сторону Английского моря.

– Значит, не такое уж и вранье эта маппа.

– Я все равно не понимаю, как она поможет нам разбогатеть, – проворчал Бранд. – Ты сам сказал, что для того-то она и нужна.

– Эта не поможет. – Шеф скатал пергамент и отшвырнул его прочь. – Но сама идея пригодится. Нам нужно узнать много важного. Вспомните: если бы мы не поняли посреди снегопада, где находится Риккалл, то керлы могли бы нас отрезать и перебить. Когда я пошел на Беверли, я знал направление, но нипочем не нашел бы монастыря без проводника, знающего дороги. Я отыскал Бридлингтон и человека, который вывел нас из ловушки, лишь потому, что побывал там раньше. Улавливаете, к чему веду? Нам известно много всякой всячины, но все зависит от людей. Никто по отдельности не ведает всего, что нам нужно. Маппа должна вобрать знания многих. Тогда мы сможем добраться до мест, где никогда не бывали, определить направления и вычислить расстояния.

– Значит, мы так и сделаем, изготовим познавательную маппу, – твердо сказал Бранд. – Теперь расскажи о богатстве.

– У нас есть еще одно ценное приобретение, – ответил Шеф. – И оно досталось не от христиан. Торвин тебе объяснит. Я выкупил его сам у Мунина, ворона Одина. Выкупил болью. Покажи им, Торвин.

Торвин извлек из-под рубахи тонкую квадратную дощечку. На ней были мелкие руны: каждую выцарапали ножом и наполнили красной краской.

– Это загадка. Тот, кто ее разгадает, найдет клад Редвальда, короля восточных англов. Именно за ним охотился осенью Ивар. Но тайна умерла с королем Эдмундом.

– Вот для чего нужна маппа, – уверенно изрек Шеф. – Если мы запишем каждую мелочь, какую знаем, то в конце концов соберем достаточное число кусочков, чтобы разгадать загадку. Но если не записывать, то успеем забыть первый, когда дойдем до последнего. И вот еще что... – Шеф отогнал непрошеное видение, воспоминание о том, как он взирал на землю с невероятной высоты и прозревал ее так, как не под силу ни единому смертному. – Возьмем хоть эту маппу. В ней сокрыта одна важная мысль. Это как бы вид на мир сверху. Мы словно охватываем взором всю землю целиком, как умеет орел, и в этом заключается способ отыскивать разные вещи.

Задумчивую тишину нарушил шкипер Гудмунд:

– Но прежде чем смотреть и искать, нам нужно решить, куда податься теперь.

– Еще важнее решить, как командовать этой армией и по каким законам она будет жить, – подхватил Бранд. – В Великой армии мы жили по херманна лэгу, древнему завету наших воинов-предков. Но Ивар Бескостный нарушил его, и я не желаю к нему возвращаться. И мне известно, что амулеты есть не у всех, – он со значением посмотрел на Шефа и Гудмунда среди прочих, собравшихся за столом, – но я считаю, что нам придется условиться о новом законе. Я бы назвал его Вегманна лэгом – законом идущих Путем. Правда, первым шагом к нему будет открытый сбор, на котором вся армия решит, кого из нас наделить властью устанавливать порядки.

Они принялись обсуждать сказанное, и Шеф, как часто бывало, унесся мыслями прочь от яростных споров, которые не замедлили разразиться. Он знал, что предстояло армии: покинуть Нортумбрию, убраться подальше от Рагнарссонов; как можно быстрее пересечь шайры Бургреда, могущественного короля Мерсии; утвердиться в осиротевшем королевстве восточных англов и собрать с населения дань в обмен на защиту от королей, аббатов и епископов. Добытые средства удовлетворят даже Бранда.

А сам он пока займется картой. И загадкой. И коль скоро войско Пути возьмется обезопасить шайры от других хищников, придется снабдить его новым оружием. Новыми машинами. Вот что сейчас самое главное.

В уме предстали очертания небывалой катапульты, и он как бы начал чертить – опять же мысленно. Но его отвлек зычный голос, который ворвался в полугрезы, неистово требуя, чтобы совет выделил место для всех потомственных ярлов.

Туда вошел бы его отец Сигвард, отряды которого почти в последний момент присоединились к покидавшей Йорк колонне. Шеф предпочел бы, чтобы Сигвард остался вместе со своим зубастым, как жеребец, сыном Хьёрвардом. Но может быть, им все-таки не придется общаться. Глядишь, армия так и не примет закона о ярлах.

Шеф вернулся к размышлениям, соображая, чем заменить громоздкий противовес. У него вновь зачесались руки – хотелось взяться за молоток.

Глава 8

Через четыре недели этот зуд унялся. Шеф стоял на стрельбище за зимним станом войска идущих Путем, готовый испытать катапульту. Никакой римлянин не признал бы в этой машине творение своей нации.

– Опускай! – крикнул Шеф расчету из восьми человек.

Длинный брус со скрипом опустился к его нетерпеливым ладоням. С двух крюков, закрепленного и свободного, свисала кожаная праща с десятифунтовым булыжником.

– Взялись!

Восемь дюжих викингов, расположившиеся у другого плеча катапульты, ухватились за веревки и напряглись, готовые тянуть. Шеф ощутил, как это плечо прогнулось под их и его весом – оно имело шестнадцать футов в длину и было сделано из ладейной мачты, спиленной чуть выше палубы. Он почувствовал, что вот-вот оторвется от сырой земли.

– Тянем!

Викинги налегли; каждый вложил в рывок всю силу и вес; они сработали дружно и складно, как будто брасопили рею посреди беспокойной Атлантики. Короткое плечо катапульты нырнуло, длинное – взмыло. Петля внезапно закрутилась с ужасающей силой, достигла свободного крюка, который был снят со своего кольца, и опорожнилась.

Булыжник вознесся в пасмурное небо. Показалось, что он надолго завис в высшей точке дуги; затем камень начал длительный спуск и, наконец, расплескал фенлендскую³⁴ грязь в двухстах пятидесяти шагах от катапульты. С десятков зрителей припустили через стрельбище, состязаясь за право схватить снаряд и прибежать с ним обратно.

– Опускай! – гаркнул Шеф во всю мощь легких.

Его помощники, как всегда, не обратили на это ни малейшего внимания. Они ликовали и с гиканьем хлопали друг друга по спинам, разглядывая место, куда угодил булыжник.

– Считай, на целый фарлонг улетел! – воскликнул кормчий Бранда Стейнульф.

– Опускай! Это проверка на скорость! – закричал Шеф опять.

Команда мало-помалу вспомнила о его существовании. Корабельный повар Ульф неторопливо подошел и похлопал Шефа по спине.

– На скорость проверишь, когда нагнешься без портков, – сказал он дружески. – Если понадобится стрелять быстро, мы сделаем. А сейчас пора и заправиться.

Его товарищи согласно кивнули и сняли свои джеркины с похожего на виселицу каркаса катапульты.

– Знатно потешились, – похвалил гебридец Кольбейн, щеголявший новеньким амулетом Пути, фаллосом Фрейра. – Жрать охота, вернемся завтра.

Шеф гневно и разочарованно проводил их взглядом до частокола, за которым теснились палатки и наспех сработанные лачуги зимнего лагеря идущих Путем.

Идея усовершенствованной катапульты пришла ему в голову при наблюдении за рыбаками Ордлафа, когда те натягивали снасти. Мощь гигантской камнеметной машины йоркских монахов, разломавшей таран Рагнарссонов три месяца назад, обеспечивалась противовесом. Сам же противовес поднимался стараниями людей, которые были приставлены к лебедке. Все, что он совершал на самом деле, – заряжался силой людей, приложенной к рукоятям.

«Зачем накапливать эту силу? – спросил себя Шеф. – Не проще ли привязать веревки к короткому плечу и налегать прямо на него?»

Новая машина, которую викинги прозвали тяниметалкой, безусловно подходила для стрельбы небольшими камнями, грубо обтесанными в шары.

Она была по идеально прямой траектории, а прицелиться удавалось с погрешностью в пару футов. Снаряды буквально крошили мишень, превращая в пыль камни и пробивая, как бумагу, щиты. Когда викинги научились стрелять с наибольшим эффектом, дальность броска устойчиво повысилась до восьмой части мили. И Шеф был уверен, что, если бы его слушали и делали как велено, он мог бы довести скорострельность до десяти камней за время, необходимое для счета до ста.

Но его отряд не видел в катапульте оружие. Для викингов это была просто игрушка. Может, она однажды и пригодится против стены или частокола. Пока же она разгоняла скуку, царившую в зимнем лагере на болотах, где были строго запрещены даже обычные развлечения викингов, сводившиеся к набегам на окрестные селения в поисках денег и девок.

Шеф, напротив, считал, что метательные устройства хороши во всем. Их можно применять и против кораблей, и против армий на суше. Как выстоять строю под градом булыжников, который обрушивают воины, недостижимые для луков, когда каждый снаряд неизбежно несет смерть или увечье?

Он осознал, что на него смотрит и скалится ватага возбужденных людей. Рабы. Беглецы из Норфолка и владений короля Мерсии, привлеченные в лагерь на болотистую равнину меж реками Нин и Уэлленд неслыханной вестью о том, что здесь с них снимут ошейники и будут кормить за службу. Им сказали, хотя они и не поверили, что новые хозяева не вернут их в рабство, когда снимутся с места.

³⁴ Фенленд – местность в Кембриджшире и Линкольншире. В описываемое время была сильно заболочена.

У каждого оборванца было по десятифунтовому камню из тех, что они обтесывали день или два при помощи пары дрянных зубил, которых не пожалел Торвин.

– Ладно, – сказал Шеф. – Вытаскивайте колья, разбирайте машину, снимайте балки и заворачивайте в парусину.

Люди замешкались и переглянулись. Один, которого вытолкнули остальные, потупил взор и сбивчиво залепетал:

– Мы вот что подумали, господин. Ты родом из Эмнета и говоришь по-нашему, да и вообще... Ну и тогда...

– Ближе к делу.

– Мы решили, что раз ты из наших, то, может быть, дашь нам стрельнуть.

– Мы знаем, как это делается! – крикнул другой. – Смотрели. Мы не такие бугаи, но тянуть сможем!

Шеф взгляделся во взволнованные лица, оценил хилые от бескормицы мускулы. «Почему бы и нет», – подумал он. Ему всегда казалось, что главное в этом деле – голая сила и подбаюющий вес. Сейчас же пришла мысль: что, если важнее слаженность действий? Возможно, двенадцать тщедушных англичан управятся не хуже восьми тяжеловесов-викингов. Это было бы исключено, если бы речь шла о топорах и мечах. Но недавние рабы, по крайней мере, будут делать все, что им прикажут.

– Хорошо, – согласился он. – На пробу метнем пять штук. Потом посмотрим, сколько вы бросите, пока я двадцать раз сосчитаю до пяти.

Вольноотпущенники возликовали и устремились к веревкам.

– Погодите! Это будет испытание на скорость. Поэтому сначала сложите камни в кучу, чтобы не тратить времени на ходьбу. Теперь слушайте внимательно...

Спустя час новые подручные ушли складировать машину, которую уже называли своей, а Шеф задумчиво направился к хибаре Хунда и Ингульфа, где находились раненые и больные. Хунд встретил его на пороге, вытирая окровавленные руки.

– Как у них дела? – спросил Шеф.

Он имел в виду пострадавших при испытании другой машины – катапульты с подкруткой, или крутопульты, как называли ее викинги: того самого гигантского арбалета, который избавил от мук короля Эллу.

– Жить будут. Один лишился трех пальцев. Мог остаться без кисти, а то и без руки. Другому вдавило добрую часть ребер. Ингульфу пришлось резать, чтобы достать обломок из легкого. Но рана заживает хорошо, я только что нюхал швы. Гниения нет. Это уже двое за четыре дня, кого изувечила твоя машина. Что с ней неладно?

– С машиной все в порядке. Беда с этими норманнами. Они силачи и тем гордятся. Закручивают зубчатку туго-натуго, а потом один налегает всей дурью на рычаг, чтобы провернуть еще разок. Плечо лука срывается, и готово дело – увечье.

– Значит, виновата не машина, а люди?

– Вот именно. Мне нужны помощники, которые будут слушать, что им говорят.

– Таких у нас маловато.

Шеф посмотрел на друга в упор:

– Таких, которые не знают норвежского.

Семена его мыслей упали в благодатную почву.

Теперь, когда наступили зимние ночи, он будет вооружаться свечой и продолжать работу над новой мапшой – подлинной картой Англии.

– Из приличной еды, как я понимаю, ничего не осталось, но каша-то найдется?

Хунд молча вручил ему свой котелок.

* * *

Сигвард неуверенно огляделся. Жрецы Пути соорудили священный круг, отгородились веревками с гроздьями рябины, вкопали копьё и развели костер. Простых мирян опять не пустили, и в полумраке под навесом из паруса не было никого, кроме шести жрецов в белых одеждах и Сигварда, ярла Малых Островов.

– Настало время выяснить, Сигвард, насколько ты уверен, что приходишься отцом юному Шефу, – проговорил жрец Фарман.

– Это его слова, – ответил Сигвард. – Все так считают. И то же говорит его мать, а ей должно быть известно. Конечно, она могла сойтись с кем-то другим, как только сбежала от меня, – понятное дело, баба впервые осталась без присмотра. Могла и позабыться. – Он оскалил желтые зубы. – Но я так не думаю. Она была из благородных.

– Пожалуй, основное я знаю, – сказал Фарман. – Ты забрал ее у мужа. Но вот чего я никак не возьму в толк: она сбежала от тебя, – во всяком случае, так мы слышим. Ты всегда настолько беспечен со своими пленниками? Как ей это удалось? И как она сумела вернуться к мужу?

Сигвард машинально почесал подбородок:

– Прошло уже двадцать лет. Но это было забавно. Я помню очень хорошо. Случилось вот что. Мы возвращались с юга. Не очень прибыльный выдался набег. На обратном пути я решил заглянуть в Уош, нет ли там чего путного – просто наудачу. Дальше все как обычно. Выгрузились на берег. Везде англичане, тоже как всегда. Мы заглянули в эту мелкую деревушку, Эмнет, и забрали всех, кого нашли. Среди них оказалась танова жена – забыл уже, как звали. Но саму ее запомнил. Она была хороша. Я взял ее себе. Мне было тридцать, а ей – лет двадцать. Союз неплохой. У нее был ребенок, так что распахана будь здоров. Но мне показалось, что муж ей не очень люб. Поначалу она дралась как кошка, но к этому я привычный – бабе приходится так поступать, чтобы ее не приняли за шлюху. Она взялась за дело всерьез, когда поняла, что проиграла вчистую. У нее была особая манера – приподниматься со мной на пару, когда собиралась кончить.

Торвин осуждающе хмыкнул. Фарман дал ему знак замолчать, держась за высушенный конский уд, который обозначал его служение так же, как молот – послушание Торвина.

– Но ладью качало, и это мешало потехе. Мы прошли чуток выше вдоль берега, и я нашел приличное место. Решил устроить небольшой strandhögg³⁵. Разжечь костры, обогреться, мяса пожарить, вылебать пару бочонков эля да поразвлечься вечерком. Надо было поднять ребятам настроение перед плаванием. Но мы, разумеется, были начеку и береглись даже англичан. Вот, значит, выбрал я место. Песчаная полоса, позади – надежные высокие скалы да еще ручей, который бежал через вымоину. Я поставил там пяток человек караулить девок и еще по одному – на утесы с обеих сторон, чтобы дули в рог, если заметят чужой отряд. У каждого был кол, а к колу привязан канат. При виде неприятеля они должны были протрубить и спуститься по канатам, а застава от ручья примчалась бы своим ходом. У нас было три ладьи, мы их закрепили носами на берегу, а с кормы – якорями. Начнись спешка, нам всего и пришлось бы отдать швартовы, выбрать якоря и поставить паруса. Но главное, я запечатал берег накрепко, как брюхо монашки.

– Тебе ли не знать, – заметил Торвин.

Сигвард снова оскалил зубы:

– Мне до епископа далеко.

– Но женщина скрылась, – напомнил Фарман.

³⁵ Высадка на берег (др. – сканд.).

– Верно. Мы позабавились. Я взял ее на песке, дважды. Стемнело. Нет, я не пустил ее по кругу, но у ребят был десяток девиц, и они менялись, так что мне захотелось поучаствовать – эх! Мне было тридцать, куда там! И я оставил одежду на песке, а бабу посадил в ладью. Выбрал кормовой канат ярдов на тридцать и скоренько отплыл. Бросил ее там, нырнул и поспешил обратно. Приметил на берегу знатную белокурую толстуху, она аж визжала. Но через какое-то время ребята подняли крик, а я сижу себе с жареным ребром в одной руке и кружкой эля в другой. Сразу за кострами на песке было что-то громадное. Мы решили, что выбросило кита, но когда добежали, эта тварь засопела и кинулась на самого первого. Он отскочил, мы начали искать оружие. Я подумал, что это, должно быть, hrosswhale. Его еще называют моржом. И тут с утеса понеслись дикие крики. Там стоял малый по имени Стиг, и он звал на помощь. Учтите: не в рог трубил, а кричал. Казалось, он с кем-то сражается. Ну я и полез по канату взглянуть, что там стряслось.

– И что это было?

– Я ничего не увидел, когда добрался до места. Но он чуть не плакал и твердил, что на него напал скоффин.

– Скоффин? – переспросил Фарман. – Что это такое?

Скальдфинн расхохотался:

– Почаще слушай старух, Фарман! Скоффин – это то же самое, что скуггабальдур, только наоборот. Исчадь не кота и лисы, а лиса и кошки.

– Короче говоря, – попытожил Сигвард, – к тому времени начался страшный переполох. Поэтому я оставил Стига, велел ему не быть дураком, съехал по канату и приказал всем возвращаться на борт. Но когда мы погрузились в ладью, там уже не было женщины. Мы обыскали берег. Я допросил караул у ручья – они не стронулись ни на дюйм, пока мы собирались, и поклялись, что мимо них никто не прошел. Я поднялся по канатам поочередно на оба утеса. Никто ничего не видел. Под конец я так разозлился на всех, что сбросил Стига с утеса за его нытье. Он сломал шею и помер. Дома мне пришлось заплатить за него вергельд. Но женщину я так и не видел до минувшего года. А тогда был слишком занят, чтобы расспрашивать.

– Мы знаем, чем ты был занят, – проворчал Торвин. – Делами Бескостного.

– И что ты скулишь об этом? Христианин, что ли?

– Она могла просто уплыть в суматохе, – заметил Фарман. – Ты-то поплыл к берегу.

– Тогда уж полностью одетой, потому что ее одежда тоже исчезла. И не сразу на берег, а в обход скал да в кромешной тьме. Потому что я совершенно уверен: на берегу ее не было.

– Морж. Скоффин. Женщина, которая исчезает и вновь возникает уже с ребенком, – задумчиво произнес Фарман. – Все это можно объяснить. Но по-разному.

– Вы думаете, что это не мой сын! – вспылил Сигвард. – Считаете его сыном кого-то из ваших богов. Ну так я вам скажу: я почитаю только богиню Ран, которая обитает в глубинах и привечает утонувших моряков. А что касается Иномирья, про которое вы толкуете, да видений, которыми похваляетесь, – я слышал, как в лагере судачили об этом вашем Пути, – то мне сдается, что все это от пьянства и прокисшей жратвы, а болтовня одного заражает другого, покуда каждый не поделится своей байкой, чтобы не отставать от других. Это такая же чушь, как скоффины. Парень – мой сын. Он похож на меня. Он и ведет себя, как я в молодые годы.

– Он ведет себя как мужчина, – огрызнулся Торвин. – А ты как зверь в пору гона! Ты много лет жил безнаказанно и без всякого сожаления о содеянном, но я скажу, какая ждет тебя участь. Наш поэт побывал в аду и вот что сказал:

Много я видел мужей, стенающих в муках,
Ходящих во скорби путями ада.
Их лица разъяты и красным сочатся,
Им кара за женское горе навеки.

Сигвард встал, положив левую руку на рукоять меча:

– А я отвечу тебе стихами получше. Скальд Бескостного сложил их в прошлом году на смерть Рагнара:

Мы сотворили брань. И славно, говорю,
Коль любодей сойдется с любодеем, воздев клинок,
Не уклонясь от сечи. Сын войны
В бою добудет жен, стезей ступая дренгра.

Вот стихи, приличествующие воину! Тому, кто знает, как жить и как умирать. Сколько бы женщин он ни заставил рыдать, ему всегда найдется место в палатах Одина! Это стихи для викинга. Не для слабака.

Молчание нарушил Фарман, сказавший кротко:

– Да полно, Сигвард. Мы благодарны за твою повесть. Не забудем, что ты ярл иходишь в совет. Ты же помни, что отныне живешь по закону идущих Путем, и то, что ты думаешь о наших верованиях, не имеет значения.

Он разомкнул ограждение, чтобы выпустить Сигварда. Когда ярл ушел, жрецы принялись негромко совещаться.

Шеф, который был не Шеф, знал, что окружавшая его тьма не нарушалась светом дважды по сотне лет. Какое-то время каменное вместилище и почва вокруг него освещались гнилостным мерцанием, которое выхватывало из мрака беззвучную борьбу сонма личинок, поглощавших тела, глаза, потроха и костный мозг всех тех, кто там находился. Но личинок не стало, а многочисленные трупы умалились до белых костей, таких же твердых и покойных, как оселок под его собственной безмякотной рукой. Они превратились в безжизненные предметы, которые неоспоримо принадлежали ему так же, как сундуки и ящики вокруг кресла, как и само это кресло – массивное высокое сооружение, где он устроился навеки семь поколений тому назад. Оно подгнило вместе с хозяином, и оба проросли друг в друга. Но фигура сидела неподвижно и прозревала пустыми глазницами землю.

Он, этот самый хозяин, помнил, как его усадили. Прокопали огромный ров, настелили бревна, вкатили ладью и по его приказу установили кресло на корме у рулевого весла. Он сел и положил на один подлокотник точильный камень с резными свирепыми лицами, а на другой – свой широкий меч. И кивнул людям, повелевая продолжать. Те же сперва подвели и закололи его боевого скакуна, затем умертвили ударом в сердце четверку лучших псов. Он смотрел неотрывно, дабы увериться в кончине всех. Он не собирался делить свою вечную гробницу с хищником, угодившим в капкан. Потом были соколы, которым ловко свернули шею. За ними последовали женщины, две красавицы, которые рыдали и голосили, несмотря на маковый отвар, насильно им данный; их задушили быстро.

Затем внесли сундуки; каждый тащили двое, кряхтя от натуги. Он снова внимательно проследил, чтобы не было ни задержки, ни ропота. Слуги придержали бы его сокровища, если бы посмели. Откопали бы их, если бы отважились. Они не рискнут. Курган будет на протяжении года исторгать голубоватое гнилостное свечение; факельщик зажжет погребальный костер, воспламенив зловонные подземные испарения. Предания об этом будут распространяться, пока все не исполнятся ужаса перед усыпальницей Кара Старого. Если для Кара это было усыпальницей.

Составив сундуки, люди начали возводить настил над чревом ладьи с ее грузом трупов. Другие укладывали камни вокруг и позади Кара, пока их гряда не достигла вершины трона с его шелковым балдахином. Поверх возложили прочные балки, которые прикрыли свинцовым листом. Ноги и грудь обернули просмоленной холстиной. Со временем дерево сгниет, ладейное

узилище засыплет земля и мертвые женичины смешаются с живыми. Но он так и будет сидеть, взирая поверх них, недоступный для грунта. Их погребли мертвыми. С ним этого не случится.

Когда все было сделано, перед креслом возник человек: Коль, сын Кара Старого, – Коль Скупой, как прозвали его люди. «Готово, отец», – молвил он, и ненависть в его лице боролась со страхом.

Кар кивнул, его взор был немигающим. Он не станет прощаться с сыном и желать ему удачи. Если бы в жилах Коля струилась черная кровь его предков, он разделил бы с отцом гробницу и предпочел вечно сидеть при соковищах, нежели передать их новому королю, который надвигался с юга, и благоденствовать в бесчестии, быть недокоролем.

Шестеро доверенных воинов принялись забивать рабов-строителей и укладывать их вокруг корабля. Затем они выбрались наружу вместе с сыном Кара. Комья земли пали на настил, быстро скрыв короля вместе с досками, холстиной и свинцовым листом. Кар смотрел, как земля медленно поднималась, достигнув сначала колен, потом груди. Не шелохнулся, даже когда она посыпалась в самую усыпальницу и покрыла лежащую на оселке кисть.

Но слабый свет еще проникал. Земля прихлынула вновь. Свет погас, мрак сгустился. Кар наконец откинулся на спинку, вздохнув довольно и облегченно. Теперь все устроилось как должно. И так останется навсегда. Его достояние пребудет с ним.

Он задумался, умрет ли в этом склепе. Что может его убить? Это не имело значения. Живой или мертвый, он всегда будет одним и тем же. Хаугби, обитателем могильного холма.

Шеф резко очнулся, хватая ртом воздух. Он обливался потом под грубым одеялом. Нехотя откинув его, со стоном скатился с подвесной койки на сырой земляной пол. Его обжег ледяной воздух, и он схватил свою пеньковую рубаху, надел, потом нащупал тяжелую шерстяную котту и штаны.

«Торвин говорит, боги посылают мне эти видения, чтобы наставить. Но что я узнал? На этот раз не было никаких машин».

Откинулся холщовый полог, который прикрывал вход в палатку, и внутрь скользнул вольноотпущенник Падда. Снаружи поздний январский рассвет явил взору только густой туман, поднимающийся с раскисшей земли. Сегодня вся армия будет кутаться и проваливается допоздна.

Людей из сновидения звали Кар и Коль. Они говорили не по-английски. Правда, и не по-норвежски. Но именно норманны были мастера сокращать имена. Гудмунд был для друзей Гумми, Тормот стал Томми. Так же поступали и англичане. Взять хотя бы имена из загадки короля Эдмунда: «Вуффа, отпрыск Веххи...»

– Падда, как твое полное имя? – спросил Шеф.

– Пальдрихт, господин. Но с тех пор как мать померла, меня так не называли.

– А «Вуффа» от чего пошло?

– Не знаю. Может быть, от «Вульфстан». От чего угодно. Когда-то я знал некоего Виглафа. Очень благородное имя. Так мы его тоже звали Вуффой.

Шеф размышлял, а Падда начал раздувать угли, оставшиеся с ночи.

Вуффа, сын Веххи. Вульфстан, или Виглаф, сын... Веостана или, может быть, Веоварда. Непонятные имена – придется разузнать о них побольше.

Покуда Падда возился с дровами, водой, котлами и вечной кашей, Шеф извлек из промасленного тряпочного футляра пергаментную маппамунди и накрыл ею стол на козлах, придавив уголки. Его больше не занимала лицевая сторона с христианской картой. На обороте он чертил другую – карту Англии, где отмечал все, что знал. Сперва он наносил примерные контуры, названия и расстояния на черновик из бересты и, только проверив сведения и убедившись, что те совпадают с уже известными, записывал их чернилами на самом пергаменте. Тем не менее карта росла на глазах, густая и точная в отношении Норфолка и Болотного края; спорная и с пробелами для Нортумбрии за пределами Йорка; девственно-чистая на юге, если

не считать Лондона, что на Темзе, и Уэссекса, который был неопределенно указан к западу от него.

Впрочем, Падда нашел среди вольноотпущенников человека из Суффолка. В обмен на завтрак тот посулил рассказать о своем шайре все, что знал.

Шеф велел его позвать и, когда тот вошел, разложил чистую бересту и проверил, остер ли его инструмент.

– Расскажи мне все о местности в твоём шайре. Начни с рек. Я уже знаю Яр и Уэверли.

– Стало быть, так, – задумался уроженец Суффолка. – Ниже будет река Олд, она выходит к морю в Олдборо. Дальше – Дебен. Впадает в море на десять миль к югу от Олдборо, подле Вудбриджа, где, сказывают, покоятся старые короли. У нас они были в Суффолке, свои королито, пока не пришли христиане...

Через считанные минуты Шеф отчаянно стучался в кузницу, где Торвин готовился потратить очередной день на ковку зубчаток для крутопульта.

– Собирай военный совет, – потребовал Шеф.

– Зачем?

– Похоже, я знаю, как Бранду разбогатеть.

Глава 9

Экспедиция выступила через неделю, под пасмурным небом, спустя час после рассвета. Совет армии идущих Путем отказался снять лагерь и тронуться всем войском. На отмелях Велланда еще стояли корабли, нуждавшиеся в охране. Лагерь служил не только теплым пристанищем на оставшиеся месяцы зимы – в нем хранились тщательно собранные запасы продовольствия. И невозможно было отрицать, что многие члены совета не захотели поверить страстной убежденности Шефа в том, что его маппа содержит секрет сокровищ, накопленных многими поколениями.

Но было ясно, что несколькими отрядами не обойтись. Королевство восточных англов перестало быть таковым, все его могучие воины и благородные таны были мертвы. Тем не менее местное население могло дать отпор, будучи спровоцировано. Небольшой отряд викингов несложно отрезать и уничтожить превосходящими силами. Бранд пробасил, что пусть затея дурацкая, но ему не хочется однажды утром быть разбуженным летящими в лагерь головами товарищей. В конечном счете Шефу позволили собрать добровольцев. Найти таковых труда не составило – в зимнем лагере царила скука.

В путь выступила тысяча конных викингов – восемь длинных сотен и еще сорок душ, построившихся, как было принято, поэкипажно. Сотни лошадей, которых английские трэллы вели в поводу, везли палатки и постельные принадлежности, продовольствие и эль. Правда, в середине колонны имелось кое-что новое: вереница повозок, груженных канатами, балками, колесами и рычагами; все элементы были аккуратно помечены для сборки. Дюжина камнеточных машин и восемь крутопульт-арбалетов – все машины, какие Шеф с Торвином успели построить за несколько недель зимовки. Оставить их было нельзя – забросят, разломают и растащат на дрова. В них вложили слишком много труда, чтобы смириться с таким исходом.

Повозки сопровождалась толпой трэллов-перебежчиков, и каждый расчет шагал при своей катапульте под началом одного командира из первого десятка, взятого Шефом на службу. Викингам это не нравилось. Да, в трэллах нуждалась любая армия – копать выгребные ямы, разводить костры, чистить лошадей. Но чтобы их было столько? И всех кормить? Да еще начинают воображать, будто они вовсе и не трэллы? Даже приверженцы Пути не признавали равенства с людьми, не говорившими по-норвежски. Не посмел предложить этого и Шеф.

Он доходчиво объяснил Падде и остальным командирам машинных расчетов, что лучше бы их людям держаться тишком. «Коли велят растолочь зерно или поставить палатку, так выполняйте и не перечьте, – внушал он им. – А если вас не зовут, то и не путайтесь под ногами».

И все же ему хотелось, чтобы его новобранцы почувствовали разницу. Чтобы гордились быстротой и сноровкой, с которыми они разбегались по своим местам, налегали на рычаги и поворачивали балки.

Отныне все, кто состоял при катапульте, носили одинаковые серые джеркины из грубой мешковины, которые надевали поверх изначальных лохмотьев. На каждом, сзади и спереди, тщательно вышили белый двуглавый молот. Кроме того, все были препоясаны ремнями или хотя бы шнурами, и каждый, кто имел нож, цеплял и его.

«Может, и получится», – подумал Шеф, глядя на скрипучие повозки, на викингов – направляющих и замыкающих и на приодетых вольноотпущенников посередине. Не приходилось сомневаться, что недавние рабы уже намного лучше, чем норманны, освоили катапульты. И они не теряли бодрости даже в промозглый зимний день.

Небо расколол странный звук. Впереди обоза шел Квикка – трэлл, прибывший несколько дней назад. Убегая с острова Кроулэнд, из обители Святого Гутлака, он прихватил волынку. И вот он ведет повозки, раздувая щеки и резко вжимая пальцы в костяную дуду. Его товарищи приободрились и зашагали живее, иные присвистывали в унисон.

Викинг с торчащими резцами, ехавший в авангарде, озлобленно развернул коня. Шеф узнал единоутробного брата Хьёрварда Сигурдссона. Сигвард не замедлил присоединиться к экспедиции со всеми своими командами, развив такую прыть, что отказать ему было нельзя, и опередив даже Торвина, гебридцев и все еще сомневавшегося Бранда. И вот Хьёрвард угрожающе затрусил к волынщику, наполовину обнажив меч. Музыка расстроилась и смолкла.

Шеф въехал между ними, спрыгнул с коня и передал поводья Падде.

– Ходьба согревает, – заметил он, пристально глядя снизу вверх на Хьёрварда. – Музыка бодрит. Пусть играет.

Поколебавшись, Хьёрвард резко развернул свою лошадь и бросил через плечо:

– Делай как знаешь. Но слух воинов услаждают арфы. Дудку слушают только хорнунги.

«Хорнунг, гаддерлинг, – подумал Шеф. – Сколько слов для бастарда! От этого мужчины не перестанут брюхатить женщин. Быть может, Годиву постигла такая же участь».

– Продолжай! – крикнул он волынщику. – Сыграй «Рябиновый пляс» для Тунора, сына Вотана³⁶, и пусть монахи отправятся в ад!

Волынщик, ободренный дружным и дерзким свистом, возобновил игру, теперь уже громче и перейдя на дерганый квикстеп. Повозки, влекомые терпеливыми волами, тронулись вновь.

* * *

– Уверен ли ты, что король Бургред намерен править восточными англами? – осведомился Этельред.

Вопрос завершился приступом лающего кашля, который, как показалось, унялся, но вдруг одолел короля вновь.

Этелинг Альфред, младший брат Этельреда, взглянул на него с тревогой. И с вынужденным расчетом. У отца Альфреда, уэссекского короля Этельвульфа, победителя викингов при Оукли, было четверо могучих сынов: Этельстан, Этельбальд, Этельберт и Этельред. К тому времени, когда родился пятый, казалось маловероятным, что он когда-нибудь воссядет на

³⁶ То есть для Тора, сына Одина, – Шеф называет их на английский лад.

трон, а потому приставку «Этель-», которая отличала королевскую династию Уэссекса, сочли ненужной. Его называли Альфредом в честь мужчин из рода его матери.

Но теперь отец и трое крепких сынов были мертвы. Никто из них не погиб в бою, но всех извели викинги. Они зимовали и летоовали в походах, спали в мокрых плащах, пили воду из ручьев, которые текли через военные лагеря, где воинам было начхать, куда сливать помои и справлять нужду. Они скончались от кишечных колик и легочных болезней. Теперь же кашель донимал Этельреда. «Сколько он протянет?» – раздумывал Альфред, который мог оказаться последним принцем королевского дома Уэссекса. Впрочем, пока этого не случилось, он был обязан служить.

– Совершенно уверен, – ответил Альфред. – Он прямо так и сказал. Когда я уезжал, Бургред собирал войско. Но действует он не слишком открыто. Он посадит наместником выходца из Восточной Англии. Тем паче что у того есть тотем. Тот самый человек без рук и ног, о котором я говорил.

– Так ли это важно? – Этельред устало промокнул пену на губах.

– У восточных англов двадцать тысяч хайдов³⁷ земли. Вместе с тем, что Бургред уже имеет, это сделает его сильнее нас, намного сильнее нортумбрийцев. Поверь мы, что он будет воевать только с язычниками... Но он может предпочесть более легкую добычу и заявить, что его долг – объединить все английские королевства. Включая наше.

– И что же делать?

– Мы должны заявить о наших притязаниях. Смотри, Эссекс уже наш. Сейчас граница между Эссексом и Саутфолком проходит...

Двое мужчин, король и принц, принялись методично выработать основу для территориальных претензий и намечать разделительную черту. Они не представляли себе обсуждаемых областей и знали только, что «эта река» протекала севернее «вон той», а «этот город» находился в том или ином шайре. Споры подрывали и без того слабое здоровье Этельреда.

– Уверен ли ты, что они раскололись? – резко спросил Ивар Рагнарссон.

Гонец кивнул:

– Почти половина ушла на юг. Осталось, может быть, двенадцать длинных сотен.

– Но драки не было?

– Нет. В лагере говорят, что у них был какой-то чертеж, объясняющий, как найти сокровища короля Ятмунда, которого ты превратил в кровавого орла.

– Пустое, – рыкнул Ивар.

– Ты слышал, сколько они взяли в монастыре Беверли? – спросил Хальвдан Рагнарссон. – Тысячу фунтов серебра и столько же золота. Это больше всего, что мы собрали вообще. Паренек башковит. Тебе следовало помириться с ним после хольмганга. Такого лучше иметь в друзьях, чем во врагах.

Ивар повернулся, бледнея лицом в своем знаменитом приступе ярости. Хальвдан невозможно выдержал бешеный взгляд светлых глаз. Рагнарссоны никогда не шли друг на друга. В этом крылся залог их могущества, что понимал даже Ивар при всем его безумии. Он вымещал гнев на ком-то постороннем. Иное дело – сохранить тайну, но с этим они раньше справлялись.

– Но теперь-то он враг, – решительно сказал Сигурд. – Осталось понять, главный ли это недруг на сегодняшний день. И если да... Ступай отсюда, гонец.

Дело было в Эофорвике, во дворце короля Эллы, где всюду гуляли сквозняки. Братья склонились друг к другу и начали прикидывать численность войск, нормы довольствия, расстояния и возможности.

³⁷ Мера земельной площади, равная 100 акрам.

* * *

– Мудрость змеи, кротость горлицы, – удовлетворенно изрек архидиакон Эркенберт. – Наши враги уже истребляют себя.

– Это так, – согласился Вульфхер. – Язычники причиняют много хлопот, и королевства пошатнулись. Но придет день Господень, и земля и все дела на ней сгорят³⁸.

Они говорили громко, пытаясь перекрычать клацанье штемпелей, которые мирские монахи, трудившиеся на монастырском монетном дворе, приставляли к серебряным чушкам и с силой ударяли молотками, чеканя рисунок, после чего брали следующий штемпель. Сначала выбивался ворон с распростертыми крыльями – знак Рагнарссонов. Затем шли буквы: SPM – Sancti Petri Moneta³⁹.

Рабы в ошейниках сновали с мешками угля, выкатывали тележки с отбракованными свинцом, медью и шлаком. К серебру допускали только полноправных монахов, имевших долю в имуществе Минстера. А если кому-то взбрела в голову мысль о личной выгоде, напоминанием ему служили устав святого Бенедикта и право архиепископа осуществить названное там наказание. Здешних монахов давно уже не забивали насмерть и не замуровывали в стены живьем, но такие случаи были известны.

– Они в руке Божией, – заключил архиепископ. – Гнев Господень не может не пасть на тех, кто разграбил монастырь в Беверли.

– Но Божий промысел вершится чужими руками, – напомнил Эркенберт. – И мы должны призвать эти руки на помощь.

– Королей Мерсии и Уэссекса?

– Нет, силу более могущественную.

Вульфхер взглянул на него сперва удивленно, затем с сомнением и, наконец, с пониманием. Эркенберт кивнул:

– Скрепи печатью мое письмо. Оно отправится в Рим.

На лице Вульфхера отразилось удовольствие, а то и предвкушение радостей Священного города, о которых ходило немало слухов.

– Это крайне важное дело, – объявил он. – Я сам отвезу письмо в Рим.

* * *

Шеф задумчиво рассматривал оборотную сторону своей маппы, карты Англии. Понятие о масштабе открылось слишком поздно, когда работа была уже наполовину готова. И вышло так, что Суффолк неимоверно раздулся, заняв целый квадрант пергамента. С краю же было подробно изложено все, что удалось выяснить о северном берегу Дебена.

«Все сходится, – подумал он. – Там стоит город Вудбридж⁴⁰. О нем говорится в первой строчке стиха, и речь наверняка идет о городе, потому что иначе получается бессмыслица: все мосты и так деревянные. Но еще важнее слова о том безымянном месте и броне. Там находятся курганы, где похоронены старые короли. А что это за короли? Раб не знал имен, зато хелмингемский тан, который продал нам медовуху, перечислил предков Редвальда Великого, и среди них были Виглаф и его отец Веостан, то есть Вуффа, отпрыск Веххи».

Если раб помнил правильно, то курганов было четыре, и они выстроились в неровную линию, которая протянулась с юга на север. Клад находится в самом северном.

³⁸ 2 Петр. 3: 10 (искаж.).

³⁹ Монета Святого Петра (лат.).

⁴⁰ То есть «деревянный мост».

Почему курган не разграбили? Почему его не охраняли, если король Эдмунд знал, что там закопаны сокровища его королевства?

Не исключено, что и охраняли. Но не люди. Раб считал именно так. Он умолк, когда понял замысел Шефа. Теперь его не могут найти. Он предпочел быть схваченным, нежели грабить могилу.

Шеф переключился на практические вопросы. Землекопы, часовые. Лопаты, веревки, ящики и стропы для поднятия почвы с глубины. Освещение – он не хотел заниматься раскопками среди бела дня под любопытными взглядами местных жителей.

– Скажи-ка, Торвин, – произнес он. – По-твоему, что мы найдем в этом кургане? Кроме золота, на которое надеемся?

– Корабль, – коротко ответил Торвин.

– За милю от воды?

– Взгляни на свою карту. Видишь, у тебя там уклон? Курганы сделаны в форме кораблей. А тан сказал нам, если не соврал, что Виглаф повелевал морями от берегов Швеции. У меня на родине даже богатых землевладельцев хоронят, если они могут себе это позволить, сидячими прямо в лодках. Они думают, что так им удастся доплыть до Одайнсакра – Берега Немертвых, где они присоединятся к своим предкам и богам-асам. Я не говорю, что они заблуждаются.

– Что ж, скоро узнаем.

Шеф посмотрел на садившееся солнце, выглянул из палатки на отобранных людей, которые молча готовились выступить в путь, – пятьдесят стражников-викингов и двадцать англичан-землекопов. Они тронутся с места лишь с наступлением темноты.

Когда он встал, чтобы и самому заняться сборами, Торвин поймал его за руку:

– Не относись к этому слишком беспечно, юноша. Я не верю – не очень верю – в драугров и хаугби, живых мертвецов и драконов из трупных хребтов. Однако ты вздумал ограбить мертвых. О таких делах сложено много преданий, и все они говорят одно: мертвые отдадут свои сокровища, но только после борьбы. И только за плату. Ты должен захватить с собой жреца. Или Бранда.

Шеф помотал головой. Они уже поспорили об этом. Он оправдывался, приводил аргументы. В них не было ни слова правды. Шеф считал, что он один имеет право на клад, которое даровал ему умиравший король. Он вышел из палатки в сгущавшиеся сумерки.

* * *

Много часов спустя сидевший на корточках у черного зева ямы Шеф услышал, как кирка налетела на древо. Он сразу выпрямился. Ночь выдалась еще та, не скоро забудешь. Сверяясь с картой, они без труда нашли нужное место. Никто им не встретился. Но где именно копать? Стражники и землекопы сбились в кучу, молча ожидая распоряжений. Шеф велел зажечь факелы и поискать, не потревожена ли где почва. Но в тот же миг, когда занялась первая просмоленная тряпка, из кургана ударил в небеса столб голубого пламени. Шеф сразу лишился половины землекопов – те попросту растворились в потемках. Викинги оказались куда храбрее, они мгновенно обнажили мечи и приготовились отразить натиск мстительных мертвецов. Но даже Жадный Гудмунд, самый заядлый охотник за сокровищами, вдруг растерял всякую прыть.

– Мы чуток разойдемся, – буркнул он. – Посмотрим, чтобы никто не подступил.

После этого викинги скрылись из виду. Должно быть, они затаились где-то во тьме, мелкими группами и спиной друг к другу. Шеф остался с десятью англичанами-вольноотпущенниками, которые клацали зубами от страха. Не имея толкового плана, он просто поставил их всех на курган и приказал копать сверху вниз настолько близко к центру, насколько сумел рассчитать.

Наконец они на что-то наткнулись.

– Что там, ящик? – в надежде спросил он, заглянув в яму.

Единственным ответом стало отчаянное дерганье за веревки, спущенные на восьмифутовую глубину.

– Они хотят выбраться, – пролепетал один из людей, стоявших вокруг.

– Тогда тяните.

Перепаханных землекопов медленно подняли наверх. Шеф терпеливо, как мог, ждал отчета.

– Там не ящик, господин. Это лодка. Дно лодки. Ее, наверное, перевернули и так закопали.

– Ну так пробейте ее!

Недавние рабы замотали головами. Один молча протянул свою кирку. Другой передал едва горевший еловый факел. Шеф взял и то и другое. Он понял, что больше добровольцев не будет. Воткнув алебарду поглубже в землю, он проверил якорное крепление и обвел взглядом помощников, от которых в ночи остались только белки глаз.

– Будьте при веревке.

Покорные кивки. Держа кирку и факел в одной руке, Шеф неуклюже спустился в крошечную тьму.

Внизу он обнаружил, что утвердился на чуть покато́й деревянной поверхности – очевидно, близ кия. В слабом свете провел рукой по доскам: они были уложены внахлест. И, насколько он мог судить, щедро просмолены. Как долго доски пролежали в сухом песчаном грунте? Он ударил киркой – сперва на пробу, потом решительнее – и услышал, как треснуло дерево.

В лицо хлестнула струя воздуха, и Шефа окутала страшная вонь. Факел вдруг разгорелся. Сверху донеслись испуганные крики и топот. Но пахло все же не мертвечиной. Скорее, так смердит в коровнике на исходе зимы. Он принялся бить, расширяя отверстие, и вскоре понял, что внизу не почва, а пустота. Для покойника и клада не поленились соорудить целый склеп, а не просто зарыли их, чтобы после Шеф выбрасывал из ямы землю лопата за лопатой.

Он сбросил веревку в проделанную дыру и устремился следом, не расставаясь с факелом.

Под ногами хрустнули кости. Он глянул вниз и ощутил скорбь. Ребра, им поперанные, не принадлежали хозяину клада. Это были женские останки. Под черепом тускло блеснула застежка плаща. Но женщина лежала ничком, одна из двух, во весь рост растянувшихся на полу усыпальницы. Шеф понял, что обеим сокрушили хребет здоровенными жерновами. Руки были связаны: их, стало быть, опустили в могилу, сломали спины и оставили умирать в темноте. Жернова выдавали род их занятий: это были рабни, молотившие для господина зерно. Тем же самым поручили им заниматься и здесь – веками готовить ему кашу.

Где рабы, там и хозяин. Шеф поднял факел и повернулся к корме корабля.

Там восседал на своем троне король, взиравший поверх охотничьих псов, лошадей и женщин. Из ссохшейся кожи скалились зубы. На голом черепе сохранился золотой венец. Подступив ближе, Шеф взгляделся в полураспавшееся лицо, словно выпытывая секрет величия. Он вспомнил настойчивую потребность Кара Старого держать свое имущество под рукой, не расставаясь с ним даже после смерти. Рука короля лежала на монаршем оселке, символе правителя-воина, который не мыслил жизни без остро наточенного клинка.

Факел внезапно погас.

Шеф замер, кожа покрылась мурашками. Впереди что-то скрипнуло, тяжесть сместилась. Сам старый король восставал на захватчика, явившегося за его сокровищами. Шеф уже чувствовал прикосновение костяных пальцев, уже различал ужасный оскал на иссохшем кожистом лице.

Он повернулся и сделал в кромешном мраке четыре, пять, шесть шагов, надеясь очутиться там, куда спустился. Не дрогнула ли тьма – совсем немного, на грани видимости? Почему он дрожит, как простой раб? Наверху он встречался со смертью лицом к лицу – встретится и здесь, в темноте.

– Ты лишился права на золото, – сказал он в чернильный мрак, ощупью возвращаясь к трону. – Мне дал его потомок детей твоих детей. И сделал это с умыслом.

Он шарил по земле, пока его пальцы не наткнулись на факел; затем достал из кошелька огниво, трут и кремень, пригнулся и принялся высекать искры.

– Порадуйся хотя бы, старый скелет, что твое богатство достанется англичанину. Оно могло перейти и к людям похуже.

Запалив факел, Шеф закрепил его напротив гнилого бруса, подошел к креслу с его жутким седоком, обхватил тело и осторожно поднял в надежде, что остатки платья, кожи и плоти не дадут рассыпаться трухлявым костям. Повернувшись, он положил короля лицом к останкам женщин.

– Теперь пререкайтесь втроем, сводите счеты.

Он снял с черепа золотой венец и с нажимом надел на собственную голову. Затем взял с опустевшего кресла и задумчиво взвесил в руке двухфутовый точильный камень.

– Я дам тебе кое-что в обмен на золото, – добавил Шеф. – И это будет месть за твоего потомка. Возмездие Бескостному.

И в тот же миг позади него раздался шорох. Шеф впервые за все время сжался от испуга. Неужто явился Бескостный, услышавший свое имя? Или в этой могиле подстерегала чудовищная змея?

Шеф взял себя в руки и шагнул на шум, воздев повыше факел. Шуршала веревка, по которой он спустился. Ее обрезали.

Сверху смутно донеслось усердное пыхтенье. В отверстие посыпалась земля, как было в его сновидении о Каре Старом.

* * *

Ему понадобилась вся сила воли, чтобы обдумать положение. Это был не кошмар, от которого можно лишь повредиться рассудком, – скорее, загадка, подлежащая решению.

«Наверху засели враги. Падда и его товарищи могли струсить и разбежаться, но они не перерезали бы веревку, не засыпали бы меня землей. То же и Гудмунд. Значит, их кто-то отогнал, пока я был здесь, – может быть, англичане, явившиеся защитить курган своего короля? Однако у них, похоже, нет желания спускаться за мной. А мне нипочем не выбраться тем же путем.

Но нет ли другого? Король Эдмунд говорил, что это клад Редвальда, но курган-то – Вуффы. Что, если он и его предки соорудили здесь тайник? Коли так, надо же было им как-то пополнять запасы или извлекать их. Существует ли другой выход? Если да, то он должен быть неподалеку от золота. А золото – как можно ближе к своему стражу.

Шагая через останки, он подошел к креслу и сдвинул его в сторону; под ним оказалось четыре прочных деревянных ящика с кожаными ручками. «Крепкие ремни-то», – отметил он, подергав. Позади ящиков в том месте, где носовая часть лодки закруглялась вниз, зияло черное отверстие, куда едва могли протиснуться плечи взрослого мужчины.

Лаз! Шеф мгновенно испытал облегчение, как будто с него сняли незримое бремя. Лаз тут вполне уместен. Можно было вползти снаружи, отпереть ящик или закрыть его – сделать все, что понадобится, не приближаясь даже к королю.

Придется воспользоваться. Шеф снова нахлобучил корону и стиснул факел, который уже почти прогорел. Прихватить оселок или кирку? «С киркой я выкопаюсь, – подумал он. – Но коль скоро я забрал у старого короля скипетр, то не имею права его оставить».

С факелом в одной руке и точильным камнем в другой он пригнулся и вполз в кромешную тьму.

Лаз сужался по мере того, как Шеф протискивался вперед. Придется работать плечами, попеременно выставляя то одно, то другое. Факел догорел и обжег ему руку. Шеф разломал его о земляную стену и продолжил путь, твердя себе, что стены не смыкаются. Пот заливал глаза, и нельзя было выпростать руку, чтобы утереться. Не мог он и дать задний ход: нора была слишком узка, чтобы приподняться и развернуться.

Вытянутая вперед рука нащупала пустоту на месте земляного пола. Толчок, и вот голова и плечи очутились над брешью. Шеф осторожно потянулся вновь. Впереди на два фута была плотная стенка, и путь вел только вниз. Он подумал, что строители постарались отменно усложнить задачу.

«Но я знаю, что будет в конце. Я знаю, что это не западня, а вход. Стало быть, мне нужно перевалиться. Зароюсь на пару футов лицом, но я умею надолго задерживать дыхание.

Если я ошибаюсь, то задохнусь и умру вверх ногами. Извиваться ни в коем случае нельзя. Если не сумею пролезть, то уткнусь лицом в землю и приму смерть».

Шеф переполз через край и устремился вниз. Какой-то миг мышцы его не слушались и он не мог продвинуться, так как ноги застряли на уровне пола, откуда он свалился. Потом он протиснулся ниже, одолел фут или два и увяз. Он повис вверх тормашками в норе, где царила непроглядная тьма.

«Спокойно, не беда. Я должен видеть в этом загадку. Тут не может быть тупика, это бессмысленно. Торвин всегда говорил, что нет для человека лучшего бремени, чем разум».

Шеф снова пошарил вокруг себя. За плечами оказался проем. Он скользнул туда, подобно змее. И там опять был ровный пол, только теперь уходивший вверх. Шеф рухнул на него и впервые за время, показавшееся вечностью, смог выпрямиться. Пальцы нащупали деревянную лестницу.

Он шатко-валко взобрался по ней. Голова ткнулась в люк. Но тот открывался снаружи, изнутри не поддался. Над ним могли быть многие футы земли.

Шеф вытащил из-за пояса оселок, привалился к стене и принялся крошить доски заостренным концом. Дерево треснуло, посыпались щепки. Он ударил еще и еще. Когда сумел просунуть в отверстие руку, выломал больше. Супесь проваливалась в подземелье, все быстрее и гуще по мере того, как расширялась дыра, и вот в вышине проступило бледное рассветное небо.

Шеф изнеможенно вывалился в густые заросли боярышника, находившиеся не более чем в сотне шагов от кургана, в который он, чудилось, проник давным-давно. На вершине стояла и всматривалась вниз небольшая компания. Шеф не мог ни спрятаться, ни уползти. Он встал во весь рост, поправил венец, подхватил оселок и спокойно пошел к людям.

Он почти не удивился, узнав своего единоутробного брата. Кто-то разглядел Шефа в предрассветных сумерках, закричал, отшатнулся. Ватага бросилась прочь, оставив Хьёрварда в одиночестве возле так и не засыпанной ямы. Шеф перешагнул через тело англичанина-землекопа, разрубленное от плеча до грудины широким мечом. Теперь в пятидесяти ярдах он приметил и Гудмунда с людьми, которые обнажили клинки, но не спешили вмешаться.

Шеф устало взглянул в лошадиную физиономию Хьёрварда.

– Ну что тут скажешь, брат мой, – промолвил он. – Похоже, тебе мало твоей доли. Или ты стараешься для кого-то на стороне?

Лицо, маячившее перед ним, заледенело. Хьёрвард вытащил меч, выставил щит и сошел по склону кургана.

– Ты моему отцу не сын! – рявкнул он и взмахнул мечом.

Шеф вскинул навстречу оселок толщиной с запястье.

– Камень тупит ножницы, – заметил он, когда клинок переломился. – А еще он пробивает череп.

Он ударил слева и уловил хруст, когда свирепое лицо, вырезанное на точильном камне, утонуло в виске Хьёрварда.

Викинг пошатнулся и пал на одно колено, ненадолго опершись на обломок меча. Шеф шагнул в сторону, примерился и размахнулся в полную силу. Снова хрустнула кость, и его брат повалился вперед. Кровь хлынула изо рта и ушей. Шеф медленно стер с камня серое мозговое вещество и оглянулся на ошарашенных воинов из экипажа Хьёрварда.

– Семейные ссоры, – бросил он. – Вас это не касается.

Глава 10

Сигвард пожаловался совету викингов, и дело приняло неприятный для него оборот. Бледный и напряженный, он вперился взором в собравшихся за столом:

– Он убил моего сына, и я требую возместить потерю!

Бранд поднял ручищу, веля ему замолчать.

– Мы слушаем Гудмунда. Продолжай.

– Мои люди рассредоточились в темноте вокруг кургана. Вдруг появился отряд Хьёрварда. Мы услышали их голоса и поняли, что это не англичане, но не знали, как быть. Тех, кто заступил им дорогу, они оттолкнули. Никто из моих не погиб. Потом Хьёрвард попытался убить своего брата Скьефа – сначала хотел похоронить заживо в кургане, потом набросился с мечом. Мы все это видели. У Скьефа был только каменный брусок.

– Он убил Падду и пятерых моих землекопов, – подал голос Шеф.

Совет проигнорировал его слова.

Бранд заговорил учтиво, но решительно:

– По моему разумению, тебе не положено возмещение, Сигвард. Даже за сына. Он посягнул на жизнь товарища по войску, который пребывал под защитой устава Пути. Удайся Хьёрварду задуманное, я бы повесил его не колеблясь. Кроме того, он пытался похоронить своего брата в кургане. И если бы преуспел, то сам подумай, сколько бы мы потеряли! – Бранд покачал головой, словно не веря себе. – По меньшей мере двести фунтов золота! И выделки такой, что оно намного дороже простого! Резные чаши римлян. Прекрасные крученые браслеты белого золота из Ирландии. Монеты с головами неведомых римских правителей. Изделия из Кордовы и Миклагарда, Рима и Германии! И в придачу – мешки с серебром, которые королевские казначеи складывали в подземелье веками! Этого хватит, чтобы каждый воин нашей армии жил припеваючи до скончания дней. Если доживут до дележа. На рассвете тайна перестала быть тайной.

Сигвард помотал головой, не изменившись в лице.

– Они были братьями, – сказал он негромко. – Сынами одного отца.

– Значит, о мести не может быть и речи, – постановил Бранд. – Ты, Сигвард, не станешь мстить одному сыну за другого. Поклянись в этом. – Он выдержал паузу. – Таков их удел, назначенный норнами⁴¹. Пусть скверный удел, но не смертным от него уклоняться.

На этот раз Сигвард кивнул:

– Да, норны. Я поклянусь, Бранд. Хьёрвард упокоится неотомщенным. Для меня.

– Хорошо. Ибо говорю же я вам, – и Бранд оглядел сидевших за столом, – с таким богатством я весь извелся, как девица, угодившая на оргию. Небось, вся округа гудит и рассказы-

⁴¹ Богини судьбы в скандинавской мифологии.

вают байки о том, что мы нашли. Вольноотпущенники Шефа болтают с керлами и трэллами. Вести разносятся во все концы. Люди прослышали, что в это королевство направилось новое войско. Из Мерсии, чтобы навести порядок и восстановить трон. Будьте уверены, англичане уже знают о нас. Если у них имеется хоть капля ума, они уже спешат отрезать нас от кораблей, а не поспеют, так пустятся в погоню. Я хочу поскорее снять лагерь и выступить до заката. Идти всю ночь и весь день. Никаких привалов до завтрашнего захода солнца. Скажите шкиперам, пусть кормят скотину и строят людей.

Когда собрание разошлось и Шеф направился к своим повозкам, Бранд придержал его за плечо.

– К тебе не относится, – сказал он. – Будь у меня начищен клинок, я дал бы тебе посмотреться. Знаешь, что твои виски поседели? О повозках позаботится Гудмунд. Ты поедешь в задней, укрывшись моим плащом, а заодно и своим. – Он протянул Шефу флягу. – Пей, я приберег. Считай это подарком Одина тому, кто нашел величайший клад со времен, когда Гуннар спрятал золото нифлунгов.

Шеф уловил запах забродившего меда: Одинова медовуха.

Бранд посмотрел в жуткое изувеченное лицо – пустая глазница, над напряженными мускулами торчат скулы. «Хотелось бы мне знать, – подумал он, – какую плату потребовал за сокровище драугр из кургана?» Он еще раз хлопнул Шефа по плечу и поспешил прочь, выкликая Стейнульфа и его шкиперов.

* * *

Они выступили в путь, устроив Шефа на задке повозки между двумя сундуками с сокровищами и балкой катапульты; тот пребывал в полудреме от качки и медовухи. Почти впритык у каждой повозки шагало по дюжине человек из экипажей Бранда, переведенных в колонну сопровождения. Их окружали катапультисты-вольноотпущенники, подстегнутые слухом, будто им тоже перепадет и они впервые в жизни возьмут в руки деньги. Впереди, позади и с флангов ехали усиленные звенья викингов, готовые отразить засаду или погоню. Бранд разъезжал вдоль колонны, меняя коней, как только они изнемогали под его тушей, и беспрестанно бранился, понуждая всех пошевеливаться.

«Теперь это не мое дело», – подумал Шеф и снова соскользнул в глубокую дрему.

* * *

Он ехал по равнине. Не просто ехал, а мчался очертя голову. Конь хрипел под шпорами, которые снова и снова вонзались в его кровоточившие ребра, пытался взбрыкнуть, но его укрощали и гнали дальше. Шеф привстал в седле и оглянулся. Через невысокий холм перетекла орда преследователей, и первый, летевший на могучем гнедом скакуне, далеко оторвался от общей массы. То был Адильс, король свеев.

Но кем был он сам? Шеф-сознание не мог сказать, в чьем теле находился. Он был высокого роста – хоть и конь был велик, длинные ноги седока задевали землю. Шеф-сознание отметил, что у него есть спутники. Также диковинные. Ближайший настолько широкоплеч, что может показаться, будто под кожаной курткой скрывается дояркино коромысло. Широким было и лицо с курносый носом, большие похожее на звериную морду. Его лошадь тоже изнемогала, будучи не в силах лететь стрелой с подобным грузом. Рядом с ним находился писанный красавец – белокурый, статный, с девичьими ресницами. Перед высоким человеком и двумя его ближайшими спутниками мчались во весь опор другие девять или десять всадников. – Настигают! – крикнул широкоплечий.

Он сдернул с седельной луки короткий топор и воодушевленно потряс им.

– Нет еще, Бётвар, – отозвался высокий.

Он придержал коня, снял со своей луки мешок, запустил в него руку, вынул пригоршню золота. Разбросав его по земле, развернул скакуна и продолжил путь. Немного позднее он снова оглянулся на холм и увидел, что преследователи осадили коней и смешались, пытаясь подобрать золото. Гнедой скакун опять оторвался, и вскоре часть всадников пришипорили своих, стараясь не отставать.

Погоня продолжилась, и высокий человек еще дважды повторил свою уловку. Орда постепенно таяла. Но шпоры больше не помогали, и загнанные лошади почти перешли на шаг. Ехать осталось немного, и скоро они окажутся в безопасности – Шеф-сознание не знал почему. Их ждет корабль? Граница? Это не имело значения. Все, что от них требовалось, – добраться до места.

Вдруг лошадь Бётвара рухнула, из ноздрей хлынули пена и кровь. Широкоплечий легко высвободился, сжал топор и приготовился встретить всадников, которые уже были в какой-то сотне ярдов. Но все-таки их оставалось много, и впереди, на гнедом скакуне Храфне, летел свейский король Адильс.

– Задержи его, Хьялти, – приказал высокий и снова сунул руку в мешок.

Там больше не было ничего, кроме одной вещи – кольца Сваагрис. Высокий человек заколебался, хотя на него мчалась смерть, а до спасения остался последний рывок. Но вот он сделал над собой усилие, размахнулся и швырнул кольцо в грязь по направлению к Адильсу, после чего покинул седло и опрометью пустился бежать к убежищу, находившемуся за кряжем.

Там он обернулся. Адильс был близко, он придержал коня и выставил копье, чтобы поддеть кольцо острием на скаку. Не вышло. Он развернул коня, сбив с толку всадников, которые неслись позади, и попробовал снова. Опять промахнулся.

Не зная, как быть, исполненный ненависти Адильс устремил взор к своему недругу, который был на грани спасения; затем снова взглянул на кольцо, погрузившееся в навоз. И вдруг соскочил с коня, схватил свою драгоценность и потерял всякие шансы на успех.

Высокий человек разразился каркающим смехом и побежал догонять товарищей. Когда же к нему вопрошающе обернулся широкоплечий Бётвар, он ликующе крикнул:

– Я сделал так, что величайший из шведов копается рылом в дерьме, как свинья!

* * *

Шеф с усилием сел в повозке, шевеля губами на слове svinbeugt. Он обнаружил, что смотрит в лицо Торвина.

– Свиное рыло, говоришь? Это произнес король Хрольф на Фирисвеллирской равнине. Я рад видеть, что ты отдохнул, но по мне, так пора тебе идти с нами.

Он помог Шефу выбраться из повозки, спрыгнул сам и зашептал:

– За нами войско. Едва доходим до деревушки, как твои трэллы уже несут свежие новости. Они говорят, что нас преследует армия Мерсии в три тысячи человек. Англичане выступили из Ипсвича, когда мы покинули Вудбридж, а теперь прознали про золото. Бранд выслал вперед конников, чтобы загодя прибыли в лагерь в Кроуленде и предупредили наших: надо готовиться к бою у Марча. Если мы соединимся с ними, то будем спасены. Двадцать длинных сотен викингов против двадцати пяти – англичан. Мы проломим их строй, как всегда. Но если они перехватят нас до Марча, то выйдет совсем другая история. И трэллы говорят странную вещь: это войско ведет хеймнар. Он и его сын.

Шеф испытал озноб. Впереди загрели и понеслись по колонне команды. Повозки поволокли в стороны, а люди вдруг начали отстегивать поклажу.

– Бранд останавливает колонну каждые два часа, чтобы напоить скот и накормить людей, – объяснил Торвин. – Он говорит, что это сберегает время даже в спешке.

«Нас настигает армия, – подумал Шеф. – А мы торопимся попасть в безопасное место. Именно это я видел во сне. Меня должно было научить кольцо, кольцо Сваагрис.

Кем оно было послано? Каким-то богом, но не Тором и не Одином. Тор против меня, а Один только наблюдает. Сколько там богов? Спросить бы Торвина. Но я не думаю, что мой покровитель – тот, кто шлет мне предупреждения, – любит расспросы».

Размышляя о кольце Сваагрис, Шеф направился в головную часть колонны и увидел на обочине Сигварда, обмякшего на раскладном холщовом стульчике, который выставили его подручные. Шеф прошел мимо, все время чувствуя на себе отцовский взгляд.

Как только рассвело, усталый глаз Шефа различил в февральском сумраке громаду илийского монастыря, который высился справа по курсу. Великая армия успела его выпотрошить, но шпиль был на месте.

– Теперь мы в безопасности? – спросил он у Торвина.

– Трэллы вроде бы считают, что да. Гляди, как веселятся. Но с чего? До Марча еще день пути, а мерсийцы наступают на пятки.

– За Или сплошные фены, – сказал Шеф. – В такое время года дорога на Марч – это просто гать, настеленная поверх топи на много миль. Если понадобится, мы сможем развернуться и перекрыть дорогу малым числом. Обходного пути нет – для тех, кто не знает местности.

Колонна вдруг примолкла, и тишина крепла с прохождением Бранда. Он неожиданно вырос перед Шефом и Торвином, весь в грязи, бледный и растерянный.

– Стойте! – гаркнул он. – Напоить, накормить лошадей, ослабить подпруги! – К двум же членам совета он обратился намного тише: – Плохи наши дела. Ступайте вперед, будем совещаться. Делайте вид, будто ничего не случилось.

Шеф с Торвином переглянулись и молча последовали за ним.

На обочине, утопая по щиколотку в грязи, собрался десяток воевод. Среди них был ярл Сигвард, и его левая рука, как обычно, лежала на рукояти меча.

– Это Ивар, – без предисловий объявил Бранд. – Минувшей ночью он ударил по главному лагерю в Кроуленде. Кого не убил, того искалечил. Наверняка захватил кого-то из наших. Должно быть, уже развязал им языки. Он знает, где мы встречаемся, и ему известно о золоте. Будем считать, что он уже выступил нам наперерез. А значит, с севера теперь он, а с юга, в паре миль от нас, англичане.

– Сколько у него людей? – спросил Гудмунд.

– Те, что сбежали и бросились нам навстречу, считают, что около двух тысяч. Не вся армия из Йорка. А из Рагнарссонов только Ивар со своим отребьем.

– Будь мы при полной силе, справились бы легко, – сказал Гудмунд. – Бандитский сброд, гадгедлары. Скоты, а не люди, – сплюнул он.

– Но мы не при полной силе.

– Скоро будем! – возразил Гудмунд. – Раз Ивар знает о золоте, то держу пари, что знал и весь лагерь! Они, должно быть, перепились на радостях, как свиньи, а он возьми да нагрянй. И когда те, что успели удрать, протрезвеют, они бросятся напрямик в Марч, на место нашей встречи. Мы объединимся, и вот тогда у нас хватит сил – или почти хватит. Там и решим судьбу Ивара! Можешь забрать его себе, Бранд. За тобой должок.

Бранд осклабился.

«Этих людей не очень-то испугаешь, – подумал Шеф. – Их нужно убивать по одному за раз, пока не полягут все, – иначе не одолеть. К несчастью, так оно, скорее всего, и получится».

– Как насчет англичан? – спросил он.

Бранд снова помрачнел, будучи выхвачен из грез об отмщении.

– С ними намного легче, мы их всегда били. Но если нападут сзади, когда мы будем разбираться с Иваром... Нам нужно время, чтобы собрать остатки армии в Марче. Время, чтобы разбить Ивара.

Шеф подумал о своем видении. «Надо бросить кость, – сообразил он. – Что-то заманчивое, но не сокровища. Бранд не позволит к ним прикоснуться».

За поясом у него так и хранился оселок старого короля. Шеф вытащил точильный камень и всмотрелся в бородастые венценосные лики на обоих концах – свирепые, полностью осознающие свою власть. Короли вершат дела, непостижимые для простых смертных. Так поступают вожди. Так поступают ярлы. Было же сказано, что за клад придется заплатить. Возможно, этот час пробил.

Подняв взгляд, Шеф увидел Сигварда, который таращился на оружие, выбившее мозги его сыну.

– Гати, – хрипло произнес Шеф. – Несколько человек надолго перекроют такую дорогу и задержат англичан.

– Можно выделить длинную сотню, – согласился Бранд. – Но с ней должен быть кто-то из нас. Вожак. Тот, кто привык командовать самостоятельно и готов положиться на своих людей.

Какое-то время царило молчание. Кто бы ни остался, он покойник. Шеф требовал слишком многого – даже от викингов.

Сигвард холодно смотрел на Шефа в ожидании речи. Но тишину нарушил Бранд.

– Среди нас имеется тот, у кого есть целый отряд. Тот, кто сотворил хеймнара, которого сейчас несут к нам англичане...

– Не обо мне ли ты говоришь, Бранд? Просишь, чтобы я и мои люди ступили на тропу, ведущую в ад?

– Да, Сигвард, я говорю о тебе.

Сигвард собрался ответить, но повернулся и взглянул на Шефа:

– Хорошо, я согласен. Я чувствую, что уже вырезаны руны, которые расскажут об этом. Ты заявил, что смерть моего сына была волей норн. Я думаю, норны сплетают нити судьбы и на этих гатях. И не только норны.

Он встретил взгляд сына и не отвел глаз.

* * *

Через час после захода солнца передовой отряд мерсийской армии, гнавшийся в ночи за неприятелем, угодил в западню. За двадцать ударов сердца, пока длилось избиение англичан, те, маршировавшие по узкому настилу по десять в ряд, потеряли полсотни отборных воинов. Остальные – выдохшиеся, продрогшие, голодные и взбешенные глупостью вождей – беспорядочно отступили и даже не попытались забрать тела и оружие. Люди Сигварда сомкнули ряды и битый час напряженно вслушивались в крики и перебранку врагов. Затем постепенно нарос шум: воины потянулись обратно без страха, но растерянно. Они искали обходной путь и ждали приказа, и никто не решался взять командование на себя. Англичане были готовы заночевать на сырой земле под мокрой дерюгой – только бы не рисковать драгоценными жизнями, соприкасаясь с неведомым.

«Двенадцать часов уже выгадали, – подумал Сигвард, разрешив своим людям рассредоточиться. – Впрочем, не для меня. Мне все равно – могу смотреть, могу делать что-то другое. После гибели сына я уже не засну. Моего единственного сына. Я сомневаюсь, что второй тоже мой. Если да, то это проклятие для отца».

На рассвете англичане – три тысячи человек – вернулись взглянуть на препятствие, остановившее их ночью.

Викинги выкопали обочь дороги траншеи. Вгрызаясь в мерзлую февральскую землю, они дошли до воды через фут. Через два грунта превратился в кашу. Поперек дороги они вырыли не обычный ров, а канаву, достигавшую десяти футов в ширину. Со своей стороны норманны

вкопали доски, разломав повозку, которую оставил им Шеф, – смешная преграда для оравы керлов. Крестьяне расчистили бы место в считанные секунды, не будь за барьером людей.

На гати хватало места только для десятерых стоящих в ряд, а если с оружием, то всего для пятерых. Воины Мерсии, осторожно прокравишиеся вперед с поднятыми щитами, очутились по пояс в ледяной воде еще до того, как приблизились к неприятелю на расстояние удара мечом. Кожаная обувь вязла в топком дне. Когда англичане подобрались, их встретили бородатые крепыши с двуручными топорами. Атаковать с флангов? Для этого пришлось бы вязнуть в топи, став удобной мишенью для топорников.

Тогда в лоб, на земляной вал, дерево крошить! Но стоит зазеваться, и сверху отрубят руку или голову...

Лучшие мерсийские воины двинулись вперед крабьей поступью, едва не падая в грязь, подбадриваемые возгласами идущих сзади.

Разгорелся короткий день, и сражение оживилось. Мерсийский воевода Квикхельм, отряженный его королем наставлять и поддерживать нового олдермена, потерял терпение. Ему надоели робкие вылазки. Он отозвал людей назад и бросил на штурм двадцать лучников с неисчислимым запасом стрел.

– Цельте в голову, – распорядился он. – Если промажете, не беда! Главное, чтоб не высовывались.

Над головами сражавшихся образовалась туча из дротиков и стрел. Командиры воззвали к гордости лучших мечников Квикхельма, которым было велено возглавить атаку, но не рваться вперед, а измотать противника и уступить место следующей шеренге. Тем временем тысячу человек отправили на мило в тыл – рубить сучья, нести их назад и подбрасывать под ноги авангарду, чтобы хворост утоптался и превратился в прочный настил.

Альфгар, наблюдавший за этим с двадцати шагов, досадливо дернул себя за светлую бороду.

– Сколько вам нужно людей? – спросил он. – Это же просто канава с забором! Один добрый натиск, и мы прорвемся. Если лишимся нескольких человек, невелика потеря.

Воевода язвительно взглянул на своего титулованного недокомандира.

– Скажи это нескольким, – предложил он. – Или, может быть, попробуешь сам? Одолей хотя бы вон того громилу в середине. Того, который ржет. С желтыми зубами.

В тусклом свете над стоячей водой Альфгар узрел Сигварда, разившего мечом направо и налево и только что сделавшего обманный выпад.

У Альфгара задрожала рука, и он взялся за пояс.

– Вынесите отца, – бросил он свите. – Пусть полюбуется.

* * *

– Англичане тащат гроб, – доложил Сигварду викинг, сражавшийся в первых рядах. – По мне, так одного будет маловато.

Сигвард пригляделся к выложенному подушками ковчегу. Носильщики несли его вертикально, и обитателя удерживали грудные и поясные ремни. Сигвард встретился глазами с человеком, которого сам же и искалечил. В следующий миг он запрокинул голову и зашелся в диком хохоте, затем поднял щит, потряс топором и крикнул что-то по-норвежски.

– Что он говорит? – буркнул Альфгар.

– Обращается к твоему отцу, – перевел Квикхельм. – Спрашивает, узнал ли тот его топор? Не кажется ли ему, что он о чем-то забыл? Пусть скинет портки, а викинг постарается напомнить.

Губы Вульфгара шевельнулись. Сын наклонился, чтобы внять сиплему шепоту.

– Он говорит, что отдаст все свое состояние тому, кто возьмет этого человека живым.

Квикхельм поморщился:

– Проще сказать, чем сделать. Порой этих дьяволов удастся побить, но это никогда не бывает легко. Никогда.

В небесах раздался резкий свист. Что-то приближалось.

* * *

– Нагибай! – рявкнул командир катапульты.

Двенадцать вольноотпущенных трэлов, которым были поручены веревки, сложили руки в пирамиду: правая, левая, правая на счет «раз-два-три». В ладони командира упала петля. Заряжающий проворно вскочил, уложил десятифунтовый камень и мигом вернулся за следующим.

– Тяни!

Спины склонились, плечо катапульты согнулось, командир встал на цыпочки.

– Пускай!

Дружное кряхтение. Петля взвилась, и камень, вращаясь, взмыл в небо. В полете его выскобленные бороздки издавали зловещий свист. В тот же миг позади расчета раздался крик командира второй катапульты:

– Нагибай!

Натяжные катапульты казались диковинными зверюгами и поражали цель с наибольшей силой при максимальной дальности. Снаряды взлетали под облака. Чем выше они возносились, тем смертоноснее ударяли. Шеф оставил два расчета из бывших рабов вместе с повозкой, которые разместились на гатях за бруствером Сигварда, тщательно отмерив двести шагов; их снаряды летели на двадцать пять ярдов дальше.

Узкая дорога представляла собой идеальную мишень для катапульт. Они стреляли по прямой, отклоняясь от центра не больше чем на несколько футов в обе стороны. Английские вольноотпущенники прошли нешуточную муштру, благодаря которой действовали слаженно, через равные промежутки времени и очень быстро. Они стреляли по три минуты, затем следовала недолгая передышка.

Убийственные булыжники валились с неба на колонну мерсийцев. Первый врезался в темя неподвижно стоявшему рослому воину и впечатал его череп в плечи. Второе попадание пришлось на машинально выставленный щит, и камень сокрушил руку, отскочил и расплющил грудную клетку. Третий сломал хребет еще одному воину, который повернулся спиной. В мгновение ока на гатях возникла давка, люди пытались убраться подальше от невидимой и непостижимой смерти. Камни продолжали изничтожать колыхавшуюся толпу, из-за несовершенства прицела падая то ближе, то дальше на какие-то ярды, но никогда не минувая саму дорогу. Уцелели лишь те, кто набился в траншею и ближе прочих стоял к викингам.

По истечении трех минут передовые воины узрели позади сплошные хаос и разорение. Те же, которые успели отбежать в тыл, обнаружили, что с расстоянием угроза ослабевала.

Квикхельм, находившийся в первых рядах, взмахнул широким мечом и в бешенстве крикнул Сигварду:

– Выходи! Вылезай из-за своей канавы и сразись как мужчина! Мечом, а не камнями!

Сигвард снова оскалил желтые клыки.

– Иди и побей меня! – откликнулся он на ломаном английском. – Ты же смелый! Много ли нужно таких, как ты, чтобы со мною справиться?

«Мы выиграли еще несколько часов, – подумал он. – Сколько времени понадобится англичанину, чтобы усвоить урок?»

Дождливый и слякотный февральский день заканчивался, и Сигвард рассудил, что враг опомнится довольно скоро. Рвы и катапульты обескуражили англичан. Но постепенно, очень

неспешно – и все-таки недостаточно медленно – неприятель оправится и сообразит, как ему надо действовать.

Лучше всего большим числом идти в лобовую атаку, чтобы не дать викингам передышки. Сыпать стрелами и копьями, изматывать. Бросать под ноги хворост, создавать опору. Погнать людей разреженным строем, и пусть будут начеку – так камнеметчикам труднее поразить цель. Других отправить малыми группами через болото – пускай обойдут противника и расколют чухлую оборону. Туда же направить лодки, чтобы отрезать путь к отступлению...

И воины Сигварда начали поглядывать назад. Еще один натиск, и, вопреки всем потерям, англичане прорвутся.

Раб с катапульты потянул ярла за рукав, обратившись на плохом норвежском:

– Мы уходить. Нет камней. Господин Шеф сказал стрелять, пока есть камни, потом уйти.

Рубить веревки, бросать машины в болото. Идем же!

Сигвард кивнул и проводил взглядом тщедушную фигурку. Настало время подумать о чести. О свершении его личной судьбы. Он пошел в первую линию обороны, хлопывая воинов по плечу.

– Снимайся, – говорил он каждому. – Седлай коня и уезжай. Гони прямо в Марч, и тебя не поймают.

Когда он дошел до своего кормчего по имени Вестлиди, тот заколебался:

– Ярл, а кто тебе-то приведет коня? Ты должен поторопиться.

– У меня еще осталось дело. Ступай, Вестлиди. Это мой удел, а не твой.

Когда позади зашлепали удалявшиеся шаги, Сигвард вырос перед пятеркой лучших воинов Мерсии. Те настороженно двинулись вперед, готовые ко всему после бойни длиной в день.

– Давайте! – позвал он. – Только я!

Стоявший в середине воин поскользнулся, и Сигвард с удивительным проворством прыгнул вперед, отбил чужой меч, погрузил клинок в бороду, отскочил и перешел к обманным маневрам, подаваясь из стороны в сторону, ускользя от разъяренных англичан, которые ринулись в наступление.

– Идите сюда! – взревел он и снова затянул песнь на смерть Рагнара, сложенную скальдом Ивара Рагнарссона:

Мечи сверкнули. Шесть десятков раз
Да раз еще один отбил я вражий натиск.
Кромсал кольчуги с малых лет я,
Но равного себе не повстречал.
О смерти не скорблю. Меня приветят боги...

Над шумом битвы, где один сражался против армии, возвысился дремучий бас Вульфгара:

– Возьмите его живым! Прижмите щитами! Не убивайте!

«Я должен позволить им это, – подумал Сигвард, кружась и пластая мечом. – Я выиграл мало времени для моего сына. Но можно выкупить ему еще одну ночь. Она покажется мне долгой».

Глава 11

Стоя плечом к плечу, Шеф и Бранд наблюдали за строем шириной в двести воинов, который медленно продвигался к ним через ровный луг. Над шеренгами реяли боевые знамена, личные флаги ярлов и воевод. Там не было Воронова стяга Рагнарссонов, который взвизывался лишь по согласию всех четверых братьев. Но в центре на ветру колыхалось длинное полотнище

с Кольчатым Гадом – эмблемой самого Ивара Рагнарссона. Шефу казалось, что он даже издали узнает алый плащ и сверкающий серебряный шлем.

– Нынче будет резня, – пробормотал Бранд. – Силы равны. Чья бы ни взяла, он дорого заплатит за победу. Эти, которые в первом ряду, – ребята крепкие. Идут и все понимают. Ивара там нет, а жаль, я надеялся с ним схватиться. Единственный способ избавиться от лишних забот – прикончить главного, а остальные упадут духом.

– Считаешь, им будет легко?

– Вряд ли. Наши ребята видели деньги. А те о них только слышали.

– Но ты все равно думаешь, что мы проиграем?

Бранд успокаивающе потрепал Шефа по плечу:

– Герои никогда так не думают. Но все когда-то проигрывают, а нас меньше.

– Ты не учел моих трэллов.

– Я ни разу не видел, чтобы трэллы победили в бою.

– Жди и смотри.

Шеф отбежал на несколько шагов в тыл, где воины Пути построились под знаменем Молота. Боевой порядок был точно такой, как у Ивара, но шеренг только пять, а резервов – меньше. Шеф поставил в ряд свои колесные крутопулты и стрелометы, прикрыв их всего одним рядом воинов со щитами. Далеко позади стояли камнеметы, натяжные катапулты – все, кроме той пары, которую он выделил Сигварду. Урезанные вдвое расчеты держались за свисавшие веревки.

Сейчас был черед стрелометов. Шеф оперся на алебарду и вскочил на центральную повозку из девяти. Их так и не распрягли. Он глянул вниз, увидел обратившиеся к нему лица катапульных расчетов.

– Разойтись!

Викинги, прикрывавшие стрелков, прыгнули в стороны. Вевки были натуго закручены; заряжающие держали охапки дротиков и были готовы к бою. Приблизившийся строй служил мишенью, в которую нельзя не попасть. Над лугом разнесся хриплый речитатив армии Рагнарссонов.

– Ver thik! – скандировала она. – Ver thik, her ek kom!

Что означало: «Берегись, я иду!»

Шеф выставил острие алебарды и гаркнул:

– Бей!

Черные молнии пронзили воздух и вторглись в надвигавшиеся шеренги.

Арбалетчики яростно закручивали механизмы, стрелы легли в пазы. Шеф дождался полной перезарядки: последняя рука взлетела, возвещая готовность.

– Бей!

И снова пение тетивы, черные прочерки, вихри. Воинство идущих Путем возбужденно загудело. Что-то происходило и в стане Рагнарссонов. Наступавшие сбились с шага, речевка задохнулась и смолкла. Теперь викинги перешли на рысцу, боясь, что их без рукопашной насадят на вертела, словно кабанчиков. Забег на полмили при полной выкладке всерьез истощит их силы. Стрелки уже справились с одной задачей.

Но долго стрелять они не могли. Шеф рассчитал, что успеет дать еще пару залпов, прежде чем атакующие достигнут его рядов. Когда машины откатились в последний раз, он приказал расчетам отходить.

Те подхватили вожжи и потащили машины к повозкам, победно крича.

– Заткнитесь! Готовьте камнеметы!

Через считанные секунды недавние трэллы уже заряжали и наводили свои устройства. «Викингам нипочем так не сделать, – подумал Шеф. – Им нужно сперва расписать друг дружке свои подвиги». Он воздел алебарду, и десять булыжников дружно взлетели в воздух.

Машины спешно перезарядили, развернув громоздкие рамы и выровняв батарею. С небес обрушился камнепад, уже не залпами; каждый расчет старался как мог, в зависимости от проворства опускавших и заряжавших.

Строй Рагнарссона пришел в смятение и бросился напролом. Бульжники теперь падали с перелетом, не задевая бежавших. Но Шеф удовлетворенно отметил длинный шлейф расплющенных тел и корчащихся раненых, который вился за войском, будто змеиный след.

Две армии сошлись с ревом и лязгом, мгновенно качнулись назад, а затем вперед, когда натиск Рагнарссона оказался встречен, сдержан и отбит. Через несколько секунд поле боя превратилось в скопление разрозненных поединков. Воины рубили щиты мечами и топорами, пытаясь отвести руку противника; делали выпады снизу, крушили черепа и ребра умбонами.

Жрецы Пути, облаченные в белое, построили своих людей вокруг священного серебряного копья Одина, Повелителя Битв, и затянули утробную песнь.

Шеф нерешительно качнул алебардой. Он выполнил свою задачу. Что же дальше? Броситься в гущу битвы и стать одним из четырех тысяч рубак?

Нет. Машины еще пригодятся. Крича и жестикулируя, он устремился к трэллам. Они не сразу, но поняли, ринулись к стрелометам и затем покатали машины к стоявшим наготове повозкам.

– За мной! Обходим их сбоку! Они сражаются лицом к лицу, а мы зайдем сзади!

Когда влекомые волами повозки со скрипом, мучительно медленно покатались в обход позиций, к Шефу стали поворачиваться лица. Не вздумал ли он удрать? В повозках-то? Кое-кого он узнал – Магнуса, Кольбейна и других гебридцев, толпившихся в резерве. Туда их поставил Бранд, сказавший, что их оружием не размахнешься в такой тесноте.

– Магнус! Дай мне шесть человек охранять повозки.

– Но от резерва ничего не останется!

– Дай, и нам не понадобится резерв.

Алебардчики сомкнулись вокруг повозок, и Шеф повел их путем кружным и дальним в обход сражавшихся армий, сперва миновав своих, а после – воинов Рагнарссона, которые задохнулись от удивления. Но в пылу битвы они не сочли нужным отвлекаться на громоздкие телеги. Наконец караван занял позицию в глубоком тылу, против правого фланга армии Рагнарссона.

– Стойте! Разверните повозки влево. Поставьте колодки. Нет, машины не выгружать! Мы будем стрелять с повозок. Живее! Снимайте дерюги!

Алебардчики выдернули колышки, чехлы скользнули наземь. Готовые к бою катапульти развернулись.

Шеф присмотрелся к панораме. Два строя сосредоточились на участке длиной двести ярдов, не делая попыток перехитрить друг друга. Но Ивар Рагнарссон поставил в свой центр двадцать рядов воинов, и эта толпа упорно проталкивалась вперед, стремясь сломить малочисленного противника голым весом. Над центром развеялся стяг Бескостного. Это была удобная мишень – трудно задеть своих.

– Цельтесь в середину. В самого Кольчатого Гада! Начали!

Катапульти подпрыгнули и заскользили по твердым доскам. Трэллы поймали их и загнали обратно; те, кто обслуживал лебедки, стали прилаживать отскочившие рукоятки.

Вокруг Гада воцарился хаос. Шеф различил в скоплении расплющенных тел два трупа, нанизанных на длинную пику, как жаворонки на вертел. Еще один человек отчаянно бил рукой, пытаясь вытолкнуть отломившийся наконечник стрелы. К стрелявшим поворачивались лица – и не только.

Шеф увидел щиты: противник понял, что его каким-то образом обошли с тыла, и приготовился во всеоружии принять бой. Кольчатый Гад устоял, знаменосец пребывал под защитой множества тел. Катапульти перезарядили, и Шеф пронзительно закричал:

– Бей!

На этот раз Гад повалился, и из гущи воинов Пути исторгся восторженный рев. Кто-то поймал знамя и дерзко выставил вновь, но кровь залила землю на добрых пять ярдов, и ударный отряд Рагнарссона оскальзывался на почве и собственных мертвецах. Однако люди уже устремились к повозкам.

– Теперь по ним? – крикнул командир расчета, указав на приближавшегося неприятеля.

– Нет! Еще раз по Гаду! Бей!

Очередной град стрел – и знамя опять погрузилось в людскую кашу. Смотреть, восстанет ли оно, или теперь dokonчит свое дело Бранд, было некогда. Расчеты бешено вращали рычаги, но выстрелить им больше не дадут.

Шеф потянулся латной рукавицей за «Возмездием трэлла» и шлемом, который еще ни разу не надевал для боя.

– Алебарщикам занять повозки! – крикнул он. – Не подпускайте к ним никого! Стрелки, отбивайтесь рычагами и кирками!

– А нам что делать, господин? – За повозками сгрудилось пятьдесят вольноотпущенников со знаком молота на джеркинах. – Бежать?

– Полезайте под повозки. Орудуйте ножами.

Через считанные секунды волна воинов Рагнарссона достигла их, и все смешалось в хаосе свирепых лиц и разящих клинков. Шеф ощутил, что с него свалилось тяжкое бремя. Думать стало не о чем. Не нужно отвечать за других. Битва будет либо выиграна, либо проиграна. Ему осталось размахивать алебардой: делать выпады и отбивать удары, крушить сверху и колоть снизу. Все равно что орудовать молотом в кузне.

На ровной местности сторонники Рагнарссона могли бы мгновенно расправиться с малочисленным и плохо вооруженным отрядом Шефа. Но они понятия не имели, как драться с людьми на повозках. Враги были выше и под защитой дубовых бортов. Алебарды Шефа дали Магнусу и гебридцам преимущество в несколько футов. Те викинги, которые подныривали под лезвия и пытались взгромоздиться на повозки, становились легкой добычей для дубин и кирок трэллов. Из-за колес выпрастывались костлявые руки с ножами, метившие в бедра и пах.

После нескольких отчаянных атак викинги отхлынули. Зазвучали отрывистые приказы – это вмешались самые хладнокровные командиры. Воины перерубили упряжь, отогнали волов, схватились за постромки и приготовились откатить повозки, чтобы лишить трэллов прикрытия. Алебардщики стояли на виду, и на них ощерился целый лес сулиц.

Внезапно Шеф обнаружил, что смотрит в глаза Мёрдоха. Громила, похожий на огромного волка, устремился вперед, его соратники расступились. Он был без кольчуги – в одной шафрановой накидке; правая рука и торс обнажены. Ирландец отшвырнул свой небольшой круглый щит и обеими руками взял длинный и острый меч гадгедларов.

– Только ты и я, малыш, – процедил он. – Я сниму с тебя скальп и подотрусь им.

В ответ на это Шеф выдернул колышек и рванул на себя дерюгу.

Не успел он выпрямиться, как Мёрдох напал. Шеф никогда не видел, чтобы человек двигался с такой прытью. Он отшатнулся лишь по наитию, налетев на колесо стоявшей позади машины. Но Мёрдох уже оказался в повозке, готовый сделать выпад мечом. Шеф снова отпрянул и натолкнулся на Магнуса, не имея возможности опустить алебарду достаточно для выпада или защиты.

Мёрдох уже замахивался. Рычаг, который выставил Квикка, отвел его удар, направив лезвие меча на тетиву заряженной катапульти.

Раздался короткий и низкий звук, как будто лопнула струна; затем чавкнуло – громче, чем бьющий по воде хвост кита.

– Святая Дева! – произнес Мёрдох, скосив глаза.

Плечо катапульти метнулось вперед на шесть дюймов – дальше было никак. За эти дюймы оно израсходовало энергию, которой хватило бы на милю. Голый бок Мёрдоха был сокрушен, словно молотом великана. Изо рта ирландца хлынула кровь. Он отступил на шаг, сел и привалился к борту.

– Гляжу, ты снова перешел в христианство, – заметил Шеф. – Значит, должен и помнить про око за око.

Перевернув алебарду, он погрузил ее пику в глаз Мёрдоха и протолкнул в мозг.

За время их короткого поединка все изменилось. Шеф поднял взгляд и обнаружил лишь спины. Воины Рагнарссона отвернулись; они бросали оружие и отстегивали щиты. «Брат! – вопили викинги. – Дружище! Старый пропойца!» Один неуклюже задирает рубаху, высвобождая серебряный амулет. Очевидно, он был воином Пути, который предпочел остаться в Йорке с отцом или воеводой. Позади них двигался щетинистый клин с гигантской фигурой Бранда на острие. Вся равнина перед клином была усеяна людьми бежавшими, людьми ковылявшими, людьми, сбившимися в стайки и поднявшими руки. Армия Рагнарссона была разбита. Уцелевшим осталось надеяться только на бегство в тяжелых кольчугах или милость победителей.

Шеф опустил «Возмездие трэлла», вдруг ощутив изнеможение. Он начал выбираться из повозки, но что-то мелькнуло и привлекло его внимание. Два коня, и на одном – седок в алом плаще и травянисто-зеленых штанах.

Ивар Рагнарссон на миг устоял через поле проигранного боя на Шефа, высившегося над повозкой. Затем, взметая копытами комья грязи, скакуны унесли его и телохранителя.

Бранд подоспел и сжал руку Шефа:

– Я уж перепугался, думал, что ты дал деру. Но не из боя, а в бой. Славная работа, удачный день!

– День еще не кончился, за нами движется войско, – напомнил Шеф. – И там остался Сигвард. Мерсийцы должны были настигнуть нас на рассвете. Он задержал их на двенадцать часов дольше, чем мне казалось возможным.

– Но этого может быть мало, – возразил из повозки шербатый Магнус.

Он показал пальцем. Далеко на равнине скупое зимнее солнце выиграло бликами: то были копья армии, которая выстраивалась в боевой порядок и надвигалась.

– Мне нужно больше времени, – угрюмо шепнул Шефу Бранд. – Иди поторгуйся и выгадай чуток.

У Шефа не осталось выбора. Он направился к передовому отряду мерсийцев, сопровождаемый Торвином и Гудмундом. Неприятель отличался от только что разбитого врага тремя огромными крестами, которые возвышались над войском.

Оставшаяся позади армия идущих Путем спешила перестроиться. Не меньше трети было убито или искалечено; ходячие же раненые трудились не покладая рук наравне с остальными: разоружали сдавшихся воинов Рагнарссона и рыскали по полю в поисках полезных и ценных вещей, в чем им охотно помогали вольноотпущенники Шефа. Раненых врагов гнали в сторону кораблей, еще находившихся под защитой Уоша, а тех немногих, кто пережил пристальное внимание мародеров, препоручали лекарям.

Войско превратилось в чистую показуху. В шеренгу для вида выстроилось несколько сот самых крепких воинов. За ними поставили пленных, за рядом ряд, наспех связав им руки и приказав стоять, если жизнь дорога. Еще в полумиле трэллы и воины спешно копали траншею, устанавливали машины и разворачивали лошадей и повозки, готовясь к новому отступлению. Армия идущих Путем была еще не готова к сражению, зато не утратила боевой дух. Однако традиция понуждала выживших в напряженном бою с превосходящими силами противника к передышке и празднованию.

«Следующие минуты будут крайне опасны», – подумал Шеф.

Навстречу его маленькому отряду выдвинулись три человека. Один был священником. Двое других катили на колесах странный короб, поставленный вертикально. Мгновением позже Шеф сообразил, что там находился не кто иной, как Вульфгар, его приемный отец.

Две группы остановились в десяти шагах, напряженно разглядывая одна другую. Тяжелое, пропитанное ненавистью молчание нарушил Шеф.

– Ну что же, Альфгар, – обратился он к единоутробному брату, – я вижу, ты возвысился. Довольна ли наша матушка?

– Наша матушка так и не оправилась от поступка твоего отца. Покойного отца. Он много порассказал о тебе перед смертью. Времени у него было достаточно.

– Так это ты его схватил? Или стоял в стороне, как в битве на Сторе?

Альфгар шагнул вперед, и его рука потянулась к мечу. Ее быстро перехватил угрюмый человек – тот, что не был священником и стоял рядом.

– Я Квикхельм, воевода Бургреда, короля Мерсии, – назвался он. – Мой долг – вернуть шайры Норфолк и Суффолк их новому олддермену и подчинить моему владыке. А кто такой ты?

Шеф, памятуя о торопливых приготовлениях, которые велись позади, неспешно представил своих спутников и разрешил Квикхельму сделать то же. Отверг враждебные намерения. Объявил о готовности отступить. Намекнул на возмещение ущерба.

– Заговариваешь мне зубы, юнец, – перебил его Квикхельм. – Ты не болтал бы, найдись у вас силы сражаться. Если хочешь дожить до рассвета, вот что придется сделать. Во-первых, мы знаем, что ты забрал сокровища из вубриджской усыпальницы. Мне нужны они все, для моего короля. Они из его королевства.

– Во-вторых, – вмешался чернец, сверливший взглядом Торвина, – среди вас есть христиане, которые изменили вере и предали своих господ. Они должны быть выданы для наказания.

– Включая тебя, – добавил Альфгар. – Что бы ни случилось с остальными, ты не уйдешь от нас с отцом. Я сам надену на твою шею обруч. Считаю себя счастливым – мы обойдемся с тобой иначе, чем с твоим родителем.

Шеф не удосужился перевести это Гудмунду.

– Что вы сделали с моим отцом?

До сих пор Вульфгар молчал. Он растекся в коробе, удерживаемый ремнями. Шеф вспомнил желтое, искаженное от боли лицо, которое в прошлый раз видел в корыте. Теперь на этом лице расцвел румянец, полнокровные губы алели в седой бороде.

– То, что он сотворил со мной, – сказал он. – Только искуснее. Сначала мы отрубили ему пальцы на руках, потом на ногах. Уши отрезали, губы. Глаза не тронули, чтобы он видел, чем мы занимаемся; язык оставили тоже, чтобы молил о пощаде. Кисти, ступни. Колени и локти. И не давали истечь кровью. Обстругивали его, как мальчишка палочку. Под конец осталось только тулово. Держи, мой мальчик. На память о твоём отце.

Он кивнул, и слуга швырнул в сторону Шефа кожаную суму. Шеф распустил завязки, глянул внутрь и бросил ее в ноги Квикхельму.

– Ты угодил в дурную компанию, воин, – отметил он.

– Пора уходить, – сказал Гудмунд.

Обе группы попятнулись и развернулись, когда отошли на безопасное расстояние. Быстро шагая к своим, Шеф уловил зов боевого рога, услышал рев глоток и бряцание кольчуг: английское войско двинулось в наступление.

И в тот же миг, как было условлено, строй воинов Пути поворотился и бросился бежать. Это был первый этап долгого, тщательно продуманного отступления.

* * *

Через несколько часов затяжные зимние сумерки сменились ночью, и Бранд, у которого пересохло в горле, ворчливо сказал Шефу:

– По-моему, нам удалось это сделать.

– На сегодня достаточно, – согласился Шеф. – Утром наши дела будут плохи.

Бранд пожал могучими плечами и скомандовал привал – разводить костры, греть воду, готовить пищу.

Воины Пути отходили весь день, прикрывая машины Шефа, которые стреляли и сдерживали мерсийцев, едва те выстраивались в боевой порядок. Затем катапульты быстро грузили на повозки и перевозили на следующий рубеж. Мерсийцы преследовали викингов, дразнили, как диких псов, отбегая от лютых клыков и вновь надвигаясь. Не менее трех раз войска вступали в рукопашный бой, и воины Пути неизменно использовали то или иное препятствие – свежую траншею, насыпь вдоль края болота, мутную и мелкую речушку Нин. После получасовой сечи мерсийцы столь же исправно и резко откатывались, не будучи в силах преодолеть преграду и открываясь для нового града камней и стрел.

Шеф подумал, что боевой дух воинов Пути понемногу растет и бьются они все лучше. Беда была в том, что и мерсийцы набирались опыта. Сначала они ежились от свиста в поднебесье, останавливались перед каждой канавой. Должно быть, Сигвард преподавал им жестокий урок.

Но с течением дня англичане осмелели, осознав свое бесспорное численное превосходство.

Держа котелок с недоеденной кашей, Шеф откинулся на выюк и моментально уснул.

* * *

Он очнулся, когда протрубили зорю, окоченевший от холода и сырости. Люди вокруг с усилием поднимались и пили кто воду, кто припрятанные остатки эля и медовухи. Они потянулись к неказистому брустверу, который соорудили в деревушке, где Бранд решил устроиться ночлег.

Едва рассвело, их взорам предстало зрелище, способное смутить даже самых отважных. Армия, с которой они сражались накануне, неуклонно приходила в упадок: одежда пропитывалась влагой, щиты покрывала грязь, воины пачкались по брови, и войско, постоянно терявшее раненых и дезертиров, таяло – в нем не осталось и половины первоначального состава.

Этой армии не стало. На ее месте выстроилось новое войско – бодрое, как будто не прошагало и мили. Оно стояло за рядом ряд, и над ним растекался дерзкий зов боевых рогов. Щиты сверкали свежей краской, доспехи и оружие отсвечивали красным в лучах восходившего солнца. Над воинами высились кресты, но знамена... знамена были другие. С крестами соседствовал золотой дракон.

Перед строем гарцевал всадник на гнедом коне. Седло и сбруя были яркого алого цвета, а щит убран за спину в знак мира.

– Он хочет переговоров, – сказал Шеф.

Воины Пути молча сдвинули повозку, явив своих вожаков: Бранда, Шефа, Торвина, Фармана, Гудмунда и Стейнульфа. Те, ни слова не говоря, последовали за всадником и приблизились к длинному столу на козлах, который выглядел неуместно в гуще стоявших людей.

По одну сторону сели Квикхельм и Альфгар. У них были каменные лица; Вульфгара установили на шаг позади. Герольд махнул шестерым советникам Пути, предлагая расположиться напротив.

Между двумя группами уселся лишь один человек – молодой, белокурый, синеглазый, с таким же золотым обручем на челе, как у короля в усыпальнице. Шеф подумал, что у него странный пытливый взгляд. Когда они сели, их глаза встретились. Молодой человек улыбнулся.

– Я Альфред, этелинг Уэссекса, брат короля Этельреда, – произнес он. – Насколько я понимаю, Бургред, король Мерсийский и ровня моему брату, назначил олдермена в шайры, которые ранее принадлежали королю восточных англов. – Он выдержал паузу. – Это недопустимо.

Кислые взгляды, молчание Альфгара и Квикхельма. Вероятно, они уже выслушали эти слова.

– В то же время я не позволю викингам обосноваться в английском шайре – не важно в каком – и, по их обычаю, чинить там убийства и грабежи. Я предпочту уничтожить их всех до единого. – Еще одна пауза. – Но с вами я не знаю, как поступить. Мне донесли, что накануне вы сразились и разбили Ивара Рагнарссона. С ним у меня мира не будет, ибо он погубил дружественного моему брату короля Эдмунда. А кто убил короля Эллу?

– Я, – ответил Шеф. – Но он бы меня за это поблагодарил, если бы смог. Я сказал Ивару, что его обращение с королем – нидингсверк.

– Тогда это дело улажено. Вопрос в том, могу ли я заключить с вами мир? Иль мы обязаны сразиться?

– А ты спросил у своих жрецов? – осведомился Торвин на неспешном, тщательно выверенном английском.

Молодой человек улыбнулся:

– Мы с братом убедились: о чем ни спроси священников, им нужны только деньги. Они не помогут нам одолеть даже таких, как Ивар. Но все-таки я христианин. Я предан вере моих отцов. Надеюсь, когда-нибудь даже вы, воины Севера, примете крещение и подчинитесь нашему закону. Нет, я не церковник.

– В нашей войске найдутся и христиане, – сообщил Шеф. – Некоторые из нас англичане.

– Они полноправные воины? Имеют долю в добыче?

Бранд, Гудмунд и Стейнульф переглянулись, осмысливая вопрос.

– Если ты считаешь, что должны иметь, то так тому и быть, – сказал Шеф.

– Хорошо. Итак, вы англичане и норманны, христиане и язычники.

– Не язычники, – вмешался Торвин. – Идущие Путем.

– Однако вы ладите друг с другом. Возможно, это пример для всех нас, поэтому все и послушайте. Мы можем составить договор о долях и податях, правах и обязанностях, уплате вергельда и вольноотпущенниках. Во всех мелочах. Но главным должно быть следующее: я передам вам Норфолк, где вы будете жить по своим законам. Вот только править вам придется по совести и не допускать никаких вторжений. А олдермен должен поклясться на моих и ваших священных реликвиях, что будет добрым другом королю Этельреду и его брату. И если быть посему, то кто же станет олдерменом?

Бранд поднял разрубленную руку и хлопнул по плечу Шефа:

– Королевский брат, им будет он. Знает два языка, живет в двух мирах. Смотри, на нем нет метки Пути. Его крестили, но он наш друг. Выбери его.

– Он беглый! – неожиданно взвился Альфгар. – Трэлл! У него есть отметины, но только на спине и от побоев!

– И на лице от пыток, – подхватил Альфред. – Быть может, он позаботится, чтобы в Англии стало поменьше того и другого. Но не печалься, юноша. Я не отправлю тебя к королю Бургреду в одиночестве.

Он махнул рукой. Откуда-то сзади донеслось шуршание юбок, и на всеобщее обозрение вывели несколько женщин.

– Они отбились и бродили без дела, так что я захватил их с собой, пока не стряслось беды. Я слышал, о юный нобль, что среди этих женщин твоя жена. Увози ее к королю Бургреду и будь благодарен.

«Его жена», – подумал Шеф, впившись взглядом в серые глаза Годивы.

Она была прекрасна, как никогда. Что подумает Годива о нем, покрытом грязью, воняющем потом и не только, с пустой глазницей? На ее лице отразился животный ужас. Шефу почудилось, что его сердце стиснул ледяной кулак.

В следующий миг она, рыдая, упала к нему в объятия. Он крепко прижал ее одной рукой и огляделся. Альфгар был на ногах и бился в руках стражников, Вульфгар что-то орал из своего короба, Альфред же обеспокоенно поднимался из-за стола.

Когда сумятица улеглась, Шеф сказал свое слово:

– Она моя.

– Она моя жена! – крикнул Альфгар.

«И наполовину сестра, – подумал Шеф. – Если я об этом скажу, то Церковь вмешается и отберет ее у него. Но тогда получится, что я позволил Церкви возобладать надо мной и законом Пути. Над страной Пути».

Вот какую цену потребовал за свое золото старый драугр. В прошлый раз это было око. Теперь – сердце.

Он неподвижно стоял, пока слуги оттаскивали от него Годиву и волокли ее обратно в кровосмешение, к мужу и жгучим розгам.

От короля и вождя требуют дел, которых не спрашивают с простого смертного.

– Если ты готов вернуть эту женщину в знак доброй воли и преданности, – отчеканил Альфред, – то я присоединю Суффолк к королевству моего брата, но олдерменом Норфолка признаю тебя, Шеф Сигвардссон. Что скажешь?

– Не называй его олдерменом, – встрял Бранд. – Пользуйся нашим словом. Называй его ярлом.

Книга 3 Ярл

Глава 1

Шеф сидел перед толпой ходатаев на простом трехногом табурете. Он был, как и прежде, одет в пеньковую рубаху и шерстяные штаны, ничем не выделяясь из общей массы. Но на сгибе левой руки покоился скипетр-оселок из усыпальницы старого короля. Внимая просителям, Шеф то и дело бережно проводил пальцем по грубым лицам резных бородачей.

– ...И вот мы подались в Норвич и доложились королю Эдмунду. А он совершил суд в своих личных покоях – он только вернулся с охоты и умывал руки, да ослепит меня Господь, если вру, – и порешил, что земля должна отойти мне на десять лет, а потом ее придется вернуть.

Эту речь держал тан Норфолка, человек средних лет, о давнишнем благополучии которого говорил раззолоченный пояс. Тан запнулся, не зная, повредит ли ему поминание Господа перед судом Пути.

– Есть ли свидетели этого соглашения? – осведомился Шеф.

Тан Леофвин потешно напыжился. Он явно не привык, чтобы ему задавали вопросы или оспаривали его слова.

– Да, разумеется. В королевских покоях было много народа. Вульфхун и Витхельм. И еще королевский тан Эдрич. Но Эдрич пал от руки язычника в славной битве, и Вульфхуна тоже убили. А Витхельм был слаб легкими и умер. Но дело обстоит именно так, как я говорю! – вызывающе закончил Леофвин, озираясь на других присутствующих в суде – стражников, слуг, своего истца и прочих жалобщиков, ждавших очереди.

Шеф на секунду прикрыл глаз, вспоминая давний мирный вечер в обществе Эдрича на болоте – не так уж и далеко отсюда. Вот, значит, что с ним стало. Можно было и догадаться.

Открыв глаз снова, он пристально посмотрел на обвинителя Леофвина.

– Почему? – спросил мягко. – Почему ты решил, что король Эдмунд рассудил это дело не по справедливости? Или отрицаешь слова этого человека и хочешь сказать, что король постановил иначе?

Истец, тоже тан средних лет и такой же выделки, как и его оппонент, заметно побледнел под сверлящим взглядом. Весь Норфолк знал, что этот судья когда-то был в Эмнете трэллом, а также последним англичанином, который разговаривал с королем-мучеником. И ставшим – бог его ведает как – вождем язычников. Откопал клад Редвальда. Победил самого Бескостного. И удивительным образом заручился еще и дружеской поддержкой Уэссекса. Как такое могло случиться? Хоть и с собачьим именем, а человек он слишком странный, чтобы ему лгать.

– Нет, – сказал второй тан. – Я не оспариваю решение короля; я согласен с ним. Но когда мы уговаривались, оно понималось так: через десять лет упомянутая земля вернется от Леофвина к моему внуку, отца которого тоже убили язычники. В смысле, северяне. Вернется в первоначальном виде! А что сделал этот человек? – Осторожность в голосе сменилась негодованием. – Он ее разорил! Леофвин вырубил лес, нового не насадил, привел в негодность плотины и осушительные каналы, а пахотную землю превратил в заливной луг! Ей будет грош цена, когда выйдет срок!

– Так-таки и грош?

Жалобщик замялся:

– Меньше, чем было, лорд ярл.

Снаружи ударил колокол, возвестивший конец сегодняшних разбирательств. Но это дело следовало рассудить. Случай был сложный, как суд уже понял из нудных и затяжных слуша-

ний, – с долгами и невыплатами, которые скопились за поколения, и стороны сваливали друг на дружку всякую вину. Важных птиц среди участников не было. Похоже, король Эдмунд не слишком ценил их, коль скоро дозволил спокойно жить в своих имениях, а лучших людей вроде Эдрича призвал к служению и послал на смерть. Но все же они являлись знатными англичанами из почтенных семейств, которые жили в Норфолке не одно поколение, и было полезно заручиться их поддержкой. То, что они пришли искать правды у нового ярла, выглядело добрым знаком.

– Слово мое таково, – молвил Шеф. – Земля останется у Леофвина до конца срока десятилетней аренды.

Багровое лицо Леофвина победно просияло.

– Но он будет ежегодно отчитываться в прибыли моему тану в Линне, которого зовут...

– Бальд, – подсказал человек в черном балахоне, стоявший за письменной доской одесную Шефа.

– Которого зовут Бальд. По истечении десятилетнего срока, если доход с имущества покажется Бальду несоразмерным, Леофвин либо заплатит внуку сверху за весь срок аренды, либо выплатит назначенную Бальдом сумму, равную стоимости земли, которую погубил за время своего правления. И выбор будет сделан присутствующим здесь дедом.

Одно лицо посмурнело, другое просветлело. Затем на обоих написалась одинаковая сосредоточенность: начались торопливые подсчеты. «Неплохо, – подумал Шеф. – Никто не пришел в излишний восторг. Значит, они будут уважать мое решение».

Он встал:

– Бил колокол. На сегодня разбирательства окончены.

Послышался протестующий гомон, мужчины и женщины покинули свои места и потянулись вперед.

– Суд продолжится завтра. У всех есть откупные бирки? Покажете их на входе, и ваши дела будут рассмотрены в надлежащем порядке. – Голос Шефа возвысился над шумом. – И помните, что в этом суде нет ни язычников, ни христиан, ни идущих Путем, ни англичан! Отец же Бонифаций, – он указал на писца в черной рясе, – хоть и священник, креста не носит. Здешнее правосудие не зависит от веры. Запомните это и передайте другим. Теперь ступайте. Слушания закончены.

Двери в задней части зала распахнулись. Слуги начали выпроваживать разочарованных просителей на весеннее солнышко. Еще один человек в серой котте с изящно вышитым молотом махнул двум последним участникам, чтобы подошли к отцу Бонифацию и присутствовали при начертании ярлова приговора. Тот будет записан в двух экземплярах и засвидетельствован. Одна копия останется в скриптории ярла, вторую аккуратно разорвут надвое и отдадут тяжущимся на случай нового суда, дабы никто не предьявил подделки.

В дверях возник и возвысился над толпой человек в плаще и кольчуге, но без оружия. Шефу, страдавшему от одиночества в унылом судебном зале, это появление было только в радость.

– Бранд! Вернулся! Ты пришел кстати, у меня есть время поговорить.

Его рука утонула в лапище толщиной с добрый пивной кувшин, и Шеф увидел ответную ослепительную улыбку.

– Не совсем так, лорд ярл. Я уже два часа как пришел. Твоя стража меня не пустила – знай машет алебардами и ни слова не понимает по-норвежски. У меня пропала охота с нею спорить.

– Ха! Они должны были... Впрочем, нет. Я приказал не тревожить суд, разве только начнется война. Они поступили правильно. Но я прошу извинить, что не сделал исключения для тебя. Мне бы хотелось, чтобы ты побывал в суде и сказал все, что об этом думаешь.

– Я слушал. – Бранд указал пальцем через плечо. – Начальник твоей стражи состоял при катапульте, он узнал меня, хотя я его и в глаза не видел. Он принес мне эля – превосходного, после плавания-то, смыть морскую соль, – и предложил послушать у двери.

– И что же ты скажешь? – Шеф развернул Бранда, и они вместе вышли через расчистившийся дверной проем во внутренний двор. – Как тебе нравятся порядки у ярла?

– Я впечатлен. Достаточно вспомнить, что тут творилось четыре месяца назад: всюду грязь, коек нет, воины храпят на полу, кухни не сыщешь, и готовить в ней нечего. Другое дело – теперь! Стража! Казначей! Пекарни и пивоварни! Плотники прилаживают ставни, а всякие мазилы красят все, что не шевелится. Появишься, а тебя спрашивают, как звать да чем занимаешься. И записывают, когда скажешь!

Потом Бранд помрачнел, огляделся и неумело понизил до шепота свой громовой голос:

– Послушай-ка, Шеф... то есть лорд ярл. Одно меня беспокоит. Что здесь делают чернорясы? Разве им можно доверять? И зачем, во имя Тора, ярлу и повелителю воинов слушать двух дураков, которые повздорили из-за канав? Шел бы ты лучше катапульты ладить. А то и в кузницу.

Шеф рассмеялся, покосившись на массивную серебряную пряжку на плаще друга, разбухший кошель и узорный пояс из сцепленных серебряных же монет.

– Расскажи-ка мне, Бранд, как ты сплавал домой? Все ли купил, что хотел?

Выражение лица Бранда стало торгашески осторожным.

– Я передал часть денег в надежные руки. В Холугаланде дерут три шкуры, а народишко подлый. Но все-таки, когда я оставляю топор и уйду на покой, мне, может быть, и удастся обзавестись домиком с хозяйством.

Шеф снова рассмеялся:

– Да ты, наверное, половину округи скупил на долю от наших трофеев, а родственники будут присматривать!

На этот раз ухмыльнулся и Бранд:

– Скрывать не стану, я вложилась неплохо. В жизни такого не было.

– Что ж, позволь рассказать тебе о черных монахах. Мы и не думали о том, сколько денег у населения, а это богатство целого округа – изобильного английского края, а не твоей Норвегии, где только валуны да скалы. Здесь живут десятки тысяч людей; все они пашут, разводят лошадей и овец, стригут шерсть, держат пчел, рубят лес и плавят железо. Тут больше тысячи квадратных миль. Может быть, тысяча тысяч акров. Со всех этих акров мне, ярлу, причитается подать, пусть даже только на военные нужды и строительство дорог и мостов. Некоторые расплачиваются полностью. Я прибрал к рукам все церковные земли. Часть из них раздал вольноотпущенным рабам, которые сражались за нас, по двадцать акров на человека. Для них это настоящее состояние, но по сравнению с целым – пустяк. Многие земли я уступил в аренду богачам Норфолка по бросовым ценам, за живые деньги. Они не захотят, чтобы Церковь вернулась. Значительную часть я оставил на нужды ярлства. Она даст средства для найма работников и воинов. Но я не добился бы этого без помощи чернорясых, как ты их зовешь. Кто держит в голове все это добро, все наделы? Торвин может писать по-нашему, но других таких умельцев нет. И вдруг оказалось, что вокруг полно грамотеев-церковников без земель и доходов. Некоторые поступили ко мне на службу.

– Но можно ли им верить, Шеф?

– Те, кто ненавидит и никогда не простит меня, тебя или Путь, ушли готовить войну к королю Бургреду или архиепископу Вульфхеру.

– Надо было перебить их, и вся недолга.

Шеф качнул своим каменным скипетром:

– Христиане говорят, что кровь мучеников – семя Церкви. Я верю им. Я не множу мучеников. Но и не сомневаюсь, что самые злобные из тех, кто ушел, поименно знают оставшихся.

Тех, что работают на меня, никогда не простят. Теперь их участь зависит от моей, как и судьба зажиточных танов.

Они подошли к невысокому строению за частоколом, который окружал ярлов бург. Ставни были распахнуты навстречу солнцу. Шеф указал внутрь на доски для письма и людей, писавших на пергаментях и приглушенно совещающихся. Бранд различил на одной стене огромную карту: новехонькую, без орнамента и чрезвычайно подробную.

– К зиме у меня будет книга с записью о каждом клочке земли в Норфолке, а на стене – маппа всего шайра. К следующему лету за землю не уплатят ни пенни без моего ведома. И у меня появится богатство, какое не снилось Церкви. С ним мы сможем творить невиданные дела.

– Если серебро хорошее, – с сомнением произнес Бранд.

– Оно лучше, чем на севере. Я думал об этом. Сдается мне, что в этом краю – во всех английских королевствах, вместе взятых, – полно серебра. И ему всегда найдется достойное применение. Опять же надо закупать товары для торговли. Чем больше его заперто в сундуках Церкви, или меняется на золото, или расходуется на драгоценности, которые лежат мертвым грузом, тем меньше та малость, что остается... Нет, тем труднее ту малость...

Шеф запнулся, не находя подходящих английских или норвежских слов для выражения своей мысли.

– Я хочу сказать, что Церковь слишком много выдоила из Северного королевства и ничего не вернула. Вот почему здесь ходили такие дрянные монеты. Король Эдмунд был менее благосклонен к Церкви, оттого и деньги у него водились приличнее. Скоро они станут и вовсе лучше некуда. И не только деньги, Бранд. – Сверкая единственным глазом, юноша повернулся к своему кряжистому соратнику. – Шайр Норфолк сделается счастливейшим краем во всем северном мире, где человек любого происхождения спокойно и счастливо доживает до седин, где никому не нужно влачить голодное скотское существование. В этом шайре все будут помогать друг другу. Дело в том, Бранд, что я узнал кое-что важное от бриндлингтонского рива Ордлафа и рабов, которые составили мою маппу и помогли решить загадку Эдмунда. Путь тоже должен это узнать. По-твоему, что самое ценное для Пути Асгарда?

– Новые знания, – ответил Бранд, машинально взявшись за амулет в виде молота.

– Новые знания – это хорошо. Не у каждого они появляются. Но я говорю о том, что не хуже и может прийти откуда угодно, – о старых знаниях, не понятых раньше. Это для меня стало еще яснее, когда я сделался ярлом. Всегда есть кто-то, кому известен ответ на твой вопрос, кто может подсказать выход из затруднительного положения. Но обычно никто о таком не просит. Советчик может быть рабом, нищим рудокопом, старухой, ривом, жрецом. Когда для меня запишут все знания, какие есть в этой стране, да учтут серебро и землю – вот тогда мы покажем миру кое-что новое!

Бранд, шедший со стороны незрячего глаза Шефа, скосил взгляд на его тугие шейные жилы и ухоженную бороду, в которой теперь проступала седина.

«Что ему нужно, – подумал он, – так это красивая и резвая женщина. Но даже я, Бранд, славный из мужей Холугаланда, – даже я не предложу ему купить такую. Просто не посмею».

* * *

Тем же вечером, когда дым из труб начал сливаться с серыми сумерками, жрецы Пути собрались в своем веревочном круге. Они устроились в садике за ярловым частоколом, у пивоварни, где приятно пахло яблочным соком и свежей зеленью. В листве без устали распевали дрозды.

– Он не знает подлинной цели твоего плавания? – спросил Торвин.

– Нет, – покачал головой Бранд.

– Но ты передал ему новости?

– Передал и получил. Весть о том, что тут произошло, долетела до всех жрецов Пути в северных краях, и они донесут ее до последователей. Она достигла Бирки и Каупанга, Скирингссала и Трондса.

– Значит, мы можем ждать подкрепления, – сказал служитель Тира Гейрульф.

– С такими деньгами, что были привезены домой, да историями, которые рассказывает каждый скальд, можете не сомневаться: любой воин Пути, который способен снарядить корабль, будет искать здесь работу. И любой жрец, не связанный делами. Да и амулеты нацепят многие, надеясь на лучшее. Найдутся и лжецы, ничуть не верующие, но с ними можно разобратся. Есть дело поважнее.

Бранд помедлил, обозревая кольцо заинтересованных лиц.

– В Каупанге, едва я вернулся домой, мне встретился жрец Виглейк.

– Тот Виглейк, что славен прозрениями? – напряженно спросил Фарман.

– Точно. Он созвал на конклав жрецов из Норвегии и Южной Швеции. Сообщил им – и мне, – что обеспокоен.

– Чем?

– Многим. Теперь он, как и мы, убежден, что средоточием перемен является юный Шеф. Он даже – опять же как мы – подумал, что Шеф – тот самый, кем он назвался, когда повстречался с тобой, Торвин: тот, кто придет с севера.

Бранд снова оглядел собравшихся. Все взоры были прикованы к нему.

– И тем не менее если это правда, то обстоятельства совершенно не те, каких ожидали даже мудрейшие из нас. Виглейк говорит, что он, во-первых, не норманн. Его мать – англичанка.

Пожатие плечами.

– Мало ли таких, – сказал Вестмунд. – Англичанка, ирландка. Моя бабка была лопаркой.

– Это не все. Он был воспитан в христианской вере. Его крестили.

На сей раз растекся удивленный гул.

– Мы видели рубцы у него на спине, – подал голос Торвин. – Он, как и мы, ненавидит христиан. Нет, это даже не ненависть. Шеф считает их недоумками.

– Ладно. Но загвоздка в том, что он не взял амулет. Он не верит в нас. Его посещают видения, Торвин, или так он тебе сказал. Но он не думает, что прозревает иной мир.

Теперь собравшиеся притихли, и взгляды медленно обратились к Торвину. Жрец Тора почесал в бороде:

– Хорошо, пусть так. Но его не назовешь и неверующим. Если мы спросим, он скажет, что человек с амулетом языческого бога, как выражаются христиане, не может править христианами даже тот срок, который понадобится им для смены веры. Он заявит, что ношение амулета не связано с верой и было бы ошибкой – все равно что ковать железо, пока оно не раскалилось. И он не знает, какой ему нужен амулет.

– Я знаю, – промолвил Бранд. – Я понял и сказал это в прошлом году, когда он впервые убил человека.

– Я тоже так думаю, – согласился Торвин. – Он должен носить копьё Одина, Бога Повешенных, Предателя Воинов. Только такой человек мог отправить на смерть родного отца. Но он, будь он здесь, сказал бы на это, что другого выхода не было.

– Виглейк только гадает? – вдруг осведомился Фарман. – Или у него есть некое послание от богов?

Бранд молча вынул из-за пазухи стопку тонких дощечек, завернутых в тюленью шкуру, и передал собранию. На дереве были вырезаны и наполнены чернилами руны. Торвин медленно пробежал их глазами; Гейрульф и Скальдфинн придвинулись ближе, чтобы тоже взглянуть. По мере чтения все трое помрачнели.

– Виглейк кое-что увидел, – наконец сказал Торвин. – Бранд, ты знаешь притчу о мельнице Фроди?

Воевода помотал головой.

– Триста лет назад в Дании жил король по имени Фроди. Говорят, что была у него волшебная мельница, из которой вместо муки сыпались мир, достаток и плодородие. Мы считаем, что это была мельница новых знаний. Для работы на мельнице он держал двух рабынь-великанш по имени Фенья и Менья. Но Фроди так хотелось подарить своему народу долгий мир и благополучие, что он не давал великаншам передохнуть, как бы те ни просили.

Сочным голосом Торвин затянул песнь:

Он им сказал:
«Срок вам для сна —
пока куковать
не кончит кукушка
иль, замолчав,
опять не начнет!»⁴²

Тогда рабыни разгневались и вспомнили, что в их жилах течет кровь исполинов. Вместо мира, достатка и плодородия они начали вымалывать пламя, кровь и воинов. А ночью пришли враги и уничтожили Фроди вместе с его королевством, и волшебная мельница исчезла навсегда. Вот что увидел Виглейк. Он хочет сказать, что даже в погоне за новым знанием можно зайти слишком далеко, если мир к нему не готов. Железо куют, пока горячо. Но иногда мехи раздувают слишком долго и яростно.

Повисло долгое молчание. Затем Бранд нехотя изготовился ответить.

– Лучше я расскажу, – молвил он, – о намерениях, которыми ярл Скъеф Сигвардссон поделился со мной нынче утром. А уж вы решайте, совпадают ли они с прозрениями Виглейка.

* * *

Несколько дней спустя Бранд стоял и глазел на огромный камень, давно вросший в луг неподалеку от места, где раскисшая гатевая дорога, что шла от Или, выходила на раскинувшийся за Марчем поля.

На том камне были вытесаны зубилом затейливые рунические письмена, их края не успело сгладить время. Шеф легонько дотронулся пальцами:

– Я сочинил это сам на твоём языке, как научил меня Гейрульф. Вот что гласят руны:

Простился с жизнью славно, хоть жил негодно.
Все счета свела смерть.

А наверху стоит имя: «Ярл Сигвард».

Бранд крикнул, раздираемый сомнениями. Он не любил Сигварда. Но все-таки тот достойно пережил гибель единственного сына. И безусловно, спас второго и армию Пути заодно, претерпев мучения в свою последнюю ночь.

– Что ж, – произнес он в итоге, – у него есть bautasteinn⁴³, и это правильно. Старая пословица гласит: «Немногие камни устоят, если сыны их не поправят». Но ведь убили его не здесь?

⁴² «Песнь о Гротти». Перев. А. Корсуна.

⁴³ Надгробный камень.

– Не здесь, – подтвердил Шеф. – Его убили на болоте. Наверное, мой второй отец, Вульфгар, не дотерпел до твердой суши. – Он скривил рот и сплюнул в траву. – Но отсюда Сигварда будет видно с болот на шесть дней пути. Кроме того, я хочу, чтобы ты полюбовался еще и на это...

Он с ухмылкой повернулся и махнул рукой в сторону чуть обозначенной возвышенности, которая восходила к Марчу. Оттуда раздался шум, как будто вдруг завизжал десяток закаляваемых свиней. Бранд подхватил с земли топор и стал высматривать засевшего в засаде врага.

На разъезженную дорогу вышла колонна волынщиков по четверо в ряд. Они усердно надували щеки. Тревога Бранда улеглась, и он различил впереди знакомое лицо Квикки, бывшего раба из обители Святого Гутлака в Кроуленде.

– Одно и то же дудят, – прогремел Бранд, стараясь перекрыть вой. – Твоя затея?

Шеф помотал головой и указал пальцем на волынщиков:

– Их, не моя. Они сами сочинили мотив и назвали его «Освежеванный Бескостный».

Бранд покачал головой, не веря ушам. Подумать только, английские рабы высмеивают самого грозного полководца Севера!

За двадцатью волынщиками двигалась колонна побольше. В ней шли алебардчики в сверкающих шлемах с острой кромкой, в кожаных джеркинах, обшитых металлическими пластинами, и со щитом-кругляшом на левой руке. «Должно быть, тоже англичане», – подумал Бранд. С чего он это взял? В основном угадал по росту – мало кто был выше пяти с половиной футов. Но среди них попадались и долговязые, крепкие; вспомнить хоть тех бугаев, которых Бранд видел в последней битве за их короля Эдмунда. Нет, эти не просто англичане, а бедные англичане. Не таны Англии, не карлы армии, но керлы. Или рабы. Рабы с оружием и в доспехах.

Бранд взирал на них со скепсисом. Он немало лет провел в кольчуге и знал, сколько нужно сил, чтобы махать топором или мечом. При полной выкладке на воина ложится – да не только ложится, еще и носится – сорок-пятьдесят фунтов железа. Долго ли способен провоевать человек с такой нагрузкой? Тот, у кого первого ослабеет рука, погубит не только себя, но и всю шеренгу. Слово «крепкий» в устах Бранда звучало нешуточной похвалой. Что же касается людей мелких, то для них было семнадцать названий, и все оскорбительные.

Он смотрел на шествие двух сотен карликов. Алебарды высились, как он отметил, одинаково, строго над правым плечом. Люди, что вышагивают сомкнутыми рядами, не могут себе позволить роскошь личных решений. Но армия викингов шагала бы вразнобой и несла бы алебарды абы как, выказывая должную независимость.

Бранд с удивлением увидел, что за алебардчиками идут лошади, а не медлительные упрямые волы, которые притащили изделия Шефа в тыл армии Ивара. Первые десять пар тянули повозки с уже знакомыми ему балками от крутопулт – камнеметных машин. Возле каждой шагала боевой расчет: десяток людей в одинаковых серых джеркинах с вышитым белым молотом, как у волынщиков и алебардчиков. Что ни группа, то знакомое лицо. Ветераны зимней кампании Шефа получили свою землю, оставили батраков обрабатывать ее и вернулись к благодетелю и господину. Каждый теперь возглавлял свой собственный отряд, набранный из рабов исчезнувшей Церкви.

Следующие десять тоже представляли собой нечто новое. За лошадьми катили штукорины на широких тележных колесах, их длинные хоботы были задраны так высоко, что другой конец кланялся – похоже курица клюет в грязи червяков. Стрелометные машины. Не разобраные, а готовые к бою и лишь высокими колесами отличающиеся от той, что умертвила короля Эллу. Те самые, что повалили штандарт Ивара с Кольчатым Гадом. С ними тоже шагали расчеты по десять душ, с вращательными рычагами и связками стрел за спиной.

Когда протопали и они, Бранд осознал, что волынщики, хотя и сменили мотив, несколько не отдалились. Те пятьсот человек, которых он уже видел, развернулись позади него и выстроились в шеренги.

Но вот наконец показалось нечто похожее на армию: сонмы людей, которые не маршировали строем. Это были всадники, и они текли серой массой. Кольчуги, широкие мечи, шлемы, знакомые лица. Бранд воодушевленно махнул рукой при виде Гудмунда, который так и носил прозвище Жадный и ехал впереди своей корабельной команды. Холугаландцу замахали в ответ и загалдели, в отличие от англичан: щербатый Магнус и его приятель Кольбейн, носящие как алебарды, так и привычное оружие; Вестлиди, служивший кормчим у ярла Сигварда, и дюжина других последователей Пути.

– Одни отправились тратить нажитое, как сделал ты, – крикнул Шеф Бранду в ухо. – Другие либо отослали, либо придержали деньги и остались здесь. Многие купили землю. Теперь они защищают родную страну.

Волынки дружно умолкли, и Бранд понял, что находится в кольце людей. Он огляделся, подсчитывая.

– Десять длинных сотен? – предположил он наконец. – Половина англичане, половина норманны?

Шеф кивнул:

– Что скажешь про них?

Бранд покачал головой.

– Лошади вдвое резвее волов, – сказал он. – Но я не знал, что англичане способны запрячь их как следует. Видел, как они это делают – дышлом поперек. Так запрягают вола, а у лошади сбивается дыхание, и она не может толком тянуть. Как тебе удалось добиться от них проку?

– Говорю же, что всегда найдется смекалистый человек, – ответил Шеф. – На этот раз он отыскался в твоей команде: Гаути, который хромает. Когда я впервые стал запрягать, он подошел и обозвал меня дураком. Потом показал, как это делается в Холугаланде, где вы пашете только на лошадях. Не новое знание, а старое! Старое знание, которое известно не всем. Но как прицепить катапульти, мы догадались сами.

– Неплохо, – кивнул Бранд. – Но скажи-ка мне вот что. Катапульти или не катапульти, конная обслуга или не конная, а сколько твоих англичан устоит в бою против опытных воинов? Тех, что весят вдвое больше и вдвое же сильнее? Ты же не выставишь на передний край поварят. Призвал бы лучше откормленных танов, которых мы видели, или их сыновей.

Шеф согнул палец, и два алебардщика вытолкнули вперед пленного. Это был бородатый, бледный и обветренный норманн, на голову выше своих конвоиров. Он неуклюже поддерживал левую кисть правой рукой, как будто у него была сломана ключица. Его лицо показалось знакомым: Бранд видел однажды этого человека возле костра в каком-то забытом стане викингов, когда Великая армия еще была едина и крепка.

– У него было три команды, две недели назад они решили попытать счастья и пограбить наши земли около Яра, – сообщил Бранду Шеф и обратился к пленнику: – Расскажи, как ты попался.

Человек с мольбой уставился на Бранда.

– Труссы! – прохрипел он. – Они не сошлись бы с нами в честном бою. Схватили нас на выходе из первой деревни. Мы и понять не успели, откуда летят эти огромные стрелы, а дюжина наших уже полегла, пробитая насквозь. Бросились на машины, а по нам здоровыми топорами! Потом сзади набежали другие. Мне перебили руку, и я не мог поднять щит... Потом меня потащили на берег смотреть, как они разделяются с ладьями. Одну потопили камнеметной машиной, двум удалось уйти. – Он скривился от боли. – Меня зовут Снэкольф, я из Раумарики. Не знал, что вы, идущие Путем, столь многому научили англичан, иначе бы и не сунулся. Ты замолвишь за меня слово?

Не успел Бранд ответить, как Шеф отрицательно покачал головой:

– Его люди вели себя в той деревне как сущее зверье. Больше мы этого не потерпим. Я сохранил ему жизнь, чтобы держал ответ, и он высказался. Вздерните его на первом же дереве.

Алебардчики поволокли умолкшего викинга прочь, а позади застучали копыта. Шеф невозмутимо повернулся навстречу всаднику, который галопом мчался по размытому тракту. Добравшись до места, тот спешился, коротко поклонился и заговорил. Англичане и норманны из войска Пути наострили уши.

– Новости из твоего бурга, господин ярл. Вчера прибыл гонец из Уинчестера. Этельред, король западных саксов, мертв. Считают, что ему наследует его брат и твой друг этелинг Альфред.

– Хорошая весть, – задумчиво произнес Бранд. – Друг во власти не помешает никогда.

– Ты сказал «считают»? – переспросил Шеф. – Кому с ним тягаться? Этот королевский дом опустел.

Глава 2

Молодой человек увлеченно смотрел в узкое окно, пробитое в камне. Позади него, далеко и потому еле слышно, пели монахи, служившие по его брату королю Этельреду очередную зауспокойную службу из многих, которые он заказал. Перед ним же царила всеобщая суета. Широкая улица, пересекавшая Уинчестер с востока на запад, была заполнена торговцами и покупателями. Меж лотков сквозь толпу проталкивались телеги, груженные лесом. По обеим сторонам трудились три бригады строителей: копали котлованы, ставили деревянные сваи, нашивали на бревенчатый каркас доски.

Подними он глаза, увидел бы, как еще большее число людей укрепляло земляной вал, о постройке которого распорядился его брат. Они вбивали бревна и обустроивали площадки для лучников; со всех сторон жужжали пилы и грохотали молотки.

Молодой человек, этелинг Альфред, испытывал страстное удовлетворение. Это его город: Уинчестер. Город, где его род живет веками с тех пор, как на острове появились англичане. И даже с более ранних времен: он может назвать своих далеких предков – бриттов и римлян. Монастырь тоже принадлежит ему. Двести лет тому назад его прадед король Кенвалх выделил Церкви землю как для постройки монастыря, так и для прокорма слуг Христовых. Здесь упокоился не только брат Этельред, но и отец Этельвульф с остальными братьями, а также бесчисленные дядья и прадеды. Они жили, они умерли, они легли в землю. И это все та же земля.

Молодой этелинг не чувствовал себя одиноким, будучи последним в роду.

Приободренный, он повернулся на скрежещущий голос, который силился перекрыть уличный шум. Голос принадлежал Даниилу, епископу Уинчестерскому.

– Что ты такое сказал? – спросил этелинг. – Если я стану королем? Я уже король! Последний из рода Кердика, а сам род восходит к Вотану. Меня беспрекословно избрал витенагемот!⁴⁴ Воины подняли меня на щит. Я и есть король!

На лице епископа отразилось ослиное упрямство.

– К чему поминать Вотана, бога язычников? Это не к лицу христианскому королю. Деяния же витенагемота и воинов ничтожны перед лицом Господа. Ты не можешь стать королем, пока тебя не помажут на царство миром, как Саула и Давида. А мы этого не сделаем, пока ты не покажешь себя истинным повелителем христианской страны. Ты должен разорвать союз с осквернителями Церкви. Лишить покровительства того, кого они называют Шифом, и пойти войной на язычников. На язычников Пути!

Альфред вздохнул. Он медленно пересек комнату и поскреб пальцами черную отметину на стене, оставшуюся после пожара.

⁴⁴ Народное собрание в англосаксонский период истории Англии.

– Святой отец, – произнес он терпеливо, – ты был здесь два года назад. Да, город разорили язычники. Сожгли все дома, вынесли из монастыря дары моих предков, угнали в рабство горожан и священников, кого смогли изловить. Это были настоящие язычники. И даже не Великая армия сынов Рагнара, Сигурда Змеинового Глаза и Ивара Бескостного, а просто шайка разбойников. Вот до чего мы слабы. Или были слабы. И вот что намерен я сделать. – Тон Альфреда вдруг вызывающе повысился. – Я постараюсь, чтобы такое горе больше не посещало Уинчестер и мои предки спокойно почивали в своих гробницах. Для этого мне нужно собраться с силами. И заручиться поддержкой. Идущие Путем не трогают нас и живут в мире, язычники они или нет. Они не враги нам. Истинно христианский король печется о своих подданных. Именно так поступаю и я. Почему же вы не даете мне благословения?

– Истинно христианский король, – ответил епископ, медленно и тщательно подбирая слова, – превыше всего ставит Церковь. Язычники спалили крышу монастыря, но они не отобрали ни землю, ни десятину. Ни один язычник, включая самого Бескостного, не забирал всей церковной земли, чтобы раздать ее рабам и наемникам.

«Это верно», – подумал Альфред.

Банды мародеров и даже сама Великая армия могли совершить набег на монастырь или собор, похитить его сокровища и реликвии. Епископ Даниил горько оплакал бы потерю и замутил насмерть всякого отставшего викинга, который оказался бы у него в руках. Но вопрос о выживании священнослужителей не встал бы. Церковь перестелит крышу, обновит припасы, воспитает новых прихожан и даже постарается выторговать назад книги и мощи. Грабеж можно пережить.

Опаснее же отъем земель, которые являются залогом неизменного благополучия и собираются Церковью веками, жертвуемые сильными мира сего на смертном одре. Именно изъятием земель и занялся новоиспеченный олдермен – нет, ярл идущих Путем. Его деяния вселили в епископа Даниила новые страхи. Даниил испугался за Церковь. Альфред же осознал, что боится за Уинчестер. Перестроенный или нет, с откупом или без него, в далеком будущем или в ближайшее время этот город больше не будет разграблен и сожжен. Он важнее Церкви.

– Не нужно мне твое миро, – сказал он твердо. – Я могу править и без Церкви. Помазан я или нет – за мной пойдут ривы и олдермены, таны, советники и воины. Они признают меня королем.

Епископ вперился немигающим взором в молодое лицо и с холодной яростью покачал головой:

– Этому не бывать. Есть писцы, есть священники – люди, которые пишут королевские указы и ведут счета; они не послужат тебе. Они сделают так, как велю им я. Во всем твоём королевстве – если ты именуешь себя королем – не найдется ни одного грамотного мирянина. Куда там – ты сам не умеешь читать! Как ни мечтала научить тебя этому благочестивая матушка!

Щеки юного этелинга зарделись от бешенства и стыда при воспоминании о том дне, когда он обманул мать. Он заставил священника сто раз прочесть ее любимые английские стихи, пока не выучил их наизусть. Потом встал перед ней и притворился, будто читает по книге. Где эта книга теперь? Ее забрал какой-то поп. Наверное, стер написанное и вывел поверх священный текст.

Епископ скрежетал дальше:

– А потому я нужен тебе, юнец, и не только из-за могущества моих подчиненных, которым я с тобой делюсь. Ибо у меня тоже имеются союзники и власти предержавшие. Ты не единственный в Англии христианский король. Есть праведный Бургред Мерсийский, который помнит свой долг. Есть юный олдермен Альфгар, которого ты лишил Норфолка, и его достойный отец Вульфгар, искалеченный язычниками, – они тоже истинные слуги Господа. Скажи мне как король: неужто среди твоих танов и олдерменов не найдется таких, кто пойдет за ними?

– Уэссекские таны подчинятся только уэссексу.

– Даже если им велят сделать иначе? Если поступит приказ из Рима?

Слово повисло в воздухе. Альфред осекся, и презрительный ответ застыл у него на губах. На его памяти Уэссекс однажды не подчинился Риму – в тот раз, когда его брат Этельбалд женился на отцовской вдове вопреки всяким церковным уставам. Рим ответил угрозами. Вскоре Этельбалд скончался – никто не узнал от чего, – а новобрачную вернули к ее отцу, королю франков. Похоронить Этельбалда в Уинчестере не разрешили.

Епископ улыбнулся, видя, что попал в цель.

– Сам понимаешь, юный король, что выбора у тебя нет. И что бы ты ни сделал, это не возымеет значения. Я всего лишь проверяю тебя на верность. Человек, которого ты поддержал, – Шиф, сын языческого ярла; англичанин, воспитанный в христианской вере и изменивший ей; отступник, хуже любого варвара, хуже самого Бескостного, – ему осталось жить считанные недели. Враги берут его в кольцо. Поверь мне! Я слышал новости, которые не дошли до твоих ушей. Немедленно порви с ним. Яви покорность твоей Матери-Церкви.

Епископ откинулся на спинку нового резного кресла. Уверенный в собственном могуществе, он с нетерпением ждал, когда установится его пожизненная власть над молодым собеседником.

– Ты, может быть, и король, но сейчас находишься в нашем монастыре, – заметил он. – Тебе нужно дозволение, чтобы уйти. Ступай же. И огласи указы, которых я требую.

Внезапно этелинг вспомнил стихи, что выучил для матери. То было мудрое, еще дохристианское наставление воинам.

«Ответствуй ложью лжи, – говорилось там, – и мысли скрой перед врагом глумливым. И гнев излей, когда не будет ждать он».

«Добрый совет, – решил Альфред. – Быть может, его послала мне мать».

– Я подчинюсь тебе, – произнес он кротко, вставая. – Молю простить мне заблуждения юности и благодарю тебя за наставление в праведности.

«Слабак!» – подумал епископ.

«Ты слышал новости, которые не дошли до моих ушей?» – мысленно переспросил король.

* * *

Всем, кто знал Ивара Рагнарссона, – и многим из тех, кто не знал, – была очевидна печать, которую оставили на его лице поражение и бесславное бегство. Его никогда не мигающие глаза по-прежнему были страшны, но в них поселилось нечто новое: потерянность, отрешенность. Ивар ходил как человек, который что-то замыслил: медленно, с отсутствующим видом, почти страдальческой миной и без былой грации.

Впрочем, она не исчезла напрочь и возвращалась при надобности.

Путь от полей Норфолка до йоркского стана братьев Ивара был долог и тернист. Люди, которые некогда разбежались при шествии Великой армии, повылезали из всех щелей, атакуя двух измученных странников – Ивара и его верного оруженосца Хамалья, что спас господина от идущих Путем. По меньшей мере шесть раз они попадали в засаду; их преследовали озлобленные крестьяне, местные таны и пограничные дозоры короля Бургреда.

Ивар сражался, излучая высокомерие и презрение к врагам. Перед уходом из Норфолка он срубил головы паре керлов, кативших куда-то телегу, забрал и без единого слова передал Хамалю их кожаные джеркины и толстые одеяла. Когда беглецы добрались до Йорка, покойников накопилось – не перечесть.

«Три опытных бойца не справились с ним зараз, – доложил Хамаль замороженным, сгоравшим от любопытства слушателям. – Он может доказать, что остался великим воином Севера».

Толпа заворчала, возразив, что доказывать придется долго. Армейские карлы имели право говорить, что думают. Ушел с двадцатью длинными сотнями, вернулся с одним человеком. И это называется непобедимый полководец?

Вот такие мысли не давали покоя Бескостному. Остальные Рагнарссоны, отпаивая его горячей медовухой у очага в своих минстерских покоях, поняли это. Еще они осознали, что их брату, всегда ненадежному, отныне и вовсе нельзя доверить никакого дела, где требуется расчет. Их прославленное единство не дрогнуло – оно было нерушимо, – но там, где прежде совещались четверо, теперь бывали трое и один.

Они заметили перемену в первую же ночь. Молча встретились взглядами; молча сделали то, что делали прежде, ни слова не сказав своим людям, не признаваясь даже друг другу. Выбрали рабыню с йоркширских равнин, завернули в парус, связали и заткнули ей рот, после чего подбросили в покои Ивара, где тот в томлении и без сна коротал глухую ночь.

Утром они унесли останки в деревянном ящике, которым уже пользовались раньше. Какое-то время Ивар останется в здравом уме и не впадет в бешенство берсерка. Но всякий чуткий человек испытывал в его присутствии только страх.

– Он идет, – сообщил монах, карауливший у входа в огромную мастерскую, где обитатели йоркского Минстера трудились на своих союзников, обернувшихся господами.

Рабы, которые потели у горна, работали на тисках и плели канаты, удвоили усилия. Ивар убил бы любого, стоявшего праздно.

Через порог переступил и замер, озираясь, человек в алом плаще и посеребренном шлеме. К нему обернулся архидиакон Эркенберт – единственный, кто сохранил хладнокровие.

Ивар указал большим пальцем на рабочих:

– Готово? Хорошо готово?

Он изъяснялся на жаргонной смеси английского и норвежского, которую армия и духовенство усвоили за зиму.

– Достаточно, чтобы испытать то и другое.

– Стрелометы? Камнеметы?

– Смотри сам.

Эркенберт ударил в ладоши. Монахи мгновенно разразились командами, рабы бросились раздвигать строй машин. Ивар – в лице ни кровинки – наблюдал за ними. После того как братья забрали сундук, он неподвижно пролежал день и ночь, с головой укрывшись плащом. Потом, как знала теперь вся армия, встал, дошел до двери и прокричал в небеса: «Меня победил не Сигвардссон! Это сделали машины!»

Он призвал Эркенберта и грамотеев из Йорка, подчинявшихся архидиакону. С тех пор грохот в кузнице не прекращался.

Рабы установили камнеметную машину во дворе Минстера, за мастерской, в фарлонге от дальней стены. Катапульта в точности повторяла ту, которую применили для отражения первой атаки на Йорк. Затем одни подвесили огромную соломенную мишень; остальные лихорадочно закручивали свежавыкованные шестерни.

– Довольно! – Эркенберт лично проверил стояние зазубренной стрелы, глянул на Ивара и вручил ему шнур, протянутый от коленчатого рычага.

Ивар дернул. Рычаг отлетел и звякнул о шлем, но Бескостный не отреагировал. Стрела взмыла в воздух, раздался ужасный чавкающий звук. Никто не успел моргнуть глазом, как она уже закачалась, глубоко засев в соломенном чучеле.

Ивар бросил шнур, повернулся:

– Другую покажи.

На сей раз рабы выкатили незнакомое устройство. Каркас был из прочных балок, как у крутопульты, но зубчатые колеса находились не сверху, а сбоку. Они закручивали один-един-

ственный трос, который наматывался на деревянный шест. С него почти до земли свисала праща с увесистым грузом. Рабы повернули рычаги, и шест заходил ходуном в затворе.

– Это камнемет, – объявил Эркенберт.

– Не тот, что сломал мой гаран?

Архидиакон самодовольно улыбнулся:

– Нет. То была огромная машина, которая сбросила целый валун. Но ее обслуживало много народа, а выстрелить она могла только раз. Эта мечет камни поменьше. Таких машин не делали с римских времен. Но я, смиренный раб Божий Эркенберт, прочел о ней у Вегеция и построил. Она называется «онагр» – по-вашему, это «дикий осел».

Раб уложил в пращу десятифунтовый камень и дал знак Эркенберту.

Архидиакон снова вручил Ивару шнур.

– Стреляй, – сказал он.

Ивар дернул за веревку. Большой брус метнулся вперед быстрее молнии, как огромная рука, выполнившая бросок.

И стукнулся о тюфяк, притороченный к перекладине. Вся конструкция подпрыгнула. Праща раскрутилась намного шустрее, чем в самодельных камнеметах Шефа. Камень пересек двор Минстера по прямой, не выше и не ниже, чем нужно. Соломенная мишень разлетелась, и ее остатки медленно обвисли на ремнях. Рабы ликующе взревели.

Ивар медленно повернулся к Эркенберту.

– Не то, – сказал он. – Машины, что обрушили на мою армию смерть, швыряли высоко в небо! Вот так! – Он подбросил один камешек и запустил вторым в случайного воробья. – Ты построил неправильную машину.

– Ты ошибаешься, – возразил Эркенберт. – Есть огромная машина для крепостей, а эта – для людей. Других у Вегеция не описано.

– Значит, эти сволочи изобрели новую. Которой нет в твоей книге.

Эркенберт, не убежденный этим доводом, пожал плечами. Мало ли что болтает пират! Он и читать-то не умеет, тем более по-латыни.

– А как часто она стреляет? – Ивар свирепо посмотрел на рабов, которые вращали рычаги. – Сказано же тебе: я видел, как один камень летит, а следующий уж догоняет! Эта твоя штукovina слишком медленная.

– Но лупит так сильно, что не выстоять никому.

Ивар задумчиво уставился на пораженную мишень. Вдруг он резко повернулся и гаркнул что-то по-норвежски. Хамаль и горстка присных бросились вперед, оттолкнули рабов и развернули громоздкую, готовую к бою машину.

– Нет! – возопил Эркенберт, рванувшись к ним.

Рука Ивара обхватила его за шею, мускулистая ладонь зажала рот.

Подручные Ивара повернули машину еще на фут и оттащили чуть назад, как повелел предводитель. Ивар, без всяких усилий державший на весу обмякшего архидиакона, свободной рукой дернул за шнур в третий раз.

Огромные ворота Минстера, сделанные из дубовых балок, которые были сколочены в два ряда и скреплены железными обручами, разлетелись в щепки. Обломки, медленно выписав в воздухе дуги, усеяли двор. Изнутри понеслись стенания; монахи выбежали и сразу отпрянули, вопя от ужаса.

Они заворожено уставились на огромную дыру, пробитую камнем.

– Видишь? – сказал Эркенберт. – Это настоящая камнеметная машина. Бьет сильно. Не устоять никому.

Ивар повернул голову и презрительно взглянул на тщедушного монаха:

– Это не настоящая камнеметная машина. В мире, о котором ты знать не знаешь, есть и другая. Но твоя и впрямь сильна. Сделаешь мне много таких.

* * *

Далеко за узким проливом и землями франков, за тысячу миль в стране римлян, за величественными воротами собора, превосходившего размерами не только уинчестерский, но и йоркский, царила глубокая тишина. Со времен своего великого основоположника папство столкнулось с массой трудностей и потерпело множество неудач. Одни папы встретили мученическую смерть, другим пришлось спасаться бегством. Не прошло и тридцати лет с тех пор, как сарацинские пираты дошли до ворот Рима и разорили саму базилику Святого Петра, которая в то время находилась вне стен.

Впредь подобному не бывать. Об этом позаботится он, ныне равноапостольный наследник Петра, ключника райских врат, – он, превыше всего поставивший власть. Добродетели поистине бесценны: смирение, нестяжание, целомудрие. Но им не продержаться без власти. Стремление к власти – его долг перед смиренными, нестяжающими и целомудренными. В погоне за ней он низложил многих могущественных и великих – он, Николай Первый, папа римский, слуга Господних слуг.

Старик с ястребиным лицом медленно погладил кошку. Вокруг расселись секретари и помощники, не издававшие ни звука. Придурковатый архиепископ из английского городка со странным заморским названием – Эборакума, что ли, хотя кто его разберет с таким варварским произношением – был учтиво спроважен с глаз долой; к нему приставили кардинала, чтобы оказывал почести и развлекал. Архиепископ наплел небылиц о новой религии, о вызове, брошенном авторитету Церкви, а также о северных варварах, которые начали набираться ума. Паника и страшные рассказы.

Однако это подтверждалось другими сведениями, поступавшими из Англии. Ограбление Церкви. Изъятие земель. Добровольное вероотступничество. Для этого существует особое слово – «расцерковление». Это посягательство на самые основы власти. Если слухи распространятся, то да, найдется немало охочих последователей – даже в землях империи. Даже здесь, в Италии! Необходимо что-то предпринять.

И все же у папы и Церкви были другие заботы – более насущные, чем дело об английских и норманнских варварах, сражающихся за земли и серебро в стране, которую он не увидит вовек. Помыслы высшего духовенства были заняты раздробленностью могущественной империи, основанной франкским королем Карлом Великим, который был коронован в этом самом соборе на Рождество восьмисотого года, – с тех пор целая жизнь прошла. И вот уже двадцать лет, как империя развалилась на части, а ее враги наглеют день ото дня. Сначала перессорились внуки Карла, которые сражались друг с другом, пока не добились мира и раздела. Одному отошла Германия, другому – Франция, третьему – огромный ничейный край от Италии до Рейна. А ныне этот третий мертв, и его часть империи поделили натрое, в результате чего собственно император, старший сын старшего сына, владеет лишь девятой частью дедовского наследия. И что же предпринял сей император, Людовик Второй? Ровным счетом ничего. Он даже не сумел отогнать сарацин. А Лотарь, его брат, кого заботят только развод с бесплодной женой и брак с любовницей, способной к деторождению, – деяния, которых он, Николай, никогда не дозволит?

Лотарь, Людовик, Карл. Сарацины и норманны. Земли, власть, расцерковление. Папа гладил кошку, раздумывая сразу обо всем. Что-то подсказывало ему, что заурядная далекая распря, о коей поведал глупый архиепископ, бежавший от своего долга, может стать ключом к моментальному разрешению всех проблем.

Или это укол страха? Тревога при виде тучки, которая будет расти и расти?

Папа сухо кашлянул, как будто прострекотал старый сверчок. Первый секретарь мгновенно окунул перо.

– Слугам нашим: Карлу Лысому, королю франков. Людовику, королю немецкому. Людовику, императору Священной Римской империи. Лотарю, королю Лотарингскому. Карлу, королю Прованскому, – ты знаешь их титулы, Феофан. Итак, всем этим христианским королям мы одинаково пишем следующее...

«Знайте, возлюбленные чада, что мы, папа Николай, решили потрудиться к вящему процветанию и неприкосновенности всего христианского мира, а посему предписываем вам, дабы снискали вы нашу любовь, поспешествовать тому же вкупе с братьями и сородичами вашими, христианскими королями империи...»

Папа медленно изложил свои планы. Они касались общих действий. Единства. Отказа от усобиц и расчленения империи. Сохранения Церкви и истребления ее врагов, а также соперников, если архиепископ Вульфхер сказал правду.

– «И пожелание наше таково, – закончил сухой, скрипучий голос, – чтобы всякий человек, который приложится к сему благословенному и святому походу, носил на себе поверх доспехов знак креста, обозначая тем служение Матери-Церкви».

– Закончи послания как подобает, Феофан. Завтра я подпишу их и скреплю печатью. Созови хороших гонцов.

Не выпуская кошки, старик встал и чинно удалился в свои личные покои.

– Отлично придумано с этим крестом, – заметил один секретарь, деловито начертывая копии пурпурными папскими чернилами.

– Да. Его надоумил англичанин, когда рассказывал о язычниках, которые в насмешку над Христом носят молоты.

– Им особенно понравится то место, где говорится о процветании, – сказал старший секретарь, старательно посыпая письмо песком. – Он хочет сказать, что если они сделают по его слову, то могут разграбить всю Англию. Или Британию. Не важно, как ее называть.

* * *

– Альфред просит о миссионерах? – переспросил Шеф, не веря своим ушам.

– Он так и сказал. Миссионарии. – Взволнованный Торвин невольно выдал то, о чем уже подозревал Шеф: при всем его неприязненным отношении к христианам он худо-бедно знал их священный язык, латынь. – Так они издавна называли людей, которых посылали к нам с уговорами поклоняться их богу. Я никогда не слышал, чтобы христианский король приглашал в свою страну людей, дабы обратить в нашу веру собственное население.

– И Альфред этого хочет?

Шеф был полон сомнений. Он видел, что Торвин, вопреки своей убежденности в пользе выдержки и спокойствия, был захвачен мыслями о славе, которую принесет это дело ему и его товарищам по служению Пути.

Но он уверился, что все это неспроста и было не тем, чем казалось. Тот этелинг Альфред, которого он знал, не интересовался языческими богами и всей душой, насколько мог судить Шеф, веровал в христианского. Если он призывает в Уэссекс проповедников Пути, то причина лежит глубже. Наверняка он ополчился на Церковь. Ведь можно же верить в христианского бога и ненавидеть Церковь, которую воздвигли его последователи. Но что надеялся выгадать Альфред? И как эта Церковь воспримет происходящее?

– С моими товарищами-жрецами мы выберем, кто отправится с миссией...

– Нет, – сказал Шеф.

– Опять его любимое словцо, – заметил со своего стула Бранд.

– Не посылай никого из своих. Никаких норманнов. У нас сейчас хватает англичан, которые вполне усвоили вашу веру. Раздай им амулеты. Объясни, что и как говорить. Пошли их в Уэссекс. Они лучше знают язык, им скорее поверят.

Держа эту речь, Шеф поглаживал резные лики на скипетре.

Бранд успел заметить за ним эту привычку: Шеф делал так, когда лгал. «Сказать Торвину? – подумал он. – Или Шефу, чтобы врал поискуснее, когда понадобится?»

Торвин встал, будучи слишком возбужден, чтобы сидеть.

– У христиан есть священная песня, – молвил он. – Она называется «Nunc dimittis»⁴⁵, и там поется: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыка, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое». Думаю, что я по праву могу ее петь, ибо вот уже больше сотен лет, чем я могу счесть, эта их Церковь все растекалась, все расплзалась, захватив сначала южные, а после и северные земли. Они считают, что могут покорить нас всех. Я в жизни не слыхивал, чтобы Церковь хотя бы раз отказалась от приобретенного.

– Они пока ни от чего не отказались, – сказал Шеф. – Король просит вас прислать миссионеров. Он не обещает ни того, что их выслушают, ни того, что народ им поверит.

– У них есть Книга, а у нас – видения! – воскликнул Торвин. – Посмотрим, чья возьмет.

Бранд пробасил со своего стула:

– Торвин, ярл прав. Отправь на это дело вольноотпущенных рабов-англичан.

– Они не знают легенд! – воспротивился Торвин. – Что им известно о Торе и Ньёрде? А саги о Фрейре и Локи? Им неведомы ни священные сказания, ни их тайный смысл!

– И не надо, – хмыкнул Бранд. – Мы посылаем их говорить о деньгах.

Глава 3

Тем ясным воскресным утром жители селения Саттон, что в Беркшире, который принадлежал королевству западных саксов, стянулись, как было велено, к дому Хересвита – их господина и тана покойного короля Этельреда. Теперь же, сказывали, он сделался таном короля Альфреда. Или по-прежнему этелинга?

Их взгляды переходили друг на дружку: селяне подсчитывали, сколько пришло и кто присутствует; не дерзнул ли кто-нибудь нарушить приказы Хересвита являться по зову всем, посещать церковь, которая находилась в трех милях, и учить Закон Божий, стоявший над правилами людскими.

Постепенно все взоры сошлись в одну точку. На расчищенном пятачке перед бревенчатыми господскими хоромами стояли чужаки. Не заморские – во всяком случае, не явные иностранцы. Они ничем не отличались от остальных сорока или пятидесяти мужчин – керлов, рабов и керловых сыновей: низкорослые, в убогих шерстяных коттах и безмолвные. Их было шестеро. Но этих людей ни разу не видели ни в Саттоне, ни в его окрестностях – беспрецедентное событие для английской глуши. Все они опирались на прочные деревянные посохи с полосками железа, похожие на рукояти боевых топоров, но вдвое длиннее.

Деревенские украдкой обособились от них. Местные жители не знали, что это за диковина, но давно приучились подозревать опасность во всяком новшестве, пока его не увидит и не одобрит – или не осудит – господин.

Дверь распахнулась, и вышел Хересвит в сопровождении жены и целого выводка сынов и дочек. При виде потупленных глаз, расчищенного места и незнакомцев он резко остановился и машинально взялся за меч.

– Зачем вам церковь? – воззвал вдруг один чужак, спугнув копавшихся в грязи голубей. – Денек погожий. Почему не погреться на солнышке? Или не поработать в поле, если в том имеется нужда? Зачем переться три мили в Дрейтон и столько же назад? И слушать человека, который будет твердить, что вы должны вовремя уплатить десятину?

– Кто вы такие, черт побери? – прорычал Хересвит, шагнув вперед.

⁴⁵ «Ныне отпускаеши».

Чужак не смутился и ответил громко, чтобы слышали все. Селяне отметили его странный выговор – всяко английский, но не местный, не беркширский. Может, даже не уэссекский?

– Мы служим Альфреду. У нас есть дозволение короля говорить перед вами. А вы кому служите? Епископу?

– Черта с два вы от Альфреда! – прорычал Хересвит, обнажая клинок. – Вы чужеземцы. Я слышу по вашей речи.

Незнакомцы, державшиеся за посохи, не шелохнулись.

– Да, чужеземцы. Но мы пришли с поручением и принесли вам дар. Дар воли – освобождение от Церкви и рабства.

– Ну, без меня вы не дадите волю моим рабам, – отчеканил Хересвит, принявший решение.

Он взмахнул мечом, намереваясь полоснуть по горлу ближайшего пришельца.

Тот моментально выставил свою странную штуковину с железными ободами. Меч клацнул о металл и выскочил из неумелых рук Хересвита. Тан присел на корточки и зашарил по земле, не сводя глаз с чужаков.

– Полегче, господин, – сказал незнакомец. – Мы пришли с миром. Если соблаговолишь выслушать, мы изложим королевскую волю и объясним, как можем быть его слугами и в то же время чужеземцами.

Хересвит не привык ни слушать, ни договариваться. Он снова выпрямился с мечом в руке и сделал выпад, метя в колено. Клинок опять налетел на посох, атака была отбита легко. Когда тан в очередной раз изготовился к бою, чужак шагнул вперед и толкнул его посохом в грудь.

– На помощь! – воззвал Хересвит к безмолвным зрителям и бросился вперед, на сей раз склонив плечо, чтобы ударить снизу и выпустить противнику внутренности.

– Довольно, – произнес другой незнакомец и сунул посох ему под ноги.

Тан рухнул, затем попытался встать. Первый незнакомец вытряхнул из рукава короткую холщовую кишку – мешочек с песком для усмирения рабов. Он ударил всего один раз, в висок, и присел, готовый повторить. Когда Хересвит повалился ничком и остался лежать, он кивнул, выпрямился, убрал мешочек и дал знак жене тана, чтобы занялась мужем.

– Итак, – обратился чужеземец к оцепеневшим зрителям, – позвольте мне рассказать, кто мы такие и кем были раньше. Мы люди Пути из Норфолка. В этот же самый день годом раньше были рабами Церкви. Сейчас я расскажу, как нам удалось получить волю.

Рабы, которых насчитывалось в толпе с десятков мужчин и столько же женщин, испуганно переглянулись.

– А вашим фрименам, – продолжил Сибба, который сперва был рабом в илийской обители, затем катапультистом в армии идущих Путем, а после стал ветераном битвы, где потерпел поражение сам Ивар Бескостный, – вашим фрименам мы поведаем, как нам дали землю. По двадцать акров на брата, – добавил он. – И не нужно гнуть спину на хозяина, а подчиняемся мы только нашему ярлу Шефу. А также Пути, которому служим добровольно – добровольно, учтите! Двадцать акров. Не облагаемых десятиной. Есть ли здесь вольные, которые могут похвастаться тем же?

Теперь переглянулись фримены, и по толпе разошелся заинтересованный гул.

Как только Хересвита, ударяя головой о кочки, уволокли прочь, его арендаторы окружили пришельцев, не обращая внимания на позабытый в грязи меч.

– Во сколько вам обходится служение Христу? – приступил к делу Сибба. – В деньгах? Слушайте, и я скажу вам...

* * *

– Они повсюду, – доложил епископский бейлиф. – Густо, как блох на старой псине.

Епископ Даниил свел брови в ответ на эту шуточку, но придержал язык, ибо нуждался в новостях.

– Так-то вот, – продолжил бейлиф. – Похоже, что все они из Норфолка. И называют себя вольноотпущенниками. Это смахивает на правду. Суди сам, преподобный: если перечесть всех рабов, какие найдутся только в наших имениях вокруг Уинчестера да в шайрах и монастырях, это уже тысяча. Человек, о котором ты говоришь, – новый ярл, как называют его язычники, – мог бы из одного Норфолка выслать три тысячи рабов с проповедью.

– Их нужно переловить, – проскрежетал Даниил. – Выполоть, как сорную траву!

– Кабы это было так просто! Если верить тому, что я слышал, то ни рабы, ни керлы их не выдадут. Таны не в силах схватить их. Когда пробуют, получают отпор. Проповедники не ходят поодиночке. Обычно странствуют парами, иногда сбиваются в дюжину или двадцать душ, и мелкому хутору с ними не справиться. А кроме того...

– Что – кроме того?

Бейлиф со всей осторожностью подбирал слова.

– Быть может, эти пришельцы и врут... но их слова... о том, что они действуют по велению короля Альфреда...

– Этелинга Альфреда! Его не короновали!

– Прошу прощения, господин. Этелинга Альфреда. Но даже среди танов есть такие, кто не отваживается выдать людей, насланных королем на Церковь. Они говорят... они говорят, что пусть сильные мира сего грызутся, а их дело – сторона.

«И многие, безусловно, отвергнут Церковь и примкнут к этелингу, последнему в великой династии Кердигов», – подумал бейлиф, но счел за лучшее промолчать.

«Лжец и обманщик», – решил епископ.

Еще и месяца не прошло с тех пор, как юный принц сидел в этой самой комнате с потупленным, как у красной девицы, взором и каялся, моля о наставлении. И чуть шагнул за порог, немедленно призвал на помощь неверных! А теперь его нет, и никто не знает, где искать, и только слухи ползут: дескать, видели в той или иной части Уэссекса, где он призывал своих танов отвергнуть Церковь, последовать примеру северян и разделить верования, которые те прозвали Путем. При этом он утверждает, что по-прежнему верует в Христа, да толку-то? Сколько времени продержится вера без денег и земель? И если положение не изменится, то как скоро перед воротами монастыря появится гонец или объявится войско с приказом ему, епископу, сложить полномочия и отдать арендованные земли?

– Стало быть, так, – произнес Даниил, наполовину обращаясь к себе. – Нам самим не справиться с этой напастью в Уэссексе. Мы должны обратиться за помощью. И сюда уже движется сила, которая одолеет зло, и оно уже никогда не поднимет голову. Но я не могу ждать. Христианский долг предписывает мне действовать. Епископ, который сидит сложа руки, – кем он покажется его святейшеству в Риме, когда настанет пора решать, кто примет бремя правления английской Церковью?

– Итак, – продолжил епископ, – наши беды исходят из Норфолка. Вот пусть норфолкцы и разберутся с тем, что у себя натворили. Еще остались люди, которые помнят о своем христианском долге.

– Это в Норфолке они остались, господин? – усомнился бейлиф.

– Нет. Я имею в виду изгнанников: калеку Вульфгара и его сына. Один стараниями викингов лишился рук и ног, другой – своего шайра. Есть еще король Мерсии Бургред. Я думал, все равно, кто будет править Восточной Англией, Мерсией или Уэссексом, но ошибся. Пусть лучше королевством Эдмунда Мученика владеет набожный Бургред, чем оно достанется Альфреду. Альфреду Неблагодарному – так я его назову. Пришли моих секретарей. Я напишу письма всем троим, а еще моим братьям в Личфилде и Уорчестере. То, что Церковь утратила, она же и отвоюет.

– А придут ли они, господин? – спросил бейлиф. – Не побоятся вторгнуться в Уэссекс?
– Сейчас за Уэссекс решаю я. И на подходе силы бóльшие, чем могут выставить Уэссекс или Мерсия. Все, что я предлагаю Бургреду и остальным, – возможность присоединиться к победителю еще до победы. И покарать за наглость язычников и рабов. Пусть они послужат печальным примером для прочих. – Епископ судорожно сжал кулаки. – Нет, я буду не полоть – выжигать каленым железом, как язву.

* * *

– Сибба! – шепнули в темной горнице, где спал, закутавшись в одеяла, десяток миссионеров. – По-моему, дело неладно.

Сибба молча подкрался к своему товарищу, который смотрел в крохотное незастекленное окошко. За ним под ярким лунным светом мирно почивала деревня Стэнфорд-ин-зе-Вейл, до которой они шли от Саттона десять миль и столько же прочли проповедей. Тучи, гонимые ветром, бросали тени на глинобитные хижины, окружавшие деревянный дом тана, где заночевали миссионеры Пути.

- Что ты увидел?
- Сверкнуло вроде.
- Не затушили костер?
- Вряд ли.

Не говоря ни слова, Сибба пересек комнатушку, которая выходила в срединный зал. Там должно было спать семейство тана и собственно тан Эльфстан, их хозяин, присягнувший королю Альфреду. Через несколько секунд Сибба вернулся.

- Все на месте. Я слышал, как дышат.
- Значит, они ни при чем. Но я все равно что-то видел. Смотри, опять!

Снаружи из тени в тень метнулась третья, приблизившись. В лунном свете сверкнул металл.

- Сибба повернулся к спавшим:
- Ребята, подъем! Разбирайте оружие.
- Бежим? – спросил дозорный.

Сибба помотал головой:

– Они наверняка знают, сколько нас, и не напали бы, не будь уверены в победе. Это проще сделать снаружи, чем выковыривать нас отсюда. Нам придется первыми пересчитать им зубы.

Люди позади с кряхтеньем вставали, ощупью находили одежду, застегивали ремни. Один развязал сверток и начал извлекать странные металлические предметы. Другие выстроились перед ним в очередь, разобрав длинные паломничьи посохи, с которыми ходили открыто.

– Покрепче насаживайте, – буркнул человек со свертком, с трудом водружая алебарду на тщательно подогнанное древко.

– Шевелитесь, – поторопил Сибба. – Берти! Бери двоих и дуй к двери. Встаньте по бокам. А ты, Вилфи, давай к другой. Остальные при мне – посмотрим, где мы будем нужнее.

Лязг металла и общая суета разбудили тана Эльфстана. Он непонимающе уставился на гостей.

- Снаружи какие-то люди, – объяснил Сибба. – На друзей не похожи.
- Я тут ни при чем.
- Мы знаем. Послушай, господин, тебя-то они выпустят. Если выйдешь сейчас же.

Тан заколебался. Он кликнул жену и детей и, спешно одеваясь, о чем-то переговорил с ними.

- Дверь открыть можно?

Сибба огляделся. Его люди держали оружие наготове.

– Да.

Тан поднял тяжелый брус, запиравший главные двери, и толкнул обе створки. Едва он это сделал, как снаружи раздался дружный стон – почти вздох. Там было полно людей, готовых ворваться. Но теперь они поняли, что обнаружены.

– Выходят мои жена и дети! – гаркнул Эльфстан.

Детвора быстро проскользнула за порог, следом выскочила жена тана. Через несколько шагов она обернулась и неистово замахала ему рукой. Муж покачал головой:

– Они мои гости. – Затем голос повысился до крика – тан обращался к нападавшим: – Это гости – мои и короля Альфреда! Я не знаю, что вы за тати в ночи и зачем пожаловали в Уэссекс, но вас повесит королевский рив!

– В Уэссексе нет короля! – крикнули снаружи. – Мы служим его величеству Бургреду! Бургреду и Церкви! Твои гости – еретики и бродяги! Пришлые рабы! Мы наденем на них ошейники и выжжем клейма!

Лунный свет вдруг выхватил темные фигуры, отлепившиеся от домов и оград.

Они не стали мешкать. Проще было бы захватить врагов спящими, но им объяснили, с кем предстоит иметь дело – с вольноотпущенными рабами, низшими из низших. С людьми, которых не обучали боевому искусству; с отребьем, не предназначенным для войны. С теми, кого ни разу не жалил клинок над липовым щитом.

Десяток мерсийских воинов ворвался в темный проем главной залы. За ними, уже не таясь, затрубили в рог.

Двойные двери имели шесть футов в ширину, и места хватало, чтобы раскинул руки взрослый мужчина. С оружием на пороге уместились только двое. Два доблестных ратоборца вторглись одновременно, воздев щиты и бешено сверкая глазами.

Едва эти воины вперились во тьму, чтобы различить вражеские лица и раскроить их, как с обеих сторон свистнули алебарды – на уровне бедер, ниже щитов и кольчуг. Алебарда, имеющая топорное лезвие с одной стороны и пику с другой, была вдвое тяжелее обычного меча. Одна глубоко засела в бедре воина. Другая скользнула вверх по кости и закончила путь в области таза. Первый рухнул, фонтанируя кровью, и жить ему осталось считанные секунды; второй с воем дернулся и забился, пытаясь сняться с огромного лезвия.

Поверх упавших уже лезли новые. Их встретили пики, которые преодолели окованные железом щиты, пробили животы и отшвырнули нападавших в толпу их товарищей. Взлетев по шестифутовой дуге, топоры обрушились на ошеломленных воинов, забивая их, одетых в кольчуги, как беспомощную скотину.

Несколько мгновений казалось, что нападавшие сломают оборону сугубо числом и весом. Но в доме царила тьма, опасность была незримой, и у них сдали нервы. Мерсийцы попятились. Авангард отчаянно прикрывался щитами, пытаясь вытащить убитых и раненых.

– Пока все хорошо, – обронил один из идущих Путем.

– Они вернуться, – возразил Сибба.

Мерсийцы повторили атаку еще четыре раза, все больше выдыхаясь. Они разгадали тактику неприятеля и поняли, что у него за оружие, а потому старались уклониться от удара и прошмыгнуть внутрь до того, как враги повторно вскинут свои громоздкие алебарды. Норфолкские вольноотпущенники пользовались узостью прохода, стоя по двое у дверей и нанося удары с обеих сторон. Потери с обеих сторон постепенно росли. Светало.

– Они хотят прорубить стены, – сказал Эльфстан.

– Пусть, – ответил Сибба. – Им еще придется лезть внутрь. Это не так-то просто, пока у нас хватает людей прикрывать дыры.

Тем временем снаружи белокурый юнец свирепо взирал на окровавленного, обессиленного мерсийца. Альфгар прибыл вместе с отрядом полюбоваться на разгром воинов Пути. Доволен он не был.

– Проломиться не можете? – орал он. – Одолеть горстку рабов?

– Эта горстка рабов перебила немало опытных воинов. Восемь мертвы, десять ранены, и все тяжело. Я собираюсь сделать то, что следовало с самого начала.

Повернувшись к своим людям, мерсиец махнул рукой, веля бежать к неповрежденной стене со стороны щипца. Те поволокли за собой плетень. Его приставили и растоптали, превратив в кучу хвороста. Чиркнуло огниво, посыпались искры. Пламя взметнулось вверх.

– Мне нужны пленные, – сказал Альфгар.

– Может, и возьмем, – ответил мерсиец. – Теперь им придется выползти.

Когда в продувавшийся сквозняками зал начал просачиваться дым, Сибба и Эльфстан переглянулись. Уже изрядно рассвело, и им было видно друг друга.

– Если выйдешь, то можешь и уцелеть, – проговорил Сибба. – Тебя отдадут твоему королю. Ты же тан все-таки...

– Я сильно сомневаюсь, что у меня есть шансы.

– Что будем делать?

– Ждать, пока дышится. А когда дым загустеет вконец, выскочим, – может, в суматохе кто-нибудь и сбежит.

Дым и правда сгустился; за ним появились красные отсветы пламени, пожиравшего дерево. Эльфстан собрался оттащить раненого, но Сибба махнул ему, чтобы не трогал.

– Лучше задохнуться в дыму, чем сгореть заживо, – сказал он.

Один за другим, не в силах больше терпеть, алебардчики выбрались наружу и побежали по ветру, надеясь одолеть хотя бы несколько ярдов под дымовым прикрытием. Враги ликующе бросились наперерез, заставляя вольноотпущенников драться; иные набросились сзади с кинжалами и мечами, раздосадованные ночными потерями и горя желанием отомстить. Меньше всех повезло Сиббе, который выскочил последним. Два мерсийца успели сообразить, куда направится жертва, и натянули поперек тропинки веревку. Не успел он подняться или выхватить короткий нож, как его приперли коленом к земле, а крепкие руки прижали запястья.

Эльфстан, оставшийся в доме один, медленно выступил вперед. В отличие от других, он не бросился наутек под прикрытием дыма, а сделал три больших шага с воздетым щитом и обнаженным мечом. Мерсийцы, вбегавшие в дом, замешкались. Наконец-то они увидели себе подобного. Сервы и арендаторы Эльфстана следили с безопасного расстояния за своим господином, шагнувшим навстречу смерти.

Эльфстан издал рык, подзывая мерсийцев. Один отделился от группы и шагнул к нему, размахивая щитом и норовя ударить железным умбоном. Эльфстан, имевший многолетний опыт подобных дел, ловко отбил атаку собственным щитом и метнулся поочередно в обе стороны, выискивая изъяны в хватке, стойке и технике врага. Мрачный танец мечников, к которому танов готовили с малых лет, длился несколько минут. Затем мерсиец почувствовал, что уэссекский тан устал. Едва Эльфстан опустил щит, противник сделал ложный рубящий удар снизу и перевел его в неожиданный короткий выпад. Клинок вонзился ниже уха. Слабея и падая, Эльфстан нанес последний удар. Мерсиец пошатнулся и неверяще уставился на кровь, которая хлестнула из перерубленной бедренной артерии. Он тоже рухнул, отчаянно пытаясь зажать рану руками.

Жители Стэнфорд-ин-зе-Вейла дружно застонали. Эльфстан был суровым хозяином, и многие рабы испытали на себе тяжесть его кулака, а вольные – гнет его богатства. Но он был соседом. Он сражался с захватчиками.

– Славная смерть, – изрек со знанием дела мерсийский командир. – Он проиграл, но и своего убийцу, похоже, уволок на тот свет.

Альфгар издал возглас крайней досады и отвращения. За его спиной рабы прокатили отцовский походный экипаж. Сквозь брешь в частоколе показалась и повозка с чернорясым

духовенством. В середине покачивалась, сверкала в лучах восходящего солнца позолоченная епископская патерица.

– По крайней мере, мы хоть кого-то взяли в плен, – сказал Альфгар.

* * *

– Двоих? – переспросил епископ Даниил, не веря ушам. – Вы убили девятерых и схватили двоих?

Никто не удосужился ему ответить.

– Нам нужно извлечь из этого наибольшую пользу, – сказал сыну Вульфгар. – Как поступишь с ними? Ты что-то говорил о наглядном примере.

Перед ними стояло двое вольноотпущенников, каждого держали два воина. Даниил шагнул вперед, схватился за шнурок, видневшийся на шее у пленника, и рванул. Он изучил предмет, который остался у него в руке, и сделал то же самое со вторым. Серебряный молот Тора и серебряный меч Тири. Даниил сунул их в кошель. «Отдам архиепископу, – подумал он. – Впрочем, нет. Кеолнот как флюгер, слишком ненадежен, ничем не лучше Вульфхера Йоркского».

Добыча отправится к папе Николаю. Авось при виде серебра тот сообразит, что английская Церковь больше не может позволить себе слабых архиепископов.

– Я поклялся выжечь заразу, – сказал Даниил. – И быть посему.

* * *

Через час илиец Вилфи стоял привязанный к столбу и со спутанными ногами, чтобы не брыкался. Хворост занялся весело, пламя лизнуло шерстяные штаны. Когда огонь коснулся кожи, Вилфи стал извиваться, но без толку, путы держали крепко, и он лишь в муке хватал воздух ртом. Мерсийские воины глазели на него, желая узнать, как вытерпит боль человек, родившийся в рабстве. Селяне наблюдали скорее со страхом. Многие уже видели казни, но даже самых злостных преступников, грабителей и убийц ждала простая петля. Медленное и жестокое умерщвление не числилось в обычаях англичан. Зато оно поощрялось Церковью.

– Дымом дыши! – вдруг крикнул Сибба. – Дыши дымом!

Вилфи сквозь боль услышал, пригнул голову и сделал несколько сильных вдохов. Мучители не решились подойти, и он повалился вперед в своих путах. Уже лишаясь чувств, на миг выпрямился и посмотрел в небо.

– Тир! – воззвал Вилфи. – Тир, помоги мне!

Дым окутал его как бы в ответ. Когда он рассеялся, Вилфи уже обмяк. Толпа зароптала.

– Хорош же пример, – бросил Вульфгар епископу. – Почему не спросишь у меня? Я объясню, как надо.

Когда ко второму столбу поволокли Сиббу, люди бросились по приказу Вульфгара в ближайший дом и вскоре вернулись, катя перед собой пивную бочку – вещь, которая имела даже в самом захудалом хозяйстве. Они выбили днище, потом другое, и получился короткий прочный цилиндр. Владелец бочки молча усталился на свой летний эль, который хлынул в грязь.

– Я поразмыслил об этом, – сообщил Вульфгар. – А чем мне еще заниматься? Вам нужна тыга, как в печной трубе.

Бледного, сверкавшего глазами Сиббу привязали к столбу рядом с тем, у которого умер его товарищ. Когда пленника плотно обложили хворостом, к нему подступил Даниил.

– Отрекись от богов языческих, – предложил он. – Вернись ко Христу. Я лично исповедую тебя, отпущу грехи, и ты будешь милосердно заколот перед сожжением.

Сибба помотал головой.

– Отступник! – возопил епископ. – То, что ты испытываешь сейчас, будет только началом вечного горения! Помни об этом! – Он повернулся и погрозил селянам кулаком. – Вам всем предстоит вечно страдать от казней огненных! Ибо геенна уготована каждому, кто не во Христе! Не во Христе и не в Церкви, которая владеет ключами от рая и ада!

По приказу Вульфгара бочку надели на столб и продвинули вниз, обездвигив Сиббу. Затем высекли искры, подпалили хворост, раздули пламя. Его языки взметнулись, выжигая воздух, и свирепо набросились на туловище и лицо вольноотпущенника. Через несколько мгновений раздались вопли. Сибба кричал с каждой минутой все громче. По лицу человеческого обрубка, взиравшего из стоячего короба, расплзалась улыбка.

– Он что-то говорит! – встрепнулся Даниил. – Хочет покаяться. Затушите огонь! Оттащите хворост!

Палачи взялись за грабли и кое-как отгребли сучья. Осторожно приблизившись, они обмотали руки тряпьем и сняли со столба дымящуюся бочку.

Под ней оказалась обугленная плоть; между обожженными губами на почерневшем лице белели зубы. Пламя высушило глазные яблоки Сиббы и глубоко проникло в легкие – он корчился, пытаясь сделать вдох, и все еще пребывал в сознании.

Он поднял лицо навстречу епископу, сообразив вопреки слепоте, что вновь очутился на открытом воздухе.

– Кайся же! – вскричал Даниил, чтобы слышали все. – Подай мне знак, любой, и я осеню тебя крестным знаменем и отошлю твою душу без боли дожидаться Судного дня.

Он склонил голову в митре, чтобы различить слово, которое исторгнут сожженные уста.

Сибба дважды кашлянул и выхаркнул слизистую оболочку гортани епископу в лицо.

Даниил отпрянул, с отвращением стирая с расшитой сутаны черную грязь и произвольно содрогаясь.

– Наденьте бочонок! – воскликнул он. – Разведите костер. – Епископ сорвался на крик: – И пусть он призывает своих языческих богов, пока его не приберет дьявол!

Но Сибба больше не издал ни звука. Пока бесновался епископ, а Вульфгар с ухмылкой наблюдал за его истерикой; пока воины подводили огонь к телам, чтобы не рыть могилу, от толпы незаметно для всех, кроме безмолвных соседей, отделились двое, стоявшие сзади. Один был сыном сестры Эльфстана. На глазах у другого разрушили его дом, хотя сам он не участвовал в битве. Слух, прошедший по шайре, подсказал обоим, куда доставить известие о случившемся.

Глава 4

Лицо Шефа не дрогнуло ни на миг, пока гонец, шатавшийся от усталости после долгой езды, выкладывал ему новости: мерсийская армия вступила в Уэссекс, и никто не ведает, куда подевался король Альфред. Эмиссаров Пути беспощадно травили повсюду, где заставали. Церковь объявила анафему королю Альфреду и всем потворствующим Пути, лишила их любых прав, запретила оказывать помощь и привечать.

И всюду сожжения – или же, по приказу епископа Уинчестерского, распятия, если при казни не присутствует жуткий живой труп по имени Вульфгар. Схватили многих и многих: катапультистов и прочих помощников, ветеранов сражения с Иваром. Список все читался, ему не было видно конца, и Торвин потрясенно стонал, пусть даже схваченные и умерщвленные происходили из чужого народа, были чужой крови и только считанные недели назад перешли в его веру. Шеф же восседал на своем походном стуле, поглаживая большим пальцем свирепые лики на оселке.

«Он знал, – подумал Бранд, следя за Шефом и вспоминая вето, которое тот вдруг наложил на рьяное желание Торвина проповедовать самому. – Он знал: случится это или что-то

подобное. Получается, он послал на заведомые муки и смерть своих соплеменников, англичан, которых сам же и поднял из грязи. В точности так же он поступил и с родным отцом. Я должен доподлинно знать, что он никогда не посмотрит на меня в той же задумчивой, оценивающей манере. Если я не понимал раньше, что он сын Одина, то понимаю теперь. И тем не менее не поступи он так, я бы оплакивал сейчас гибель Торвина, а не толпы нищих керлов».

Но вот запас ужасных новостей иссяк, и гонец умолк. Велев ему отъедаться и отдохнуть, Шеф повернулся к своим доверенным советникам, которые расселись вокруг в залитом солнцем верхнем зале: Торвину и Бранду, ясновидцу Фарману и бывшему священнику Бонифацию, всегда державшему наготове бумагу и чернила.

– Вы слышали новости, – произнес он. – Что будем делать?

– А есть какие-то сомнения? – спросил Торвин. – Нас призвал союзник. А ныне Церковь грабит его и лишает прав. Мы должны немедленно выступить на помощь.

– Этого мало, – добавил Фарман. – Сейчас самое подходящее время закрепить перемены. У нас есть королевство, которое разделилось в себе. Подлинный король – хоть он и христианин – выступает за нас, за Путь. Часто ли бывало, чтобы христиане распространяли свою благую весть через обращение короля, который впоследствии обращал свой народ? С нами будут не только рабы, но и фримены, и половина танов. Сейчас мы сможем обуздать христиан не только в Норфолке, но и в большом королевстве.

Шеф насутился:

– А ты что скажешь, Бранд?

Тот повел могучими плечами:

– Мы обязаны отомстить за товарищей. Среди нас нет христиан – кроме тебя, святой отец. Но остальные не христиане, они не простят врагов. Я за поход.

– Но я здесь ярл. Решать мне.

Головы медленно склонились в знак согласия.

– Я думаю вот что. Послав миссионеров, мы разворошили осиное гнездо. И теперь нас жалят. Мы должны были это предвидеть.

«Ты-то предвидел», – подумал Бранд.

– А другое гнездо я разворошил, когда забрал церковные земли. За это нас пока не ужалили, но я жду. Предвижу. И вот мое слово: до того как ударить, мы должны увидеть, где находятся наши враги. Пусть они сами придут к нам.

– А наши товарищи будут лежать неотомщенными? – проворчал Бранд.

– Мы упустим случай создать королевство Пути! – воскликнул Фарман.

– А как быть с Альфредом, твоим союзником? – спросил Торвин.

Шеф решил взять собеседников измором. Повторил свои доводы. Возразил по всем статьям. И убедил в конце концов выждать неделю до прихода очередных новостей.

– Я лишь надеюсь, – сказал в завершение Бранд, – что сладкая жизнь не размягчила тебя. Не ослабила всех нас. Лучше бы ты побольше был с войском и поменьше – с ослами в твоём судебном присутствии.

«По крайней мере, это хороший совет», – подумал Шеф.

Желая разрядить обстановку, он повернулся к отцу Бонифацию, который не участвовал в споре и ждал лишь распоряжения записать итог или оформить приказы.

– Святой отец, а не послал бы ты за вином? У нас пересохло в горле. Давайте помянем наших товарищей чем-нибудь получше эля.

Священник, так и носивший черную рясу, остановился по пути к двери:

– Нет у нас вина, лорд ярл. Ждали груз с Рейна, да тот не пришел. Уже четыре недели, как с юга не идут корабли, даже из Лондона. Я лучше откупорю бочонок отменнейшей медовухи. Может быть, ветер не попутный?

Бранд молча встал из-за стола, протопал к распахнутому окну и всмотрелся в облачный горизонт. «Чепуха! – подумал он. – В такую погоду я бы и в матушкином корыте проплыл от устья Рейна до Яра. Ветер ему не тот! Что-то неладно, но дело не в ветре».

* * *

На рассвете того же дня моряки с сотни застрявших торговых судов – одномачтовиков с палубой на половину длины корпуса, пузатых когов и французских, английских и фризских ладей – уныло откинули одеяла и уставились в небо над дюнкеркским портом, как делали уже больше месяца. Взглянуть, хороша ли погода. Понять, соизволят ли их хозяева тронуться в путь.

Они узрели зарево на востоке, которое уже осветило густые леса и европейские хутора, заставы и реки, дворцы-шлоссы и замки-кастели и земляные валы. Встававшее солнце озарило весь континент, где повсюду собирались войска, съезжались телеги с провиантом, а ординарцы вели запасных лошадей.

Когда свет упал на Английский канал – хотя в тогдашние времена его еще называли Франкским морем, – луч солнца коснулся высокого вымпела на каменном донжоне деревянного форта, охранявшего дюнкеркский порт. Начальник стражи увидел и кивнул. Трубач облизнул губы, прижал к ним мундштук металлического горна и вывел звучную трель. Ему немедленно ответили со стен, и обитатели крепости очнулись ото сна. Снаружи, в лагере, порту и вдоль дорог, которые уходили в поля, зашевелились воины. Они проверили снаряжение и, как запертые в гавани моряки, начали день с привычной мысли: отдаст ли приказ к выступлению их господин? Решится ли вторгнуться в Англию король Карл со своими конными рекрутами и теми войсками, что послали ему, убоявшись папы римского, набожные братья с племянниками?

А шкиперы в гавани глядели то на флюгеры, то на восточный и западный горизонты. Владелец кога под названием «Dieu Aide»⁴⁶, предназначенного не только для короля, но и для архиепископа Йоркского с самим папским легатом, пихнул локтем старшего помощника и указал на флаг, который ровно подрагивал на мачте. Оба знали, что через четыре часа начнется прилив. Их на какое-то время подхватит течение, а ветер дует в правую скулу и не стихает.

Успеет ли собраться и погрузиться пехота? Никто не хотел загадывать. Будь что будет. Но случая удобнее не представится, если только французский король Карл, по прозвищу Лысый, и впрямь вознамерился подчиниться указаниям его духовного повелителя папы, и объединить былые владения своего деда Карла Великого, и ради священной цели разорить богатую Англию.

Пока они наблюдали за флагом, в полумиле донжон опять огласился трубным гласом. Играли не зорю, а что-то другое. Затем юго-западный ветер донес приглушенный ликующий рев. Воины приветствовали решение. Не тратя слов, капитан «Dieu Aide» указал на подъемные стрелы и льняные стропы, топнул по крышкам трюмных люков. Открыть! Стрелы в сторону! Они понадобятся для лошадей. Для дестриэ – боевых скакунов Франкии!

* * *

Тот же ветер на той же заре задул навстречу сорока драккарам, которые двинулись вдоль английского побережья из Хамбера. Он бил чуть не в зубы драконам, не позволяя поднять паруса. Ивару Рагнарссону, стоявшему на носу первой ладьи, не было до этого дела. Его гребцы

⁴⁶ «Бог в помощь» (фр.).

усердно работали веслами и могли продержаться так восемь часов, если понадобится. Они дружно ухали, погружая лопасти в волны, и выносили их плашмя с легкостью, которая дается многолетним трудом; затем, перебрасываясь словечком, окунали снова.

Избыточная нагрузка пришлось только на первую шестерку ладей. В каждой из них возле мачты было складировано полторы тонны мертвого груза: онагры Эркенберта – все, что успели изготовить в Минстере за выделенные Иваром недели. Тяжесть машин повергла Бескостного в неопишумую ярость, и он потребовал сделать их легче. Архидиакон-бенедиктинец ответил, что это невозможно: такими они были изображены у Вегеция. Более убедительным доводом стало то, что облегченные модели развалились бы после первых десяти выстрелов. Известно, что дикие ослы, в честь которых названы эти машины, лягаются; аналог этого действия – удар метательного плеча о поперечную балку. Без балки же камень не запустить с такой удивительной силой и скоростью, а если сделать перекладину легче, то она переломится даже с подложенным тюфяком.

Раздумья Ивара были пресечены звуками за спиной: кого-то бурно рвало. При каждом онагре состоял десяток рабов из Минстера, которыми командовал сам Эркенберт – вопреки своей воле и крайне раздосадованный тем, что его отлучили от ученых занятий в монастырской библиотеке. И вот один увалень не вынес изнурительной качки в Северном море и свесился за борт. Его выворачивало наизнанку. Он, разумеется, встал неудачно, и скудное содержимое его желудка летело на ближайших гребцов, которые осыпали его проклятиями и сбивались с ритма.

Ивар шагнул к нему, чтобы покончить с безобразием, и уже взялся за нож для потрошения туш, но опередил Хамаль – тот самый конюх, который спас его в проигранном сражении при Марче. Он схватил раба за загривок и дважды с силой ударил по голове, затем швырнул через банку к подветренному борту, чтобы спокойно проблевался там.

– Спустим с него вечером шкуру, – сказал Хамаль.

Ивар вперил в конюха немигающий взор, отлично поняв его поступок. Он решил отложить расправу, вернулся на нос и снова погрузился в размышления.

Хамаль перехватил взгляд одного из гребцов и жестом изобразил, будто вытер со лба пот. Ивар теперь убивал в среднем по человеку в день, главным образом никчемных рабов из Минстера. Если так пойдет дальше, к тому моменту, когда они сойдутся с врагом, обслуживать машины станет некому. Никто не знал, кто окажется следующей жертвой Ивара. Иногда его удавалось отвлечь соразмерным зверством.

«Пошли же нам, Тор, поскорее врагов, – подумал Хамаль. – Единственное, что охладит пыл Ивара, – это яйца и голова человека, который его победил, – Скьефа Сигвардссона. Иначе он перебьет все свое окружение. Вот почему братья отправили его одного. Со мной в роли няньки и приемным отцом Змеиного Глаза – для отчетов».

«Если враг не появится в ближайшее время, смоюсь при первом удобном случае, – решил Хамаль. – Ивар обязан мне жизнью. Но он слишком безумен, чтобы платить по счетам. И все же что-то подсказывает мне: если он толково направит свою ярость, здесь, в южных королевствах, давно созревших для жатвы, можно сказочно разбогатеть».

* * *

– Зараза, – ругнулся Озви, когда-то бывший рабом в илийской обители Святой Этельберты, а ныне возглавлявший расчет катапультистов в армии Норфолка и Пути.

Остальные согласно кивнули, задумчиво глядя на свое обожаемое, но не вполне надежное орудие. Это была одна из натяжных катапульта, колесная крутопульта. Она являлась предметом невероятной гордости всего расчета. Неделями раньше ей дали имя «Выкоси поле» и неоднократно отполировали все деревянные части. Но все-таки этой штуки побаивались.

– Можно считать повороты зубчаток, – предложил Озви. – Тогда она не натянется слишком туго.

– А я прикладываюсь к веревкам ухом и слушаю, пока не запоют, как арфовы струны, – подхватил его товарищ.

– Но она все равно сломается, когда не ждешь, так всегда бывает. И пару наших угробит. Десяток голов мрачно кивнул.

– Нам нужно дерево покрепче, – сказал Озви. – Для рычагов. С ними-то как раз беда.

– Может, веревкой обмотать?

– Нет, это будет не накрепко.

– Дома я был кузнецом, – нерешительно встрял самый что ни на есть новичок. – Если поставить железные скобы...

– Нет, эти брусья немного сгибаются, – уверенно возразил Озви. – Так нужно. Железо будет мешать.

– Это смотря какое железо. Если нагреть еще и еще да правильно отбить, то железо превратится, как называл мой хозяин, в сталь. А сталь-то как раз и гнется чуток, но она не мягкая, как дрянное железо, а будто пружинит. И если вставить в рычаги по такой полоске, она будет гнуться вместе с деревом и не даст рычагу разлететься, когда дерево треснет.

Все замолчали, обдумывая услышанное.

– А как насчет ярла? – спросил кто-то.

– Да, как насчет ярла? – подхватил другой голос за их полукругом.

Шеф, по совету Бранда обходивший лагерь, обратил внимание на группу увлеченных людей и незаметно подкрался, чтобы послушать их речи.

Ужас и паника. Катапультисты быстро перестроились так, чтобы новенький остался в середине и встретил непредсказуемое лицом к лицу.

– Гм... есть у нас такой Удд, ему пришла в голову мысль, – доложил Озви, снимая с себя ответственность.

– Так давайте послушаем.

Новичок принялся расписывать выделку мягкой стали – сначала с запинкой, но затем увлекся и набрался уверенности. Шеф молча изучал его. Ничтожный мозгляк, который был даже мельче остальных, со слабыми глазами и сутулый. Любой из викингов Бранда мгновенно отказался бы от такого, посчитав его бесполезным для войска и недостойным прокорма даже на чистке отхожих мест. Но он что-то знал. Было ли его знание новым? Или же старым – о вещах, давно известных многим кузнецам, которые занимались ими в подходящих условиях, но могли передать свой опыт лишь подмастерьям?

– Значит, эта сталь гнется, – сказал Шеф. – И распрямляется? Не как мой меч, а выкованная из цельного куска? И вся целиком пружинит?

Он вынул из ножен прекрасный балтийский меч, подарок Бранда. Тот был похож на его собственное самодельное оружие из мягкого железа и прочной стали, которое давным-давно кануло в неизвестность.

Человечек по имени Удд уверенно кивнул.

– Ладно. – Шеф немного подумал. – Озви, скажи начальнику лагеря, что твоя команда освобождается от всех работ. Удд, пойдешь с утра в кузницу Торвина. Возьми людей, сколько тебе понадобится, и начинай ковать свои пластины. Забей пару первых в «Выкоси поле» и посмотри, помогут ли. Если да, поставишь и на остальные машины. И вот еще что, Удд. Я хочу взглянуть на твой новый металл. Сделай несколько пластин отдельно, для меня.

Шеф пошел прочь под звуки рогов, велящих тушить костры и выставлять ночные дозоры. «Что-то в этом есть, – думал он. – Что-то полезное».

А он нуждался в каком-нибудь новшестве, ибо, несмотря на возродившуюся уверенность Торвина и его друзей, знал, что их уничтожат, если они будут попросту повторять то, что

уже делали раньше. Враг учится на своих ошибках. А враги у Пути повсюду, на юге и севере, в Церкви и среди язычников. Епископ Даниил. Ивар. Вульфгар и Альфгар. Король Бургред. Они не будут сидеть сложа руки и дожидаться нового поражения.

Он не знал, что это будет за новшество, но понимал: оно должно быть непредсказуемым. Непредсказуемость ответа играет решающую роль.

* * *

На сей раз сон принес чуть ли не облегчение. Шеф испытывал множество трудностей и был связан ими по рукам и ногам. Он не видел просвета. Он был бы рад содействию высшей силы. Он не думал, что его направляет Один в обличье Бельверка, злодея, как бы ни уговаривал Торвин принять амулет-копье, которое считалось знаком Одина. Но кто еще стал бы помогать Шефу? Тот подумал, что носил бы амулет Одина, если бы знал наверняка.

* * *

В своем сновидении он вдруг обнаружил, что смотрит с невероятной высоты на огромную доску, которая проступила четко, когда прояснился взор. На шахматную доску с фигурами. А игроками были могучие существа, которых он уже видел: здесь боги Асгарда играли, по словам Торвина, в шахматы на своей священной доске с золотыми и серебряными клетками.

Вот только игроков было не двое, а больше. Вокруг доски собрались такие исполины, что Шеф не мог охватить их взглядом сразу всех и словно взирал на горный кряж, но одного игрока все же видел. Это не был Тор – раскрасневшийся великан, похожий на Бранда и знакомый по прошлым странствиям; это не был и Один с лезвием топора вместо лица и голосом, похожим на треск при разломе ледника. Этот был тщедушнее и шустрее, с неправильно посаженными глазами. Он сделал ход, и на его лице отразилось великое торжество. Возможно, это был Локи Пройдоха. Локи, чей костер всегда горел в священном круге, но чьи последователи были неизвестны.

Нет, решил Шеф. Может быть, этот бог и коварен, но он не похож на Локи. Как и на Ивара. Когда зрение обострилось, Шеф сообразил, что уже встречался с этим богом. Это тот самый бог, который смотрел на него, как будто выбирал жеребца. И выражение лица тоже выдавало владельца неизменно веселого голоса, которым дважды предупредили Шефа. «Мой хранитель, – подумал Шеф. – Я не знаю имени этого бога. И каковы его атрибуты, чего он хочет? Какой у него знак?»

Внезапно Шеф понял, что перед ним не доска, а карта. Не маппамунди, карта мира, но карта Англии. Он напряженно подался вперед, чтобы всмотреться, теперь уверенный вполне, что боги знают местонахождение и намерения его недругов. Одновременно Шеф осознал, что сам он обретается на каминной полке, как мышь в королевских покоях. И в точности как мышь, он видел, но не постигал. Великаны переставляли фигуры и смеялись громовым смехом, а он не усматривал в этом никакого смысла. И все-таки не сомневался: он доставлен сюда, чтобы увидеть и понять.

Ликующее лицо повернулось к нему. Шеф оцепенел, не зная, отпрянуть или застыть. Но обладатель лица ведал о его присутствии. Игрок приподнял фигуру повыше, чтобы соглядатай рассмотрел; другие боги остались занятыми игрой.

Шеф понял, что это та самая фигура, которую ему придется взять.

Что там такое? Он наконец различил: королева. Ферзь. С лицом...

Неизвестное божество глянуло вниз и махнуло рукой, отпуская. Шеф, будто захваченный смерчем, унесся прочь – назад к своему лагерю, ложу и одеялам. Упав же навзничь, он моментально понял, чье было у королевы лицо.

* * *

Шеф резко сел, задыхаясь. «Годива, – подумал он медленно, с колотящимся сердцем. – Должно быть, это видение послано моим собственным желанием. Как может девушка повлиять на расстановку сил?»

За покоем Шефа царил кавардак. Били копытами лошади, приближался топот сапог, летели крики его лучников-танов. Надев котту, Шеф заблаговременно распахнул дверь.

Перед ним выросла знакомая фигура. Молодой Альфред – по-прежнему увенчанный золотым обручем; с таким же, как раньше, свежим лицом и полный деятельного пыла, но с необычно мрачным взглядом.

– Я отдал тебе этот шайр, – заявил он без предисловий. – Теперь мне кажется, что надо было вверить его твоему недругу Альфгару. Альфгару и его калеке-отцу. Ибо эти двое с епископами-предателями и моим зятем, королем Бургредом, выжили меня из моего королевства!

На лице Альфреда вдруг появились усталость и отчаяние.

– Я пришел как проситель. Меня вытеснили из Уэссекса, и мне некогда созывать верных танов. Мерсийская армия наступает на пятки. Я спас тебя. А ты меня спасешь?

Собираясь с мыслями для ответа, Шеф снова услышал топот, донесшийся из-за кольца факелов. Гонец был слишком взбудоражен, чтобы думать об этикете. Он появился в дверях и при виде Шефа сразу выложил тревожные новости:

– Маяки, лорд ярл! Маяки сигналият, что приближается флот! Не меньше сорока кораблей. Дозорные говорят, что это может быть только Ивар!

Лицо короля Альфреда исказилось от ужаса, и Шеф ощутил непривычный внутренний холод. Надо было решать.

С одной стороны Альфгар, с другой – Ивар. «Что у них общего? Я увел женщину у одного. Другой отнял ту же женщину у меня. По крайней мере, теперь я уверен, что этот сон послан мне богом, кем бы он ни был. Годива – главная в этой истории. Кто-то подсказывает ей воспользоваться».

Глава 5

Еще только сделавшись ярлом, Шеф открыл, что новости, какими бы ни казались на первый взгляд, не бывают ни полностью светлыми, ни целиком скверными. И это правило вновь подтвердилось. Маяки служили добрым подспорьем, сигнализируя об опасности, о продвижении врага и даже, если постараться, о его численности. Правда, они умалчивали о расстоянии. Цепочка маяков брала начало в далеком Линкольншире. Это могло означать только одно: Ивар – если это Ивар – вышел из Хамбера против убийственного ветра, на что не замедлил указать Бранд. Викинги плыли дня три, а то и дольше.

Что же касалось короля Бургреда с Альфгаром и Вульфгаром в поводу, то Альфред не сомневался в его намерении полностью уничтожить страну Пути – не больше и не меньше, – а всю остальную Англию к югу от Хамбера подчинить себе и епископам. Но Альфред был юн и мчался во весь опор, а сопровождал его лишь один телохранитель. Бургред же славился пышностью станového убранства, которое перевозили при помощи многих воловьих упряжек. Для него путь в сорок миль занимал четыре дня.

Враги могли ударить крепко, но не внезапно.

В любом случае разницы не было бы никакой. Занимаясь делами срочными, Шеф думал лишь о том, что должен совершить, и о тех людях, к которым он мог обратиться за помощью. Ответ был только один. Едва Шеф избавился от членов совета, разослав их со всевозможными

заданиями, он проскользнул в ворота своего бурга, отказал обеспокоенным стражам, которые пожелали сопровождать его, и как мог скрытно двинулся по шумным улочкам.

Хунд, как он и рассчитывал, был занят в своей палатке – пользовал женщину, чей очевидный ужас при виде ярла изобличил ее беспокойную совесть: она была либо ведьмой, либо гулящей. Хунд обходился с ней почтительно, как с тановой женой. И только когда она ушла, лекарь сел рядом с другом, храня, как обычно, молчание.

– Однажды мы уже спасли Годиву, – произнес Шеф. – Я собираюсь сделать это снова. Кроме тебя, довериться некому. Поможешь?

Замявшись, Хунд кивнул:

– Шеф, я помогу тебе всегда, только скажи. Но мне придется спросить: почему сейчас? Ты мог вызволить Годиву когда угодно, мы несколько месяцев прожили без особых забот.

Шеф вновь холодно задал себе вопрос, насколько он свободен в своих откровениях. Он уже знал, зачем ему понадобилась Годива: в качестве наживки. Ничто не разъярит Альфгара сильнее, чем весть о том, что Шеф выкрал ее. Если же Шеф преподнесет это как оскорбление со стороны идущих Путем, то втянутся и союзники Альфгара. Он хотел, чтобы враги погнались за Годивой и попались, как огромная рыба, прямо к Ивару на крючок. Ведь и Ивар взбеленится, когда ему напомнят о женщине, которой он лишился, и мужчине, который ее увел.

Но Шеф не отважился признаться в этом даже Хунду, своему другу детства. Ведь Хунд дружил и с Годивой.

Шеф изобразил тревогу и замешательство.

– Ты прав, – ответил он, – надо было заняться этим раньше. Но именно сейчас я вдруг испугался за нее.

Хунд пристально посмотрел на товарища.

– Ладно, – сказал он. – Осмелюсь предположить, что у тебя есть веская причина поступать так, а не иначе. Как же мы это сделаем?

– Я выйду, когда стемнеет. Встретимся на том месте, где испытывали катапульты. А днем собери полдюжины человек. Но учти: они не должны быть норманнами. Возьми англичан, вольноотпущенников. И пусть они выглядят как вольноотпущенники, понимаешь? Вроде тебя. – Шеф имел в виду людей малорослых и недокормленных. – Вели им взять коней и продовольствия на неделю, но одеться похуже – не в ту одежду, которую мы им выдали. И есть еще одно дело, Хунд, для которого ты мне и понадобился. Меня, одноглазого, слишком легко узнать. – Шеф не добавил: «Такого, каким меня сделал ты». – Когда мы отправились в лагерь Рагнарссонов, это было не важно. Теперь же, если я сунусь к единоутробному брату и отчиму, мне понадобится маскировка. Слушай, что я решил...

Шеф изложил свой замысел. Хунд время от времени встревал с замечаниями и советами. Наконец маленький лекарь медленно спрятал яблоко Идун и оправил котту так, чтобы амулета не было видно.

– Мы справимся, если боги помогут, – произнес он. – Ты подумал, какие пойдут разговоры о твоём исчезновении, когда проснется лагерь?

«Люди решат, что я бросил их на произвол судьбы, – понял Шеф. – Оставлю письмо – пусть считают, что я ушел ради женщины. Но это не будет чистой правдой».

Он ощутил за поясом тяжесть оселка старого короля.

«Удивительно, – подумал Шеф. – Когда я шел в лагерь Ивара, моей единственной мыслью было спасти Годиву, забрать ее с собой и зажечь припеваючи. Сейчас я собираюсь сделать то же самое. Но на сей раз... на сей раз я делаю это не ради нее. И даже не ради себя. Я делаю это, потому что так надо. Вот в чем ответ. А мы с ней только части ответа.

Мы похожи на маленькие шестерни, которые натягивают тетиву катапульты. Они не могут сказать, что больше не желают вращаться, – не можем и мы».

Он вспомнил странную притчу Торвина о мельнице Фроди, девах-великаншах и короле, который не давал им передышки. «Я с радостью позволил бы им отдохнуть, – сказал он себе. – И всем остальным, кто угодил в эти военные жернова. Но я не знаю, как отпустить их на волю. И как самому освободиться, тоже не знаю».

«Свободен я был только трэллом», – подумал Шеф.

* * *

Годива вышла из женских покоев с тыла огромного шатра короля Бургреда и стала крадучись пробираться вдоль длинного строя временно пустовавших столов. Спроси ее кто, она сослалась бы на поручение Альфгара: дескать, иду к королевскому пивовару сказать, чтобы откупорил еще несколько бочонков. В действительности она хотела выбраться из душного женского жилища, пока ее сердце не разорвалось от горя и страха.

Она уже не была прежней красавицей. Знала, что другие женщины судачат об этом, и гадают, что с ней случилось, и злобно радуются упадку фаворитки. Альфгар бил ее с каждой неделей все яростнее, хлестал березовыми розгами по голому телу в кровь. Такие дела не скроешь. Толика звуков просачивалась даже через стены деревянного дворца в Тамворте, стольном городе Бургреда. А в королевских шатрах, где она жила в летние месяцы военной кампании...

Слышали многие, однако никто не спешил на помощь. В часы, следовавшие за поркой, мужчины прятали улыбки, а женщины говорили кротко и умиротворяюще. Все они думали, что так уж устроен мир, но это не мешало им обсуждать неспособность Годивы ублажить супруга.

Никто из них – кроме Вульфгара, которому это сделалось безразлично, – не ведал меры отчаяния и гнева, охватывавших ее всякий раз, когда она думала о грехе, который они с Альфгаром совершали на пару, опускаясь на брачное ложе, – грехе кровосмесительства, неизбежно губившем их души и тела. Никто не знал, что она считала себя и убийцей. Дважды за зиму Годива ощутила жизнь, которая зародилась в ее утробе, но, слава Господу, так и не развилась. Почувствуй она обратное, ей бы хватило сил удалиться в лес, отыскать там собачью ртуть – пролесник многолетний, которым изгоняли плод, – и выпить горькую отраву, уничтожив в себе дитя позора.

Но даже не это иссушило и состарило ее лицо, не это согнуло ей спину и заставило ноги по-старушечьи шаркать. Виной была память о наслаждении, которое ей довелось испытать. Жаркое утро в лесу, листва над головой, теплая кожа в ее руках – ощущение воли и свободы.

Это продлилось час. Воспоминание о нем затмило всю остальную молодость. Каким же чужим показался любимый, когда они встретились вновь! Одноглазый, свирепый, обремененный страданием... В тот миг, когда он вернул ее...

Годива потупилась и чуть не бегом устремилась через расчищенную площадку за шатром, наводненную личной охраной Бургреда, его придворной гвардией и сотней воевод и посыльных мерсийской армии, которая по королевскому приказу вяло наступала на Норфолк. Юбки Годивы прошуршали позади праздной компании, внимавшей слепому менестрелю и его слуге. Она, не вдумываясь особо, узнала балладу о Зигмунде, Победителе Дракона, которую слышала раньше при отцовском дворе.

Шеф наблюдал за ней со странным холодом в груди. То, что она находилась в лагере, с мужем вместе, было хорошо. То, что он стоял в шести футах, а она его не узнала, было и вовсе славно. Плохо же то, что она выглядит измученной и больной. А еще хуже его собственное спокойствие: сердце, вопреки ожиданиям, не сжалось, как случалось всякий раз с того дня, когда он увидел в ней женщину. Шеф чего-то лишился. Не глаза – какой-то частицы души.

Шеф отогнал эти мысли, допел песню, и Хунд, его помощник, выскочил с сумой в руках. Воины, которые пребывали в хорошем расположении духа, начали толкать его по кругу. В суму полетела нехитрая снедь: краюха хлеба, кусок черствого сыра да половина яблока – то немно-

гое, что имелось у них при себе. Такая работа, конечно, никуда не годилась. Разумные гастро-леры дождались бы вечера, явились к господину и попросили разрешения потешить общество. Тогда, может статься, они получили бы приличный ужин и ночлег, а то и скромную сумму денег или завтрак в дорогу.

Но такая бестолковость соответствовала наружности бродячих артистов. Шеф понимал, что нипочем не сошел бы за настоящего менестреля. Он предпочел прикинуться отребьем, порождением войны, какого было полно во всей Англии: младшим сыном в семье, который был искалечен в битве и отвергнут родней и ныне пытается кормиться песнями о воинской славе. Стараниями Хунда его тело превратилось в книгу, понятную для всех с первого взгляда. Сначала друг искусно нарисовал ужасный шрам, который протянулся через все лицо Шефа, – след топора или меча, угодившего поперек глаз. Затем забинтовал этот шрам грязным тряпьем, которым пользовались английские лекари, оставив видными только края раны, как намек на то, что скрывалось под повязкой. После этого Хунд подложил под широкие портки планки и примотал их так, что Шефу стало не согнуть колени; под конец же, сделав страдание неимоверным, приторочил к спине железный прут, дабы исключить всякое свободное движение.

– Ты зазевался, – объяснил он. – Викинг ударил тебя по лицу. Падая вперед, ты заработал по хребту топором или боевым молотом. Теперь у тебя костыли, и только так ты волочишь ноги. Вот что с тобой случилось.

Но никто не удосужился вызнать у Шефа его историю. Для опытного воина все было очевидно. Другой причиной, по которой мерсийцы не стали расспрашивать калеку и его убо-гого подручного, был страх. Каждый воин знал, что и ему грозит подобная участь. Короли и лендлорды содержали иных увечных в знак собственной душевной щедрости или исходя из родственных чувств. Но в целом воюющая страна не могла позволить себе такую роскошь, как милосердие и заботу о сырых и убогих.

Слушатели разошлись по своим делам. Хунд вытряхнул содержимое сумы, передал полови-ну заработка Шефу и присел на корточки рядом. Опустив головы, они принялись за еду. Их голод был неподдельным. Они уже двое суток продвигались к центру лагеря Бургреда, одоле-вая по десять миль в день. Шеф восседал кулем на краденном осле; питались они лишь тем, что удавалось промыслить; спали одетыми в холодной росе.

– Видел ее? – буркнул Шеф.

– Подам ей знак, когда пойдет обратно, – ответил Хунд.

Больше они не сказали ни слова. Понимали, что наступил самый опасный момент.

И вот у Годивы вышло всякое время. Она знала, что у приставленной к ней старухи воз-никнут подозрения и опасения. Альфгар предупредил: если его потаскуха-жена заведет полю-бовника, то он продаст нерадивую надсмотрщицу на невольничьем рынке в Бристоле, где по дешевке отовариваются валлийские вожди.

Годива пошла назад через людный двор. Менестрель и мальчишка еще не ушли. Бедняги. Слепец и недокормок. На таких не польстились бы даже валлийцы. Сколько они протянут? Может быть, до зимы. Глядишь, еще ее переживут.

Менестрель носил бурый нищенский капюшон от мороси, которая превращала пыль в грязь. А может быть, он спрятался от жестоких взглядов, так как закрыл ладонями и лицо. Когда Годива поравнялась с обоими, прислужник подался вперед и бросил что-то ей под ноги. Она машинально нагнулась.

Это было золото. Крошечная золотая арфа – заколка для детского платья. Хоть и малень-кая, она стоила годичного пропитания для двоих. Откуда у бродячего попрошайки такая вещь? К ней была примотана нитка, а на той...

Сноп. Всего несколько колосков, но связанных так, что ошибиться нельзя. И если арфа означала менестреля, то сноп...

Она торопливо повернулась к слепцу. Тот отнял от лица руки с повязкой и вперил в нее взгляд единственного глаза. Затем медленно, сурово мигнул. Вновь уронив лицо в ладони, Шеф тихо, но отчетливо произнес:

– В нужнике. В полночь.

– Но его стерегут, – возразила Годива. – И Альфгар рядом...

Хунд протянул ей суму, как бы прося милостыню, и украдкой сунул в руку пузырек.

– Выльешь в эль, – шепнул он. – Любой, кто выпьет, уснет.

Годива резко отпрянула. Хунд, словно натолкнувшись на отказ, обмяк; менестрель стоял опустив голову, как будто слишком отчаялся, чтобы возвысить взор. Годива увидела в нескольких ярдах старую Польгу, которая ковыляла с упреками наготове. Она отвернулась, превозмогая острое желание броситься к старухе и обнять ее, как юная дева, которая не ведает страха. Но шерстяное платье присохло к ссадинам на ляжках, и она стесненно зашаркала прочь.

* * *

Шеф не думал, что заснет перед самым похищением, но его неодолимо сморило. «Слишком сильно для естественного сна», – с тревогой успел подумать он.

Когда Шеф уснул, заговорил голос. Не тот знакомый и веселый, который был у его неизвестного заступника, а холодный голос Одина – Покровителя Битв, Предателя Воинов; бога, который принимал жертвы, отправленные на Берег Мертвых.

* * *

– Берегись, человечешко, – сказал голос. – Вы с отцом вольны действовать, но не забывайте платить мне дань. Я покажу, что бывает с теми, кто этого не делает.

Шеф обнаружил себя сидящим на самой границе светового круга, спиной к непроглядной тьме. В круге пел арфист. Он выступал перед седьмым старцем с крючковатым носом и суровым, грозным лицом, похожим на лик с оселка. Но Шеф знал, что музыка предназначена женищине, приткнувшейся в ногах у отца. Звучала любовная баллада – песня южных краев о красавице, которая слушала в саду соловья и тосковала по возлюбленному. Лицо старого короля блаженно расслабилось, и веки прикрылись; он воспоминал свою молодость и ту счастливую пору, когда ухаживал за ныне покойной женой. Арфист же, ни разу не сбившись, положил подле юбки женищины рунакефли – рунную палочку, послание от любимого. Шеф знал, что сам он и был ее возлюбленным, а звали его Хеоден. Арфист же был Хеорренда – несравненный певец, направленный его господином выкрасть женищину по имени Хильд у ее ревнивого отца, Хагены Беспощадного.

Другие времена, другая сцена. На берегу выстроились два войска, и беспокойное море катило волны, трепавшие бурые водоросли. Двое вышли навстречу друг другу из сомкнутых рядов. Шеф знал, что на сей раз Хеоден явился предложить выкуп за украденную невесту, чего не сделал бы, не настигни его воины Хагены. Он показал мешки с золотом и драгоценные самоцветы. Но речь стал держать другой человек, старик. Шеф знал, что тот отвергает предложение, ибо он обнажил свой меч Дайнслаф, который выковали гномы; его нельзя убрать в ножны, пока не отнимет жизнь. Старик говорил, что оскорбление слишком велико и смыть его можно только кровью Хеодена.

Шеф ощутил нажим. Что-то давило на него извне. Он должен был досмотреть последнюю сцену. Сквозь рваные тучи светила луна. Поле боя было усеяно трупами – щиты расколоты, сердца пронзены. Хеоден и Хагена упокоились в смертельных объятиях. Но один человек был жив, он двигался. Это была Хильд, лишившаяся и мужа-похитителя, и отца. Она ходила меж трупов и пела песнь – гальдорлеот, которой ее научила нянька-финка. И мертвые

дрогнули. Поднялись на ноги. Уставились друг на дружку в лунном свете. Подобрали оружие и продолжили бой. Хильд взвыла от ярости и досады при виде того, как отец и возлюбленный, не обращая ни малейшего внимания на нее, принялись крошить разломленные щиты. Шеф понял, что этот бой на побережье далекого оркнейского острова Хой продлится до Судного дня. То была Вечная Битва.

* * *

Нажим усиливался, пока Шеф не очнулся в испуге. Хунд давил большим пальцем ему под левое ухо, чтобы разбудить и не надеть при этом шума. Ночь была тиха и нарушалась только ворочанием и храпом сотен воинов, спавших в шатрах и палатках армии Бургреда.

Со своих мест поднялось шестеро вольноотпущенных рабов под началом Квикки, волынщика из Кроуланда. Они бесшумно подошли к телеге, стоявшей в нескольких ярдах, взяли за оглобли и сдвинули ее с места. Несмазанные колеса оглушительно закрипели в ночи, вызвав всеобщее недовольство. Вольноотпущенники оставили его без внимания и упрямо продолжили путь. Шеф следовал в тридцати шагах, уже без планок, но по-прежнему на костылях. Хунд постоял, наблюдая, после чего скользнул прочь в лунном свете, направляясь к границе лагеря и приготовленным лошадям.

Телега скрипела, катя к шатру, и ей наперерез вышел стражник из танов Бургреда. Шеф услышал его грубый окрик и глухой звук, с которым древко копья ударило по плечу какого-то бедолагу. Жалобные возгласы, увещевания. Тан подступил ближе, желая выяснить, чем занимаются эти люди; учуяв же вонь, распространявшуюся от телеги, он отшатнулся, стараясь совладать с тошнотой и разгоняя воздух ладонью. Шеф бросил костыли, прокрался сзади и шагнул в паутину расчалок шатра. Оттуда ему было видно, как тан отгонял свору Квикки, а тот заискивал, но твердо придерживался заученной роли:

– Велено ж вычистить нужники, покуда ночь! Хозяин сказал, что нечего ворочать дерьмо, когда белый день! И чтобы благородных дам не смущать. Мы же не по своей воле, господин хороший, нам бы поспать, да вот приходится исполнять. Хозяин же сказал, что, ежели не сделаем до утра, он с меня шкуру спустит...

Раб канючил весьма убедительно. При этом он продолжал толкать тележку, стараясь, чтобы застарелая вонь людских экскрементов двадцатилетней выдержки ударила тану в ноздри. Тан сдался и ушел, так и маша перед собой рукою.

«Трудненько же будет поэтам сложить об этом сагу», – подумал Шеф. Ни один бард еще не описал героя, подобного Квикке, однако без его помощи ничего бы не вышло. Между рабами, фрименами и воинами существовала разница, она отражалась и на походке, и на речи. Тан ни на миг не усомнился в том, что Квикка – раб на побегушках. Разве вражеский воин может быть таким недомерком?

Отряд достиг женского нужника, который находился в задней части огромного шатра, занявшего четверть акра. Перед ним высился неизменный часовой, один из личных гвардейцев Бургреда – шести футов ростом и в полном боевом снаряжении, от шлема до подбитых сапог. Шеф напряженно следил за ним, хоронясь в тени. Он понимал, что наступил решающий момент. Квикка перекрыл часовому обзор, насколько сумел, но в темноте могло найтись и другое недремлющее око.

Компания золотарей окружила дозорного, смыкаясь вокруг почтительно, но и решительно, дергая его за рукав в попытке объясниться. Сгребая ткань, ловя за руку, утягивая вниз, тогда как худая кисть уже впилась в горло. Молниеносный бросок, сдавленный стон. Затем в лунном свете брызнула черная кровь: это Квикка рассек сосуды с трахеей острейшим ножом и единым ударом довел лезвие до ключицы.

Когда часовой начал падать, шесть пар рук подхватило его и зашвырнуло в телегу. Шеф подоспел и забрал шлем, щит и копье. В следующий миг он уже стоял в лунном луче и нетерпеливо махал телеге, чтобы проезжала. Теперь любому бдительному оку предстала бы обычная картина: вооруженный верзила гонит прочь ватагу малорослых трудяг. Когда отряд Квикки распахнул дверь и плотно обступил вход со всеми своими ведрами и лопатами, Шеф на мгновение стал полностью виден. Затем он шагнул в тень, как бы желая следить за рабами с меньшего расстояния.

В следующий миг он очутился за дверью. И Годива, одетая в рубаху на голое тело, упала к нему в объятия.

– Я не сумела забрать одежду, – прошептала она. – Альфгар запирает ее каждую ночь. И он... он выпил зелье. Но Вульфгар ночует с нами, и эля он не пил, потому что день постный. Он видел, как я ушла. Если не вернусь, поднимет крик.

«Ну и хорошо, – подумал Шеф, который оставался в холодном рассудке, хоть и обнимал теплое тело. – Теперь все, что я задумал, покажется ей естественным. Тем меньше придется объяснять. Может быть, она так и не узнает, что я пришел не за ней».

Позади напирала ватага Квикки, продолжая прикидываться золотарями, которые работают тихо, но не таясь.

– Я иду в опочивальню, – шепнул им Шеф. – Госпожа проведет. Если забьют тревогу, то сразу бегите.

Едва они шагнули в неосвещенный проход между спальнями самых верных придворных Бургреда, где Годива приобрела уверенность человека, ходившего этой дорогой не раз и не два, Шеф уловил голос Квикки.

– Ну что же! Раз уж мы здесь, то почему бы не сделать дело? Что такое несколько ведер дерьма для поденной работы?

Годива задержалась возле опущенного холщового полога и показала на него, шепнув почти беззвучно:

– Вульфгар. Слева. Уже много ночей спит с нами, а я его переворачиваю. Он в своем коробе.

«У меня нет кляпа, – подумал Шеф. – Я понадеялся, что он заснет».

Он молча схватил Годиву за подол и начал стягивать с нее рубаху. Годива с машинальной застенчивостью вцепилась в ткань, но потом уступила и позволила себя раздеть. «Впервые в жизни, – пронеслось в голове у Шефа. – Я и представить не мог, что сделаю это без удовольствия. Но Вульфгар растеряется, если она войдет обнаженной. Я выгадаю лишнее мгновение».

Он толкнул ее в голую спину, уловил болезненную судорогу и ощутил знакомую кровавую корку. Его охватила ярость, он гневался на Альфгара и на себя. Почему же за все эти долгие месяцы он ни разу не подумал о том, что ей приходится терпеть?

Сквозь холстину проникал лунный свет, и было видно, как обнаженная Годива пересекла комнату и подошла к ложу, на котором спал ее муж, упившийся сонным зельем. Слева, из невысокого ящика с подушками, донесся злобный и удивленный возглас. В следующий миг Шеф встал рядом и с высоты заглянул в лицо своего приемного отца. Он уловил в глазах узнавание; увидел, как приоткрылся в ужасе рот. И крепко забил ему в зубы окровавленную материю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.